

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2021

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, д.и.н. А.А. Тишкин, проф. А. Буко (Польша),
докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

акад. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев,
д.и.н. Д.С. Коробов (зам. главного редактора),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов,
к.и.н. О.С. Румянцева (ответственный секретарь), д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон (499)124-34-42

E-mail: ra@iaran.ru

Москва

© Российская академия наук, 2021

© Составление: Редколлегия журнала

“Российская археология”, 2021

Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2021

Посещения Игнatieвской пещеры людьми в позднем палеолите: уточнение и расширение радиоуглеродной хронологии <i>Дублянский Ю.В., Косинцев П.А., Широков В.Н., Шнётль К.</i>	7
Особенная кремнеобрабатывающая мастерская эпохи энеолита на поселении Мартюшевское II (долина Печоры, Республика Коми) <i>Карманов В.Н., Туркина Т.Ю., Гиря Е.Ю.</i>	20
Энеолитический комплекс памятника археологии «Кокшаровский холм — Юрьинское поселение»: начало эпохи энеолита в Зауралье <i>Шорин А.Ф., Шорина А.А.</i>	37
“Загадочные” сидячие захоронения бронзового века в Волго-Уралье <i>Мимоход Р.А.</i>	52
Радиоуглеродная хронология культурных традиций бронзового века Зауралья: по материалам поселения Левобережное (Синташта II) <i>Епимахов А.В., Петров Ф.Н.</i>	67
Расселение и исторические ландшафты на западе Валдая в раннем железном веке и Средневековье <i>Смирнов А.Л., Меньшиков М.Ю., Бобровский М.В., Куприянов Д.А., Клещенко Е.А., Свиркина Н.Г., Тиунов А.В., Добровольская М.В.</i>	80
Структура культурного слоя и хронология Кушманского III селища X–XII вв. в бассейне р. Чепца (по данным новейших исследований) <i>Модин Р.Н., Иванова М.Г., Журбин И.В.</i>	97

К 10-летию экспедиции в Иерихоне

К 10-летию Иерихонской экспедиции Института археологии РАН: работы 2019–2020 гг. <i>Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Максимова А.А.</i>	116
Внутри старой фотографии: находки в Иерихоне на снимках 1880–1890-х годов <i>Голофаст Л.А., Федотов П.В.</i>	130
Арка на участке русских раскопок у храма Воскресения в Иерусалиме и ее реставрация в 1880–1890-е годы <i>Вах К.А.</i>	141
Ирригационные сооружения исламского периода: опыт сравнительного подхода <i>Савельев Н.И.</i>	157

Публикации

Лепная посуда северобактрийского могильника Ксиров <i>Денисов Е.П.</i>	170
Шайтанское озеро II: памятник раннего железного века в горно-лесном Зауралье <i>Борзунов В.А.</i>	180

Критика и библиография

А.А. Чижевский, А.А. Хисияметдинова. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология евразийских степей. № 2. Казань, 2020 <i>Коваль В.Ю.</i>	198
--	-----

Хроника

Международное совещание “Геология палеолита Северной Азии:
к столетию со дня рождения С.М. Цейтлина”

Ключников Т.А., Рейс Е.С. 201

К 70-летию С.В. Кузьминых

Гайдуков П.Г., Орловская Л.Б., Белозерова И.В., Чижевский А.А. 202

Елена Владимировна Переводчикова

Беляев Л.А., Беловинцева Н.И., Габуев Т.А., Канторович А.Р., Мордвинцева В.И., Раевская Т.В. 204

Рауф Магомедович Мунчаев

Амиров Ш.Н., Беляев Л.А., Гайдуков П.Г., Макаров Н.А. 206

CONTENTS

Number 3, 2021

Humans in the Ignatievskaya cave in the Upper Paleolithic: Refining and expanding the radiocarbon chronology <i>Dublyansky Yu.V., Kosintsev P.A., Shirokov V.N., Spötl Ch.</i>	7
The unusual Eneolithic flint workshop at the Martyshevskoye II settlement (the Pechora valley, the Komi Republic) <i>Karmanov V.N., Turkina T.Yu., Girya E.Yu.</i>	20
The unusual complex of the archaeological site “Koksharovskiy Hill – Yuryino settlement”: the beginning of the Eneolithic in the Trans-Urals <i>Shorin A.F., Shorina A.A.</i>	37
“Mysterious” seated burials of the Bronze Age in the Volga-Ural region <i>Mimokhod R.A.</i>	52
Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultural traditions in the Trans-Urals: based on the materials of the Levoberezhnoye (Sintashta II) settlement <i>Epimakhov A.V., Petrov F.N.</i>	67
Settlement and historical landscapes in the west Valdai hills in the Early Iron Age and the Middle Ages <i>Smirnov A.L., Menshikov M.Yu., Bobrovsky M.V., Kupriyanov D.A., Kleshchenko E.A., Svirkina N.G., Tiunov A.V., Dobrovolskaya M.V.</i>	80
Structure of the cultural layer and chronology of the Kushmanskoye III settlement of the 10 th –12 th centuries in the Cheptsya region (based to the latest research) <i>Modin R.N., Ivanova M.G., Zhurbin I.V.</i>	97

To the 10th anniversary of expedition in Jericho

To the 10 th anniversary of the Jericho expedition of the Institute of archaeology RAS: activities in 2019–2020 <i>Belyaev L.A., Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Maksimova A.A.</i>	116
Inside an old photos: Jericho finds in the photographs of the 1880s–1890s <i>Golofast L.A., Fedotov P.V.</i>	130
Arch on the Russian excavation site near the Church of the Resurrection in Jerusalem and its restoration in the 1880s–1890s <i>Vakh K.A.</i>	141
Irrigation facilities of the Islamic period: experience of a comparative approach <i>Savelyev N.I.</i>	157

Publications

Hand-made ware of the north Bactrian burial ground Ksirov <i>Denisov E.P.</i>	170
Shaitanskoye Lake II: an Early Iron Age site in the mountain-forest Trans-Urals <i>Borzunov V.A.</i>	180

Critics and bibliography

A.A. Chizhevsky, A.A. Khisyametdinova. Defensive structures of hillforts on promontories in the Volga-Kama region of the Early Iron Age and the Early Middle Ages. Archaeology of the Eurasian steppes. Kazan, 2020 <i>Koval V.Yu.</i>	198
--	-----

Chronicle

International symposium “Geology of the Paleolithic of North Asia: to the centenary of S.M. Tseitlin” <i>Klyuchnikov T.A., Reis E.S.</i>	201
To the 70 th anniversary of S.V. Kuzminykh <i>Gaydukov P.G., Orlovskaya L.B., Belozero I.V., Chizhevsky A.A.</i>	202
Elena Vladimirovna Perevodchikova <i>Belyaev L.A., Belovintseva N.I., Gabuev T.A., Kantorovich A.R., Mordvintseva V.I., Raevskaya T.V.</i>	204
Rauf Magomedovich Munchaev <i>Amirov Sh.N., Belyaev L.A., Gaydukov P.G., Makarov N.A.</i>	206

Правила для авторов

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). По возможности прилагается один экземпляр распечатки текста через **1.5 интервала** (шрифт **Times New Roman**, кегль **14**).

К рукописям (по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии”) должно быть приложено краткое **резюме на русском** (можно еще и на английском) **языке** (не менее 0.5 стр.) и **ключевые слова** (не более 10).

На отдельной странице — **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикуемые в разделе “Хроника”, не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2019 г. М.В. Андреева^{1,*}, М.А. Очир-Горяева^{2,3,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, Россия

³Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая — работы на кириллице, вторая — на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в, ..., включая первое упоминание. Например:

монография: *Кренке Н.А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с. статья в сборнике: *Коваль В.Ю.* “Ростиславльский курган” (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: *Решетова И.К.* Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: *Чернов С.З.* Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего года (в противном случае редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала “Российская археология” по адресу: http://www.ra.iran.ru/Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

ПОСЕЩЕНИЯ ИГНАТИЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ ЛЮДЬМИ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ: УТОЧНЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ

© 2021 г. Ю.В. Дублянский^{1,*}, П.А. Косинцев^{2,**}, В.Н. Широков^{3,***}, К. Шпётль^{1,****}

¹Институт геологии Инсбрукского университета, Австрия

²Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия

³Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

*E-mail: yuri.dublyansky@uibk.ac.at

**E-mail: kpa@ipae.uran.ru

***E-mail: hvn-58@yandex.ru

****E-mail: christoph.spoetl@uibk.ac.at

Поступила в редакцию 12.11.2020 г.

В статье приводятся новые радиоуглеродные AMS-даты, полученные по древесному углю и костям из культурного слоя афотической зоны Игнatieвской пещеры (Южный Урал). Пробы отбирались из раскопа, расположенного под настенными рисунками, выполненными красной охрой. Четыре даты по древесному углю из верхней части культурного слоя дали плотное распределение возрастов (16.3–17.4 кал. тыс. л.н.). Полученный возраст характеризует время возникновения и функционирования декорированного рисунками пещерного святилища. Проба угля, отобранного на 5–9 см ниже выраженных темноокрашенных прослоек культурного слоя, дала возраст 27.8–28.3 кал. тыс. л.н., указывая на возможность более ранних посещений пещеры людьми. Две пробы костей из культурного слоя дали дискордантные (слишком древние) возрасты, что объясняется перемешиванием субстрата, происшедшим до посещения пещеры человеком.

Ключевые слова: Игнatieвская пещера, радиоуглеродное датирование, палеолит, настенная живопись, пещерное святилище.

DOI: 10.31857/S013161170015451-5

Игнatieвская пещера в Челябинской области — одна из нескольких десятков пещер Урала, в которых были обнаружены следы посещения и использования их палеолитическими людьми (Широков, Косинцев, 1997). Это также одна из трех пещер России, которые использовались в позднем палеолите не только в хозяйственно-бытовых целях, но и как святилища. Об этом свидетельствуют ансамбли наскальных рисунков, приуроченные к дальним, афотическим частям пещер.

Морфология пещеры в плане показана на рис. 1. С точки зрения микроклимата и освещенности Игнatieвскую пещеру можно разделить на три зоны. Привходовая зона (Входной грот) представляет собой протяженную галерею, открывающуюся 12-метровым в диаметре порталом в скальном обрыве. В эту часть пещеры проникает солнечный свет, и микроклимат (температура, влажность) в ней лишь незначительно отличается от условий снаружи. Глубже, в переходной зоне, доступ света ограничен. В этой зоне суточные колебания температуры и влажности отсутствуют, а

сезонные изменения сильно смягчены. По мере дальнейшего продвижения в глубь пещеры мы попадаем в афотическую зону и зону постоянных температур и влажности (в настоящее время $T = 5.0\text{--}5.2\text{ }^{\circ}\text{C}$, $RH \sim 85\%$; Широков, Петрин, 2013). Отметим, что это “постоянство” также не абсолютно: микроклиматические параметры в глубинной части пещеры изменялись в прошлом в соответствии с климатическими изменениями температуры на поверхности Земли.

История археологического изучения пещеры описана в монографиях Петрина (1992) и Широкова и Петрина (2013). Раскопками различных годов были охвачены все три зоны пещеры. Из культурного слоя, обнаруженного в плейстоценовых отложениях пещеры, были извлечены множество мелких частиц древесного угля, более 1300 каменных изделий (из раскопов, а также с поверхности пола пещеры), кусочки красной охры, украшения из зубов песка, бизона или зубра, из бивня мамонта, а также кости плейстоценовых животных. При этом были отмечены различия между культурными слоями в привходовой

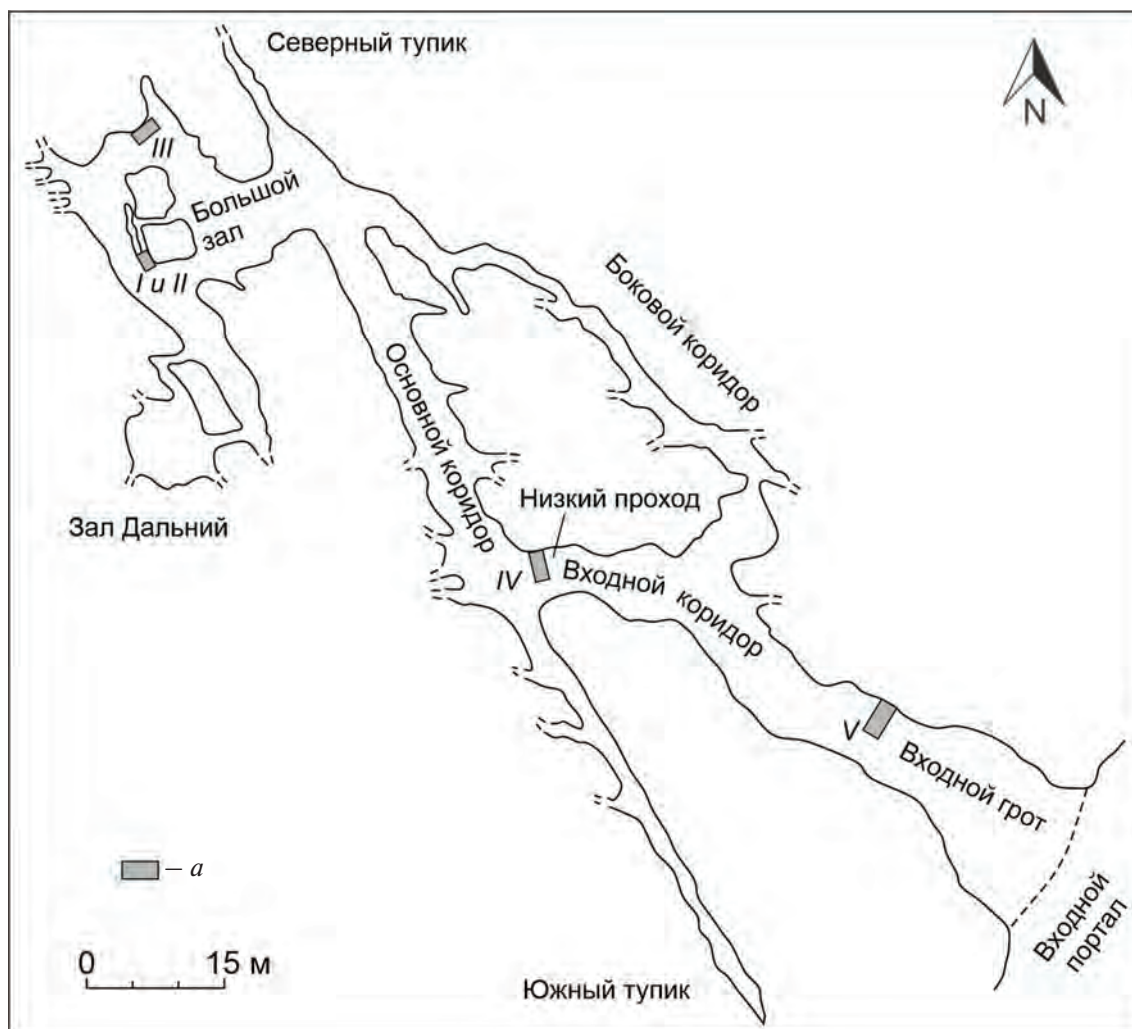

Рис. 1. План Игнatieвской пещеры с указанием положения раскопов (а) (Смирнов и др., 1990; Петрин, 1992).

Fig. 1. Plan of the Ignatievskaya cave indicating the location of the excavation pits (a) (Smirnov et al., 1990; Petrin, 1992)

и внутренней частях пещеры. Культурный слой Большого зала, вскрытый в непосредственной близости от настенных рисунков, “существенно отличается от слоя поселения, стоянки, базового лагеря, мастерской и даже культурного слоя жертвенников” (Петрин, 1992. С. 95). Он представляет собой “слой посещения”, фиксирующий относительно кратковременное пребывание древних людей, а также ограниченный спектр видов деятельности, осуществлявшихся в этой части пещеры.

Отметим, что слой посещения, вскрытый раскопами в Большом зале Игнatieвской пещеры: а) расположен непосредственно под настенными рисунками (это связано с тем, что В.Т. Петрин в этой части пещеры проводил раскопки только под рисунками; темные прослойки видны и в других местах Большого зала, там, где есть нарушения рыхлых отложений); б) содержит кусочки охры; в) содержит фрагменты древесного

угля факелов. Наличие фрагментов охры (то есть краски, которой, с большой вероятностью, были сделаны рисунки на стенах) позволяет уверенно связывать этот слой со временем создания важного атрибута пещерного святилища Игнatieвской пещеры — рисунков. Фрагменты древесного угля из слоя посещения могут быть датированы радиоуглеродным методом и потому являются важным источником информации о времени этой активности. По отобранным в первой половине 1980-х годов из слоя посещения пробам костей и древесного угля получены пять радиоуглеродных дат: 13500 ± 1660 (ИЭРЖ-41; раскоп II, кости), 14038 ± 490 (ИЭМЭЖ-366; раскоп II, кости), 14240 ± 150 (СОАН-2209; раскоп II, уголь), 10400 ± 465 (СОАН-2468; раскоп II, уголь) и 13335 ± 192 (ИЭМЭЖ-365; раскоп III, уголь) (некалиброванные ^{14}C -даты; л.н. от 1950 г.; Петрин, 1992. С. 163).

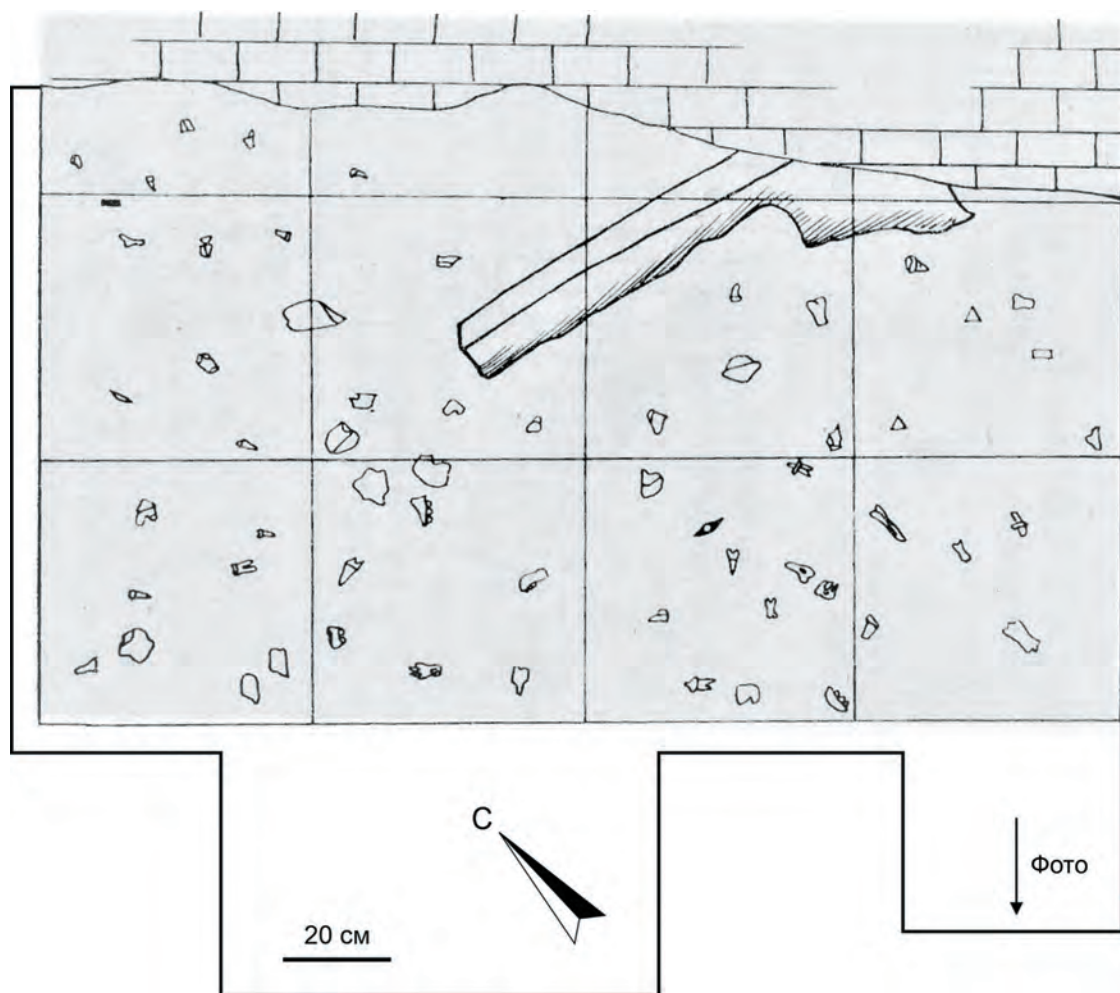

Рис. 2. План раскопа I в Большом зале Игнatieвской пещеры. Черной линией показана современная конфигурация стенок раскопа, которая отличается от прямоугольных очертаний оригинального раскопа Петрина (Петрин, 1992. Рис. 72). Стрелкой указано положение стенки раскопа, показанной на рис. 3.

Fig. 2. Plan of excavation pit I in the Great Hall of the Ignatievskaya Cave

В глинистых отложениях пола Большого зала пещеры выделяются от одной до трех невыдержанных по простираению прослоек темного цвета. Для раскопа I, заложенного в 1981 г. “вдоль стены скального останца под группой изображений (лошади, вертикальные линии, змейка), сделанных красной охрой”, В.Т. Петрин (1992. С. 88) описал такую темную прослойку в пределах 1-го условного горизонта (глубина 0–10 см). Он отметил, что в этом раскопе “все артефакты связаны с прослойкой, фиксируемой за счет темного цвета (примазки угля)”, и высказал мнение о том, что “Большой зал, если судить по наличию культурного слоя, осваивался лишь во время функционирования святилища, явных следов более раннего пребывания в нем человека не зафиксировано” (С. 96).

Наши наблюдения, а также отрывочная информация из опубликованных материалов

В.Т. Петрина позволяют поставить под сомнение последний тезис. На современных зачистках стенок раскопа I в Большом зале отдельные угольки наблюдаются также и ниже выраженных темноокрашенных прослоек. Для этого же раскопа В.Т. Петрин (1992. С. 91) описал находки обломка пластины в третьем условном горизонте (глубина 20–30 см) и отщеп в пятом горизонте (на глубине 40–50 см) (Петрин, 1992. С. 91). Таким образом, можно сделать предположение, что афотическая часть пещеры могла посещаться людьми и до времени создания в ней декорированного святилища.

В этой работе мы ставили целью провести радиоуглеродное датирование пилотной серии образцов, по возможности максимально полно характеризующих разрез содержащих фрагменты древесного угля отложений Большого зала Игнatieвской пещеры, с использованием

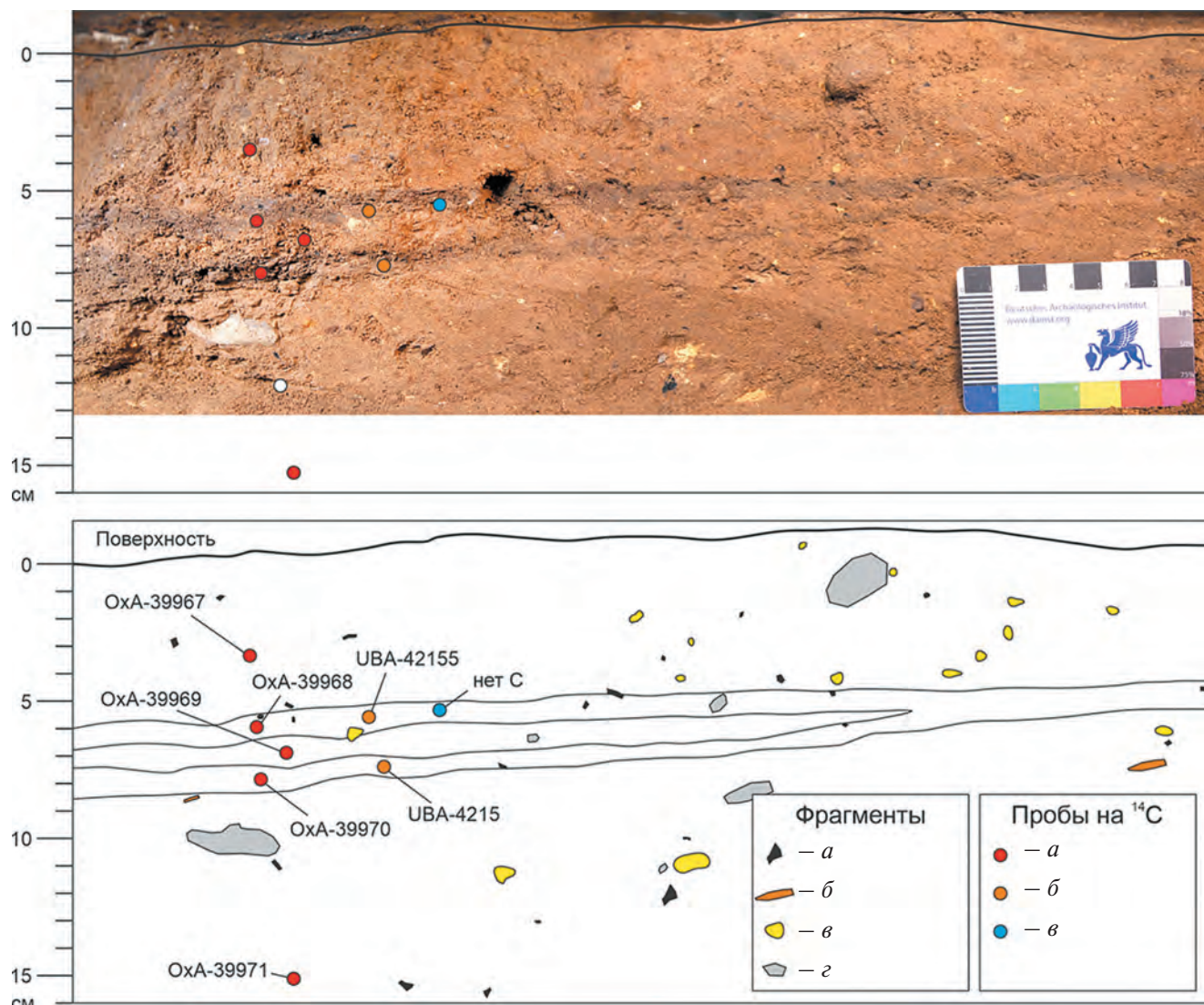

Рис. 3. Фотография и схема ЮЗ стенки раскопа I. Условные обозначения: а – древесный уголь, б – кость, в – копролит, з – известняк.

Fig. 3. Photo and diagram of the southwestern wall of excavation pit I

современной аналитической аппаратуры и методов пробоподготовки.

Результаты. Пробы были отобраны в Большом зале пещеры из раскопа I. Следует отметить, что в настоящее время западные стенки раскопа смещены в сторону центра зала (рис. 2) из-за оседания и обрушения, вызванного многочисленными посещениями пещеры. При отборе образцов для ^{14}C -анализа выделялись дискретные по мощности (1–6 см) участки верхней части разреза юго-западной стенки раскопа (рис. 3)¹. Пробы

угольков были отобраны до глубины ок. 17 см, ниже которой угольки не встречались.

Образец костей из “верхней” темноокрашенной прослойки включал резец сурка (*Marmota bobak*) и резец зайца-беляка (*Lepus timidus*). Оба резца имеют коррозированную поверхность, указывающую на прохождение через желудочно-кишечный тракт хищников. Образец костей из “нижней” темноокрашенной прослойки включал: нижнюю челюсть, два позвонка и плечевую кость полевок (*Cricetidae* gen.) и пять мелких фрагментов трубчатых костей зайца и/или сурка (точнее не определимые), размером от 2×3 до 3×4 мм. Все кости зайца и/или сурка имеют коррозированную поверхность от прохождения

¹ На рис. 3 видны две темноокрашенные прослойки, сливающиеся в одну в правой части фотографии. На нижней панели отмечены наиболее крупные фрагменты древесного угля, костей, копролитов и известняка.

Таблица 1. Радиоуглеродные AMS-даты по древесному углю и костям из раскопа II Игнatieвской пещеры**Table 1.** AMS radiocarbon dates for charcoal and bones from excavation pit II in the Ignatievskaya cave

Проба	Глубина отбора (см)	¹⁴ C-дата (л.н. ВР)	Калиброванная дата (л.н. ВР)	Местоположение и состав образца
ОхА-39967	2–6	13892±39	16697–17035	Выше темноокрашенных прослоек; единичные угольки
ОхА-39968	6–7	13605±37	16289–16580	“Верхняя” темноокрашенная прослойка, угольки
ОхА-39969	7–8	13936±38	16773–17071	Линзовидная прослойка между темноокрашенными прослойками; единичные угольки
ОхА-39970	8–9	14232±39	17105–17413	“Нижняя” темноокрашенная прослойка, угольки
ОхА-39971	12–18	23878±93	27760–28296	Ниже “нижней” темноокрашенной прослойки; единичные угольки
UBA-42155	6–7	21052±91	25175–25660	“Верхняя” темноокрашенная прослойка. Фрагмент резца зайца и фрагмент резца сурка
UBA-42156	8–9	20542±84	24357–25024	“Верхняя” темноокрашенная прослойка. Нижняя челюсть, два позвонка и плечевая кость полевок; пять мелких фрагментов костей зайца и/или сурка

через желудочно-кишечный тракт хищников. Цвет всех костей светло-коричневый.

Результаты радиоуглеродного датирования приведены в табл. 1 и 2² и показаны на рис. 4³. По результатам можно сделать несколько наблюдений.

1. Отложения, залегающие в интервале от ок. 4 см выше “верхней” темноокрашенной прослойки и до основания “нижней” темноокрашенной прослойки (общая мощность ок. 7 см), дали четыре схожих возраста, укладываемые в интервал 16289–17413 кал. л.н. (ОхА-39967 – ОхА-39970).

2. Композитные образцы костей, отобранные из темных прослоек (UBA-42155 и UBA-42156), дали значительно более древние возрасты, чем древесный уголь из тех же прослоек (ОхА-39968 и ОхА-39970). Кроме того, даты, полученные

по костям, демонстрируют хроностратиграфическую инверсию (проба, отобранная выше по разрезу, дала более древнюю дату).

3. Уголь, отобранный на 5–9 см ниже “нижней” темной прослойки (ОхА-39971), дал калиброванный радиоуглеродный возраст 27760–28230 л.н., что приблизительно на 11 тыс. лет древнее, чем вышележащие слои.

Обсуждение. Ранее опубликованные ¹⁴C-даты. Радиоуглеродные даты, полученные в 1980–1990-х годах (Петрин, 1992; Дублянский, Широков, 2020), дают определенное представление о времени активности древних людей в афотической части пещеры. В то же время следует осознавать ограничения этих ранних результатов. Датирование проводилось радиометрическим методом, для которого требуется значительное количество материала (от 20 г древесного угля и от 200 г костей; Зазовская, 2016). Необходимость набирать значительный объем пробы повышает риск попадания в нее разновозрастного материала и не позволяет опробовать мелкомасштабные проявления. Так, опубликованные В.Т. Петриным по раскопу II даты характеризуют слои толщиной ок. 20 см.

Получивший в последние десятилетия широкое развитие метод ускорительной масс-спектрометрии (AMS) позволяет анализировать

² Калибровка радиоуглеродных дат проведена при помощи программы OxCal 4.4.2 (Bronk Ramsey, 2009) с использованием калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al., 2020). Интервал калиброванных дат показан для вероятности 0.954 (1δ); ВР – от 1950 г.

³ На рис. 4 показаны также ранние ¹⁴C-даты Петрина (1992. С. 163), пробы для которых отбирались с глубин 5–25 см (ИЭМЭЖ-365, -366 и СОРАН-2209). Глубина отбора пробы ИЭМЭЖ-365, указанная в монографии Петрика, 3–50 см неверна (личное сообщение В.Т. Петрика П.А. Косинцеву). 5–25.

Таблица 2. Геохимические характеристики датированных костей из Игнatieвской пещеры**Table 2.** Geochemical characteristics of dated bones from the Ignatievskaya cave

Проба	$\delta^{13}\text{C}$ (‰, V-PDB)	$\delta^{15}\text{N}$ (‰)	C/N*	Выход
UBA-42155	-20.2	4.1	3.15	4.30
UBA-42156	-20.5	3.0	3.14	4.20

* Отношение C/N является индикатором степени сохранности костного белка (коллагена) и/или загрязненности пробы органическим веществом почвенного происхождения; рекомендованные значения C/N = 2.9–3.5 (van Klinken, 1999; Bronk Ramsey et al., 2004).

значительно меньшее количество материала (20–50 мг для древесного угля, 2–10 г для кости; Зазовская, 2016), что делает возможной большую пространственную дискретизацию анализов. Важно также, что к настоящему времени улучшены методы предварительной очистки материала и пробоподготовки (Bronk Ramsey et al., 2004; Brock et al., 2010), в результате чего значительно повышена точность анализов.

Имеются также вопросы в отношении двух конкретных дат из Игнatieвской пещеры:

1) Проба угольков из культурного слоя СОАН-2468 дала ^{14}C -дату, которая оказалась значительно моложе всех остальных дат, полученных для этого слоя. В оригинальной публикации В.Т. Петрин высказывает сомнение в правильности этого определения: “Думается, что дата 10400 ± 465 (СОАН-2468) неверна. Как указывают даты, полученные по углю и кости из культурного слоя, он сформировался около 13 тыс. л. н., когда функционировало святилище в Игнatieвской пещере” (Петрин, 1992. С. 163).

2) Дата 13500 ± 1660 (ИЭРЖ-41), имея очень большую аналитическую ошибку, тем не менее, соответствует возрасту культурного слоя. Проблема состоит в том, что кости, по которым получена эта дата, судя по описанию, отобраны на глубине 45–55 см, т.е. значительно ниже культурного слоя, выделенного по находкам каменных орудий и угольков.

Эти две проблематичные даты не показаны на рис. 4.

Отметим также, что три радиоуглеродные AMS-даты, полученные непосредственно по пигменту черных рисунков в пещере (CAMS-56586, CAMS-56271 и CAMS-67688; Steelman et al., 2002; Широков и др., 2003), — это молодые, голоценовые даты (6637 – 8982 кал. л.н.). Высказывавшиеся ранее предположения о возможном проблемном характере (омоложенности) этих дат (Широков,

2006) были недавно подтверждены посредством уран-ториевого датирования натеков, перекрывающих рисунки в пещере (Dublyansky et al., 2021).

Новые ^{14}C -даты. Каждая из четырех новых AMS-дат, полученных по верхней части культурного слоя, характеризует дискретный интервал опробования, мощностью от 1 до 4 см. Все даты укладываются в интервал около 1000 лет. Отметим, что публикуемые даты имеют аналитическую ошибку от 37 до 93 лет (δ); аналогичная ошибка для ранее опубликованных дат составляла от 150 до 1660 лет.

Возраст верхней части культурного слоя (в который входят темноокрашенные прослойки), определенный в этой работе, составляет 16289 – 17413 кал. л.н. Этот интервал согласуется с датами по культурному слою Большого зала, полученными ранее. Следует отметить, что последние даты имеют низкое пространственное разрешение; они характеризуют глубины 5–25 см.

Особый интерес вызывает дата, полученная по образцу древесного угля с глубины 12–18 см, т.е. на 5–9 см глубже нижней границы темноокрашенных прослоек (ОхА-39971, 27760 – 28296 кал. л.н.). В интервале глубин, из которого была отобрана проба, кусочки охры обнаружены не были. Эта древняя дата указывает на то, что Игнatieвская пещера могла посещаться палеолитическими людьми задолго до времени возникновения в ней декорированного святилища. В целом, дата соответствует представлениям о том, что люди присутствовали на просторах Евразии, включая Южный Урал, задолго до максимума последнего оледенения (Svendsen et al., 2010). Необычным по отношению к существующему массиву данных по хронологии присутствия людей на Урале в верхнем палеолите является обнаружение столь ранних следов посещения в дальней афотической зоне пещеры, которая не могла использоваться для бытовых и хозяйственных нужд.

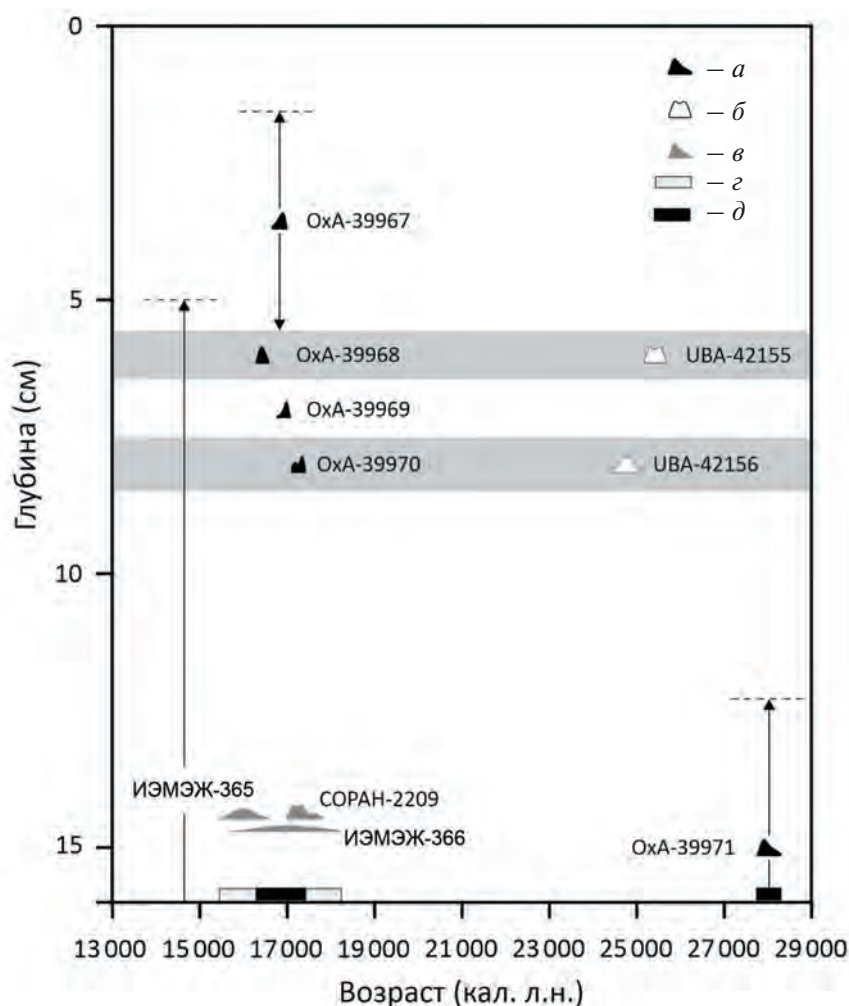

Рис. 4. ^{14}C -даты из отложений Большого зала Игнatieвской пещеры. Серые горизонтальные полосы — темноокрашенные прослойки (см. рис. 3). Условные обозначения: *a* — уголь, *b* — кость, *v* — уголь и кость; на шкале времени — периоды посещения Большого зала по ранним данным (*z*) (Петрин, 1992) и результатам настоящей статьи (*d*).

Fig. 4. ^{14}C dates from the deposits in the Great Hall of the Ignatievskaya Cave

Поскольку из отложений Игнatieвской пещеры получена пока что единственная ^{14}C -дата, указывающая на раннее посещение пещеры, она требует верификации. Необходимо детальное и систематическое опробование и датирование наиболее глубоко залегающих частей культурного слоя.

Перемешанность позднелейстоценовых отложений Большого зала. Коричнево-бурая песчаная глина, к верхней части которой приурочен культурный слой, несет явные следы перемешивания. Свидетельствами перемешивания являются:

— удревленные на 8–9 тыс. лет (по сравнению с древесным углем из тех же горизонтов) ^{14}C -даты, полученные нами по костям крупных млекопитающих;

— находка в раскопе II на глубине всего 0–20 см крупной челюсти пещерного медведя (*Spelaearctos spelaeus*) (Петрин, 1992. С. 92);

— присутствие копролитов пещерного медведя по всей толще глины. Поскольку пещерный медведь вымер на Южном Урале около 41 тыс. л.н. (Pacher, Stuart, 2009), находки его костей и копролитов в культурном слое указывают на то, что литологический субстрат был перемешан. Источником более древних палеонтологических остатков в верхних частях разреза послужили нижележащие отложения. Так, в раскопах I и II, которые примыкают друг к другу и имеют идентичную стратиграфию, на глубине 20–25 см ниже культурного слоя начинается хорошо выраженный слой, содержащий кости и копролиты пещерного медведя (Стефановский, 2002; The Quaternary..., 2014). Отложения, насыщенные

костями пещерного медведя, присутствуют еще ниже по разрезу, с глубины ок. 100 см (“костеносный слой”; мощность ок. 34–40 см; Стефановский, 2002). Таким образом, мы фиксируем факт резидуальности (residuality; Albarella, 2016) значительной части костного материала и копролитов, присутствующих в коричнево-бурой глине.

В то же время собственно культурный слой (он же слой посещения), вскрытый раскопами в Большом зале Игнatieвской пещеры, не демонстрирует существенной нарушенности. Об этом говорят геометрическая выдержанность темноокрашенных прослоек, видимых в стенках раскопов (ср. рис. 4), а также концентрация находок в них. Так, В.Т. Петрин (1992. С. 88) утверждал, что в раскопе I **все** артефакты “связаны с прослойкой, фиксируемой за счет темного цвета (примазки угля)”. На ненарушенность косвенно указывают и полученные нами по верхней части культурного слоя ¹⁴C-даты, имеющие плотное (в пределах ок. 1000 лет) распределение.

Наблюдаемое противоречие — перемешанность литологического субстрата и видимая нетронутость заключенного в нем культурного слоя — объясняется, по нашему мнению, тем, что процессы интенсивной турбации и перемешивания завершились до времени посещения пещеры человеком. Активное перемешивание стало возможным благодаря двум факторам: специфике накопления субаэральных осадков в удаленной от входа части пещеры и микроклиматическим характеристикам этой части пещеры во время накопления осадков.

Субаэральное (без участия движущейся воды) осадконакопление в глубоких зонах пещер отличается очень низкой интенсивностью. Морфология Игнatieвской пещеры такова, что устойчивое либо сезонное движение воздуха в ней практически отсутствует. В дальнюю часть пещеры материал снаружи в форме пыли или аэрозоля практически не заносится. Накапливающийся на полу пещеры литологический материал является по преимуществу результатом разрушения стенок пещеры, о чем говорит минеральный и гранулометрический состав отложений. В последнем преобладают частицы тонкой алевритовой (пылеватой; <10 мкм) размерности (более 70%; Стефановский, 2002), но встречаются и отдельные обломки породы дресвяной и щебневой размерностей (0.5–3.0 см; см. рис. 3), а также блоки и глыбы (Петрин, 1992. Рис. 72).

Слой коричнево-бурой песчаной глины формировался во время последнего ледникового периода (115–11.7 тыс. л.н.), когда на территории

Северной Евразии была широко развита многолетняя мерзлота (Vandenberghe et al., 2014; Lindgren et al., 2016). В частности, в период мерзлотного максимума 25–17 тыс. л.н. на широте Южного Урала ее глубина достигала 200 м (Палеоклиматы..., 2009). Имея, возможно, несколько меньшую мощность, мерзлота присутствовала в регионе и в более ранние фазы последнего ледникового периода (Dublyansky et al., 2018). Таким образом, накопление субаэральных осадков в Игнatieвской пещере происходило в условиях преобладания в ней отрицательных температур. Отложения, формирующиеся в такой микроклиматической обстановке (отрицательная температура, отсутствие воды, очень низкая влажность), должны существенно отличаться от среднетеплотной глины, наблюдаемой в пещере сегодня. В это время осадок представлял собой тонкую пыль, с “вкраплениями” периодически обваливавшихся сверху фрагментов стенок пещеры, а также остатков жизнедеятельности посещавших эту зону пещеры животных. Животные, передвигавшиеся по такому пылевидному осадку, должны были с легкостью перемешивать его.

В период между ок. 80 и 25 тыс. л.н. на Южном Урале происходили периодические протаивания и намерзания мерзлоты, выражавшиеся в вертикальных движениях ее верхней границы с амплитудой, превышавшей 80 м (Dublyansky et al., 2018). Поскольку Игнatieвская пещера находилась в зоне этих колебаний, отложения Большого зала могли периодически и кратковременно оказываться в зоне положительных температур. Если на одном (или нескольких) из относительно теплых этапов пещера увлажнялась, пылевые осадки могли смачиваться и трансформироваться в осадок более схожий с “обычной” пещерной глиной.

Ко времени посещений пещеры человеком около 17 тыс. л.н., во время которых сформировались темноокрашенные прослойки с артефактами и были сделаны рисунки на стенах пещеры, ранее хорошо перемешанные отложения Большого зала могли уже иметь консистенцию слабосвязной малоплотной глины. В связи с этим при посещении людьми существенного механического перемешивания осадков не происходило. Глина уплотнялась там, где ходили люди (образовывались темноокрашенные прослойки), и оставалась рыхлой в других местах. Латеральные перемещения этой слабосвязной массы привели к появлению невыдержанных по простиранию линзовидных прослоек между темноокрашенными “натоптанными” прослойками (левая часть

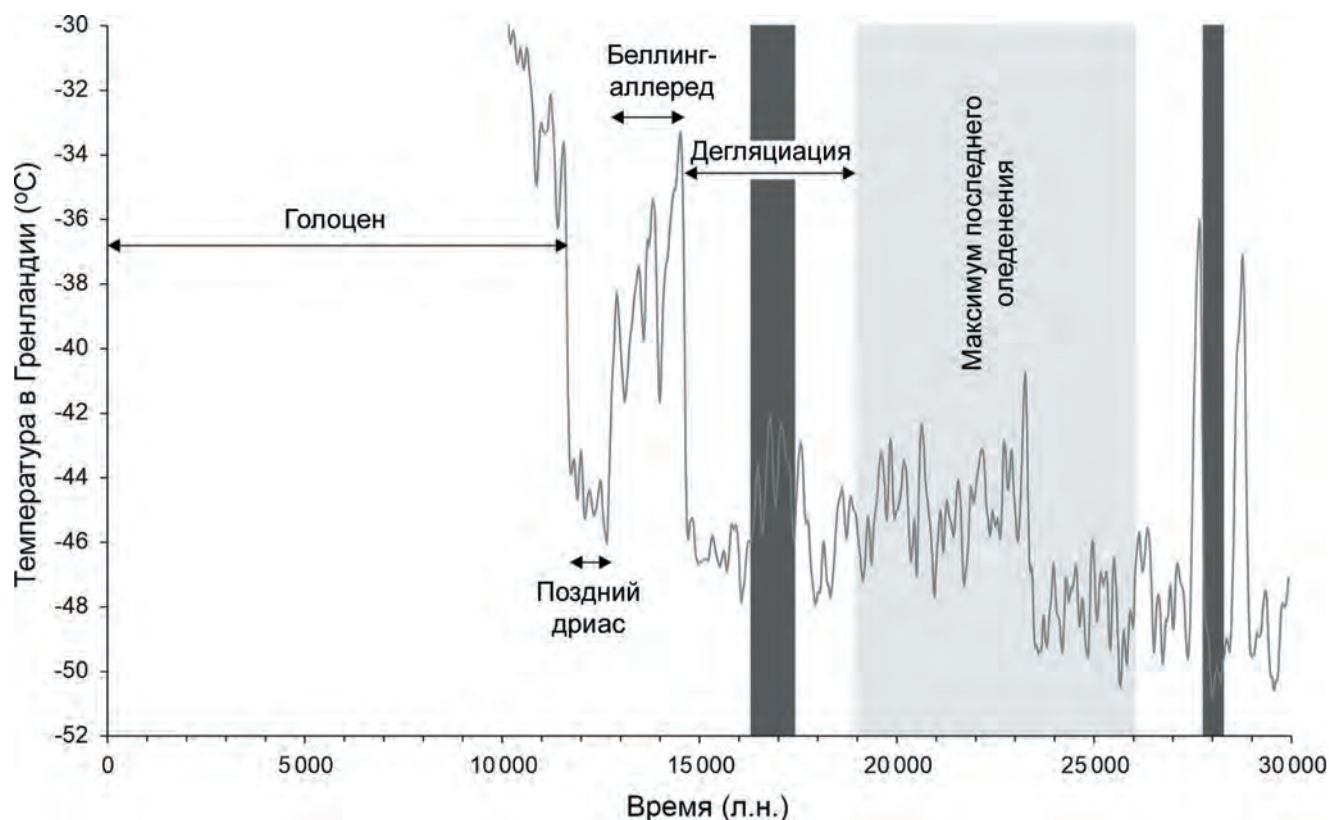

Рис. 5. Посещения человеком Большого зала Игнatieвской пещеры в контексте палеоклимата. Вертикальная черная заливка — ^{14}C -даты из раскопа I; кривая — реконструкция температур в Гренландии по ледовому керну NGRIP (Kindler et al., 2014).

Fig. 5. Human visits to the Great Hall of Ignatievskaya cave in the context of paleoclimate

фотографии на рис. 3), а также к их перекрытию (рис. 3).

Дополнительным фактором перемешивания и перемещения древнего материала вверх по разрезу может быть активность роющих животных. Наличие норных ходов в полу Большого зала пещеры отмечено в монографии Петрина (1992) и подтверждено нашими наблюдениями. Такое воздействие, скорее всего, было «точечным», а не повсеместным, о чем говорит очевидная неповрежденность темноокрашенных прослоек в местах их наблюдения.

Перемешанность литологического субстрата делает включенные в него палеонтологические остатки нерепрезентативными и неприменимыми для целей ^{14}C -датирования культурного слоя.

Палеоклиматический контекст посещений Игнatieвской пещеры. На рис. 5 время посещения людьми Игнatieвской пещеры, определенное в этой работе, показано в контексте глобального климата. Время посещений, связанных с созданием и функционированием декорированного рисунками пещерного святилища, приходится на период дегляциации, последовавшей за

максимумом последнего оледенения. Более ранние посещения имели место во время, предшествовавшее этому максимуму.

Данных о посещениях пещеры во время пика оледенения в настоящее время не имеется. Такие посещения достаточно вероятны, судя по радиоуглеродным датам костных остатков из Медвежьей пещеры на Северном Урале; напомним, что они указывают на использование пещеры людьми во время максимума последнего оледенения (22–19 кал. тыс. л.н.; Svendsen et al., 2010). Для Игнatieвской пещеры эта гипотеза может быть проверена путем детального опробования и датирования древесного угля, залегающего ниже темноокрашенных прослоек культурного слоя.

Заключение. Культурный слой в Дальнем зале Игнatieвской пещеры (афотическая зона) был выделен по находкам каменных орудий, украшений из кости, кусочков красной охры и древесного угля, оставшегося от сжигания факелов. Культурный слой занимает верхнюю часть слоя красно-бурой песчаной глины. Функционально культурный слой был определен как слой посещения (Петрин, 1992. С. 95).

Содержание древесного угля в культурном слое неоднородно. Выделяются от одной до трех прослоек, темная окраска которых связывается с обильными примазками древесного угля (Петрин, 1992. С. 96). Разрозненные угольки присутствуют выше темных прослоек, между ними, а также ниже по разрезу, до глубины ок. 17–18 см. Последняя глубина фиксирует первые следы посещения Игнatieвской пещеры человеком.

Древесный уголь из культурного слоя в раскопе I в Дальнем зале Игнatieвской пещеры был датирован радиоуглеродным методом (AMS). Четыре даты, полученные по пробам из верхней части слоя (до глубины ок. 8 см), указывают на посещение этой части пещеры людьми в довольно короткий период ок. 16.3–17.4 тыс. л.н. Учитывая, что раскоп I расположен непосредственно под рисунками, выполненными красной охрой, а также что в слоях, из которых были отобраны пробы на датирование, были обнаружены кусочки охры (Петрин, 1992. С. 96), можно заключить, что полученные даты характеризуют время создания и функционирования святилища в пещере.

Еще одна проба древесного угля была отобрана ниже темноокрашенных прослоек, на глубине 12–18 см. На этой глубине частицы охры обнаружены не были. Возраст угольков был определен как 27.8–28.3 кал. тыс. л.н. Принимая во внимание необходимость подтверждения этой даты, можно с осторожностью утверждать, что посещения дальней афотической части пещеры людьми начались задолго (порядка 10–11 тыс. лет) до создания в ней декорированного святилища.

Пробы костей из темноокрашенных прослоек в культурном слое дали дискордантные (слишком древние) радиоуглеродные даты. Насыщенность красно-бурой глины разреза костными остатками и копролитами пещерного медведя указывают на ее турбированность. На протяжении большей части последнего ледникового периода на Южном Урале была развита многолетняя мерзлота, в связи с чем в пещере сохранялись низкие температура и влажность. Накапливающиеся в субэрадных условиях осадки представляли собой пылевую массу, что облегчало их перемешивание при посещениях пещеры животными. Перемешивание завершилось до времени посещения пещеры людьми. В процессе этих посещений возникли локальные “натоптаные” горизонты, обогащенные угольками от факелов. Во время посещений в пещере сохранялись холодные условия. Трансформация отложений, включающих в себя культурный слой, из рыхлого пылевого осадка в среднетонкую красно-бурую песчаную глину,

которую мы видим в полу пещеры сегодня, завершилась уже после окончания дегляциации, когда температура и влажность в пещере повысились и осадок увлажнился.

Работа выполнена в рамках госзадания ИЭРЖ УрО РАН № АААА-А19-119031890086-0 (ПК) при поддержке гранта Австрийского научного фонда (FWF) I027070 “Миграция границы мерзлоты на границе Европа–Азия в плейстоцене” (ЮД).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дублянский Ю.В., Широков В.Н. Возраст верхнепалеолитических памятников в пещерах Каповой и Игнatieвской (Южный Урал): ревизия радиоуглеродных дат и их интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 5–16.
- Зазовская Э.П. Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 151–164.
- Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен – голоцен / Ред. А.А. Величко. М.: ГЕОС, 2009. 120 с.
- Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере. Новосибирск: Наука, 1992. 208 с.
- Смирнов Н.Г., Большаков В.Н., Косинцев П.А., Панова Н.К., Коробейников Ю.И., Ольшванг В.Н., Ерохин Н.Г., Быкова Г.В. Историческая экология животных гор Южного Урала. Свердловск: Уральское отд. Акад. наук СССР, 1990. 244 с.
- Стефановский В.В. Литология и возраст спелеогенных образований Южного Урала // Уральский геологический журнал. 2002. № 6 (30). С. 3–16.
- Широков В.Н. Проблема возраста настенных изображений Игнatieвской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красочного пигмента // Российская археология. 2006. № 2. С. 99–105.
- Широков В.Н., Косинцев П.А. Обзор использования пещер Урала в палеолите // Пещерный палеолит Урала / Ред. В.Г. Котов. Уфа: Ин-т истории, языка и литературы Уфимского науч. центра РАН, 1997. С. 26–29.
- Широков В.Н., Петрин В.Т. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург: Ажур, 2013. 190 с.
- Широков В.Н., Rowe M.W., Steelman K.L., Southon J.R. Игнatieвская пещера: первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков // Образы и сакральное пространство древних эпох / Ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 67–72.

- Albarella U.* Defining bone movement in archaeological stratigraphy: a plea for clarity // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2016. Vol. 8, № 2. P. 353–358.
- Brock F., Higham T., Ditchfield P., Bronk Ramsey C.* Current pretreatment methods for AMS radiocarbon dating at the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (ORAU) // *Radiocarbon*. 2010. Vol. 52, iss. 1. P. 103–112.
- Bronk Ramsey C.* Bayesian analysis of radiocarbon dates // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51, iss. 1. P. 337–360.
- Bronk Ramsey C., Higham T., Leach P.* Towards high-precision AMS: progress and limitations // *Radiocarbon*. 2004. Vol. 46, iss. 1. P. 17–24.
- Dublyansky Y., Moseley G.E., Lyakhnitsky Y., Cheng H., Edwards L.R., Scholz D., Koltai G., Spötl C.* Late Palaeolithic cave art and permafrost in the Southern Ural // *Scientific reports*. 2018. Vol. 8, iss. 1. 12080.
- Dublyansky Y., Shirokov V., Moseley G.E., Kosintsev P.A., Edwards R.L., Spötl C.* ^{230}Th dating of flowstone from Ignatievskaya Cave, Russia: Age constraints of rock art and paleoclimate inferences // *Geoarchaeology*. 2021. Vol. 36, iss. 3. P. 532–545.
- Kindler P., Guillemin M., Baumgartner M., Schwander J., Landais A., Leuenberger M.* Temperature reconstruction from 10 to 120 kyr b2k from the NGRIP ice core // *Climate of the Past*. 2014. Vol. 10, iss. 2. P. 887–902.
- Lindgren A., Hugelius G., Kuhry P., Christensen T.R., Vandenberghe J.* GIS-based Maps and Area Estimates of Northern Hemisphere Permafrost Extent during the Last Glacial Maximum // *Permafrost and Periglacial Processes*. 2016. Vol. 27, iss. 1. P. 6–16.
- Pacher M., Stuart A.J.* Extinction chronology and palaeobiology of the cave bear (*Ursus spelaeus*) // *Boreas*. 2009. Vol. 38, iss. 2. P. 189–206.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S.* The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62, iss. 4. P. 725–757.
- Stelman K., Rowe M., Shirokov V., Southon J.* Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // *Antiquity*. 2002. Vol. 76, iss. 292. P. 341–348.
- Svendsen J.I., Heggen H.P., Hufthammer A.K., Mangerud J., Pavlov P., Roebroeks W.* Geo-archaeological investigations of Palaeolithic sites along the Ural Mountains – On the northern presence of humans during the last Ice Age // *Quaternary Science Reviews*. 2010. Vol. 29, iss. 23–24. P. 3138–3156.
- The Quaternary of the Urals. Global trends and Pan-European Quaternary records: Fieldtrip Guide-book of the International INQUA-SEQS Conference (Ekaterinburg, September 10–16, 2014) / Ed. A.V. Borodin et al. Ekaterinburg: Ural Federal University, 2014. 72 p.
- Van Klinken G.J.* Bone Collagen Quality Indicators for Palaeodietary and Radiocarbon Measurements // *Journal of Archaeological Science*. 1999. Vol. 26, iss. 6. P. 687–695.
- Vandenberghe J., French H.M., Gorbunov A., Marchenko S., Velichko A.A., Jin H., Cui Z., Zhang T., Wan X.* The Last Permafrost Maximum (LPM) map of the Northern Hemisphere: permafrost extent and mean annual air temperatures, 25–17 ka BP // *Boreas*. 2014. Vol. 43, iss. 3. P. 652–666.

HUMANS IN THE IGNATIEVSKAYA CAVE IN THE UPPER PALEOLITHIC: REFINING AND EXPANDING THE RADIOCARBON CHRONOLOGY

Yuri V. Dublyansky^{1,*}, Pavel A. Kosintsev^{2,**}, Vladimir N. Shirokov^{3,***}, Christoph Spötl^{1,****}

¹*Institute of Geology, University of Innsbruck, Innsbruck, Austria*

²*Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia*

³*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia*

*E-mail: yuri.dublyansky@uibk.ac.at

**E-mail: kpa@ipae.uran.ru

***E-mail: hvn-58@yandex.ru

****E-mail: christoph.spoetl@uibk.ac.at

The paper reports new AMS radiocarbon dates obtained on charcoal and bone samples from the cultural layer in the aphotic zone of the Ignatievskaya cave (Southern Urals). Samples were collected from a pit located under the parietal art executed with red ochre. Four dates on the charcoal from the upper part of the cultural layer yielded consistent and dense age distribution (16.3–17.4 cal. ka BP). This period corresponds to the time of the creation and functioning of cave sanctuary. A charcoal sample collected 5–9 cm beneath the pronounced dark

layer in the cultural layer yielded the age of 27.8–28.3 cal. ka BP, suggesting earlier human visits to the cave. Two composite bone samples from cultural layer gave discordant (too old) ages; this is explained by turbation of cave sediments that occurred prior to human visits.

Keywords: Ignatievskaya cave, radiocarbon dating, Paleolithic, parietal art, cave sanctuary.

REFERENCES

- Albarella U., 2016. Defining bone movement in archaeological stratigraphy: a plea for clarity. *Archaeological and Anthropological Sciences*, vol. 8, no. 2, pp. 353–358.
- Brock F., Higham T., Ditchfield P., Bronk Ramsey C., 2010. Current pretreatment methods for AMS radiocarbon dating at the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (ORAU). *Radiocarbon*, vol. 52, iss. 1, pp. 103–112.
- Bronk Ramsey C., 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, vol. 51, iss. 1, pp. 337–360.
- Bronk Ramsey C., Higham T., Leach P., 2004. Towards high-precision AMS: progress and limitations. *Radiocarbon*, vol. 46, iss. 1, pp. 17–24.
- Dublyanskiy Yu.V., Shirokov V.N., 2020. The age of Upper Paleolithic sites in the Kapova and Ignatievskaya caves (Southern Urals): a revision of radiocarbon dates and their interpretation. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Journal of archaeology, anthropology and ethnography]*, 3 (50), pp. 5–16. (In Russ.)
- Dublyansky Y., Moseley G.E., Lyakhnitsky Y., Cheng H., Edwards L.R., Scholz D., Koltai G., Spötl C., 2018. Late Palaeolithic cave art and permafrost in the Southern Ural. *Scientific reports*, vol. 8, iss. 1. 12080.
- Dublyansky Y., Shirokov V., Moseley G.E., Kosintsev P.A., Edwards R.L., Spötl C., 2021. ²³⁰Th dating of flowstone from Ignatievskaya Cave, Russia: Age constraints of rock art and paleoclimate inferences. *Geoarchaeology*, vol. 36, iss. 3, pp. 532–545.
- Kindler P., Guillevic M., Baumgartner M., Schwander J., Landais A., Leuenberger M., 2014. Temperature reconstruction from 10 to 120 kyr b2k from the NGRIP ice core. *Climate of the Past*, vol. 10, iss. 2, pp. 887–902.
- Lindgren A., Hugelius G., Kuhry P., Christensen T.R., Van den Berghe J., 2016. GIS-based Maps and Area Estimates of Northern Hemisphere Permafrost Extent during the Last Glacial Maximum. *Permafrost and Periglacial Processes*, vol. 27, iss. 1, pp. 6–16.
- Pacher M., Stuart A.J., 2009. Extinction chronology and palaeobiology of the cave bear (*Ursus spelaeus*). *Boreas*, vol. 38, iss. 2, pp. 189–206.
- Paleoklimaty i paleolandshafty vnetropicheskogo prostranstva Severnogo polushariya. Pozdnyy pleystotsen — golotsen [Paleoclimates and paleolandscapes in the extratropical area of the Northern Hemisphere. The Late Pleistocene — Holocene]. A.A. Velichko, ed. Moscow: GEOS, 2009. 120 p.
- Petrin V.T., 1992. Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoy peshchere [Paleolithic sanctuary in the Ignatievskaya cave]. Novosibirsk: Nauka. 208 p.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S., 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, vol. 62, iss. 4, pp. 725–757.
- Shirokov V.N., 2006. The problem of chronology of wall paintings of the Ignatievskaya cave first radiocarbon dates of colour pigment. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 99–105. (In Russ.)
- Shirokov V.N., Kosintsev P.A., 1997. A review of the use of Ural caves by Paleolithic people. *Peshchernyy paleolit Urala [The cave Paleolithic of the Urals]*. V.G. Kotov, ed. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp. 26–29. (In Russ.)
- Shirokov V.N., Petrin V.T., 2013. Iskusstvo lednikovogo veka. Ignatievskaya i Serpievskaya 2 peshchery na Yuzhnom Urale [The Art of Ice Age. The Ignatievskaya and Serpievskaya 2 caves in the Southern Urals]. Ekaterinburg: Azhur. 190 p.
- Shirokov V.N., Rowe M.W., Steelman K.L., Southon J.R., 2003. Ignatievskaya cave: first direct radiocarbon dating of wall paintings. *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh [Images and sacred space of ancient times]*. N.M. Chairkina, ed. Ekaterinburg: Akva-Press, pp. 67–72. (In Russ.)
- Smirnov N.G., Bol'shakov V.N., Kosintsev P.A., Panova N.K., Korobeynikov Yu.I., Ol'shvang V.N., Erokhin N.G., Bykova G.V., 1990. Istoricheskaya ekologiya zhivotnykh gor Yuzhnogo Urala [Historical ecology of animals in the Southern Urals]. Sverdlovsk: Ural'skoe otdelenie Akademii nauk SSSR. 244 p.
- Steelman K., Rowe M., Shirokov V., Southon J., 2002. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna. *Antiquity*, vol. 76, iss. 292, pp. 341–348.
- Stefanovskiy V.V., 2002. Lithology and the age of speleogenic formations in the Southern Urals. *Ural'skiy geologicheskii zhurnal [Ural geological journal]*, 6 (30), pp. 3–16. (In Russ.)
- Svensen J.I., Heggen H.P., Hufthammer A.K., Mangerud J., Pavlov P., Roebroeks W., 2010. Geo-archaeological

- investigations of Palaeolithic sites along the Ural Mountains — On the northern presence of humans during the last Ice Age. *Quaternary Science Reviews*, vol. 29, iss. 23–24, pp. 3138–3156.
- The Quaternary of the Urals. Global trends and Pan-European Quaternary records: Fieldtrip Guide-book of the International INQUA-SEQS Conference (Ekaterinburg, September 10–16, 2014). A.V. Borodin, ed. Ekaterinburg: Ural Federal University, 2014. 72 p.
- Van Klinken G.J., 1999. Bone Collagen Quality Indicators for Palaeodietary and Radiocarbon Measurements. *Journal of Archaeological Science*, vol. 26, iss. 6, pp. 687–695.
- Vandenbergh J., French H.M., Gorbunov A., Marchenko S., Velichko A.A., Jin H., Cui Z., Zhang T., Wan X., 2014. The Last Permafrost Maximum (LPM) map of the Northern Hemisphere: permafrost extent and mean annual air temperatures, 25–17 ka BP. *Boreas*, vol. 43, iss. 3, pp. 652–666.
- Zazovskaya E.P., 2016. Radiocarbon dating — current state, problems, development prospects and its application in archaeology. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Journal of archaeology, anthropology and ethnography], 1 (32), pp. 151–164. (In Russ.)

ОСОБЕННАЯ КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НА ПОСЕЛЕНИИ МАРТЮШЕВСКОЕ II (ДОЛИНА ПЕЧОРЫ, РЕСПУБЛИКА КОМИ)

© 2021 г. В.Н. Карманов^{1,*}, Т.Ю. Туркина^{1,**}, Е.Ю. Гиря^{2,***}

¹Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: vkarman@bk.ru

**E-mail: turkina.tania@yandex.ru

***E-mail: kostionki@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.09.2020 г.

Публикуются материалы места производства изделий из кремня на поселении Мартюшевское II. На основе анализа выявленных следов и остатков углубленного жилища авторы доказывают, что в нем функционировала мастерская, особенность которой — изготовление фигурного кремня — лунниц. В настоящее время это первое и единственное достоверное место производства символических изображений в Восточной Европе — основной территории этого явления в финальном неолите и энеолите. Новые источники расширяют этот ареал и предоставляют исследователям новые возможности для изучения первобытной культуры. Доступные для сравнения аналогии позволяют предложить атрибуцию выявленных источников как памятника гаринской культуры энеолита с предварительной датировкой в рамках второй половины III — первой половины II тыс. до н.э.

Ключевые слова: энеолит, река Печора, жилище, кремнеобрабатывающая мастерская, кремневая скульптура, наконечник стрелы.

DOI: 10.31857/S086960630011480-7

Кремнеобрабатывающие мастерские часто входят в состав жилищных комплексов энеолита и эпохи бронзы на северо-востоке Европы. Их представляют остатки мест производства в виде компактных скоплений отходов и брака, свидетельствующих наряду с готовой продукцией об их основной специализации в изготовлении наконечников стрел (Карманов, Гиря, 2018; Карманов, 2019). Наши представления о первобытной культуре расширяют материалы жилища № 1 поселения Мартюшевское II на р. Северной Мылве (долина р. Печоры, Республика Коми), где найдено не менее 15 бифасов серповидной формы — так называемых лунниц. Это распространенный образ в кремневой пластике лесной зоны Восточной Европы в финале неолита и в энеолите (Жульников, 2010. С. 303–316; Кашина, 2010. С. 88–97). Но на обширной территории Республики Коми было известно всего четыре предмета. Только один из них имел достоверную связь с комплексом определенной атрибуции — жилищем № 1 поселения Ластва VIII на р. Ижме (Истомина, Макаров, 2018). Остальные три артефакта обнаружены в слоях поликультурных и многокомпонентных памятников бассейна р. Вычегды — поселений

Вис I и Себъяг I (Археологическая карта Республики Коми, 2014. Рис. 23, 3, 4).

Цель публикации, помимо ввода в научный оборот новых источников, — атрибуция и определение места мастерской Мартюшевской II в синхронных культурах Северной Евразии. На основе анализа выявленных следов и остатков мы попытаемся доказать, что изученный контекст представляет собой углубленное в грунт жилище, в котором действовала мастерская для изготовления кремневых наконечников стрел и лунниц.

Поселение Мартюшевское II расположено на правом берегу р. Северной Мылвы (левый приток р. Печоры) в 2.5 км к юго-юго-востоку от пос. Мылва Троицко-Печорского р-на Республики Коми. Оно занимает поверхность надпойменной террасы, измененную эоловыми процессами, и примыкающую в настоящее время на юго-востоке к современному руслу реки, на юге — к древнему сегменту ее поймы (рис. 1). Оно открыто В.И. Канिवцом в 1962 г. (Канивец, Лузгин, 1963. С. 52–54); в 1988 г. обследовано И.О. Васкулом, выявившим жилищную впадину № 1 (Васкул, 1989). В 2013 г. В.Н. Карманов обнаружил

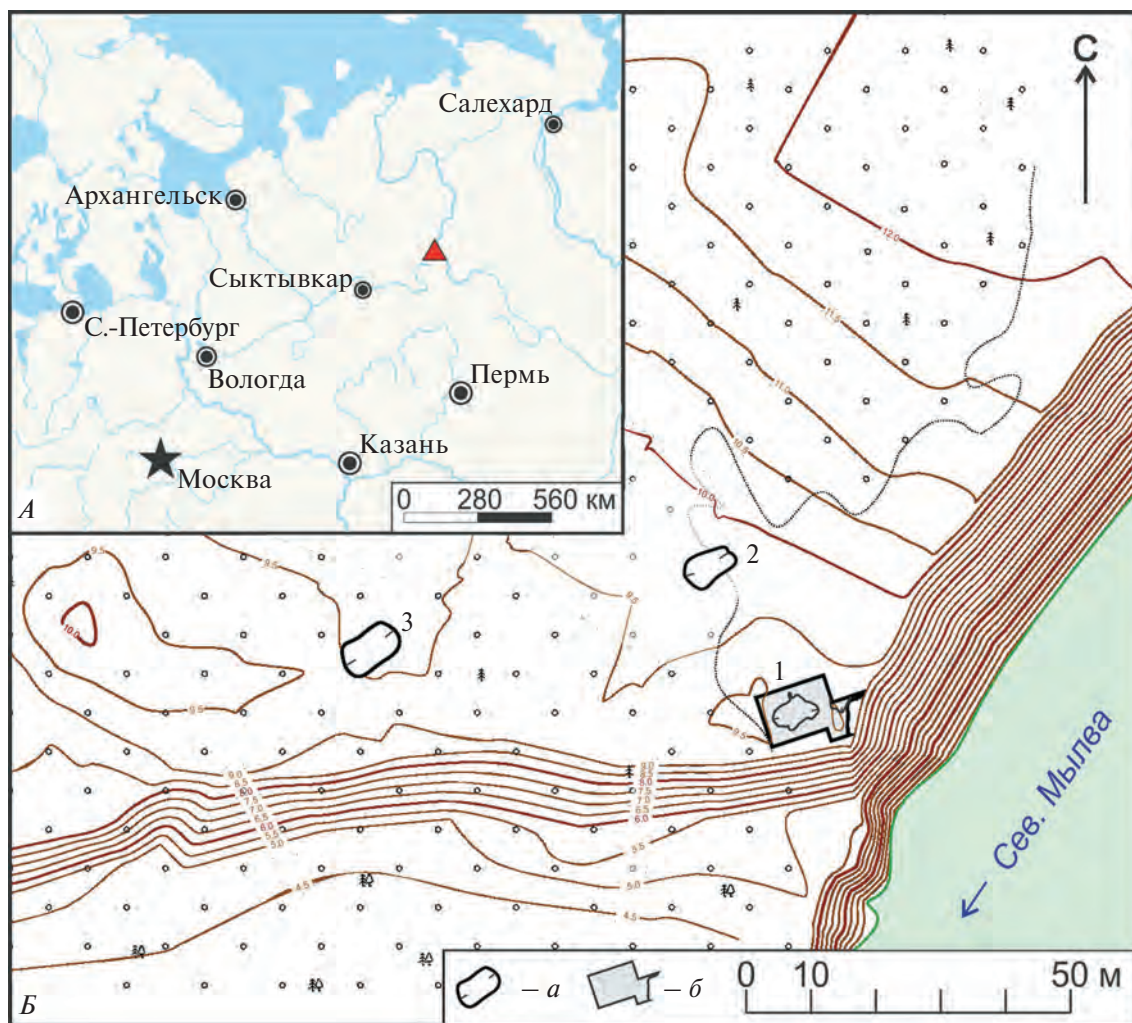

Рис. 1. Поселение Мартюшевское II. Местоположение (А) и ситуационный план (Б). Условные обозначения: а — жилищная впадина и ее номер; б — раскоп 2018 г.

Fig. 1. The Martyshevskoye II settlement. Its location (A) and situation plan (B). 1 — dwelling depression and its number; 2 — 2018 excavation site

на нем еще два аналогичных объекта, а также установил, что угрозу сохранности памятника представляют боковая эрозия р. Северной Мылвы; деятельность местного населения; сеть действующих лесных дорог и траншей противопожарных разрывов. Это послужило поводом для аварийно-спасательных раскопок, проведенных в 2018 г. Т.Ю. Туркиной и В.Н. Кармановым.

До раскопок на современной поверхности определена впадина размерами 5 × 8 и глубиной до 0.4 м — остатки древней углубленной постройки (рис. 2, А). Изученные отложения характерны для памятников, располагающихся в подзолистых почвах, слагающих надпойменные песчаные террасы, покрытых золотым чехлом (Косинская, 1990; Карманов, 2008. С. 19–21). Особенность изученного участка — переотложенные грунты и потревоженные участки культуровмещающих

отложений мощностью до 0.1–0.15 м, особенно в северо-восточной части впадины. Они свидетельствуют о механическом воздействии на уже существовавшую впадину в результате современной хозяйственной деятельности и естественных процессов. Еще какие-то неопределенные воздействия оказывались на остатки постройки в древности, но уже после ее археологизации, что документируется неестественным залеганием элювиального песка и его деформации на отдельных участках.

Раскопом площадью 106 м² изучены следы и остатки углубленной постройки, возможно, с тамбуром или второй камерой (рис. 2, А). Восстанавливается котлован сооружения, имеющий в плане форму прямоугольника со сторонами 5.2 и 8.4 м и углубленный в грунт на 0.30–0.35 м. Один вход-выход примыкал к короткой западной

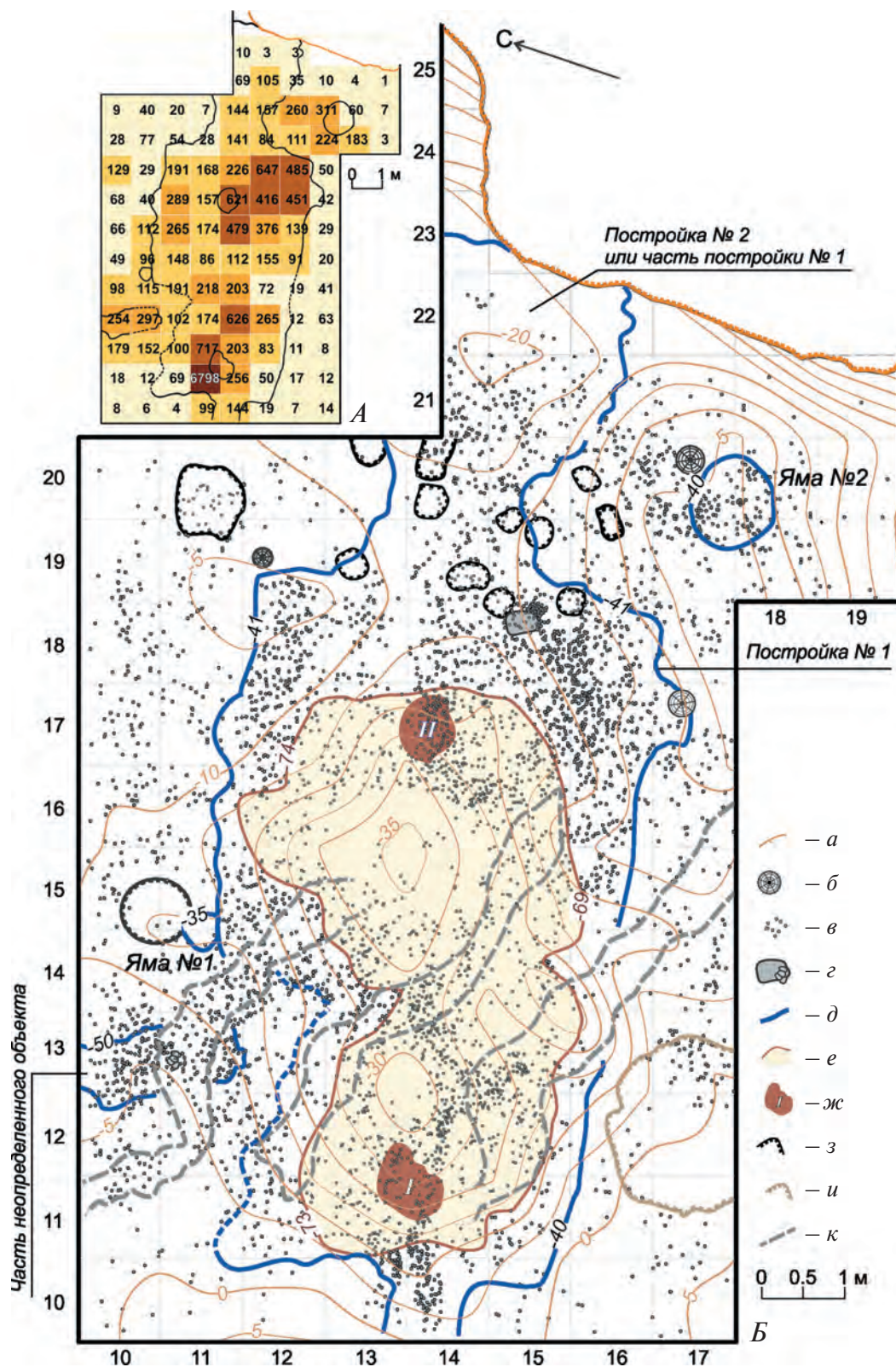

Рис. 2. Мартюшевское II. Количественное распределение находок на плане раскопа (А) и обобщенный план (Б). Условные обозначения: *a* — горизонтали рельефа современной поверхности, сечение 0.05 м; *б* — современные деревья; *в* — археологические предметы; *г* — гальки и валун некремневых пород; *д* — границы искусственных объектов; *е* — наиболее выраженный участок культурного слоя; *ж* — следы очагов; *з* — границы современных ям; *и* — яма, образовавшаяся от упавшего дерева; *к* — естественные деформации.

Fig. 2. Martushevskoye II. *A* — quantitative distribution of finds on the excavation plan; *B* — general plan

стороне, а к противоположному краю, возможно, еще такой же вход-выход или переход во вторую камеру. Этот участок между двумя конструкциями в наибольшей степени пострадал от современной хозяйственной деятельности, и поэтому нет уверенности, изучена двухкамерная постройка или зафиксировано частичное наложение на план двух разновременных сооружений. Отложения в пределах второй малой камеры или самостоятельной постройки содержали сравнительно небольшую коллекцию, в которой информативные артефакты отсутствовали, поэтому в дальнейшем речь пойдет об основном сооружении.

По центральной длинной оси постройки на расстоянии 4.5 м друг от друга располагались два очага — № I в западной части (кв. 11, 12/13, 14), № II — в восточной (17/13, 14). Предположительно они не имели конструктивного оформления и сохранились в виде линз бурого или темно-коричневого песка округлой в плане формы.

Учитывая преобладание кремневого дебитажа в коллекции (18883 из 20327 экз.), распределение находок на плане отражает преимущественно особенности залегания отходов камнеобработки. Их наибольшее количество залегало в границах котлована постройки (рис. 2, Б), а предметы вне сооружений не образуют явных скоплений и неравномерно распределены по всей площади раскопа и по глубине. Их средняя плотность значительно меньше, чем таковая в границах постройки: 26 против 363 ед./м². Исключение — яма № 2, где этот показатель был 192.

В котловане постройки предметы залегали неравномерно: около 7000 или 35% кремневых изделий составляли компактное скопление у западного выхода и очага № I. Это указывает на то, что они были складированы намеренно после уборки на месте точка, который, вероятно, располагался поблизости: определены концентрации дебитажа вокруг очага. Но естественные деформации грунта, исказившие исходное распределение кремня на этом участке, лишили нас твердой уверенности в этом. Более достоверно определяется место производства в юго-восточном углу жилища (кв. 16–18/14–16), выраженное кольцеобразным скоплением около 4000 предметов (20% от всех кремневых артефактов) и валуном некремневой породы уплощенной формы размерами 0.25 × 0.41 × 0.16 м. Он не имел явных макроследов износа и мог исполнять роль импровизированного сиденья мастера. Не исключено, что трасологическое изучение микроследов на нем позволит выявить свидетельства его более разнообразного использования.

За пределами сооружений выявлены две ямы. Яма № 1 (кв. 14, 15/12) округлой в плане формы, с диаметром около 0.4 и глубиной 0.16 м примыкала к северной стенке котлована и содержала грунт, насыщенный охрой. Предметы в ней не обнаружены, назначение не определено. Яма № 2 (кв. 19, 20/16–18), вероятно, была впущена в уже существовавшее в то время естественное углубление от упавшего дерева. Изначально она имела округлую в плане форму диаметром 1.0–1.3 и глубину до 0.45–0.50 м. Среди сравнительно многочисленных находок (около 700 предметов) в яме обнаружены информативные артефакты: фигурка водоплавающей птицы, два целых наконечника стрел и фрагмент стенки керамического сосуда. Но эти сведения и ничем не примечательный характер заполнения не позволяют определить ее функции.

Переданная на постоянное хранение в Научный музей археологии европейского Северо-Востока Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН коллекция включает 20 327 предметов: 19 904 кремневых изделия; 111 артефактов и манупортов из некремнистых пород (точнее не определялись); 209 обломков 10 керамических сосудов; неопределенное изделие из глины; накладка (?) из плоской проволоки, скрученной в спираль, и язычок пряжки или обломок браслета из медьсодержащего сплава; 99 очень мелких обломков и крошки кальцинированных костей, в том числе рыб (судя по имеющимся позвонкам).

Среди изделий из кремня преобладают отходы камнеобработки: чешуйки (9909 экз.), отщепы (7906), пластинчатые сколы (302), куски (21) и осколки (745). Обращает на себя внимание большое количество изделий с признаками намеренной тепловой обработки (1448) и разной степени термического воздействия (1740). Диагностируемые продукты расщепления — сколы бифасиального утончения — преимущественно отщепы мелких размеров (2011). Этому соответствует большое количество двусторонне обработанных кремней на разных стадиях изготовления — от отдельных сырьев с пробными снятиями до завершённых изделий (217). В 45 предметах распознаются наконечники стрел, в 15 — лунниц, а у 157 экземпляров целевая форма достоверно не определяется, вероятно, это заготовки наконечников. Все они сделаны из отдельных кремней, исходные формы и характеристики которых неопределимы из-за намеренной термической обработки и значительного изменения начальных поверхностей в результате бифасиального расщепления.

Рис. 3. Мартюшевское II. Кремневые наконечники стрел (1–9) и их заготовки (10–14).

Fig. 3. Martyshevskoye II. Flint arrowheads (1–9) and arrowhead blanks (10–14)

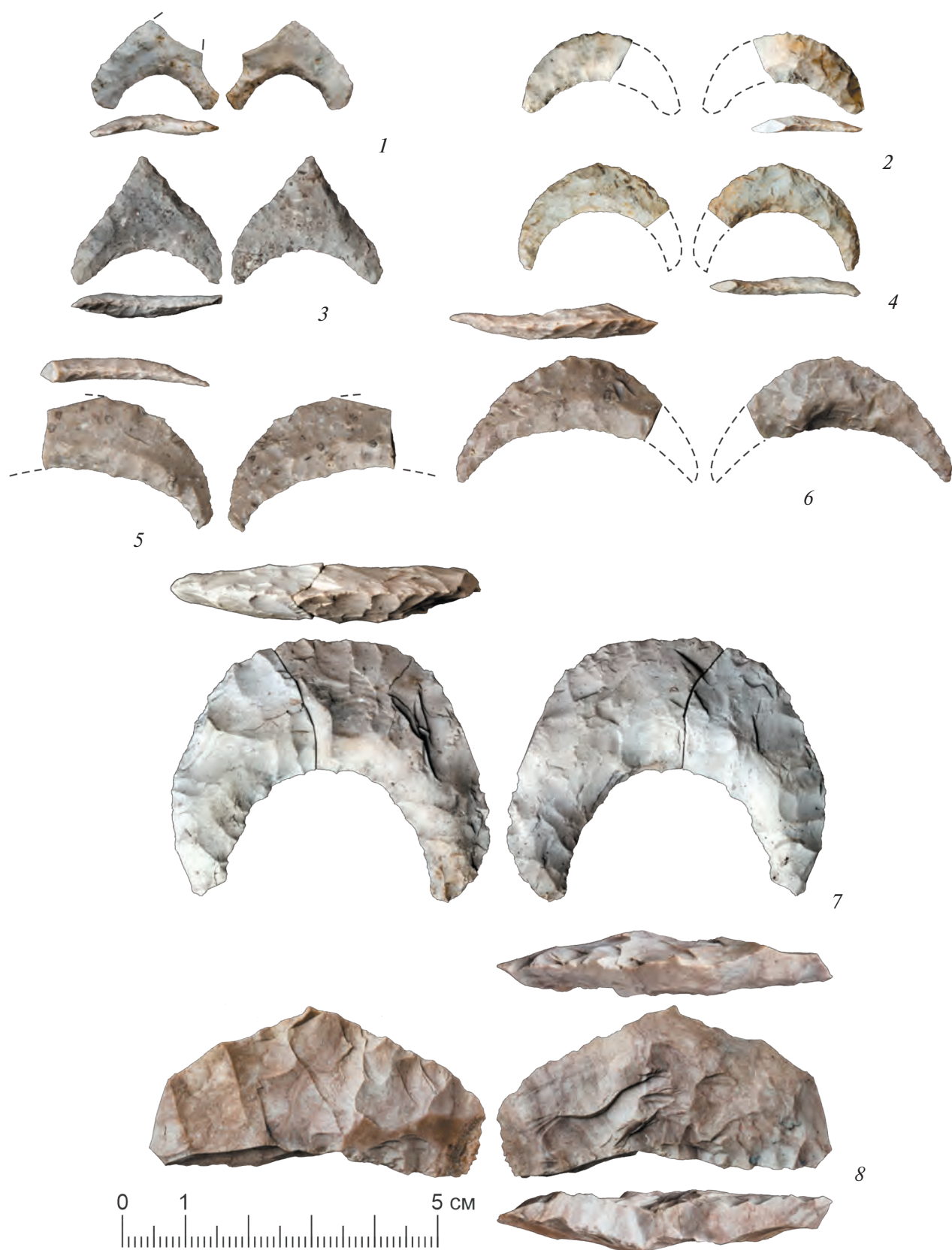

Рис. 4. Мартюшевское II. Кремневые лунницы (1–6) и их заготовки (7, 8).

Fig. 4. Martyushevskoye II. Flint moon-shaped bifaces (1–6) and blanks for them (7, 8)

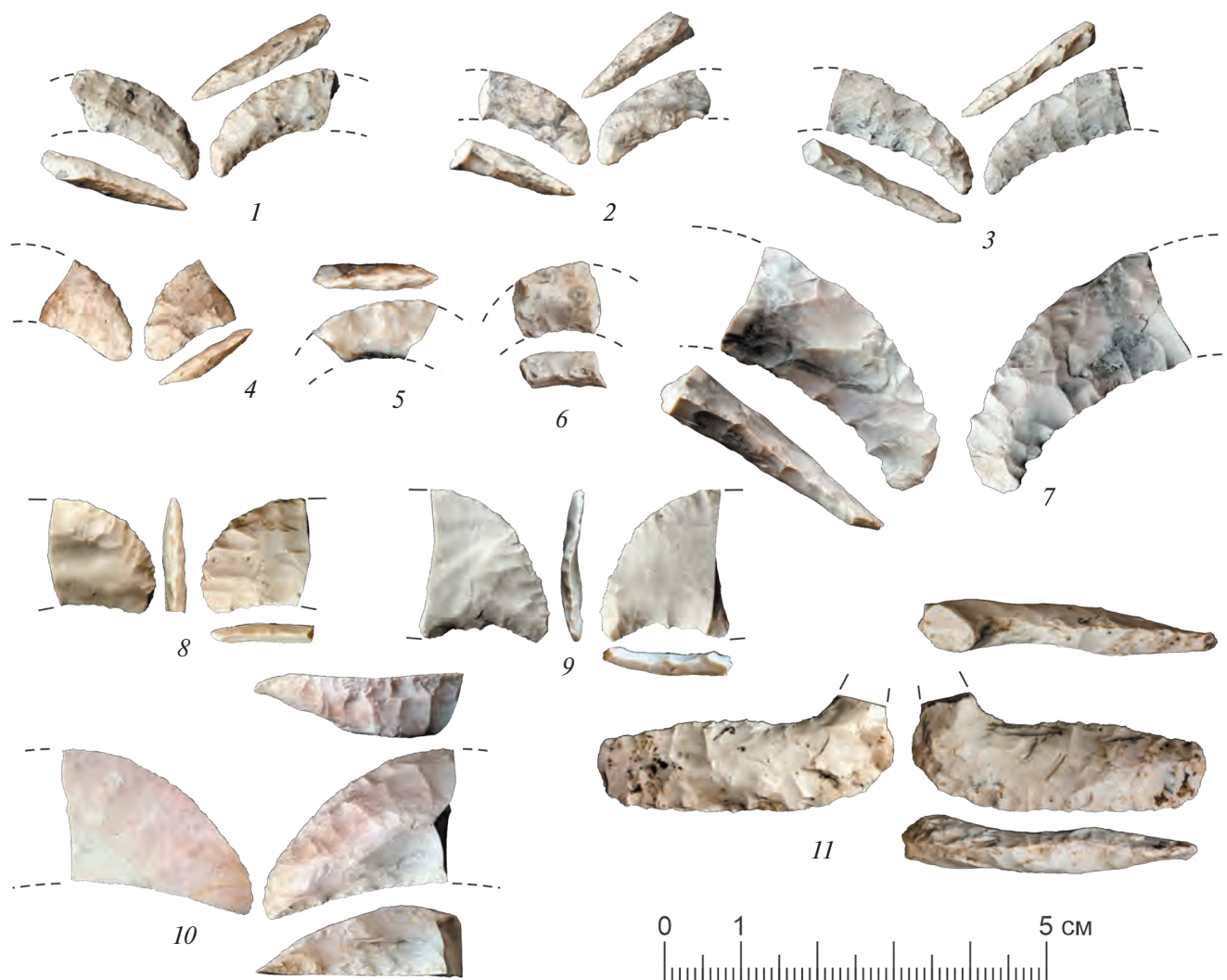

Рис. 5. Мартюшевское II. Кремневые предметы: обломки лунниц (1–7) и изделий, схожих с ними по форме (8–10); орнитоморфное изображение (11).

Fig. 5. Martyshevskoye II. Flint items: fragments of moon-shaped bifaces (1–7) and products of similar shape (8–10); a bird-shaped image (11)

Наконечники стрел представляют собой бифасы листовидной формы в основе. Для определения размерности и описания форм использованы данные только по артефактам и их фрагментам, обработка которых завершена или близка к таковой: самый крупный наконечник имел размеры 14×63 (рис. 3, 9), а самый мелкий — 12×26 мм (рис. 3, 1). Показатель массивности — отношение максимальной ширины к наибольшей толщине — составляет в среднем 2.95.

Выделяются две группы наконечников — с прямым и вогнутым основанием. Изделий с прямой базой — 13, включая 6 обломков; с вогнутой — 7, в том числе 3 фрагмента (рис. 3, 4–7, 9). У двух наконечников прямое основание скошено (рис. 3, 4). Выделяется 3 предмета, у которых шипы, образованные выемкой, имеют разную длину

(рис. 3, 1–3). Для изделий с прямым основанием характерно сужение к базе, а края изделий с вогнутым — субпараллельны. На одном из фасов самого крупного наконечника с незначительно обломанным острием сохранились остатки клея для крепления к древку стрелы (рис. 3, 9). Анализ этого вещества не проводился.

Фигурный кремнь представляют бифасы (рис. 4, 1–7; 5, 1–7) в виде полумесяца или серпа — лунницы, определяемые как символические изображения (Замятнин, 1948. С. 110, 111), и орнитоморфное изображение (рис. 5, 11). А.М. Жульников предложил группировку лунниц, исходя из “формы изделия в плане, наличия/отсутствия выступов и их расположения, наличия/отсутствия выемок для привязывания” (Жульников, 2010. С. 304, 305. Рис. 1). Поскольку для этой

классификации использованы все доступные для изучения предметы обширной территории, то правомерно определить место артефактов поселения Мартюшевское II в этом контексте.

Согласно этой группировке 5 изделий без выемок в центральной части достоверно относятся к варианту А группы 1 — полные бифасы серповидной формы (рис. 4, 3–6). 2 предмета с треугольными выступами на выпуклой части (рис. 4, 1, 2) принадлежат варианту А группы 2. Их отличает еще и то, что они изготовлены из сравнительно тонких отщепов с двусторонней обработкой контура изделий. Другие кремни в коллекции — обломки (рис. 5, 1–7) и их изначальная форма предположительна. Однако разница в обработке изделий разных групп позволяет отнести их с большей степенью вероятности к простейшим формам варианта А группы 1.

По аналогии с описанными выше символическими изображениями еще 3 предмета в обломках могли быть частями фигурных кремней или оригинальными формами орудий (рис. 5, 8–10).

В коллекции также присутствует два бифаса. Один из них в завершающей стадии расщепления с уже легко узнаваемой формой варианта А группы 1 (рис. 4, 7), скорее всего, был забракован мастером из-за серии сколов со ступенчатыми окончаниями на обеих поверхностях и/или поломки. Очертания второго предмета в плане близки сегменту и очевидны усилия по приданию ему формы серпа (рис. 4, 8), но серия неудачных снятий с заломами, вероятно, помешала дальнейшей обработке заготовки. Благодаря наличию такого брака можно предварительно судить о стадиях изготовления кремневых лунниц, и, несомненно, это весомый аргумент в пользу их производства на изученном месте.

В собрании фигурного кремня выделяется частично обломанное изделие, вероятно, орнитоморфное изображение. Его пространственное положение также отличается — оно найдено в заполнении ямы № 2 за пределами постройки (рис. 5, 11).

Помимо наконечников стрел и символических предметов 127 изделий из кремня использовались как орудия труда. Наибольшую часть из них составляют предметы, использовавшиеся в разных насущных кратковременных операциях — 59 разнообразных сколов с краевой ретушью и возможными признаками утилизации. Среди морфологически выраженных орудий больше всего скребков — 44. Ножи на сколах разных видов и форм (12), скобели (6), проколки (3),

комбинированные орудия (3) не образуют серий. Доля изделий с вторичной обработкой в общей совокупности кремня — показатель не безусловный, но традиционно используемый как критерий места производства. В изученном контексте она низка и составляет всего 1.7% с учетом чешуек или 3.4% без учета таковых.

Некремнистые породы представлены преимущественно необработанными гальками, плитками и их обломками. Терраса и покрывающие ее эоловые пески не содержат такой материал, и можно утверждать, что в первобытности его намеренно принесли в жилище. Среди манупортов своим размером выделяется упомянутый выше валун. Орудия представляют четыре абразива — изделия с макроследами утилитарного износа на одной из поверхностей; два грузила — гальки с намеренно оформленными противоположными выемками по краям; отбойник; два неопределимых орудия.

Трасология кремневых артефактов позволяет извлечь недоступную ранее информацию о первобытной культуре, а также может быть использована как доказательный метод. В нашем случае наличие/отсутствие следов на поверхностях позволяет определить особенности использования и дополнить/уменьшить вес результатов других методов. С этой целью была изучена продукция мастерской — наконечники стрел и фигурные кремни (рис. 4, 5), а также контрольная случайная выборка мелких отщепов. Опыт трасологического изучения фигурных кремней уже показал, что на них с большой степенью вероятности могут быть обнаружены следы общего недифференцированного неутилитарного износа — признаки транспортировки, ношения и/или хранения предметов (более детально см.: Гиря, 2015; Карманов, Гиря, 2018). Не являются исключением и 4 найденные до 2018 г. подвески-лунницы поселений Вис II, Себьяг и Ласта VIII (Girya, Karmanov, 2018. Р. 43, 44).

Публикаций с доказательной интерпретацией этого вида артефактов в археологической литературе пока еще крайне мало. Редкое исключение — работа Н.Н. Скаун и Н.Г. Недомолкиной, посвященная анализу фигурных кремней (и в частности лунниц) стоянок Верхней Сухоны. Несмотря на отсутствие иллюстраций, исходя только из описания результатов, можно утверждать, что основные наблюдения и выводы авторов совпадают с нашими. В статье отмечается присутствие следов заполированности поверхностей многих предметов, что, по мнению исследователей, является результатом ношения и продолжительного соприкосновения с какой-либо

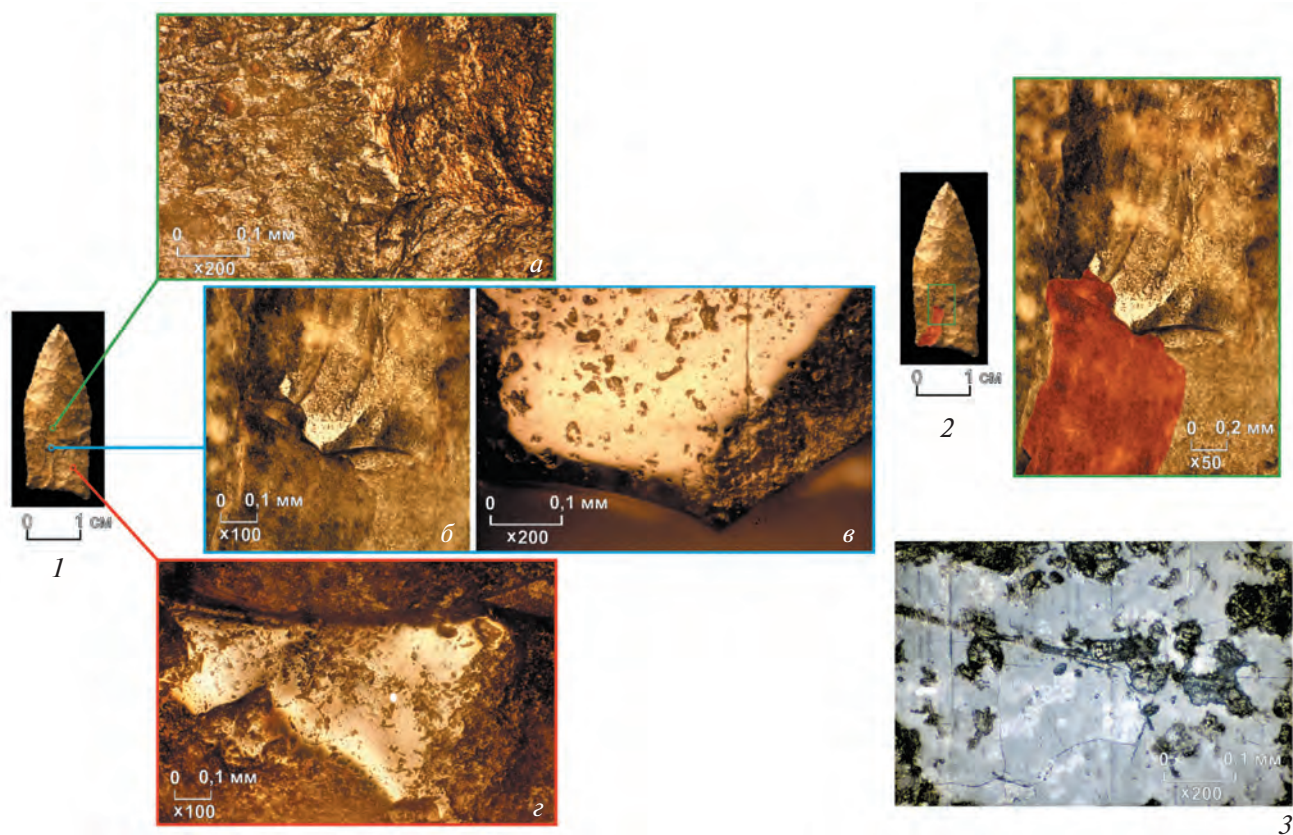

Рис. 6. Мартюшевское II. Микрорельефы: 1, 2 — поверхности наконечника стрелы (см. рис. 3, 3) под разным увеличением; 3 — поверхности рукояти экспериментального топора.

Fig. 6. Martyushevskoye II. 1, 2 — micro-relief of the arrowhead surface (see Fig. 3, 3) at different magnifications; 3 — micro-relief of the surface of an experimental axe handle

поверхностью (Скакун, Недомолкина, 2015. С. 87). Безусловный интерес представляют собой наблюдения, свидетельствующие об изготовлении фигурных кремней из уже бывших в употреблении орудий, а также предположение о возможном вторичном применении некоторых из них в качестве орудий.

На фоне этих наблюдений, ценных для дальнейших исследований, утверждение авторов — «отсутствие лощения и полировки на некоторых предметах дает вероятность предположить, что это votivные предметы» (Скакун, Недомолкина, 2015. С. 87) — выглядит странно. Предметы без износа не несут никакой информации об их использовании. Именно такие, изготовленные, но не использованные, отбракованные в ходе производства или незавершенные фигурные кремни описываются нами в данной статье. Исходя из контекста изученного участка поселения Мартюшевское II, у нас нет никаких оснований понимать их как votivные артефакты.

С трасологической точки зрения кремль из коллекции Мартюшевское II имеет очень

хорошую сохранность: выразительные следы от залегания в слое, происходящие от возможных негативных естественных воздействий, не обнаружены. Все продукты расщепления сохранили неповрежденные, относительно «свежие» острые кромки краев и межфасеточных ребер. Поверхности негативов и позитивов сколов также имеют исходный, неизменный вид.

Трасологический анализ выявил значительные видоизменения исходной поверхности лишь на одном из наконечников стрел (рис. 3, 3). Генезис комплекса следов на нем пока недостаточно ясен, поэтому его следует представить по возможности полно с целью накопления сравнительных данных для достижения более доказательной интерпретации в будущем. Этот артефакт представляет собой симметричный остроконечный бифас. На одной половине длины края его прямые параллельные, на второй — прямые конвергентные. Основание вогнутое. Присутствуют признаки пребывания в огне в виде длинных плоских трещин десквамации.

Большая часть поверхности изделия имеет ярко выраженный неутилитарный износ, который, как и положено, усиливается на всех выступающих, высоких участках рельефа поверхности (рис. 6, 1, а). Вместе с этим на данной поверхности представлены два относительно крупных пятна сплошной заполировки (рис. 6, 1, б–г). Подобные пятна часто можно обнаружить на поверхностях кремней, подвергшихся различным естественным воздействиям во время залегания в слое земли. Трасологи именуют их “яркими пятнами” (“bright spots”) или заполировкой типа “G”. Очень похожие по морфологии изменения микрорельефа пятна сплошной заполировки могут возникать и по иным причинам, что было неоднократно показано нами экспериментально путем совместной транспортировки кремневых артефактов крупного размера весом более 1 кг. Но мы изучаем предмет сравнительно малого размера.

По морфологии оба рассматриваемых пятна практически аналогичны. Не вызывает сомнения, что они возникли по одной и той же причине, в результате неизвестного нам процесса. Благодаря стратиграфии следов есть твердые основания утверждать, что этот процесс происходил до попадания артефакта в культурный слой: одно из указанных пятен (рис. 6, 1, б, в) в древности было “срезано” негативом скола с основания наконечника (рис. 6, 2). Это достаточно длинный скол с очень плоским, практически неконическим началом и ступенчато-петлеобразным окончанием.

Микрорельеф обоих пятен сплошной заполировки гладкий, благодаря чему она очень яркая (рис. 6, 1, б–г). При этом заполированная поверхность не плоская, она куполообразно покрывает рельеф, облегает его, что очень характерно для заполировки от контакта с деревом. На одном из пятен есть следы растрескивания геля (рис. 6, 1, б, в). Эта трещина присутствует только на геле заполировки, она не связана со следами пребывания наконечника в огне. Трещины от контакта с растительными материалами в целом не характерны для заполировок. Тем не менее случаи, когда они все-таки возникают, нам известны — это заполировки от закрепления в деревянных рукоятях (рис. 6, 3). Причем для их возникновения не требуется продолжительное использование орудия (по данным экспериментов А.М. Родионова; Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник “Дивногорье”, г. Воронеж). Поэтому не исключено, что данные пятна на одной из поверхностей наконечника могли возникнуть в результате его неплотного

контакта с древком (люфт крепления). Во многом аналогичные следы на кремневых орудиях от деревянных рукоятей (но без трещин на пятнах заполировки) были получены экспериментально французскими коллегами. Вердле Ротс удалось проследить и задокументировать возникновение пятен яркой сплошной заполировки трех типов на контактных с рукоятками поверхностях тесел, стамесок и даже скребков (Rots, 2002. Р. 63).

Самые прямые археологические аналогии комплексу следов на орудии поселения Мартюшевское II — следы на наконечниках стрел армориканского типа финального бронзового века Франции. Это изделия высокого, почти ювелирного качества, найденные исключительно в элитных, статусных захоронениях. Несомненно, что они изготавливались квалифицированными мастерами. Следы утилитарного (метательного) износа на армориканских наконечниках не найдены. Рельеф их поверхностей видоизменен развитым неутилитарным износом в сочетании с пятнами сплошной заполировки. Исследователи полагают, что данный комплекс следов возникал от люфта наконечников в зонах крепления к древку стрелы в ходе очень длительного, возможно в течение десятилетий, использования в качестве предметов-символов престижа (Nicolas, Guéret, 2014. Р. 101–128).

Исходя из особенностей морфологии описанного выше скола с основания наконечника из Мартюшевского II поселения, мы не исключаем возможность его интерпретации как выкрошенности от метательного износа. То есть, возможно, вогнутая база бифаса могла служить поперечным лезвием, а скол возник в результате столкновения наконечника с твердым препятствием. Если эти предположения оправдаются, возникнет необходимость переосмысления некоторых наконечников этого типа изучаемого памятника (рис. 3, 1–3): не являются ли они также поперечно-лезвийными? Сколы “подтески” — обработки оснований этих наконечников — имеют необычную форму: менее регулярные очертания и иные пропорции в сравнении со сколами оформления продольных краев. Мы полагаем, что эта гипотеза заслуживает внимания, но требует более убедительных подтверждений.

В сравнении с комплексом следов, обнаруженным на наконечнике, сохранность поверхностей лунниц почти идеальна и идентична таковой на свежизготовленных продуктах расщепления. Поскольку все артефакты обнаружены в одном контексте, неслучайность присутствия или отсутствия каких-либо следов на их поверхностях

Рис. 7. Мартюшевское II. Медные изделия (1, 2) и фрагменты керамических сосудов (3–7).

Fig. 7. Mart'yushevskoye II. Copper items (1, 2) and potsherds (3–7)

очевидна. Исходя из этого, мы констатируем факт длительного использования наконечника и неиспользования продуктов расщепления, связанных с производством лунниц (поскольку представлены лишь следы обработки — негативы и позитивы сколов).

Таким образом, данные трасологии свидетельствуют об отсутствии на изученных предметах, за исключением одного наконечника, каких бы то ни было признаков их транспортировки, ношения на теле, хранения в емкостях и использования в качестве орудий. Это отличает коллекцию лунниц Мартюшевской II от ранее изученных фигурных кремней (Карманов, Гиря, 2018; Скакун,

Недомолкина, 2015). А в совокупности с данными анализа контекста их обнаружения и ввиду отсутствия целых предметов и наличия изделий на разных стадиях обработки, позволяет утверждать, что они изготовлены на месте и, вероятно, являются браком.

Для определения культурной атрибуции материалов раскопок 2018 г. поселения Мартюшевское II информативны обломки керамической посуды, наконечники стрел и фигурные кремни.

Среди 209 преимущественно мелких обломков керамической посуды (рис. 7) наиболее информативна верхняя часть сосуда, изготовленного

из глины с примесью органики (рис. 7, 4, 5). У него очень слабо выражена профилировка; венчик оформлен пальцевыми защипами (так называемый гофрированный венчик), а внешняя поверхность украшена наклонными вправо оттисками зубчатого штампа (“пунктирной гребенкой”), сгруппированными в неопределенном количестве в наклонный ряд. Небольшим фрагментом представлена очень низкая емкость с плоским дном (рис. 7, 3). Показательна также часть основания круглодонного горшка, изготовленного из глины с примесью дробленой раковины (рис. 7, 7). Орнамент на нем сохранился как фрагмент мотива из наклонных оттисков гребенчатого штампа неопределенной длины.

Такие показатели, как примесь раковины в тесте; пористость керамики; гофрированный венчик и орнаментация длинными гребенчатыми оттисками, позволяют предположить соответствие керамической посуды Мартюшевской II керамике памятников позднего этапа гаринской культуры бассейна р. Камы. Среди них — поселения Заюрчим I (Коренюк, Мельничук, 2010. Рис. 4, 26, 27), Рычино III (Денисов и др., 2012. С. 115, 116. Рис. 3, 3, 4) и Большая Ока I (Шорин, 1999. Рис. 37, 1, 2; 38, 1–3, 7–11). При этом полные соответствия в материалах других поселений р. Печоры и сопредельных бассейнов Вычегды с Вымью и Мезени отсутствуют. Исключение — посуда с гофрированным венчиком и “пунктирной гребенкой” из построек поселения Дандор на р. Вычегде (Паршуков, 2005. Рис. 3, 2–4), а также незначительная часть керамических коллекций поселений Усть-Ворыква, Усть-Кедва и Усть-Комыс на р. Выми (Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 6, 1; 26, 11, 12; 29, 7; 68, 3).

Из двух металлических предметов (рис. 7, 1, 2) наиболее информативно изделие, изготовленное из медной плоской проволоки (рис. 7, 1). Полные аналогии этому предмету не найдены, но в целом оно подобно части очковидной подвески — украшения хоть и редко, но присутствующего в коллекциях памятников гаринской культуры. Это, например, поселения Старушка, Красное Плотбище и Басенький Бор (Бадер, 1961. Рис. 110, 1). Однако до накопления новых материалов трудно сказать, является изделие Мартюшевской II оригинальным или это реплика распространенных в эпоху бронзы украшений, в основе которых спираль из проволоки (напр.: Большов, 2003).

Листовидные наконечники стрел с прямым и вогнутым основанием (рис. 3) широко распространены в культурах эпохи раннего металла от Урала до Балтики. На крайнем северо-востоке

Европы они типичны для жилищных комплексов чойновтинской культуры — аналога гаринской культуры в этом регионе. Такие формы или очень близкие им присутствуют в коллекциях поселений Галово II (Лузгин, 1972. Рис. 9, 1–12) и Ласта VIII (Истомина, Макаров, 2018. Рис. 4, 1–10) в долине р. Ижмы; Чойновты II и Ошчой I на р. Мезени (Стоколос, 1986. Рис. 85, 18–26; 92, 1–9; 101, 1, 2; 109, 1); Угдым IB (Карманов, 2019. Рис. 4–6) и Вад I (Королев, 1997. Рис. 9, 9, 10) на р. Вычегде; Усть-Кедва I, Шомвуква II, Ёвдино II на р. Выми (Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 11, 1, 2, 6, 7; 15, 6–9; 22, 3–5; 32, 1, 5–7; 39, 4, 5; 45, 14; 63). В коллекции Мартюшевской II есть всего три наконечника с формой, отсутствующей на этих памятниках: изделия с вогнутым основанием и шипами разной длины (рис. 3, 1–3). Подобные вещи найдены преимущественно в контекстах гаринской культуры позднего этапа — Выстелишна (Бадер, 1961. Рис. 43, 7, 8), Заюрчим I (Коренюк, Мельничук, 2010. Рис. 4, 4, 8), Гагарская III (Денисов, Мельничук, 2014. Рис. 6, 8). Остальные формы наконечников Мартюшевской II являются среди прочих определяющими признаками этой же культуры (напр.: Бадер, 1961. Рис. 17, 6–8, 14; 31, 1, 4, 6, 8; 43, 1, 4, 5, 7–9; Наговицын, 1990. Табл. 5; Коренюк, Мельничук, 2010. Рис. 4, 4, 8).

А.М. Жульников проанализировал географию и культурно-хронологическую атрибуцию кремневых лунниц разных форм. Простейшие формы варианта А группы 1 распространены тремя ареалами на обширной территории Русской равнины: в ее центральной части; на севере в Прионежье и в низовьях р. Северной Двины; на крайнем северо-востоке Европы (Жульников, 2010. Рис. 3, 4). В настоящее время последний ареал может быть расширен на восток за счет материалов поселения Мартюшевское II на р. Печоре; на юг — находками на памятниках бассейна р. Камы (Пермский край) — Чашкинское озеро VI (Мельничук, Пономарева, 1984. Рис. 3, 9), Симониха 2 и Красное Плотбище (сообщение А.Ф. Мельничука), а на юго-восток — предметами из Муллино III, Полуденки II и 1-й Береговой стоянки (Сериков, 2014. Рис. 9, 1, 3, 4).

Однако достоверно культурная атрибуция большинства этих находок не определена, поскольку они выявлены, как правило, единично в слоях поликультурных и многокомпонентных памятников. Имеющиеся достоверные ситуации позволяют связывать их с материалами волосовской культуры; с поселениями с асбестовой керамикой типа Оровнаволоков и Войнаволоков; с керамикой

типа Тихманга—Модлона — памятниками энеолитического времени (Жульников, 2010. С. 309).

В этой связи более определенными являются контексты лунниц, найденных на современной территории Республики Коми — гомогенных жилищных комплексов Ласта VIII и Мартюшевское II гаринской (чойновтинской, по В.С. Стоколосу) культуры энеолита. С нею же связан и клад зооморфных кремневых скульптур комплекса Угдым IB (Карманов, Гиря, 2018. Рис. 6) и набор кремневой пластики поселения Лопью на р. Локчим (Археологическая карта Республики Коми, 2014. Рис. 23, 6, 10).

Возможности для инструментального датирования представляют намеренно нагретые кремни; клеящее вещество на наконечнике стрелы (рис. 3, 9) при условии, что это не природный битум; фрагменты древесных углей из остатков очагов и ямы № 2.

В настоящее время датированы только угли из ямы № 2 и углубления, в которое она заложена. Наибольшие концентрации углей залегали на двух уровнях, соответствующих последовательным событиям их формирования. В результате получены ^{14}C -определения: 3790 ± 40 ^{14}C л.н. (ГИН-15928) (стенка ямы) и 4680 ± 60 ^{14}C л.н. (ГИН-15929) (придонная часть углубления). С учетом калибровки (произведена в программе OxCal, v.4.4, кривая Int Cal 20, вероятность 95,4%) радиоуглеродный возраст соответствует периодам 2403—2042 и 3631—3359 кал. л. до н.э. соответственно. С событием создания искусственной ямы с наибольшей степенью вероятности связан первый образец, который в пересчете на календарный возраст относится к втор. пол. III тыс. до н.э. Надежные обоснования возраста памятников чойновтинской или гаринской культур пока отсутствуют: имеющиеся инструментальные определения имеют широкие доверительные интервалы или неоднозначны. Правомерно пока говорить о широком отрезке времени в пределах III — перв. пол. II тыс. до н.э. (Карманов, 2018). Но выявленные особенные признаки в керамической посуде (слабая профилировка сосудов, плоскодонная посуда, гофрированные венчики и т.п.) и наличие металлических украшений с большей вероятностью позволяют отнести функционирование мастерской на Мартюшевском II поселении к втор. пол. III — перв. пол. II тыс. до н.э.

На поселении Мартюшевская II в 2018 г. изучены следы и остатки углубленного сооружения размерами 5.2×8.4 м и площадью около 44 кв. м. Возможно, она была соединена переходом с объектом, исследованным частично. Постройка

имела по крайней мере один вход-выход, а на ее центральной оси располагались два очага. С ними были сопряжены два рабочих места мастера, с одним из которых связано место складирования отходов производства. Количественный и качественный состав коллекции, включающей орудия из камня (скребки, ножи, грузила, абразивы), керамическую посуду и обломки костей животных, указывают на то, что изученная структура — остатки жилого сооружения, в котором из-за лучшей сохранности в большей степени представлены свидетельства изготовления кремневых артефактов.

Сравнительно большое количество отходов камнеобработки и их пространственное распределение; наличие предметов на разных стадиях обработки; технология расщепления, морфология и трасология кремневых артефактов указывают на то, что конечная продукция мастерской — наконечники стрел и лунницы. Их изготовление велось с применением технологии вторичного бифасиального утончения и тепловой подготовки сырья к дальнейшему расщеплению. Очаги в этом контексте могли использоваться не только для приготовления пищи и обогрева помещения, но и для намеренного нагрева кремня, хотя таких убедительных доказательств этому, как в случае с мастерской Угдым IB (Карманов, 2019), здесь не обнаружено.

Количество наконечников стрел и их заготовок не является выдающимся признаком комплекса Мартюшевской II. В регионе выявлены и более продуктивные мастерские Ёвдино III и Шомвуква II на р. Выми, где найдено 192 и 201 незавершенное изделие соответственно (Семенов, Несанелене, 1997. С. 97—99; табл. 1, 2). Но число выявленных на одном месте лунниц из кремня — уникально и аномально для Северной Евразии в целом. Более того, найденные на памятнике предметы — в основном бракованная продукция мастерской, и неопределенное количество артефактов их создатели/потребители могли унести с собой.

Технико-типологические показатели керамической посуды, кремневого инвентаря, металлического украшения позволяют предложить атрибуцию этого комплекса как памятника гаринской культуры, с большей степенью вероятности — ее позднего этапа. Наличие металлических изделий как в самом жилище, так и свидетельства металлообработки в сопоставимых с ним комплексах бассейнов рр. Камы и Печоры, позволяют отнести их к энеолиту. Согласно имеющимся датировкам и указанным аналогиям наиболее вероятен

период бытования комплекса во втор. пол. III — перв. пол. II тыс. до н.э.

Представленные данные, наряду с материалами Угдым IB и Лопью, в настоящее время являются информативными источниками для изучения миниатюрной кремневой скульптуры в культуре населения энеолита лесной зоны Восточной Европы. Они расширяют наши представления о географии этого явления; позволяют определенно атрибутировать его и предоставляют данные о технологическом контексте.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательских работ “Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам Европейского Северо-Востока России)” (№ 121051400045-9) и “Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)” (№ 0184-2019-0008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта Республики Коми. Сыктывкар: Коми республикан. тип., 2014. 246 с.
- Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. М.: Наука, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 99). 199 с.
- Большов С.В.* Средневожская абашевская культура (по материалам могильников). Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т, 2003 (Труды Марийской археологической экспедиции; т. VIII). 184 с.
- Васкул И.О.* Отчет о полевых исследованиях Сысольского археологического отряда в 1988 году. Сыктывкар, 1989 // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 13349, № 13350.
- Гиря Е.Ю.* Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского / Под ред. О.В. Лозовской, В.М. Лозовского, Е.Ю. Гири. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* Поселение Гагарское III в системе новоильинских древностей Пермского Приуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. Вып. 1 (24). С. 44–59.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Тресков С.А.* Поселение Рычино III в Удмуртском Прикамье и валиковая керамика в позднегаринском культурном пространстве // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 8. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2012. С. 115–121.
- Жульников А.М.* Кремневая скульптура в культуре древнего населения Прибеломорья и соседних регионов // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К., 2010. С. 303–316.
- Замятин С.Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // Советская археология. 1948. Т. X. С. 85–123.
- Истомина Т.В., Макаров А.С.* Ласта VIII — опорный памятник эпохи раннего металла на р. Ижме // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 229–241.
- Канивец В.И., Лузгин В.Е.* Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Отчет о работах 1962 г. в зоне затопления Усть-Войского водохранилища. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1963 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; вып. II). 84 с.
- Карманов В.Н.* Неолит Европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра Уральского отд. РАН, 2008. 226 с.
- Карманов В.Н.* Проблемы хронологии энеолита крайнего северо-востока Европы // Уральский исторический вестник. 2018. № 3. С. 115–125.
- Карманов В.Н.* Тепловая обработка кремня на крайнем северо-востоке Европы в эпоху раннего металла // Известия лаборатории древних технологий. 2019. № 3. С. 28–45.
- Карманов В.Н., Гиря Е.Ю.* Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым IB (Средняя Вычегда, Республика Коми) // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 139–155.
- Кашина Е.А.* К вопросу о кремневых “лунницах” в энеолите лесной зоны Восточной Европы // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань: Александрия, 2010. С. 88–97.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Жилищные комплексы эпохи палеометалла поселения Заюрчим I (по материалам раскопок 2009 г.) // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения) / Ред. Р.Д. Голдина и др. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2010. С. 180–187.
- Королев К.С.* Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: Уральское отд. РАН, 1997. 194 с.
- Косинская Л.Л.* Особенности исследования поселений с полуземляночными жилищами в таежной зоне Европейского Северо-Востока // Полевая археология мезолита — неолита / Отв. ред. Н.Н. Гурина, В.И. Тимофеев. Л.: Ленинградское отд. Ин-та археологии Акад. наук СССР, 1990. С. 101–107.
- Лузгин В.Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.
- Мельничук А.Ф., Пономарева Л.В.* Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Ред. Л.А. Наговицин.

- Ижевск: Удмуртский науч.-исслед. ин-т, 1984. С. 44–57.
- Наговицын Л.А. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск Удмуртский ин-т истории, языка и литературы, 1990. С. 82–96.
- Паршуков Ю.В. Дань-Дар — новый энеолитический памятник на Средней Вычегде // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра Уральского отд. РАН, 2005 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; вып. 17). С. 23–33.
- Семенов В.А., Несанелене В.Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): учеб. пособие. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1997. 172 с.
- Серигов Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. соц.-пед. акад., 2014. 268 с.
- Скаун Н.Н., Недомолкина Н.Г. Трасологический анализ фигурного кремня со стоянок Верхней Сухоны // Методы изучения каменных артефактов: материалы междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2015 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 85–87.
- Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. 192 с.
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: Уральское отд. РАН, 1999. 183 с.
- Girya E., Karmanov V. Traces of general non-utilitarian wear on flint artefacts as a data on research in prehistoric culture: the case study of the Eneolithic of the extreme north-east of Europe // Crossing the Borders. Interregional and Cross-Cultural Interactions in the Context of Lithic Studies: 15th SKAM Lithic Workshop 17–19 October 2018, Minsk, Belarus. Minsk, 2018. P. 43–44.
- Nicolas C., Guéret C. Armorican Arrowheads Biographies: Production and Function of an Early Bronze Age prestige good from Brittany (France) // Journal of Lithic Studies. 2014. Vol. 1, № 2. P. 101–128.
- Rots V. Bright spots and the question of hafting // Anthropologica et Præhistorica. 2002. Vol. 113. P. 61–72.

THE UNUSUAL ENEOLITHIC FLINT WORKSHOP AT THE MARTYUSHEVSKOYE II SETTLEMENT (THE PECHORA VALLEY, THE KOMI REPUBLIC)

Viktor N. Karmanov^{1,*}, Tatiana Yu. Turkina^{1,**}, Evgeny Yu. Girya^{2,***}

¹*Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre at the Ural Branch RAS, Syktyvkar, Russia*

²*Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia*

*E-mail: vkarman@bk.ru

**E-mail: turkina.tania@yandex.ru

***E-mail: kostionki@yandex.ru

The article publishes materials from the Eneolithic flint workshop at the site of Martyushevskoye II. Based on the analysis of the revealed traces and residues the authors prove that there was a workshop operating in the sub-terrain dwelling. Its peculiarity is the production of flint figurines — moon-shaped pendants. At present, Martyushevskoye II is the only reliably proven location where symbolic images were manufactured in Eastern Europe — the main area of this phenomenon during the final stage of the Neolithic and the Eneolithic. These newly obtained data expand this area and provide researchers with new opportunities to study prehistoric culture. The available analogies make it possible to suggest attribution of the studied assemblage to sites of the Garino Eneolithic culture and date it by the second half of the 3rd — the first half of the 2nd millennium BC.

Keywords: Eneolithic, Pechora River, dwelling, flint workshop, flint figurines, arrowhead.

REFERENCES

- Arkheologicheskaya karta Respubliki Komi [Archaeological map of the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya, 2014. 246 p.
- Bader O.N., 1961. Poseleniya turbinskogo tipa v Srednem Prikam'е [Turbino-type settlements in the Middle Kama region]. Moscow: Nauka. 199 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 99).
- Bol'shov S.V., 2003. Srednevolzhskaya abashevskaya kul'tura (po materialam mogil'nikov) [The Abashevo culture of the Middle Volga (based on materials from burial grounds)]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut. 184 p. (Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, VIII).

- Denisov V.P., Mel'nychuk A.F., 2014. The Gagar'skoye III settlement in the context of Novoiyskiy antiquities of the Perm Cis-Urals. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya [Perm University Herald. History]*, 1 (24), pp. 44–59. (In Russ.)
- Denisov V.P., Mel'nychuk A.F., Treskov S.A., 2012. The settlement of Rychino III in the Udmurt area of the Kama region and cordoned ware in the late Garino cultural space. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]*, 8. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 115–121. (In Russ.)
- Girya E., Karmanov V., 2018. Traces of general non-utilitarian wear on flint artefacts as a data on research in prehistoric culture: the case study of the Eneolithic of the extreme north-east of Europe. *Crossing the Borders. Interregional and Cross-Cultural Interactions in the Context of Lithic Studies: 15th SKAM Lithic Workshop 17–19 October 2018, Minsk, Belarus*. Minsk, pp. 43–44.
- Girya E.Yu., 2015. Traces as a type of archaeological source (unpublished compendium of lectures). *Sledy v istorii. K 75-letiyu Vyacheslava Evgen'evicha Shchelinskogo [Traces in history. To the 75th anniversary of Vyacheslav Evgenievich Shchelinsky]*. O.V. Lozovskaya, V.M. Lozovskiy, E.Yu. Girya. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 232–268. (In Russ.)
- Istomina T.V., Makarov A.S., 2018. Lasta VIII – a reference site of the early Metal Age on the Izhma river. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region archaeology]*, 3 (25), pp. 229–241. (In Russ.)
- Kanivets V.I., Luzgin V.E., 1963. Arkheologicheskaya razvedka na Yuzhno-Pechorskoy ravnine. Otchet o rabotakh 1962 g. v zone zatopleniya Ust'-Voyskogo vodokhranilishcha [Archaeological survey in the South Pechora plain. Report on the 1962 activities in the flooding zone of the Ust'-Voyskoye reservoir]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo. 84 p. (Materialy po arkheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka, II).
- Karmanov V.N., 2008. Neolit evropeyskogo Severo-Vostoka [The Neolithic of the European Northeast]. Syktyvkar: Izdatel'stvo Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 226 p.
- Karmanov V.N., 2018. Issues of the Eneolithic chronology of Europe's far northeast. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical journal]*, 3, pp. 115–125. (In Russ.)
- Karmanov V.N., 2019. Heat treatment of flint in the far northeast of Europe in the early Metal Age. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]*, 3, pp. 28–45. (In Russ.)
- Karmanov V.N., Girya E.Yu., 2018. Artifacts with traces of non-utilitarian wear in the context of the Ugdyk IB Eneolithic flint workshop (Middle Vychegda, Komi Republic). *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region archaeology]*, 3 (25), pp. 139–155. (In Russ.)
- Kashina E.A., 2010. On the flint moon-shaped items in the Eneolithic of the forest zone of Eastern Europe. *Materialy po istorii i arkheologii Rossii [Materials on the history and archaeology of Russia]*, 1. Ryazan': Aleksandriya, pp. 88–97. (In Russ.)
- Korenyuk S.N., Mel'nychuk A.F., 2010. Dwelling complexes of the Paleometal Age in the Zayurchim I settlement (based on materials of the 2009 excavations). *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeystviya cheloveka, prirody, obshchestva (XIII Baderovskie chteniya) [Archaeological heritage as a reflection of the historical experience of interaction between man, nature, and society (XIII Bader readings)]*. R.D. Goldina, ed. Izhevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 180–187. (In Russ.)
- Korolev K.S., 1997. Naselenie sredney Vychegdy v drevnosti i srednevekov'e [Population of the middle Vychegda region in ancient times and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk. 194 p.
- Kosinskaya L.L., 1990. Peculiarities of studying settlements with half-sunken dwellings in the taiga zone of the European Northeast. *Polevaya arkheologiya mezolita – neolita [Field archaeology of the Mesolithic – Neolithic]*. N.N. Gurina, V.I. Timofeev, eds. Leningrad: Leningradskoe otdelenie Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR, pp. 101–107. (In Russ.)
- Luzgin V.E., 1972. Drevnie kul'tury Izhmy [Ancient cultures of the Izhma region]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Mel'nychuk A.F., Ponomareva L.V., 1984. The Neolithic site of Chashkinskoye Lake VI. *Problemy izucheniya kamennogo veka Volgo-Kam'ya [Issues of studying the Stone Age of the Volga-Kama interfluve]*. L.A. Nagovitsin, ed. Izhevsk: Udmurtskiy nauchno-issledovatel'skiy institut, pp. 44–57. (In Russ.)
- Nagovitsyn L.A., 1990. Cultural-chronological correlation between the Garino and the Bor culture sites of the Kama region. *Eneolit lesnogo Urala i Povolzh'ya [The Eneolithic of the forest Urals and the Volga region]*. L.A. Nagovitsin, ed. Izhevsk Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury, pp. 82–96. (In Russ.)
- Nicolas C., Guéret C., 2014. Armorican Arrowheads Biographies: Production and Function of an Early Bronze Age prestige good from Brittany (France). *Journal of Lithic Studies*, 1, no. 2, pp. 101–128.
- Parshukov Yu.V., 2005. Dan-Dar – a new Eneolithic site in the Middle Vychegda region. *Pamyatniki epokhi kamnya, rannego metalla i srednevekov'ya evropeyskogo Severo-Vostoka [Stone Age, Early Metal and medieval sites of the European Northeast]*. E.A. Savel'eva, ed. Syktyvkar: Izdatel'stvo Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 23–33. (Materialy po arkheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka, 17). (In Russ.)
- Rots V., 2002. Bright spots and the question of hafting. *Anthropologica et Praehistorica*, 113, pp. 61–72.
- Semenov V.A., Nesanelene V.N., 1997. Evropeyskiy Severo-Vostok v epokhu bronzy (po materialam raskopok Syktyvskarskogo universiteta): uchebnoe posobie [European Northeast in the Bronze Age (based on materials

- from the Syktyvkar University excavations: study guide]. Syktyvkar: Syktyvkarskiy gosudarstvennyy universitet. 172 p.
- Serikov Yu.B.*, 2014. Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala [Studies in the prehistoric art of the Urals]. Nizhniy Tagil: Nizhnetagil'skaya gosudarstvennaya sotsial'no-pedagogicheskaya akademiya. 268 p.
- Shorin A.F.*, 1999. Eneolit Urala i sopredel'nykh territoriy: problemy kul'turogeneza [Eneolithic of the Urals and adjacent territories: issues of cultural genesis]. Ekaterinburg: Ural'skoe otделение Rossiyskoy akademii nauk. 183 p.
- Skakun N.N., Nedomolkina N.G.*, 2015. Traceological analysis of shaped flint from the sites in the Verkhnyaya Sukhona. *Metody izucheniya kamennykh artefaktov: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Methods of studying lithic artifacts: Proceedings of the international conference]. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 85–87. (In Russ.)
- Stokolos V.S.*, 1986. Drevnie poseleniya Mezenskoy doliny [Ancient settlements of the Mezen valley]. Moscow: Nauka. 192 p.
- Vaskul I.O.* Otchet o polevykh issledovaniyakh Sysol'skogo arkhelogicheskogo otryada v 1988 godu. Syktyvkar, 1989 [Report on field research of the Sysola archaeological detachment in 1988. Syktyvkar, 1989]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1, № 13349, № 13350.
- Zamyatin S.N.*, 1948. Portable flint figurines in the Neolithic of Northeast Europe. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], X, pp. 85–123. (In Russ.)
- Zhul'nikov A.M.*, 2010. Flint sculpture in the culture of the ancient population of the White Sea littoral and neighboring regions. *Chelovek i drevnosti: pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009)* [Man and antiquities: in memory of Aleksandr Aleksandrovich Formozov (1928–2009)]. I.S. Kamenetskiy, A.N. Sorokin, eds. M.: Grif i K, pp. 303–316. (In Russ.)

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ “КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ – ЮРЬИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ”: НАЧАЛО ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В ЗАУРАЛЬЕ

© 2021 г. А.Ф. Шорин*, А.А. Шорина**

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

*E-mail: shorin_af@mail.ru

**E-mail: aashor@mail.ru

Поступила в редакцию 16.05.2020 г.

Анализируется энеолитический керамический комплекс памятника археологии “Кокшаровский холм – Юрьинское поселение” в лесном Среднем Зауралье. Он представлен двумя культурными типами: аятским и шувакишским. Их характеризует круглодонная слабопрофилированная посуда с простыми линейными нередко повторяющимися узорами, выполненными преимущественно печатно-гребенчатыми штампами. Но в орнаментальную схему ряда аятских сосудов включены и геометрические узоры: цепочки взаимопроникающих и заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вверх, заштрихованных ромбов, ромбическая сетка и пр. Прослеживается преемственность энеолитической посуды с позднеэнеолитической, как басьяновской, так и, особенно, полуденской. Но в сравнении с неолитической эпохой появляются и новые черты. Это использование в форме энеолитических сосудов такой детали, как слабо выраженная короткая шейка, исчезновение с внутренней стороны емкостей массивных наплывов, особенно свойственных полуденской керамике, включение в орнаментальную композицию на переходе шейки в плечико с внешней или с внутренней стороны горизонтального ряда ямок, образующих на противоположной стороне сосуда “жемчужины”. Радиоуглеродные даты (2σ) 4452–4050 и 4274–3938 гг. до н.э., полученные по двум фрагментам аятской керамики, смыкаются с позднеэнеолитическими и ставят данный памятник в начало энеолитической эпохи в регионе.

Ключевые слова: Зауралье, Кокшаровский холм, Юрьинское поселение, энеолит, аятская культура, шувакишский тип керамики, хронология.

DOI: 10.31857/S086960630009721-2

Памятник археологии федерального значения “Кокшаровский холм – Юрьинское поселение” находится на южном берегу Юрьинского озера в Верхнесалдинском городском округе Свердловской обл. на границе горно-лесной зоны Среднего Зауралья и Зауральского пенеппена (рис. 1, А). Кокшаровский холм известен прежде всего как святилище эпохи неолита, расположенное в центре Юрьинского поселения, жители которого его и возвели (Шорин, 2003; 2010), причем неолитический этап его существования представлен всеми известными для региона типами керамики: кошкинским, кокшаровско-юринским (козловским), полуденским и басьяновским (боборыкинским). Время их существования охватывает всю эпоху неолита, с середины VII до третьей четверти V тыс. до н.э. в калиброванных датах (см., например: Шорин, 2010; Шорин, Шорина, 2011; 2018). Энеолитический же комплекс, который сменил на памятнике позднеэнеолитические

полуденский и басьяновский, публикуется впервые. Он меньше по численности и представлен только поселенческими артефактами двух родственных, но разных в археологическом отношении культурных типов: аятского и шувакишского.

К сожалению, как и на подавляющем большинстве многослойных и нестратифицированных памятников региона, при изучении любой эпохи каменного века крайне трудно достоверно связать с той или иной культурной традицией комплексы каменного инвентаря, поэтому анализ энеолитических артефактов сведен к характеристике особенностей керамических комплексов этих двух культурных типов.

К эпохе энеолита на памятнике отнесено более тысячи фрагментов шеек, стенок и единичных днищ не менее чем от 150 сосудов. Из них шувакишский тип представлен фрагментами развала только одного сосуда, остальные характеризуют аятский керамический комплекс.

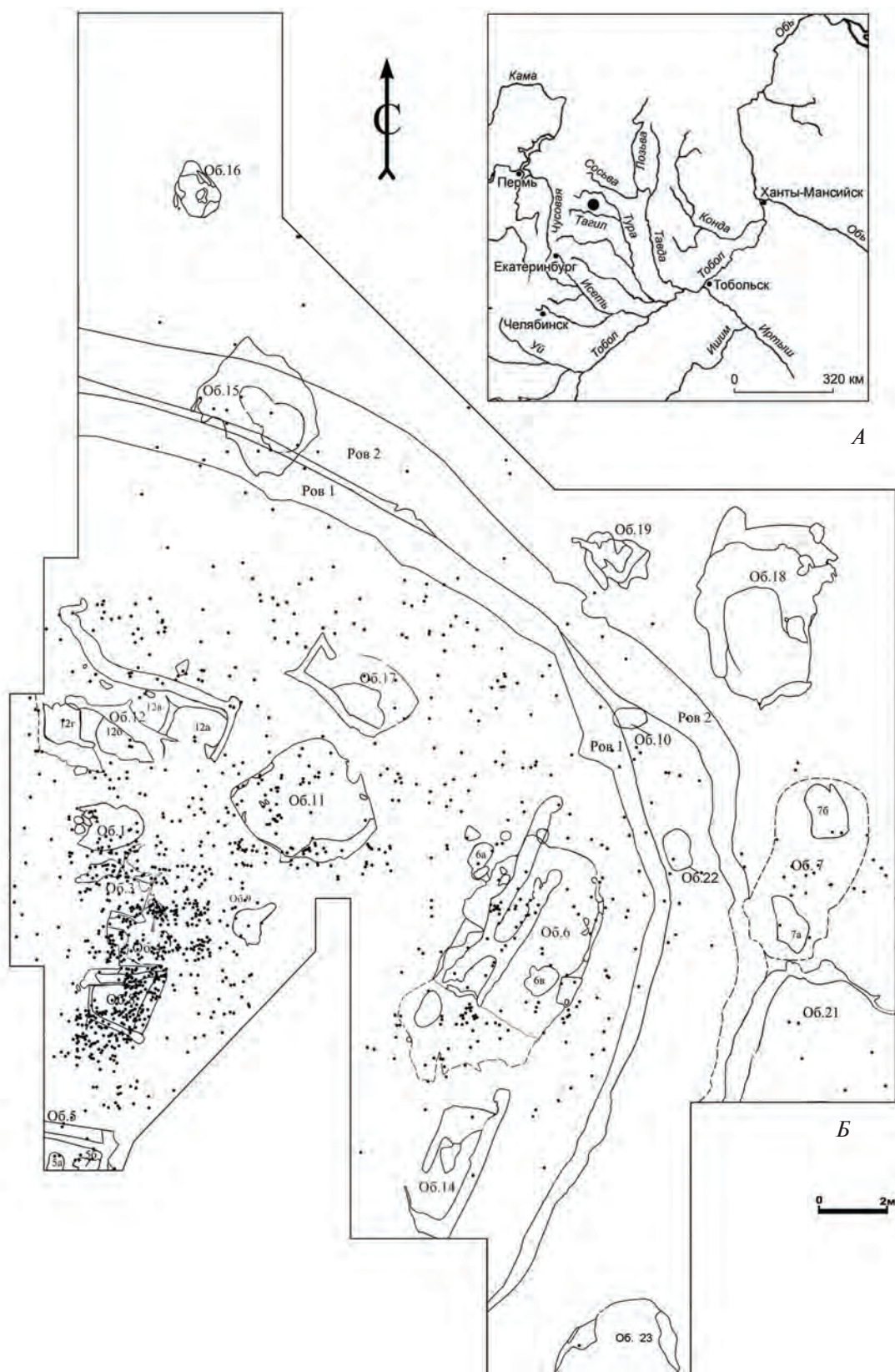

Рис. 1. Географическое положение и план памятника археологии «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение»: *А* – карта расположения памятника; *Б* – распространение энеолитической керамики по площади памятника.

Fig. 1. Geographical location and a plan of the archaeological site Koksharovskiy Hill – Yuryino settlement: *A* – map of the site location; *B* – distribution of Eneolithic pottery over the area of the site

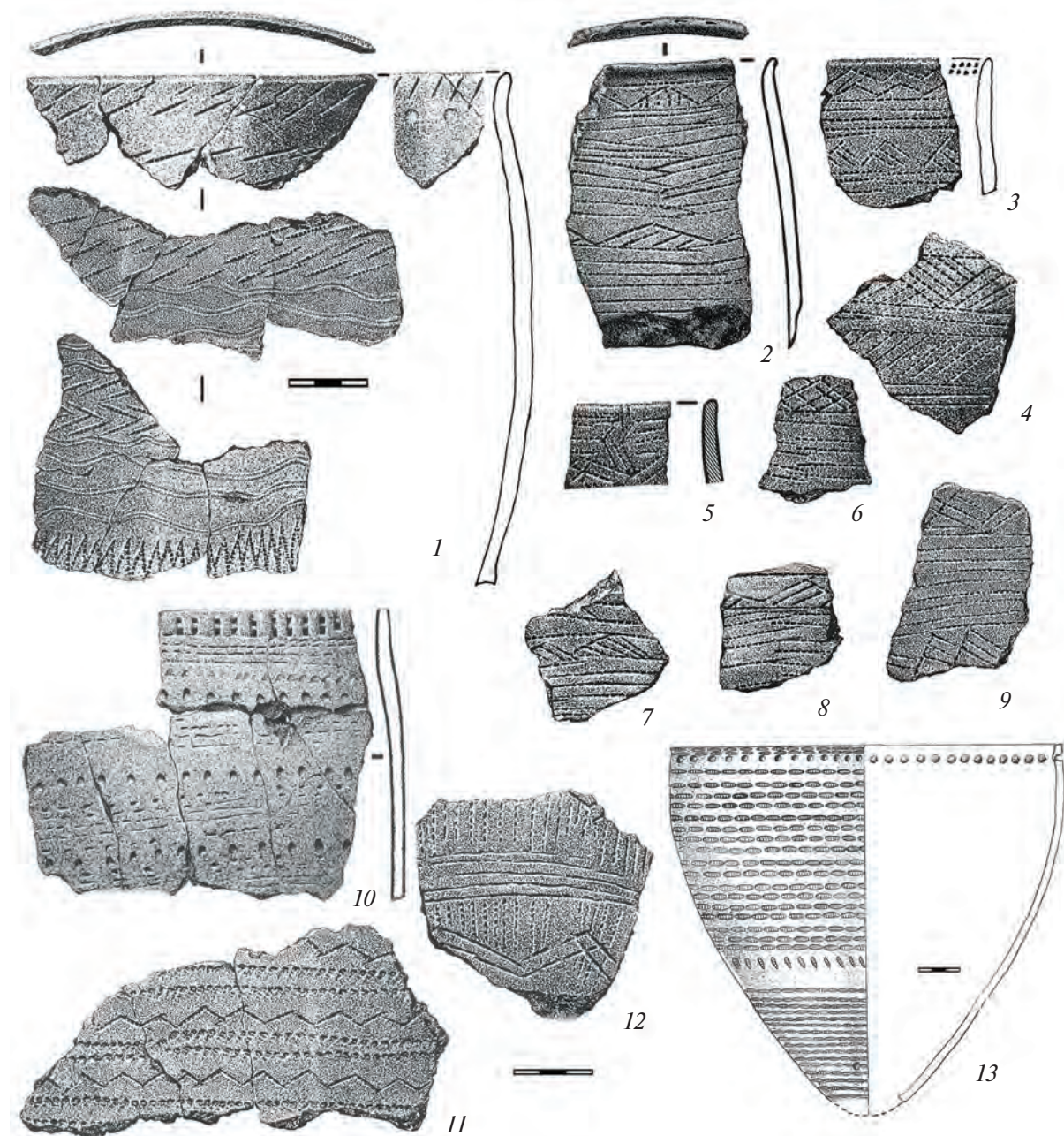

Рис. 2. Фрагменты сосудов аятской культуры (1–12) и сосуд шувакишского типа (13).

Fig. 2. Fragments of the Ayat ware (1–12) and a vessel of the Shuvakish type (13)

Шувакишский сосуд реконструирован полностью, за исключением дна (рис. 2, 13). Изготовлен из глины с естественной примесью не только талька, но и мелкой дресвы. Это крупная слабо-профилированная, скорее всего, круглодонная, емкость с диаметром горловины около 30 см и высотой около 28 см. Наплыв с внутренней стороны отсутствует. Венчик уплощенный, без орнамента. Короткая прямая шейка, высотой 1 см, слегка намечена и переходит в слабо раздутое тулово. На ее переходе в тулово нанесен горизонтальный

ряд округлых вдавлений диаметром 5 мм, которые с внутренней стороны сосуда образуют выпуклые “жемчужины”. Некоторые из этих вдавлений были сквозными. Орнамент, видимо, сплошь покрывает всю внешнюю поверхность сосуда. Практически до придонной части он монотонен и единообразен и представлен горизонтальными рядами — линиями (их не менее 20), выполненными отступанием отисков шестизубого “жучкового” среднегребенчатого штампа. В начале придонной части сосуда это чередование

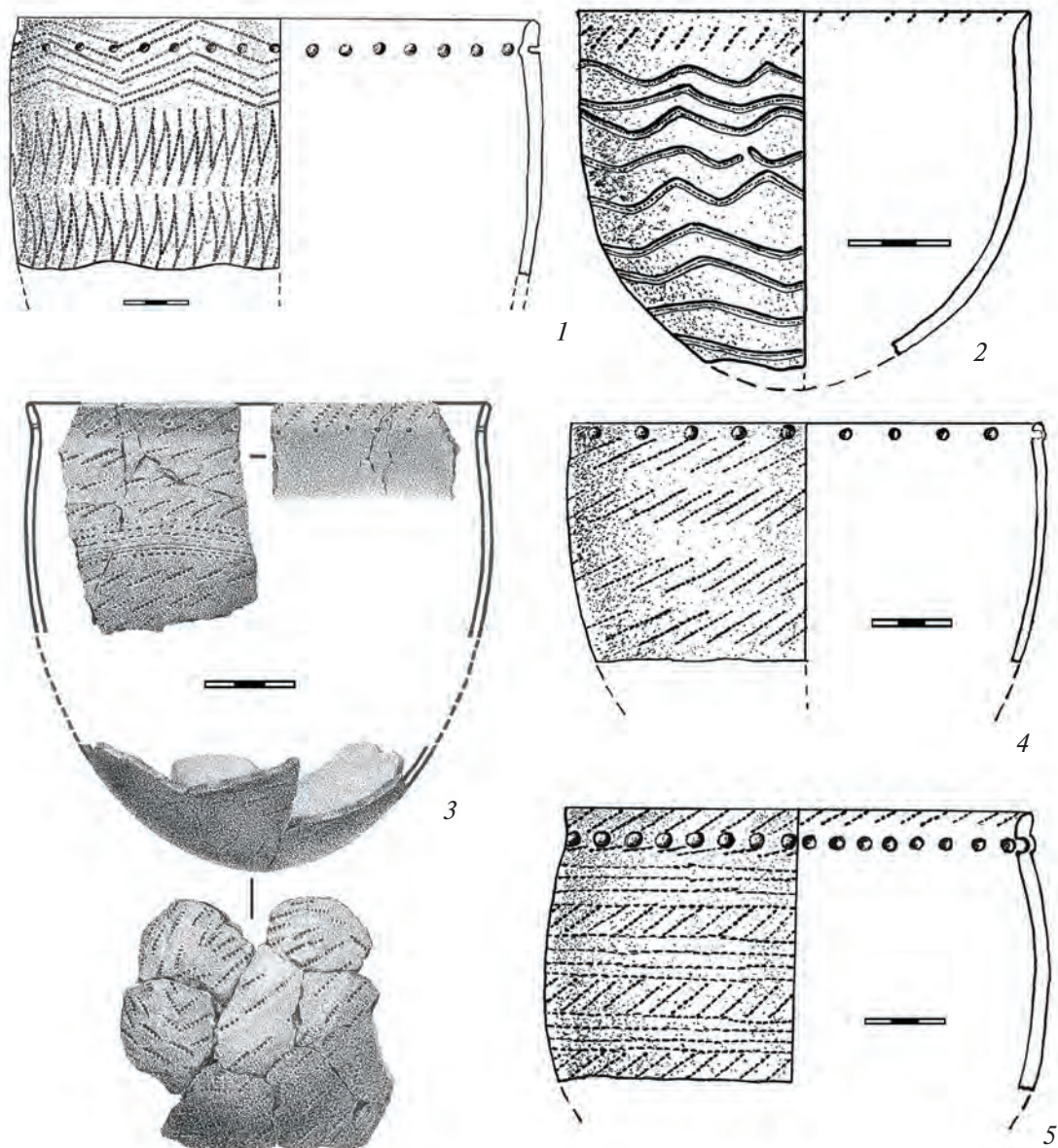

Рис. 3. Сосуды аятской культуры.

Fig. 3. Vessels of the Ayat culture

горизонтальных линий разорвано рядом наклоненных влево оттисков пятизубого “жучкового” штампа. Затем практически до дна опять повторяется узор в виде монотонных горизонтальных линий, нанесенных тоже отступанием, но оттисками уже пятизубого “жучкового” штампа. Как было орнаментировано дно, не ясно. Помимо этого, следует отметить фиксацию в придонной части сквозного отверстия диаметром 5 мм, просверленного с внешней стороны сосуда, что делает более вероятным использование его как тары для хранения каких-то нескоропортящихся твердых продуктов.

Характеристику аятского комплекса представим в обобщенном виде.

На основании данных И.Н. Васильевой, приведенных в специальной статье, посвященной характеристике технологии изготовления всех керамических комплексов Кокшаровского холма, включая энеолитический, аятские гончары в качестве исходного сырья использовали преимущественно илесты глины, реже — глины с естественной примесью талька (нередко обильной. — Авторы); изредка — глины. Сырье использовалось в увлажненном состоянии, четких

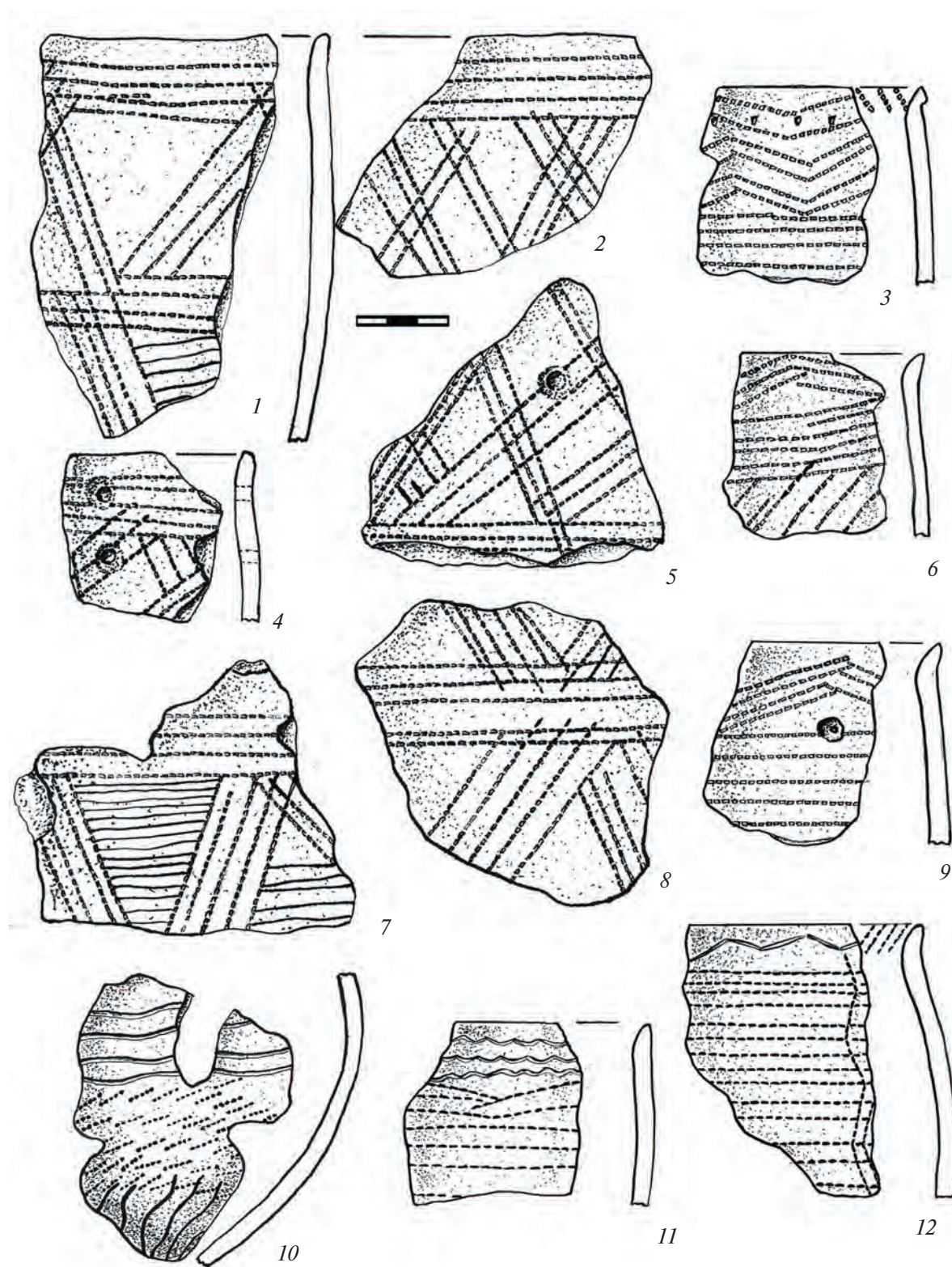

Рис. 4. Фрагменты сосудов аятской культуры.

Fig. 4. Fragments of the Ayat ware

Таблица 1. Радиоуглеродные даты с археологических памятников лесного Зауралья¹

Table 1. Radiocarbon dates for archaeological sites in the forest Trans-Urals

Номер	Памятник	Эпоха/культура	Материал, Лаборатория	ВР (л.н.)	1σ ВС (Cal) гг. до н.э.	2σ ВС (Cal) гг. до н.э.	Источник
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Кокшаровско-Юрьинская I, стоянка	Энеолит/? ²	Торф, ЛЕ – 2057	4210±40	2808–2756 (36.2%)	2816–2668 (63.7%)	Chairkina et al., 2017. P. 512
2	Боярка I, поселение	Энеолит/?	Уголь, СОАН – 5779	4210±95	2818–2662 (44.7%)	3026–2564 (93.0%)	Чаиркина, 2005. С. 290
3	VI разрез Горбуновского торфяника, культовая площадка	Энеолит/?	Торф, LU – 7685	4300±50	2941–2880 (51.5%)	3030–2865 (88.5%)	Chairkina et al., 2017. P. 512
4		Энеолит/?	Торф, LU – 7687	4350 ±60	3026–2901 (63.8%)	3116–2878 (89.5%)	Chairkina et al., 2017. P. 512
5		Энеолит/?	Торф, МО – I	4360±200	3354–2861 (62.2%)	3525–2488 BC (94.7%)	Долуханов, Тимофеев, 1972. С. 69
6	Ельничное I а, поселение	Аятская и липчинская	Торф, ЛЕ – 10446	4380±60	3036–2913 (52.9%)	3122–2892 (80.9%)	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 127, 131. Табл. 1, 68
7	Шатанов 3, поселение	Аятская и липчинская	Уголь, СОАН – 6836	4465±95	3196–3023 (37.6%)	3371–2905 (94.8%)	Мосин, 2011. С. 65; Епимахов, Мосин, 2015. С. 31
8	Макуша III, поселение, жилище I	Аятская	Уголь, ИРЖ – 130	4520±175	3377–3008 (57.2%)	3654–2864 (94.2%)	Чаиркина, 2005. С. 289
9	Шигирское городище	Энеолит/?	Торф, ЛЕ – 10453	4560±70	3239–3106 (39.7%)	3385–3083 (77.8%)	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 128. Табл. 1, 8
10	Нижнее Озеро III, поселение	Энеолит/?	Уголь, СОАН – 6947	4580±145	3386–3096 (48.7%)	3635–2928	Chairkina et al., 2017. P. 512
11	VI разрез Горбуновского торфяника, культовая площадка	Энеолит/?	Торф, LU – 7688	4590±60	3500–3430 (23.4%)	3520–3262 (62.7%)	Chairkina et al., 2017. P. 512
12	Шатанов 3, поселение	Аятская и липчинская	Уголь, ЛЕ – 7703	4600±50	3500–3430 (33.0%)	3520–3311 (71.3%)	Мосин, 2011. С. 65; Епимахов, Мосин, 2015. С. 31

¹ В табл. 1 и 2, в графах 6 и 7 приведены даты только по максимальному вероятному значению сигм.² В табл. 1 и 2, в графе 3 знак ? означает, что при наличии на памятнике нескольких типов энеолитической керамики отнесение даты к определенному из них не очевидно, либо при получении даты по керамике авторы публикации четко не декларировали ее культурный тип.

Продолжение таблицы 1

13	Остров Веры 4, стоянка	Липчинская	Керамика, Kі – 16396	4650±90	3532–3346 (57.8%)	3639–3308 (79.8%)	Епимахов, Мосин, 2015. С. 31
14	Шигирское А поселение	Энеолит/?	Гиттия (ил), СОАН – 5809	4660±35	3510–3426 (59.8%)	3521–3362 (93.9%)	Chairkina et al., 2017. Р. 512
15	Нижнее Озеро III, поселение	Энеолит/?	Уголь, СОАН – 6946	4680±100	3536–3362 (52.5%)	3654–3308 (84.1%)	Chairkina et al., 2017. Р. 512
16	Береговая XIII (Филин Остров), стоянка	Шувакишская	Торф, ЛЕ – 10435	4700±70	3468–3374 (39.4%)	3636–3363	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 129. Табл. 1, 16
17	Скворцовская гора, по- гребение I	Энеолит/?	Череп человека, индивид 3а, GrA – 59086, AMS ¹⁴ C	4910±45	3712–3644	3784–3638	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 129. Табл. 1, 14
18	Шигирское городище	Энеолит/?	Сапропель, ЛЕ – 10454	4920±70	3772–3644	3820–3629 (81.3%)	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 128, табл. 1, 9
19	VI разрез Горбуновского торфяника, культовая площадка	Энеолит/?	Торф, LU – 7689	4940±50	3766–3658	3804–3639 (91.1%)	Chairkina et al., 2017. Р. 512
20	Разбойничий Остров, стоянка (нижний слой)	Липчинская	Древесина, ИРЖ – 131	4960±100	3806–3648 (53.9%)	3971–3628 (91.5%)	Чаиркина, 2005. С. 282
21	Скворцовская гора, по- гребение I	Энеолит/?	Череп человека, индивид 3, GrA – 59085, AMS ¹⁴ C	4960±45	3785–3694 (62.5%)	3805–3648 (87.0%)	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 129. Табл. 1, 13
22	Шигирская коллекция	Энеолит/?	Костный инстру- мент, ОхА – 20838, AMS ¹⁴ C	5000±36	3800–3710 (60.6%)	3822–3696 (67.6%)	Chairkina et al., 2017. Р. 512
23	VI разрез Горбуновского торфяника, культовая площадка	Энеолит/?	Торф, LU – 7690	5060±50	3884–3798 (42.3%)	3964–3760 (91.5%)	Chairkina et al., 2017. Р. 512
24		Энеолит/?	Деревянная ан- тропоморфная скульптура, АА – 86207, AMS ¹⁴ C	5070±60	3882–3799 (41.1%)	3973–3712	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 126, 129–131. Табл. 1, 27
25		Энеолит/?	Деревянный по- лос саней, АА – 86208, AMS ¹⁴ C	5070±60	3882–3799 (41.1%)	3973–3712	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 126, 129–131. Табл. 1, 28
26	Шигирское городище	Энеолит/?	Ствол дерева с затесами, ЛЕ – 10456	5070±60	3882–3799 (41.1%)	3973–3712	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 128. Табл. 1, 10

Окончание таблицы 1

27	VI разрез Горбуновского торфяника, культовая площадка	Энеолит/?	Деревянный полз саней, AA – 98079, AMS ¹⁴ C	5090±40	3876–3805 (49.7%)	3968–3794	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 126, 129–131. Табл. 1, 33
28	Скворцовская гора, погребение I	Энеолит/?	Череп человека, индивид 2, GrA – 59083, AMS ¹⁴ C	5090±45	3877–3804 (48.1%)	3976–3782	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 129. Табл. 1, 12
29	Шувакиш I, поселение	Энеолит/?	Деревянное весло, AA – 86211, AMS ¹⁴ C	5130±45	3981–3936 (34.1%)	4000–3891 (50.0%)	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 127, 131. Табл. 1, 71
30	VIa разрез Горбуновского торфяника, местонахождение	Энеолит/?	Ребро человека, GrA – 59343, AMS ¹⁴ C	5170±40	3998–3956 (51.3%)	4050–3936 (86.9%)	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 129. Табл. 1, 25
31	Кокшаровско-Юрьинская I, стоянка	Энеолит/?	Торф, LE – 2058	5190±60	4057–3945 (63.4%)	4174–3926 (81.2%)	Chairkina et al., 2017. P. 511
32	VIa разрез Горбуновского торфяника, местонахождение	Энеолит/?	Бедренная кость человека, GrA – 59451, AMS ¹⁴ C	5230±35	4050–3976	4076–3964 (78.7%)	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 129. Табл. 1, 26
33	Юрьинское поселение	Аятская	Керамика, Ki – 15907	5250±90	4081–3976 (35.4%)	4274–3938 (88.5%)	Шорин, Шорина, 2018. С. 100. Рис. 2, 19, 20, С. 104
34	Бурмантовский грот, погребение?	Энеолит/?	Костяная подвеска, AA – 98298, AMS ¹⁴ C	5280±60	4172–4040 (51.6%)	4260–3971	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 128. Табл. 1, 4
35	Береговая XIII (Филин Остров), стоянка	Шувакишская	Торф, LE – 10436	5290±40	4169–4126 (22.4%)	4238–4036 (89.4%)	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 129. Табл. 1, 17
36	Боярка I, поселение	Энеолит/?	Уголь, СОАН – 5778	5330±45	4134–4060 (33.5%)	4266–4042 (90.2%)	Чаиркина, 2005. С. 290
37	Жилище Сокола, погребение?	Энеолит/?	Костяная подвеска, AA – 98297, AMS ¹⁴ C	5415±60	4343–4232 (64.4%)	4360–4148 (83.0%)	Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 125, 128. Табл. 1, 5
38	Юрьинское поселение	Аятская	Керамика, Ki – 15541	5440±90	4369–4226 (53.8%)	4452–4050	Шорин, Шорина, 2018. С. 100.
39	Аннин Остров, стоянка	Энеолит/?	Гиттия (ил), ГИН – 13870	5460±100	4406–4230 (56.6%)	4492–4046	Рис. 2, 19, 20; с. 104 Chairkina et al., 2017. P. 512
40	Камень Дождевой, женское погребение	Поздний неолит/энеолит?	Уголь, СОАН – 5154	5530±60	4405–4337 (46.2%)	4493–4314 (88.6%)	Сериков, 2004. С. 38, 39

признаков его дробления не выявлено. Вся посуда изготовлена способами скульптурной лепки. Конструирование сосудов осуществлялось лоскутным, редко зональным, наклепом или по частям. Основным способом обработки поверхностей было заглаживание. С внешней стороны оно осуществлялось чаще мягким материалом (или поверхность подвергалась уплотнению без блеска), с внутренней — как мягким материалом, так и твердым предметом: деревянным или костяным ножом. Прием лощения использован в единичном случае (Васильева, 2011. С. 115, 116).

Реконструировать формы и орнаментальные композиции, да и то в неполном объеме, можно только для девяти сосудов.

Это слабопрофилированные тонкостенные емкости, как небольшие (с диаметром горловины от 12 до 24 см), так и крупные — с диаметром горловины от 30 до 40 см¹. Они круглодонные (рис. 3, 2, 3; 4, 10). Венчики (срезы горловины) округлые, редко плоские, без орнамента. Короткие, в 1–1.5 см, прямые или слегка отогнутые наружу шейки нередко только намечены. Наплыв с внутренней стороны, свойственный сосудам неолитической эпохи, отсутствует. Но орнамент в виде наклоненных вправо или влево отрезков мелко- или среднегребенчатого штампа в 4–5 зубцов на внутренней стороне шейки ряда емкостей присутствует (рис. 2, 1, 3; 3, 2, 3, 5; 4, 3, 12).

Внешняя поверхность сосудов орнаментирована сплошь, включая, вероятно, и дно (рис. 3, 3; 4, 10). Зональность узоров горизонтальная. В орнаментальной схеме преобладают узоры в виде рядов горизонтальных и волнистых линий, зигзагов, наклоненных преимущественно вправо, отрезков, нанесенных мелким и средним гребенчатыми штампами с разным количеством зубцов, иногда их даже больше 13–15 (рис. 2–4). Встречаются также “шагающая” гребенка, в том числе с очень плотной амплитудой шага (рис. 2, 10; 3, 3), и прочерченные линии, выполненные двузубым штампом или тонкой палочкой (рис. 2, 1; 3, 2; 4, 10). Нередко один и тот же узор в орнаментальной композиции конкретного сосуда повторяется не единожды (рис. 2, 1, 10–12; 3).

В орнаментальную схему ряда сосудов наряду с простыми (линейными) узорами включены и геометрические. Это цепочки взаимопроникающих и заштрихованных, обращенных вершинами вверх, треугольников, заштрихованных

ромбов, горизонтальных линий, которые разорваны встроенным вертикальным зигзагом, и пр. (рис. 2, 2–9, 11, 12). Яркая геометрическая композиция присутствует, в частности, на фрагментах, принадлежащих, видимо, одному сосуду (рис. 4, 1, 2, 4, 5, 7, 8). Орнамент на внешней его поверхности расположен несколькими горизонтальными зонами. Их было, видимо, не менее трех. По верху и низу эти зоны ограничены четырьмя горизонтальными линиями, выполненными последовательно поставленными друг за другом (или прокатанного) оттисками длиннозубого мелкогребенчатого штампа. Внутри этих широких, по 7–8 см, зон тем же штампом в виде сдвоенных и строенных диагональных перекрещивающих линий нанесен по косой сетке “паркетный” узор, в основе которого лежат ромбы и треугольники, обращенные с ритмическим чередованием вершинами как вверх, так и вниз. В первой зоне эти геометрические фигуры не заштрихованы, а последующая штриховка их проведена тонкими прочерченными линиями. Причем на тулове сосуда диагональные перекрещивающие линии, которыми по косой сетке нанесен “паркетный” узор, как и линии, разделяющие горизонтальные зоны, сгруппированы уже по пять.

Орнаментальные композиции на днищах восстановлены только для двух сосудов. На одном из них — это композиция в виде повторяющегося концентрического узора, состоящего из четырех горизонтальных рядов оттисков с сильным наклоном вправо пятизубого среднегребенчатого штампа, внутри которого тем же штампом сформировано десять горизонтальных линий (рис. 3, 3). На другом тонкой прочерченной палочкой нанесен геометрический узор в виде волнистых лучей, расходящихся от основания дна к придонной части (рис. 4, 10).

Характерной орнаментальной чертой значительной части аятских сосудов памятника является наличие на переходе шейки в плечико горизонтального ряда глубоких ямочных вдавлений диаметром 3–5 мм, образующих с противоположной стороны емкости “жемчужины” диаметром 4–6 мм. Эти вдавления наносились как с внешней (рис. 2, 1; 3, 1; 4, 3), так и внутренней стороны емкостей (рис. 3, 4, 5). На одном сосуде в этой зоне такой горизонтальный ряд состоит из сквозных круглых вдавлений диаметром 2 мм (рис. 3, 3). Помимо этого, на двух фрагментах от одного сосуда такие сквозные отверстия диаметром в 3 мм, оформленные встречным сверлением как снаружи, так и изнутри емкости, фиксируются не только по верху горловины, но

¹ У сосудов аятской культуры диаметр горловины ненамного меньше их высоты (см., например, рис. 3, 2, 3).

Таблица 2. Радиоуглеродные даты с археологических памятников Тюменского и Курганского Притоболья

Table 2. Radiocarbon dates for archaeological sites in the Tyumen and Kurgan areas of the Tobol river region

Номер	Памятник	Эпоха/культура	Материал, Лаборатория	ВР (л.н.)	1σ ВС (Cal) гг. до н.э.	2σ ВС (Cal) гг. до н.э.	Источник
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Савин I, поселение	Энеолит/?	Кость животного, SPb – 884	3758±80	2290–2112 (50.9%)	2458–1971	Епимахов, Мосин, 2015. С. 31
2	Сосновый Остров, поселение	Сосновоостровская?	Уголь, СОАН – 5848	3800±80	2381–2134 (61.9%)	2470–2026	Зах, 2009. С. 22
3	Савин I, поселение	Энеолит/?	Кость животного, SPb – 883	3950±120	2620–2280 (64.8%)	2780–2138 (90.2%)	Епимахов, Мосин, 2015. С. 31
4	Перейминский могильник, погребение 6	Шапкульская ?	Уголь, ЛЕ – 357 Образец 50-х гг.	4000±130	2680–2338 (59.5%)	2888–2198 (94.8%)	Матвеев и др., 2015. С. 80
5	Слободчики, поселение	Энеолит/липинская?	Керамика, SPb – 540	4330±120	3114–2866 (52.5%)	3354–2831 (79.6%)	Епимахов, Мосин, 2015. С. 31
6	Сосновый Остров, поселение	Сосновоостровская?	Уголь СОАН – 5847	4490±60	3338–3194 (40.2%)	3365–3010 (93.9%)	Зах, 2009. С. 22
7	Савин I, поселение	Энеолит/?	Керамика, SPb – 548	4530±200	3381–3006 (52.3%)	3706–2848 (92.1%)	Епимахов, Мосин, 2015. С. 31
8	Бузан 3, погребение 2	Шапкульская	Уголь, ИГАН – 1840	4640±120	3536–3331 (47.1%)	3652–3079 (93.0%)	Матвеев и др., 2015. С. 79
9	Кочетарово I, поселение	Энеолит/?	Керамика, Ki – 16847	4660±90	3530–3354 (57.5%)	3641–3310 (83.0%)	Епимахов, Мосин, 2015. С. 31
10	Могильник на Большом Андреевском озере, погребение 7	Байрыкская	Уголь, УПИ – 738	4734±103	3636–3497 (43.9%)	3715–3328 (92.0%)	Зах, 2009. С. 231; Матвеев и др., 2015. С. 79
11	Чечкино 2, поселение	Шапкульская	Уголь, УПИ – 736	4784±167	3714–3364 (65.0%)	3956–3262 (87.8%)	Матвеев и др., 2015. С. 79
12	Сазык 9, поселение	Шапкульская?	Уголь, ЛЕ – 2295	5100±60	3879–3802 (40.1%)	3998–3761 (92.0%)	Усачева, 2002; Матвеев и др., 2015. С. 80
13	Бузан 3, погребение 3	Шапкульская	Уголь, СОАН – 3537	5140±60	3996–3932 (33.7%)	4054–3776 (94.9%)	Матвеев и др., 2015. С. 7
14	Чепкуль 21, могила 3	Шапкульская	Уголь, СОАН – 4256	5200±55	4054–3954 (65.7%)	4174–3938 (86.2%)	Зах, 2009. С. 22, 230; Матвеев и др., 2015. С. 80

Окончание таблицы 2

15	Кочегарово I, поселение	Гребенчатого-ямочная	Керамика, Ki – 15544	5220±80	4076–3959 (45.8%)	4258–3914 (88.8%)	Мосин, Страхов, 2011. С. 244, 245. Рис. 8
16	Чепкуль 21, могила 2	Шапкульская	Уголь, СОАН – 4257	5245±75	4077–3974 (40.1%)	4266–3942 (93.0%)	Зах, 2009. С. 22, 230; Матвеев и др., 2015. С. 80
17	Дуванское V, поселение, жилище 2	Сосновоостровская?	Уголь, Le – 1368	5295±60	4176–4044 (53.4%)	4262–3982 BC (93.5%)	Стефанов, 1991. С. 160
18	Чепкуль 21, могила 3?	Шапкульская	Уголь, СОАН – 4258	5315±55	4136–4054 (34.9%)	4266–4036 (86.9%)	Зах, 2009. С. 22, 230
19	Сосновый Остров, поселение	Сосновоостровская?	Уголь, СОАН – 5846	5385±85	4335–4224 (39.1%)	4366–4034 (92.9%)	Зах, 2009. С. 22
20	Кочегарово I, поселение	Аятская	Керамика, Ki – 15962	5410±80	4348–4226 (50.2%)	4374–4042 (93.1%)	Мосин, Страхов, 2011. С. 244, 245. Рис. 7

и в придонной части (рис. 4, 4, 5). Не исключено, что этот крупный сосуд мог использоваться как емкость для хранения каких-то нескоропортящихся твердых продуктов, например ягод, орехов, корней и т.п. Возможно также, наличие нагара на внутренних стенках двух емкостей косвенно свидетельствует, что они употреблялись для приготовления пищи (рис. 2, 10; 3, 1).

Подводя итог анализу керамического комплекса памятника, следует отметить, что в орнаментальной схеме аятских сосудов преобладают узоры в виде рядов горизонтальных линий и зигзагов, отрезков, наклоненных преимущественно вправо, нанесенных мелким и средним гребенчатыми штампами с разным количеством зубцов, но чаще не более 4–7. Встречается также “шагающая” гребенка и прочерчивание тонкой палочкой. Абсолютно доминирует горизонтальная зональность расположения нередко повторяющихся (обычно их два) орнаментальных мотивов (рис. 2, 10, 11; 3, 3, 5). Сочетание этих простых орнаментов с треугольниками, ромбами, ромбической сеткой и пр. придают аятской посуде, в том числе Кокшаровского холма (рис. 2, 2–9; 4, 1–8), нарядный облик. Именно культуры с такой посудой в Зауральском регионе объединяют в понятие “культурно-историческая область культур гребенчатого геометризма” (см., например: Шорин, 1999а).

Но в сравнении с неолитической эпохой появляются и новые черты. Это использование в форме энеолитических сосудов такой детали, как слабо выраженная короткая шейка, исчезновение с внутренней стороны емкостей массивных наплывов, особенно свойственных полуденской керамике, включение в орнаментальную композицию на переходе шейки в плечико с внешней или с внутренней стороны горизонтального ряда ямок, образующих на противоположной стороне сосуда “жемчужины”. На аятской посуде полностью доминирует гребенчатая и даже печатная средне- или мелкогребенчатая техника орнаментации (в последнем случае регулярно использовался штамп с большим количеством зубцов), которая в лесной зоне Зауралья полностью отсутствовала на неолитической кошkinsкой и басыановской посуде. Правда, печатный, обычно среднегребенчатый, штамп использовался уже на ранне-неолитической кокшаровско-юринской посуде, но только в качестве разделителей основных орнаментальных зон, т.е. здесь он играл подчиненную роль. Но в то же время в орнаментальной схеме аятских сосудов Юринского поселения нередко присутствует и такой орнаментальный мотив, как “шагающая гребенка”, широко употребляемый

для украшения посуды поздненеолитической полуденской культуры. Более того, три аятских сосуда анализируемого комплекса (рис. 2, 10; 3, 1, 3), в орнаментальную схему которых включены ряды плотно поставленной шагающей гребенки, близки полуденским, а в одной из ранних публикаций первый из них был даже отнесен к полуденскому типу керамики (Шорин, 2007, рис. 13, 3). Сама же полуденская декоративно-морфологическая схема во многом формировалась под влиянием кокшаровско-юринской. Но в отличие от нее, при сохранении отступающе-накользящей манеры орнаментации, полуденские гончары основные орнаментальные зоны чаще заполняли узорами, нанесенными гребенчатым штампом. Данью же ранне-неолитическим традициям региона было массовое использование таких приемов, как «шагающая» гребенка и «протасенная» гребенка (так называемая волнисто-гребенчатая орнаментация), воспринятые и аятскими гончарами. То есть гребенчатый штамп как инструмент для нанесения орнамента, вытесняющий палочку, нередко использовался также в движущейся манере. С поздне-неолитической эпохой на аятской посуде можно связывать и такой технический прием, как нанесение узоров двузубым штампом. Этим инструментом широко пользовались поздне-неолитические басыановские гончары (Шорин и др., 2015. С. 7–11. Рис. 2, 5). Правда, они наносили орнамент в виде линий зигзагов, а на аятских сосудах это волна (рис. 3, 2; 4, 10). Хотя справедливости ради следует отметить, что волнистые прочерчивания или отступления с периодическим нажимом двузубым штампом или палочкой иногда включались в орнаментальную схему как ранне-неолитической кошкинской и кокшаровско-юринской, так и поздне-неолитической полуденской посуды. То есть орнаментация посуды гребенчатым штампом в Зауралье имеет глубокую традицию. Но преобладающей эта техника нанесения узора становится только с поздне-неолитической эпохи. Более того, именно с эпохи энеолита возобладала печатно-гребенчатая техника орнаментации, и в Зауралье она стала доминирующей на посуде и последующих археологических эпох. Но если в эпоху энеолита в регионе существовала еще липчинская культура, в гончарстве которой преобладала так называемая «ложно-шнуровая техника» (Шорин, 1999б. С. 9; Чаиркина, 2005. С. 195–200), а на начальном этапе бронзового века — ташковская культура, в орнаментации посуды которой существенную роль играла, наряду с печатно-гребенчатой, отступающе-накользящая техника нанесения узоров, а также прием «гребенки в движении» (Ковалева, 1997.

С. 29–30; Ковалева и др., 2000. С. 50), то с эпохи поздней бронзы и вплоть до появления гончарной посуды эти орнаментальные традиции в регионе уже не встречаются. Ведущей в регионе становится печатно-гребенчатая традиция орнаментации посуды, которая в последующие археологические периоды сочетается с желобчатой, резной, фигурно-штампованной, шнуровой.

О связи аятской керамической традиции с предшествующими неолитическими культурами региона свидетельствуют и технологические особенности ее изготовления. И.Н. Васильева, сравнивая особенности технологии изготовления посуды всех неолитических и аятского комплексов Кокшаровского холма, пришла к интересному выводу, что «аятское гончарство выделяется наибольшей однородностью состава навыков изготовления керамики и обнаруживает близость с совокупностью «местных» (неолитических кошкинских, кокшаровско-юринских, полуденских, басыановских. — Авторы) гончарных традиций, сформировавшихся еще в кокшаровско-юринское (ранне-неолитическое. — Авторы) время. Складывается впечатление, что к эпохе энеолита произошла полная интеграция различных в культурном отношении групп населения, и доминирующими стали местные гончарные традиции» (Васильева, 2011. С. 123).

Возвращаясь к характеристике энеолитического комплекса самого памятника, отметим, что аятским населением на его территории осваивалась прежде всего площадка в центральной мысовой, самой высокой части памятника и к Ю от него в глубине мыса на площади примерно 20 м вдоль берега и 13 м вглубь. Это та возвышенная мысовая часть сакральной площадки некогда существовавшего здесь неолитического святилища Кокшаровский холм, где кошкинским и кокшаровско-юринским населением были сооружены культовые объекты 1–4, 8, 6 и 7, а также жилой объект 21; находок же энеолитической керамики на склоне мыса и в пойме существенно меньше (рис. 1, Б). Причем энеолитическое население, скорее всего, и не подозревало о существовании ранее на мысу насыпного неолитического святилища; площадка была наверняка уже задернована, так как между этими событиями прошло около тысячи лет. Сама же возвышенная точка пространства, насыпанная в неолите ближе к кромке мыса, могла служить естественной защитой жителей энеолитической стоянки от господствующего в то время западного и северо-западного переноса воздушных масс (это был период атлантического термического максимума в палеоклиматической периодизации

региона). Отсутствие следов жилых сооружений на этой площадке не исключает, что здесь строились легкие наземные постройки. То есть место обитания могло носить кратковременный и (или) многократный (найлены фрагменты не менее чем от 150 сосудов) сезонный характер и посещалось энеолитическими коллективами, скорее всего, в теплое время года: поздняя весна — ранняя осень. Включали ли в себя эти аятские коллективы и шувакишскую группу населения, сказать сложно, так как развал шувакишского сосуда найден несколько в стороне от основного скопления аятской керамики, на удалении около 8 м к В. Но, скорее, все-таки это был единый коллектив, и для эпохи энеолита региона наличие на аятских стоянках небольшого числа посуды других культурных типов, особенно липчинского (и наоборот), является правилом. Вероятно, это археологическое отражение экзогамного характера первобытных коллективов. Так было и в предшествующую эпоху, так как на Кокшаровском холме и Юрьинском поселении фиксируется сосуществование в раннем неолите кошкинских и кокшаровско-юрьинских групп населения, а в позднем — басьяновских и полуденских (Шорин, Шорина, 2019. С. 264).

Время функционирования аятского населения на памятнике помимо стратиграфических наблюдений определено и радиоуглеродными датами, полученными по ^{14}C , извлеченного непосредственно из двух фрагментов керамики: Ki-15541: $5440 \pm 90 \text{ BP}$, 1σ 4369–4226 BC, 2σ 4452–4050 BC и Ki-15907: $5250 \pm 90 \text{ BP}$, 1σ 4081–3976 BC, 2σ 4274–3938 BC (табл. 1, 33, 38; Шорин, Шорина, 2011. Рис. 2, 6, 7). Сопоставление этих дат с датами других энеолитических памятников Зауралья, включая лесное и лесостепное Тюменское и Курганское Притоболье, показывает, что энеолитический комплекс Юрьинского поселения отражает самое начало энеолитической эпохи в регионе, восходящей уже к третьей — последней четверти V тыс. до н.э. в калиброванных значениях дат (табл. 1, 35–40; 2, 15–20). И по материалам памятника наглядно видно, что формирующееся аятское население новой археологической эпохи хронологически (Шорин, Шорина, 2018. С. 104) и генетически было неразрывно связано с поздненеолитическим полуденским и басьяновским, а в конечном счете, продолжило традиции всей предшествующей неолитической эпохи региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопросы археологии

Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 103–124.

Долуханов П.М., Тимофеев В.И. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии / Ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1972. С. 28–75.

Епимахов А.В., Мосин В.С. Хронология зауральского энеолита // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 27–35.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1997. 131 с.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманов А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 160 с.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Сериков Ю.Б., Скопина С.Н. Культурные памятники эпохи энеолита. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2015 (Древности Ингальской долины; вып. 3). 156 с., ил., вкл.

Мосин В.С. Стоянка Шатанов 3 на озере Иртыш. Челябинск: Рифей, 2011. 108 с.

Мосин В.С., Страхов А.Н. Хронология памятников неолита Южного Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 244–245.

Сериков Ю.Б. Культурные пещеры р. Чусовой // Культурные памятники горно-лесного Урала / Отв. ред. В.Д. Викторова, Н.В. Федорова, В.Н. Широков. Екатеринбург: Уральское отд. РАН, 2004. С. 38–62.

Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: Ин-т истории и археологии, 1991. С. 144–160.

Усачева И.В. Сазык 9 — сезонное поселение эпохи энеолита в Тоболо-Исетском междуречье // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы науч. семинара / Отв. ред. Н.П. Матвеева, В.А. Зах. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера Сибирского отд. РАН, 2002. С. 107–114.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: Уральское отд. РАН, 2005. 312 с.

Чаиркина Н.М., Кузьмин Я.В. Новые радиоуглеродные даты эпохи мезолита — раннего железного века лесного Зауралья // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 124–132.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: Уральское отд. РАН, 1999а. 182 с.

- Шорин А.Ф.* Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий: учеб. пособие к спецкурсу. Екатеринбург: Банк культурной информации, 19996. 92 с., ил.
- Шорин А.Ф.* Кокшаровский холм — новый тип культовых комплексов Северной Евразии // *Образы и сакральное пространство древних эпох* / Ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 87–102.
- Шорин А.Ф.* История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // *Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: К 70-летию Т.М. Потемкиной* / Отв. ред. М.П. Вохменцев. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. С. 30–42.
- Шорин А.Ф.* Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // *Уральский исторический вестник*. 2010. № 1 (26). С. 32–42.
- Шорин А.Ф., Вилисов Е.В., Шорина А.А.* Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения // *Российская археология*. 2015. № 1. С. 5–18.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А.* Радиоуглеродные даты Кокшаровского холма // *Вопросы археологии Урала*. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 249–254.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А.* Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Кокшаровского холма // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 3 (60). С. 97–107.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А.* Неолитические комплексы Кокшаровского холма: генезис, этапы развития и культурная преемственность // *Самарский научный вестник*. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 262–268.
- Chairkina N.M., Kuzmin Y.V., Hodgins G.W.L.* Radiocarbon Chronology of the Mesolithic, Neolithic, Aeneolithic, and Bronze age sites in the Trans-Urals (Russia): a General Framework // *Radiocarbon*. 2017. Vol. 59, № 2. P. 505–518.

THE ENEOLITHIC COMPLEX OF THE ARCHAEOLOGICAL SITE “KOKSHAROVSKY HILL – YURYINO SETTLEMENT”: THE BEGINNING OF THE ENEOLITHIC IN THE TRANS-URALS

Aleksandr F. Shorin*, Anastasiya A. Shorina**

¹Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia

**E-mail: shorin_af@mail.ru*

***E-mail: aashor@mail.ru*

The article analyzes the Eneolithic ceramic complex from the archaeological site Koksharovsky Hill – Yuryino settlement in the forest area of the Middle Trans-Urals. The assemblage is represented by two cultural types: the Ayat and the Shuvakish ones. They are characterized by round-bottomed, weakly profiled ware with simple linear, often repeating, patterns made mainly by comb stamping. However, the ornamental scheme of a number of Ayat vessels also includes geometric patterns: chains of overlapping and shaded triangles facing upwards, shaded rhombuses, a rhombic grid, etc. It is possible to trace the continuity of the Eneolithic ware from the Late Neolithic cultures – both Basyanovsky and, especially, Poludenka. At the same time, new features emerged in comparison with the Neolithic period. These include a non-pronounced short neck in the shape of Eneolithic ware, the disappearance of massive bulges from the inner side of the vessels, especially characteristic of the Poludenka pottery, and the inclusion of the horizontal row of pits in the vessel ornamental composition. These pits located in the neck to shoulder transition area on either the outside or inside surface form “pearls” on the opposite side of the vessel wall. Radiocarbon dates (2σ) 4452–4050 and 4274–3938 BC obtained from two fragments of Ayat pottery correspond to the late Neolithic and chronologically locate this site in the beginning of the Eneolithic in the region.

Keywords: Trans-Urals, Koksharovsky Hill, Yuryino settlement, Eneolithic, Ayat culture, Shuvakish type of pottery, chronology.

REFERENCES

- Chairkina N.M.*, 2005. Eneolit Srednego Zaural'ya [The Eneolithic of the Middle Trans-Urals]. Ekaterinburg: Ural'skoe otделение Rossiyskoy akademii nauk. 312 p.
- Chairkina N.M., Kuzmin Y.V., Hodgins G.W.L.*, 2017. Radiocarbon Chronology of the Mesolithic, Neolithic, Aeneolithic, and Bronze Age sites in the Trans-Urals (Russia): a General Framework. *Radiocarbon*, vol. 59, no. 2, pp. 505–518.

- Chairkina N.M., Kuz'min Ya.V., 2018. New radiocarbon dates of the Mesolithic – Early Iron Age of the forest Trans-Urals. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical journal]*, 2 (59), pp. 124–132. (In Russ.)
- Dolukhanov P.M., Timofeev V.I., 1972. Absolute chronology of the Eurasian Neolithic (based on the radiocarbon method). *Problemy absol'yutnogo datirovaniya v arkheologii [Problems of absolute dating in archaeology]*. B.A. Kolchin, ed. Moscow: Nauka, pp. 28–75. (In Russ.)
- Epimakhov A.V., Mosin V.S., 2015. Chronology of the Trans-Ural Eneolithic. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Journal of archaeology, anthropology and ethnography]*, 4 (31), pp. 27–35. (In Russ.)
- Kovaleva V.T., 1997. Vzaimodeystvie kul'tur i etnosov po materialam arkheologii: poselenie Tashkovo II [Interaction of cultures and ethnic groups based on archaeological materials: the settlement of Tashkovo II]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 131 p.
- Kovaleva V.T., Ryzhkova O.V., Shamanaev A.V., 2000. Tashkovskaya kul'tura: poselenie Andreevskoe ozero XIII [The Tashkovo culture: the settlement of Andreevskoye Lake XIII]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 160 p.
- Matveev A.V., Matveeva N.P., Serikov Yu.B., Skochina S.N., 2015. Kul'tovye pamyatniki epokhi eneolita [Cult sites of the Eneolithic]. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo universiteta. 156 p., ill. (Drevnosti Ingal'skoy doliny, 3).
- Mosin V.S., 2011. Stoyanka Shatanov 3 na ozere Irtyash [The Shatanov 3 site on Lake Irtyash]. Chelyabinsk: Rifey. 108 p.
- Mosin V.S., Strakhov A.N., 2011. Chronology of the Neo-Eneolithic sites in the Southern Trans-Urals. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of Ural archaeology]*, 26. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 244–245. (In Russ.)
- Serikov Yu.B., 2004. Cult caves on the Chusovaya river. *Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala [Cult sites of the mountain-forest Urals]*. V.D. Viktorova, N.V. Fedorova, V.N. Shirokova, eds. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk, pp. 38–62. (In Russ.)
- Shorin A.F., 1999a. Eneolit Urala i sopredel'nykh territoriy: Problemy kul'turogeneza [The Eneolithic of the Urals and adjacent territories: Issues of cultural genesis]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk. 182 p.
- Shorin A.F., 1999b. Eneoliticheskie kul'tury Urala i sopredel'nykh territoriy: uchebnoe posobie k spetskursu [Eneolithic cultures of the Urals and adjacent territories: a study guide for the specialized course]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii. 92 p., ill.
- Shorin A.F., 2003. Koksharovskiy Hill as a new type of cult complexes in Northern Eurasia. *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh [Images and sacred space of ancient times]*. N.M. Chairkina, ed. Ekaterinburg: Akva-Press, pp. 87–102. (In Russ.)
- Shorin A.F., 2007. The history and some results of research in Koksharovskiy Hill. *Problemy arkheologii: Ural i Zapadnaya Sibir': K 70-letiyu T.M. Potemkinoy [Issues of archaeology: the Urals and Western Siberia: to the 70th anniversary of T.M. Potemkina]*. M.P. Vokhmentsev, ed. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 30–42. (In Russ.)
- Shorin A.F., 2010. The Koksharovskiy Hill sanctuary in the Middle Trans-Urals: markers of the sacred space. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical journal]*, 1 (26), pp. 32–42. (In Russ.)
- Shorin A.F., Shorina A.A., 2011. Radiocarbon dates from Koksharovskiy Hill. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of Ural archaeology]*, 26. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 249–254. (In Russ.)
- Shorin A.F., Shorina A.A., 2018. Radiocarbon dating of the Neolithic complexes of Koksharovskiy Hill. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical journal]*, 3 (60), pp. 97–107. (In Russ.)
- Shorin A.F., Shorina A.A., 2019. Neolithic complexes of Koksharovskiy Hill: genesis, stages of development and cultural continuity. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Journal of Science]*, vol. 8, no. 2 (27), pp. 262–268. (In Russ.)
- Shorin A.F., Vilisov E.V., Shorina A.A., 2015. Basyanovo archaeological site of the Late Neolithic period: the argument for identification. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 5–18. (In Russ.)
- Stefanov V.I., 1991. The Neolithic settlement of Duvanskoye V. *Neoliticheskie pamyatniki Urala [Neolithic sites of the Urals]*. L.Ya. Krizhevskaya, ed. Sverdlovsk: Institut istorii i arkheologii, pp. 144–160. (In Russ.)
- Usacheva I.V., 2002. Sazyk 9 – an Eneolithic seasonal settlement in the Tobol-Iset interfluvium. *Khronologiya i stratigrafiya arkheologicheskikh pamyatnikov golotsena Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy nauchnogo seminara [Chronology and stratigraphy of Holocene archaeological sites in Western Siberia and adjacent territories: Proceedings of the scientific seminar]*. N.P. Matveeva, V.A. Zakh, eds. Tyumen': Institut problem osvoeniya Severa Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 107–114. (In Russ.)
- Vasil'eva I.N., 2011. On the pottery technology of Koksharovskiy Hill. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of Ural archaeology]*, 26. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 103–124. (In Russ.)
- Zakh V.A., 2009. Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya [Chronostratigraphy of the Neolithic and the Early Metal Age of the forest Tobol-Ishim region]. Novosibirsk: Nauka. 320 p.

“ЗАГАДОЧНЫЕ” СИДЯЧИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ВОЛГО-УРАЛЬЕ

© 2021 г. Р.А. Мимоход^{1,2}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино, Россия

E-mail: mimokhod@gmail.com

Поступила в редакцию 21.01.2021 г.

В статье выделяется и анализируется серия погребений бронзового века, совершенных в позиции “сидя” или ее имитации. Они расположены в Волго-Уралье и неизвестны на правобережье Волги. Стратиграфические данные, показательные обрядовые черты и инвентарь свидетельствуют о том, что сидячие захоронения датируются финалом средней бронзы и относятся к волго-уральской культурной группе посткатакомбного периода, которая является северной периферией культурного круга Лола. Наличие в одном из погребений инвентаря постшнурового облика иллюстрирует контакты носителей посткатакомбных и постшнуровых традиций. В системе радиоуглеродной хронологии волго-уральская культурная группа датируется в пределах XXII–XX вв. cal BC.

Ключевые слова: сидячие захоронения, финал средней бронзы, волго-уральская культурная группа, культурный круг Лола, стратиграфия, радиоуглеродные даты.

DOI: 10.31857/S086960630016285-2

В конце прошлого века С.В. Богданов опубликовал пять погребений, совершенных в позиции “сидя” из кург. 4 могильника Тамар-Уткуль VII в Приуралье (Богданов, 1998. С. 22. Рис. 10, 11). Они были впущены в северную часть кургана и имели рядовую планировку (Моргунова, Кравцов, 1994. Рис. 6). Крайне необычная поза и специфический инвентарь, в который входят узко датирующиеся категории (рис. 1, 1–5), привлекли внимание исследователей. Возник вопрос о культурно-хронологической атрибуции этих необычных захоронений. Долгое время он решался однозначно на основании находки в погр. 5 вольско-лбищенского сосуда и украшений постшнурового мира: очковидной подвески и браслетов (рис. 1, 1). Погребальный обряд этой культуры был тогда неизвестен, как неизвестен он и сейчас, а необычная сидячая поза, которую С.В. Богданов назвал “клубком”, при наличии указанного сосуда привела к тому, что долгое время эти захоронения считались вольско-лбищенскими (Богданов, 1998. С. 22; Васильев, 2003. С. 108; Ткачев В.В., 2006. С. 71; 2007. С. 207–212; Мимоход, 2009а. С. 276; 2009б. С. 33; 2013. С. 265, 266; Соловьев, 2012. С. 125). При этом в соседнем синхронном погр. 3 при таком же обряде обнаружен инвентарь, имеющий выраженные посткатакомбные черты: он включал кольцевидно-узкопланочную костяную пряжку и фаянсовую сегментовидную пронизь (рис. 1, 2). Ситуация оказалась

парадоксальной. В рамках одной группы погребений с единым и очень специфическим обрядом в соседних захоронениях (погр. 3 и 5) присутствуют вещи разных по происхождению, но синхронных миров: постшнурового и посткатакомбного. Этого факта уже достаточно, чтобы поставить под сомнение однозначную вольско-лбищенскую атрибуцию сидячих погребений из кург. 4 мог. Тамар-Уткуль VII. Проблемная ситуация заключается еще и в том, что исследователи, упоминая эту необычную группу, ни разу не приводили возможные аналогии обряду в регионе, тем самым подразумевая их отсутствие. Только С.В. Богданов в качестве сравнительного материала привел Алексеевский грунтовый могильник (Богданов, 1998. С. 22). Однако в нем нет погребений, совершенных в сидячей позе. Здесь присутствуют могилы, в которых умершие лежат в обычной скорченной позе на левом или правом боку (Пестрикова, 1979. Рис. 3, 4).

Получается, что сидячие захоронения из Тамар-Уткуля в Волго-Уралье выглядят уникальными. На самом деле это не так. В регионе есть серия погребений бронзового века, совершенных в позе “сидя” или ее имитации. На сегодняшний день известно 13 таких комплексов: Бережновка I 14/2, Быково I 15/1, 16/12, Караман 3/1, Мамбеталы 5/1, Перевозинка 2/31, Светлое Озеро 7/1, Тамар-Уткуль VII 4/1–5, Шумейка 2/4 (рис. 1). Они представлены по всему Волго-Уралью и

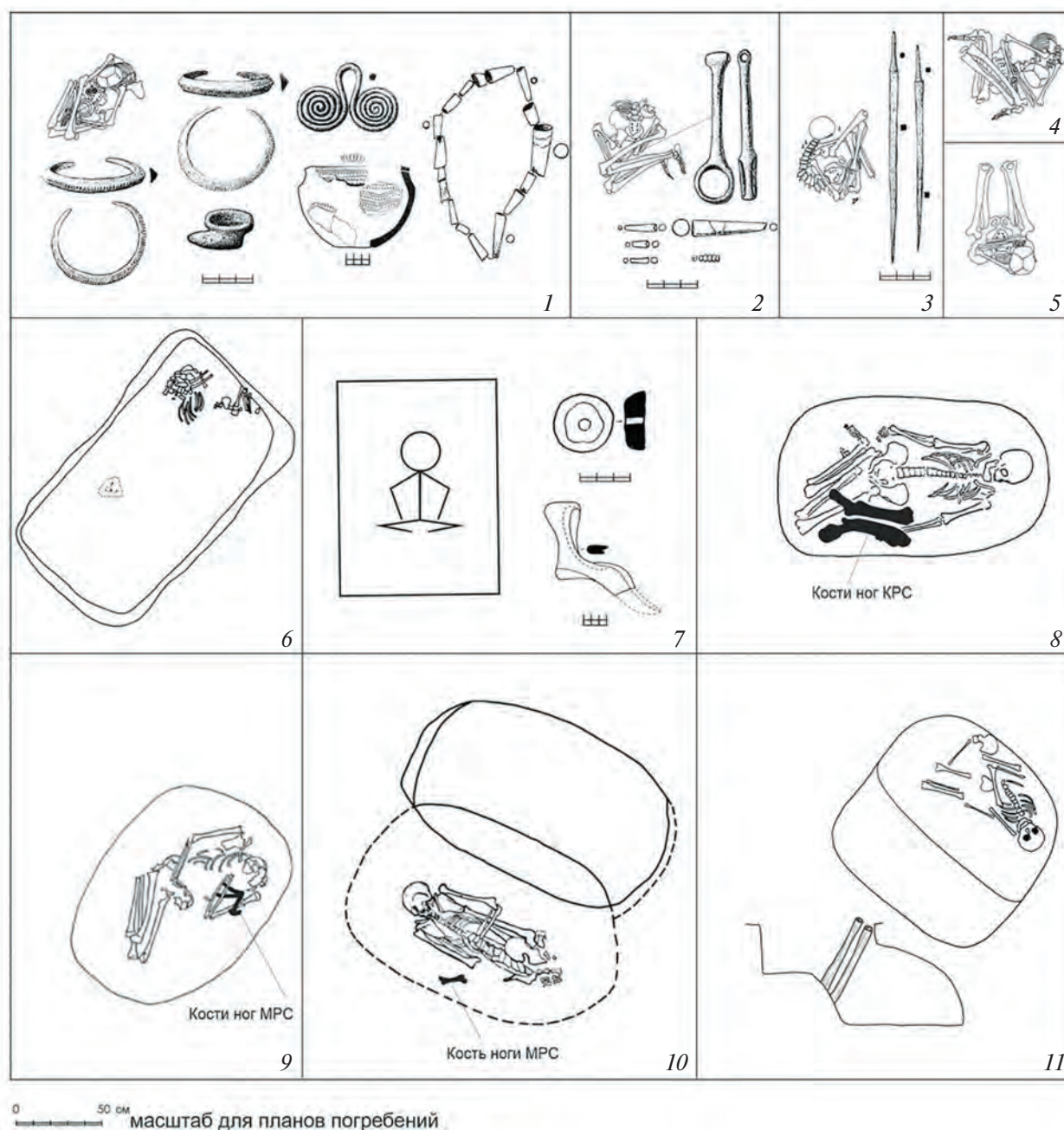

Рис. 1. Погребения, совершенные в позе “сидя” или ее имитации: 1 – Тамар-Уткуль VII 4/5; 2 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 3 – Тамар-Уткуль VII 4/4; 4 – Тамар-Уткуль VII 4/1; 5 – Тамар-Уткуль VII 4/2; 6 – Светлое Озеро 7/1; 7 – Мамбеталы 5/1; 8 – Бережновка I 14/2; 9 – Караман 3/1; 10 – Шумейка 2/4; 11 – Перевозинка 2/31.

Fig. 1. Burials executed in the “seated” position or its imitation

неизвестны на правобережье Волги (рис. 2), т.е. этот обряд имеет вполне конкретную региональную специфику.

Прежде всего рассмотрим положение погребенных. Все исследователи признают его неординарным. Авторы публикации комплекса Светлое Озеро 7/1 (рис. 1, 6) пишут, что “расчищен скелет ребенка, погребенного в редкой для степного

Волго-Уралья сидячей позе. Предполагается, что первоначально умершего зафиксировали в позе адорации сидя способом прислонения левой стороной к стене, а возможно и дополнительно связыванием. С распадом мягких тканей происходило постепенное обрушение скелета вниз и заваливание на левую сторону, головой к СЗЗ. Разрушенный череп, верхние конечности, кости

грудины и позвоночника оказались сваленными грудой, а нижние конечности и таз сохранили почти естественные сочленения, колени все еще опирались на вертикальную стенку» (Жемков, Лопатин, 2008. С. 165). В комплексе Быково I 16/12 «лежал костяк молодого мужчины, в сильно скорченном виде, на левом боку, головой на ЮВ и лицом ко входу (катакомбы. — Р.М.). Руки, согнутые в локтях, были выставлены вперед и обхватывали ноги ниже колен. Бедренные и берцовые кости плотно сложены и коленями обращены к подбородку. Вероятно, первоначально покойник был погребен сидя «на корточках» (Смирнов, 1960. С. 217. Рис. 16, 1). В погр. 1 кург. 15 мог. Быково I «костяк лицом и грудной клеткой уткнулся в землю; ноги согнуты под острым углом в тазобедренных суставах и коленях, пятки близко подведены к тазу; руки слегка согнуты в локтях, их кисти охватывают нижнюю часть голеней. Судя по позе погребенного, мы имеем дело с погребением в сидячем положении» (Смирнов, 1960. С. 211). Позиции серии из пяти захоронений кург. 4 мог. Тамар-Уткуль VII (рис. 1, 1–5) охарактеризованы следующим образом. Скелеты «захоронены в утробной позе, т.е. сильно скорчены («клубком») сидя на корточках и имеют вторичные смещения вниз, в сторону и т.п. Руки согнуты в локте и помещены кистями в области таза или перед тазом» (Богданов, 1998. С. 22). Как сидячая была охарактеризована позиция и для комплекса Мамбеталы 3/1 (рис. 1, 7) (Памятники срубной культуры..., 1993. С. 58, 59).

Таким образом, для всех вышеупомянутых погребений (9 комплексов) авторы их публикаций однозначно определяют положение умерших в позе «сидя». Для трех захоронений такого утверждения нет, но есть довольно подробное описание. Так, в комплексе Караман 3/1 (рис. 1, 9) расчищен «скелет молодого человека, погребенного скорченно на спине с заметным завалом на левый бок, по диагонали могилы, головой к СВВ. Ноги сильно подогнуты в коленях, стопы отсутствуют, но очевидно, что они были вплотную притянуты к тазу. Правая рука согнута в локте под тупым углом, кисть на тазовых костях, левая рука согнута в локте под острым углом, кисть лежит на верхней части груди» (Жемков, Лопатин, 2007. С. 101). В погр. 4 кург. 2 мог. Шумейка (рис. 1, 10) «на дне могилы, головой на северо-запад был погребен взрослый человек в неординарной позе. Умерший положен скорченно, на животе, грудью на колени. Левая рука согнута в локте и прижата к туловищу, кисть руки лежит под плечом. Правая рука согнута в локте под прямым углом и заброшена на спину» (Юдин, 2007.

С. 168). Элементы неординарности позы отметил и К.Ф. Смирнов для комплекса Бережновка I 14/2 (рис. 1, 8). Он пишет, что «привлекает внимание необычная скорченность ног: берцовые и бедренные кости находились параллельно, пятки помещались у тазовых костей» (Смирнов, 1959. С. 78).

Если сравнить позиции скелетов в этих захоронениях с погребениями, где исследователи уверенно констатируют факт нахождения умерших в положении «сидя», то несложно заметить структурные сходства. К их числу относятся плотно прижатые кости голеней к бедренным костям (рис. 1, 8, 9), согнутые в локтях руки, которые охватывают колени (рис. 1, 10), вертикально поднятый череп теменем вверх (рис. 1, 10, 11). В этой связи можно утверждать, что, скорее всего, в погр. 4 кург. 2 мог. Шумейка мы имеем дело также с сидячим костяком, который завалился на спину (рис. 1, 10). В комплексах Бережновка I 14/2 и Караман 3/1 зафиксирована не сидячая поза, а ее имитация, когда ноги размещены так же, как они располагаются в сидячем положении, но при этом туловище было уложено на спину (рис. 1, 8, 9). Несмотря на то, что скелет в комплексе Перевозинка 2/31 немного нарушен грызунами, по сохранившимся *in situ* костям хорошо видно, что ногам тоже была придана позиция, имитирующая сидячую (рис. 1, 11).

Хорошо известно, что сидячая позиция и ее имитация¹ в регионе встречается в погребениях энеолита на правобережье Волги (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990. С. 58; Малов, 2008. Рис. 16, 2; Пестрикова, Агапов, 2010. С. 14). Однако нашу серию уверенно можно отнести к финалу среднего бронзового века. Это утверждение требует детальной аргументации.

Важное значение имеют данные стратиграфии, зафиксированные в кург. 2 мог. Перевозинка (Смирнов, 1967). Судя по расположению выкидов на погребенной почве, устанавливается, что основными в кургане были два захоронения: погр. 32 и погр. 31, совершенное в положении, имитирующем сидячую позу (рис. 1, 11). Культурная принадлежность погр. 32 определяется

¹ Уточним, что под этой позицией подразумевается положение скелета, при котором туловище находится на спине, пятки притянуты к тазу, а бедренные кости плотно прижаты к голеням и вытянуты вдоль линии позвоночного столба, либо с небольшим отклонением от нее (рис. 1, 8–11). При таком расположении умершего позицию ног нельзя трактовать, как стоявшие коленями вверх и впоследствии завалившиеся. Такая поза придавалась скелету изначально, а положение ног имитировало в лежачем состоянии позиции «сидя на корточках» или «сидя на коленях».

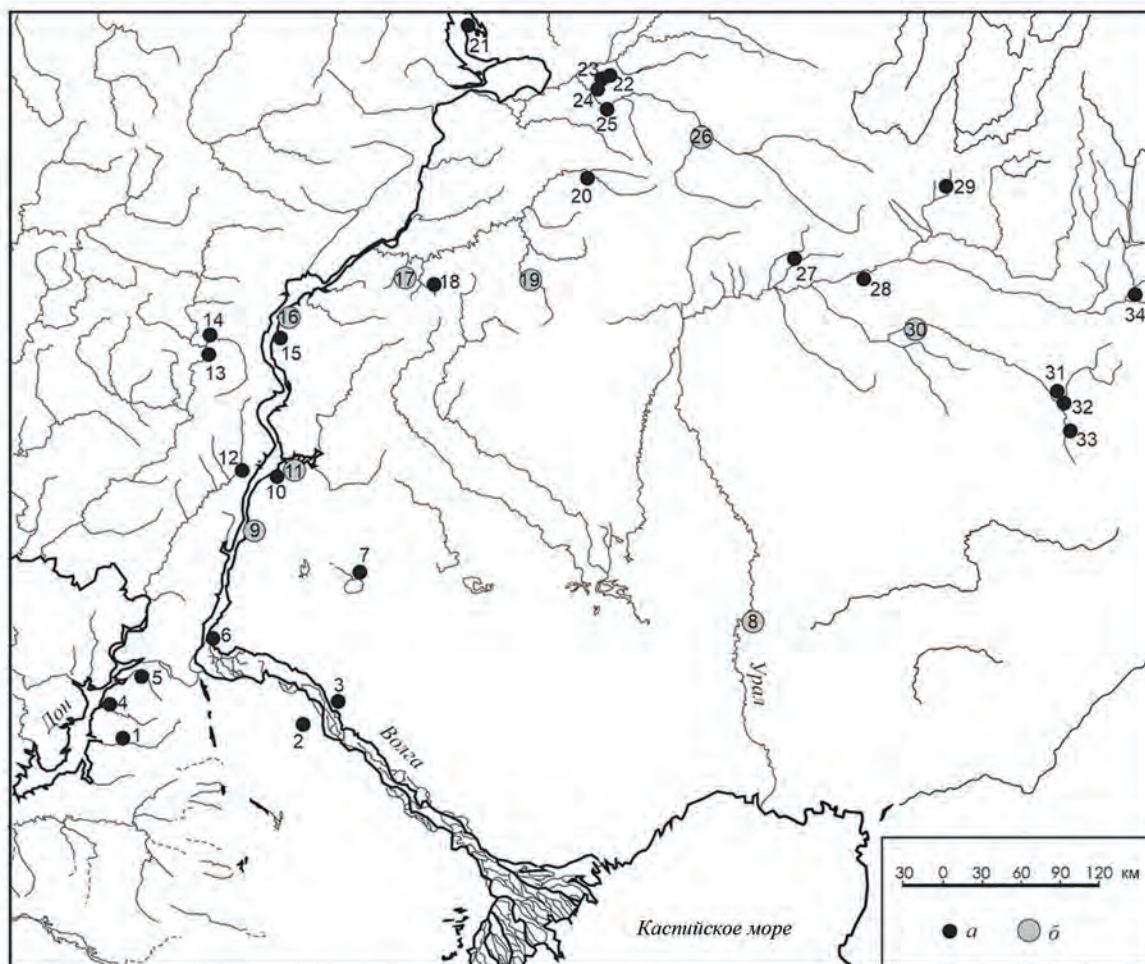

Рис. 2. Территория волго-уральской культурной группы: 1 – Заливский I 1/15; 2 – Кривая Лука XIV 8/5; 3 – Степная IV 2/3; 4 – Первомайский VIII 3/7, X 10/1; 5 – Тихоновка отд. кург./5; 6 – Волжский 2/13; 7 – Венгеловка 5/1; 8 – Мамбеталы 3/1; 9 – Быково I 15/1,2, 16/12; 10 – Политодельское 2/1, 12/18, Политодельское II 1/2, Политодельское-89 4/12; 11 – Бережновка I 14/2; 12 – Барановка I 10/4; 13 – Большие Копены 2/1; 14 – Горбатый мост 6/11; 15 – Смеловка гр. мог. п. 6, 9, 12, 20, 33, 70, 112, 128; 16 – Шумейка 2/4; 17 – Караман 3/1; 18 – Курганная группа (14 насыпей); 19 – Светлое озеро 1/1, 7/1; 20 – Журавлиха 1/10; 21 – Хряшевка 2/1, 2/2; 22 – Кутулук III 1/1; 23 – Грачевка II 5/3; 24 – Красносамарский I 1/2, IV 2/3; 25 – Утевка I 1/2; 26 – Перевозинка 2/31, 32; 27 – Шумаево II 3/2, 6/1; 28 – Пятилетка 5/1; 29 – Имангулово 2 5/3; 30 – Тамар-Уткуль VII 4/1–5; 31 – Восточно-Курайли I 1/1; 32 – Учебный полигон погребение 3; 33 – Шилисай II 2/2; 34 – Новый Кумак 25/12, 13, 14. Условные обозначения: а – погребения волго-уральской культурной группы; б – погребения волго-уральской культурной группы, совершенные в позиции “сидя” или ее имитации.

Fig. 2. The area of the Volga-Ural cultural group

достаточно четко. Оно относится к волго-уральской культурной группе (ВУКГ) посткатакомбного периода (Мимоход, 2009/2010; 2018а), одной из составляющих культурного круга Лола (Мимоход, 2018б. С. 33; рис. 2). Об этом свидетельствуют все обрядовые характеристики: большая могильная яма с заплечиками, адоративное скорченное положение скелета на левом боку с юго-западной ориентировкой (Мимоход, 2018а, рис. 2, 16). Полностью аналогичное по обряду погр. 5 кург. 3 мог. Имангулово II (Мимоход, 2018а. Рис. 2, 17) имеет две радиоуглеродные даты, которые хорошо иллюстрируют его посткатакомбный возраст

(табл. 1, 1, 2). Погр. 31, совершенное в яме с подбоем с имитацией сидячей позы (рис. 1, 11), также было основным и, соответственно, составляет с погр. 32 единый стратиграфический горизонт. Позже в кургане был устроен некрополь начала поздней бронзы. Таким образом, комплекс Перевозинка 2/31 не может датироваться раньше финала СБВ и позже начала ПБВ, что задает вектор определения хронологических координат для всех сидячих погребений Волго-Уралья.

Для посткатакомбной эпохи важными культурно-хронологическими индикаторами являются

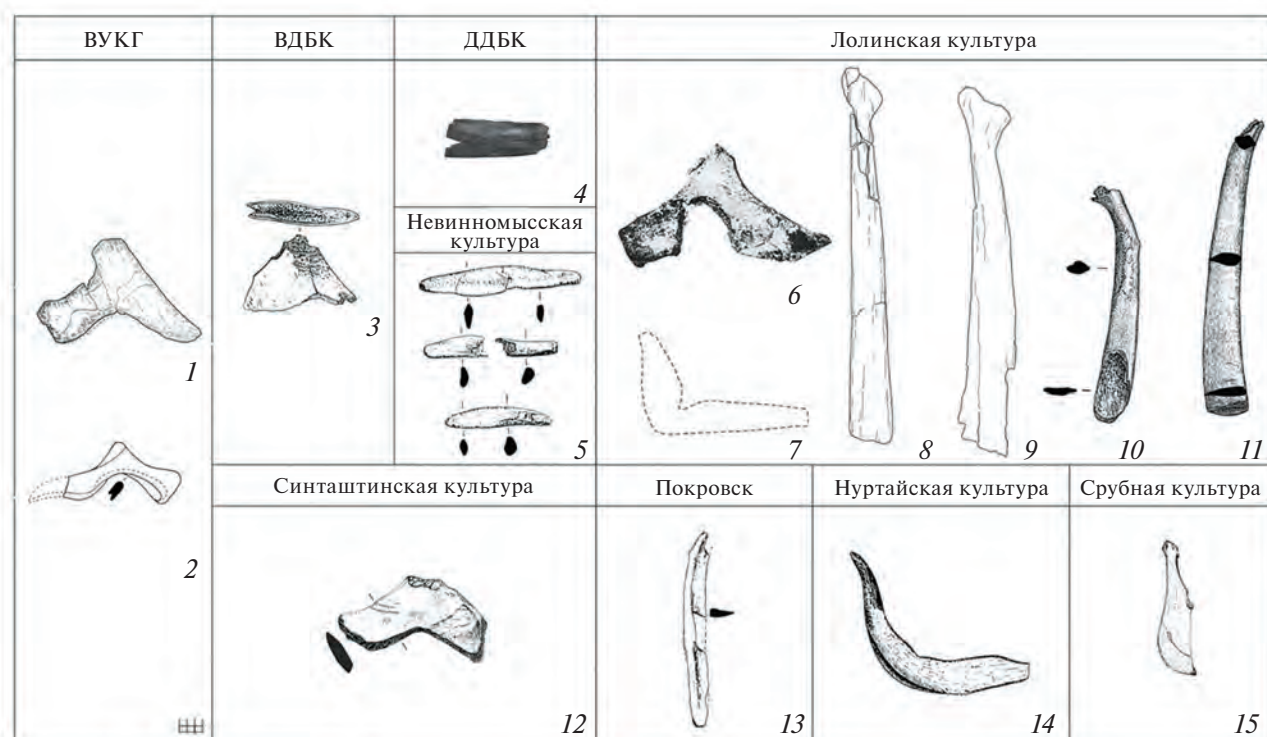

Рис. 3. Костяные тупики и струги из погребальных комплексов финала средней – поздней бронзы: 1 – Краносамарский I 1/2; 2 – Мамбеталы 1; 3 – Царев 66/1; 4 – Калиново 1/8; 5 – Малаи II 1/16; 6 – Колдыри 24/3; 7 – Элиста 6/4; 8 – Зимняя Ставка I 6/10; 9 – Зимняя Ставка I 6/11; 10 – Шарахалсун 5 14/1; 11 – Манджикины I 9/1; 12 – Каменный Амбар-5 курган 2; 13 – Селезни 2 1/1; 14 – Нуртай 6/14; 15 – Лабазы курган 6.

Fig. 3. Hideworking bone scrapers and plane tools from burial complexes of the final period of the Middle Bronze – Late Bronze Age

анатомический состав костей животных и их расположение в могиле (Мимоход, 2007; 2019). В четырех сидячих погребениях (Бережновка I 14/1, Быково I 16/12, Караман 3/1, Шумейка 2/4) обнаружены кости ног домашних копытных, в трех из них они принадлежали особям мелкого рогатого скота (МРС) (рис. 1, 9, 10), в одном – крупного рогатого скота (КРС) (рис. 1, 8). Это яркий маркер захоронений волго-донской бабинской культуры (ВДБК) (Мимоход, 2014. С. 103, 105; 2019). В ее ареал входит и Заволжье (Мимоход, 2014. Рис. 1). В зоне совместного проживания на левобережье Волги данная деталь обряда встречается и в погребениях ВУКГ. Все ее погребения с костями ног МРС/КРС располагаются именно на этой территории (рис. 2). Симптоматично, что часть сидячих погребений (Быково I 16/12, Перевозинка 2/31, Шумейка 2/4) совершена в ямах с подбоем (рис. 1, 10, 11) (Смирнов, 1960. С. 217. Рис. 16, 1; 1967. Рис. 101; Юдин, 2007. Рис. 3, 2). Этот тип погребального сооружения хорошо представлен в материалах ВУКГ, где их количество составляет 22% от всех захоронений (59 комплексов). Если взять только сидячие погребения, то показатель

будет таким же (23%). Примечательно, что в 5 из 13 погребений, совершенных в позе “сидя” или ее имитации, обнаружены следы горения. Этот признак является значимым в погребальном обряде ВУКГ. Захоронения, в которых зафиксированы зола и уголь, составляют 17%. В рассматриваемой группе эта обрядовая черта выражена сильнее. Для нее соответствующий показатель больше, чем вдвое (38%).

Инвентарь, обнаруженный в сидячих захоронениях, также свидетельствует об их датировке финалом среднего бронзового века. В комплексе Быково I 15/1 обнаружен обломок бруска с перетяжкой (Смирнов, 1960. Рис. 15, 11). Э.С. Шарафутдинова небезосновательно полагала, что это фрагмент изделия с двумя перетяжками (Шарафутдинова, 2001. С. 152). Такие предметы (защитные накладки на запястье лучника) хорошо известны в материалах днепро-донской бабинской культуры (ДДБК) и ВДБК, где они являются хронологическими маркерами их раннего этапа. Кроме того, курган 15, как и в случае с комплексами Перевозинка 2/31, 32, был насыпан над двумя синхронными погребениями 1 и 2.

Рис. 4. Кольцевидно-узкопланочные пряжки конца III – начала II тыс. до н.э.: 1 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 2 – Ильинский I 1/6; 3 – Ипатово 3 2/13; 4 – Типки I 2/4; 5 – Кривая Лука XXI 1/9; 6 – Гатын-Кале погребение 7; 7 – Гатын-Кале погребение 30; 8 – Гинчи склеп 2; 9 – Донифарс погребение 4 (б/м); 10 – сооружение 58 пос. Ханлар; 11 – Ханлар 18/1; 12 – Нуртай курган 22 ограда Г; 13 – Ливенцовская крепость погребение 6; 14 – Алгаши 1/1; 15 – Stanton Harcourt; 16 – Jablonec; 17 – Prag-Libeň; 18 – Mühlhausen; 19 – Schönfeld; 20 – Groß Ammensleben; 21 – Vahldorf; 22 – Melton; 23 – Vůčapy-Opatovce; 24 – Троя II.

Fig. 4. Ring-shaped narrow-pin buckles of the late 3rd – early 2nd millennium BC

Последнее относится к ВУКГ. Оно тоже обладает выраженными посткатакомбными признаками – это деформированный череп, который отсылает к раннелолинской культуре, где есть серия таких комплексов (Мимоход, 2013. С. 32, 33), и бронзовый нож без перекрестья с узким листовидным клинком (Смирнов, 1960. Рис. 15, 12). Ножи такой морфологии серийно представлены в лолинской культуре (Мимоход, 2013. Илл. 50, 6, 8–11). Отличие заключается только в наличии у быковского экземпляра валиковых утолщений на черенке и в центре лезвия, являющихся характерными деталями некоторых ножей покровской серии.

В погр. 1 кург. 3 мог. Мамбеталы 5/1 сопровождающий инвентарь включал костяное пряслице и тупик (рис. 1, 7; 3, 1). Именно раннелолинская культура сгенерировала традицию помещения подобных изделий в захоронения (Мимоход, 2013. С. 113), откуда она распространяется в ВУКГ (рис. 3, 1, 2) и посткатакомбную невинномысскую культуру, занимающую ареал Кубани и предгорий Северного Кавказа (рис. 3, 5). В единичных случаях тупики встречаются в захоронениях культурного круга Бабино, которые расположены в непосредственной близости от лолинского ареала (рис. 3, 3, 4). Фактически все типы тупиков и стругов (из нижней челюсти, подвздошной кости таза и ребер КРС), которые известны в других посткатакомбных образованиях и погребальных памятниках эпохи поздней бронзы, представлены в материалах лолинской культуры (рис. 3, 6–11). Это касается и орудий из подвздошной кости КРС, которая была использована

для изготовления тупика из сидячего захоронения Мамбеталы 5/1 (рис. 3, 1). Из такого же сырья сделано одно из коженных орудий раннелолинской культуры (рис. 3, 6). В дальнейшем традиция помещения в погребения крупных коженных орудий распространяется в эпоху поздней бронзы (рис. 3, 12–15).

Полную ясность в определении хронологической позиции сидячих погребений Волго-Уралья вносят вещи, обнаруженные в погр. 3 и 5 кург. 4 мог. Тамар-Уткуль VII (рис. 1, 1, 2). В первом комплексе узко датирующаяся категория инвентаря – костяная пряжка (рис. 4, 1), которая относится к узкопланочным кольцевым изделиям по типологии С.Н. Братченко (1995. С. 13–15). Предмет имеет кольцо для захлестывания свободного конца ремня, длинную узкую планку с отверстием для крепления глухого конца пояса. Функциональное назначение тамар-уткульского изделия подтверждает и расположение его в погребении. Пряжка находилась ниже тазовых костей у сведенных колен (рис. 1, 2), которые, скорее всего, были связаны поясом.

Предметы данного типа представлены в кавказских культурах конца средней бронзы (рис. 4, 5–11) (Гуммель, 1940. С. 72, 92, 94; Марковин, 1963. С. 62, 91; Гаджиев, 1969, С. 29). В единичных случаях они известны в погребениях средневожской абашевской (СВАК) и нутрайской культур (рис. 4, 12, 14) (Ефименко, Третьяков, 1961. Рис. 8, 1; Ткачев А.А., 2002. С. 185), а также в руинах Ливенцовской крепости (рис. 4, 13)

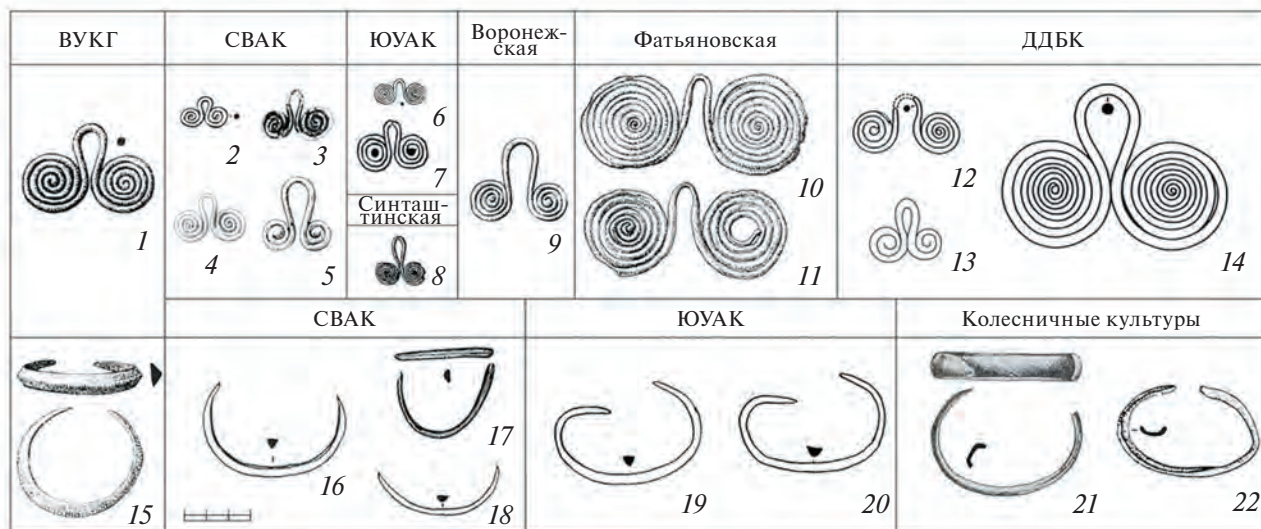

Рис. 5. Очковидные подвески и браслеты из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/5 и сопоставительные материалы: 1, 15 – Тамар-Уткуль VII 4/5; 2 – Виловатский II 17/8; 3 – Тауш-Касы 2/2; 4 – Алгаши 1/3; 5 – Виловатский II 7/11; 6 – Верхнекизильский клад; 7 – Старо-Ябалаклинский курган 73; 8 – Кривое Озеро 10/14; 9 – Хохольский 1/1; 10 – Волосово-Даниловский погребение 73; 11 – Никульцынский могильник; 12 – Чикмари II 1/4; 13 – Ново-Филипповка 2/4; 14 – Шахтерск 8/2; 16 – Пеленгер I 26/3; 17 – Кухмарский курган 15; 18 – Пеленгер I 26/2; 19, 20 – Юкалекулево 1/2; 21 – Потаповский 3/8; 22 – Синташта CI/12.

Fig. 5. Spectacle pendants and bracelets from the Tamar-Utkul VII 4/5 complex and comparative materials

(Братченко, 1995. С. 13; рис. 2, 6). Структурное типологическое сходство у волго-уральской поясной детали наблюдается и с пряжками типа Ипатово-Типки лолинской культуры второго этапа (рис. 4, 2–5). Здесь та же самая перпендикулярная система расположения отверстий и Т-образная планка (Мимоход, 2013. С. 109). Из лолинской серии наиболее близка тамар-уткульскому изделию пряжка из комплекса Кривая Лука XXI 1/9 (рис. 4, 5), так как она имеет самую длинную и узкую Т-образную планку. Следует отметить, что поясные детали из Тамар-Уткуля и Ливенцовки (рис. 4, 1, 13) вместе с лолинскими изделиями Ипатово-Типки (рис. 4, 2–5) и экземпляром из Донифарса (рис. 4, 9) представляют собой варианты единого типа, в рамках которого пряжки Лолы выглядят более вычурными, отчасти продолжая традицию более ранней группы пряжек типа Кевюды-Чограй (Мимоход, 2013. С. 106–124). Серийно кольцевидно-узкопланочные пряжки представлены в Центральной и Западной Европе позднего неолита – ранней бронзы по европейской периодизации (Grimes, 1960. P. 162. Fig. 67; Clarke, 1970. P. 297, 299; Müller-Karpe, 1974. Taf. 636, F2, L9; 514, M5; 515, J3; 519, A10, F1, I, 3; Sangmeister, 1974. Abb. 7, 2; 1984. Abb. 8, 4, 5; Schwarzberg, 1994. Taf. 4, 8, 9, 13; Hecker, 1995. Taf. VII, 9, 10; Schmid, 1995. S. 100; Wiechmann, 1995. S. 116; Case, 2001. Fig. 4, 19; Großmann, 2016. Abb. 8.34). Такие

изделия хорошо известны прежде всего в материалах культур шнуровых и колоколовидных кубков (рис. 4, 15–23). В хронологическом отношении они непосредственно предшествуют времени распространения кольцевидно-узкопланочных пряжек на Кавказе и в степи. Приблизительно этим же временем датируется и изделие из Трои II (рис. 4, 24) (Schliemann, 1881. Nr. 557). По всей видимости, кольцевидно-узкопланочные предметы возникают на Ближнем Востоке и в Европе, а в финале средней бронзы они распространяются на Кавказе и в восточноевропейской степи.

В комплексе Тамар-Уткуль VII 4/5 обнаружен сосуд вольско-лбищенской культуры и показательный набор украшений, состоящий из очковидной подвески и двух браслетов (рис. 1, 1). Очковидные подвески хорошо представлены в абашевских культурах: СВАК и южноуральской абашевской культуре (ЮАК) (рис. 5, 2–7) (Ефименко, Третьяков, 1961. Рис. 9, 12, 13; 12, 7; 15; Евтюхова, 1965. Рис. 3, 5–8; Сальников, 1967. Рис. 2, 24; 3, 15; Бадер, 1970. Рис. 14, 2; Горбунов, 1976. Рис. 7, 4; 1986. Табл. XV, 26; Пряхин, Халиков, 1987. Рис. 63, 9; Большов, Кузьмина, 1995. Рис. 15, 7; Кузьмина, 2000. Рис. 23, 12; Большов, 2003. Рис. 20, 10, 15; 2006. Рис. 14, 8; Ткачев В.В., 2003. Рис. 4, 11). Большая часть абашевских изделий имеют миниатюрные размеры (Кузьмина,

¹⁴C-данные волго-уральской культурной группы (материал — кость человека)¹⁴C data of the Volga-Ural cultural group

№	Памятник	Шифр лаборатории	Дата ВР	Дата cal BC Вероятность 1σ
1	Имангулово II 5/3	Ki-19356	3690±60	2200–1970
2	Имангулово II 5/3	ГИН-15497	3600±70	2041–1879
3	Грачевка II 5/3	Le-6545	3815±60	2350–2140
4	Грачевка II 5/3	AA-53806	3752±52	2280–2040
5	Тамар-Уткуль VII 4/5	IGAN _{AMS} -7692	3860±20	2436–2238

Примечание: 3, 4 — даты по: Кузнецов, Мочалов, 2012. Табл. 1. Рис. 26; 2 — дата по: Купцова, Евгеньев, в печати; 1, 5 — публикуются впервые.

2002. С. 159, 160). Они заметно меньше тамар-уткульского экземпляра (рис. 5, 1) и зачастую использовались в структуре богатого шитья мелкими бронзовыми и серебряными украшениями. Известна находка такой подвески в погребении воронежской культуры (рис. 5, 9) (Пряхин, Синюк, 1983. Рис. 2, 10), которая также относится к постшнуровым. В шнуровых культурах (фатьяновская, среднеднепровская) присутствуют очевидные подвески (рис. 5, 10, 11) (Артеменко, 1967. Рис. 22, 1, 2; Гадзяцкая, 1976. Табл. XXXII, 12; Крайнов, 1987. Рис. 35, 22). Это довольно крупные экземпляры, чем они отличаются от абашевской серии. Несколько изделий этого типа есть в погребениях ранней ДДБК (рис. 5, 12–14) (Вангородская, 1987. Рис. 1, 5; Литвиненко, 2009. Рис. 51, 11–13; Ларенок, 2018. С. 54). Однако здесь, как и в случае с комплексом Тамар-Уткуль VII 4/5, появление очковидных подвесок в посткатакомбных погребениях связано с постшнуровыми культурами. Браслеты с треугольным сечением (рис. 5, 1) также имеют аналогии в абашевских культурах (рис. 5, 16–20), а в начале поздней бронзы они приобретают желобчатое сечение (рис. 5, 21, 22).

В целом, охарактеризованный набор выглядит чужеродным по отношению к группе сидячих захоронений, которые демонстрируют явные посткатакомбные признаки. Своим происхождением он связан с постшнуровым миром. Наличие в комплексе Тамар-Уткуль VII 4/5 инвентаря абашевского и вольско-лбищенского облика — это не более, чем проявление культурных связей между постшнуровыми и посткатакомбными культурными образованиями. Не так давно этот сюжет был детально рассмотрен на примере попадания вольско-лбищенской посуды в погребения ВДБК и ВУКГ (Мимоход, 2018в).

Таким образом, серия сидячих захоронений в волго-уральском регионе в обряде и инвентаре демонстрирует выраженные посткатакомбные признаки, за исключением погр. 5 кург. 4 мог. Тамар-Уткуль VII, чей вещевой комплекс отсылает к традициям постшнурового мира. Стратиграфические данные и узко датирующиеся категории инвентаря свидетельствуют о датировке рассматриваемой группы захоронений в рамках финала средней бронзы. С учетом локализации сидячих погребений (рис. 2), обрядовых характеристик (наличие ям с подбоем, кости ног МРС и КРС), показательных категорий инвентаря (костяные тупик, пряслице, кольцевидно-узкопланочная пряжка, фаянсовая сегментовидная пронизь) их следует отнести к волго-уральской культурной группе, которая является северной периферией культурного круга Лола. Следует отметить, что из тринадцати захоронений над семью были возведены курганы и одно сопровождалось досыпкой, т.е. захоронения, с которыми было связано собственное курганное строительство, составляли 53.8% от всех комплексов рассматриваемой группы. Сооружение насыпей — одна из отличительных черт ранней фазы посткатакомбного блока (Мимоход, 2005. С. 71). Получается, что из всей серии впускными были только пять захоронений из кург. 4 мог. Тамар-Уткуль VII. Они были впушены в насыпь высотой 2.5 м (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 14), который относится в регионе к группе больших курганов раннего бронзового века (Богданов, 2004. С. 141, 143), что в какой-то мере и здесь может указывать на особый статус этих комплексов. Иными словами, погребения, совершенные в позе “сидя” или ее имитации, представляют собой отдельную специфическую обрядовую группу ВУКГ. На сегодняшний день известно 59 захоронений этой культурной группы (рис. 2). Сидячие погребения составляют 22%

от всех комплексов. Это довольно внушительный показатель. Данная обрядовая группа занимает второе место по численности после группы, где умершие захоронены в ямах в позе адорации с ориентировкой на юг и юго-запад, которая формирует наглядный образ ВУКГ.

Сейчас известно пять радиоуглеродных дат волго-уральской группы (таблица). Одна из них сделана по кости человека из сидячего погребения (таблица, 5). На мой взгляд, дата выглядит удивительно старой. Она явно старше остальных четырех дат ВУКГ (таблица, 1–4), при том, что в тамар-уткульских погребениях содержится диагностичный инвентарь финала средней бронзы, который позволяет датировать волго-уральскую группу в пределах XXII–XX вв. cal BC, о чем свидетельствуют датировки из Имангулово и Грачевки (таблица, 1–4). Впрочем, даты ВУКГ пока единичны и предметно обсуждать их пока нет смысла.

Таким образом, “загадочные” сидячие захоронения в Волго-Уралье представляют собой специфическую обрядовую группу ВУКГ финала средней бронзы. Они расположены только в указанном регионе и неизвестны на правобережье Волги. С этими захоронениями связано развитое курганное строительство, что указывает на особый статус этих комплексов. С учетом собственных ¹⁴C-данных ВУКГ и с опорой на представительную серию радиоуглеродных дат всего посткатакомбного блока (99 датировок) волго-уральскую группу и ее сидячие захоронения следует датировать в диапазоне XXII–XX вв. cal BC.

Работа выполнена в рамках плановой темы АААА-А18-118011790090-1. Радиоуглеродное датирование комплексов Имагулово II 5/3 и Тамар-Уткуль VII 4/5 выполнено при поддержке гранта РНФ 19-18-00406.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовский ун-т, 1990. 160 с.
- Артеменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1967. 139 с.
- Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.
- Богданов С.В. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Димур, 1998. С. 17–37.
- Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: Уральское отд. РАН, 2004. 287 с.
- Большов С.В. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников). Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т, 2003 (Труды Марийской археологической экспедиции; т. VIII). 184 с.
- Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы. Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т, 2006. 232 с.
- Большов С.В., Кузьмина О.В. Новые исследования II Виловатского могильника // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1995. С. 81–113.
- Братченко С.Н. Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II / Отв. ред. В.С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 8–26.
- Вангородская О.Г. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины / Отв. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 38–48.
- Васильев И.Б. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. / Ред. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. С. 107–115.
- Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала: Дагестанский филиал Акад. наук СССР, 1969. 178 с.
- Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа. М.: Наука, 1976 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. В1-21). 136 с.
- Горбунов В.С. Классификация абашевских могильников Башкирии // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев и др. Уфа: Башкирский филиал Акад. наук СССР, 1976. С. 18–34.
- Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: Башкирский гос. пед. ин-т, 1986. 96 с.
- Гуммель Я.И. Археологические очерки. Баку: Азербайджанский филиал Акад. наук СССР, 1940. 166 с.
- Евтюхова О.Н. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья // Новое в советской археологии / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 130). С. 137–142.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 97). С. 57–110.
- Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // Археология

- Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 5 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2007. С. 93–118.
- Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганный могильник у с. Светлое Озеро // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 6 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2008. С. 157–193.
- Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер и др. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). С. 58–76.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.* Потаповские комплексы курганов могильника Грачевка II // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области) / Ред. М.А. Турецкий. Самара: Самарское археолог. о-во, 2012. С. 37–82.
- Кузьмина О.В.* Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 65–134.
- Кузьмина О.В.* Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2002. С. 157–174.
- Купцова Л.В., Евгеньев А.А.* Погребения эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово (Оренбургское Предуралье) // Поволжская археология. (В печати).
- Ларенок О.П.* Группа погребений культуры многоваликовой керамики из курганного могильника Бургуста I в Красносулинском районе Ростовской области // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы: тез. докл. круглого стола / Ред. М.В. Андреева, А.Н. Гей. М.: ИА РАН, 2018. С. 53–54.
- Литвиненко Р.О.* Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток): дисертація доктора історичних наук. Київ, 2009 // Научно-отраслевой архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Ф. 12. Оп. 2. № 879.
- Малов Н.М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2008. С. 32–134.
- Марковин В.И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 49–135.
- Мимоход Р.А.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України / Гол. ред. В.В. Отрощенко. Луганськ: Шлях, 2005. С. 70–74.
- Мимоход Р.А.* Кости животных в лопинских погребениях как культурно-хронологический индикатор // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 7 / Ред. С.М. Санжаров. Луганськ: Видавництво Східноукраїнського національного університету, 2007. С. 118–127.
- Мимоход Р.А.* О верхней дате вольско-лбищенской культурной группы // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13 / Отв. ред. В.В. Килейников. Воронеж: Научная книга, 2009а. С. 276–278.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009б (Материалы охранных археологических исследований; т. 10). 292 с.
- Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологічний збірник. № 13/14 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецьк: Видавництво Донецького університету. Донецьк, 2009/2010. С. 67–82.
- Мимоход Р.А.* Лопинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013 (Материалы охранных археологических исследований; т. 16). 568 с.
- Мимоход Р.А.* Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 232. С. 100–119.
- Мимоход Р.А.* Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2018а. С. 140–144.
- Мимоход Р.А.* Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // Российская археология. 2018б. № 2. С. 33–48.
- Мимоход Р.А.* Вольско-лбищенская керамика в погребальных комплексах: культурные маркеры или маркеры в культурах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018в. Т. 20, № 3. С. 223–233.
- Мимоход Р.А.* Кістки тварин в волго-донських бабинських похованнях як культурно-хронологічні індикатори та маркери господарчої моделі // Донецкий археологічний збірник. № 22 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецьк: Видавництво Донецького університету, 2019. С. 21–45.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнейшей культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 153 с.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Т. I. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1993

- (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. В1-10). 200 с.
- Пестрикова В.И.* Фатьяновский могильник на севере Саратовской области // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т, 1979 (Научные труды; т. 230). С. 99–110.
- Пестрикова В.И., Агапов Д.С.* Хвалынский I энеолитический могильник как исторический источник // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 11–120.
- Пряхин А.Д., Синюк А.Т.* Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский // Советская археология. 1983. № 3. С. 197–202.
- Пряхин А.Д., Халиков А.Х.* Абашевская культура // Бронзовый век лесной стороны СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер и др. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). С. 124–131.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Смирнов К.Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья: Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Т. I / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 60). С. 206–322.
- Смирнов К.Ф.* “Быковские курганы” // Древности Нижнего Поволжья: Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 78). С. 169–272.
- Смирнов К.Ф.* Отчет о работе Южно-уральской археологической экспедиции в 1967 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р-1. № 3557.
- Соловьев Б.С.* О “чирковских” памятниках Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 8 / Ред. А.М. Белавин. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2012. С. 121–127.
- Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень: Тюменский гос. нефтегазовый ун-т, 2002. 289 с.
- Ткачев В.В.* Памятники абашевской культуры в степном Приуралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. / Ред. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. С. 212–224.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
- Ткачев В.В.* Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. Челябинск: Рифей, 2006. 75 с.
- Шарафутдинова Э.С.* К вопросу о погребальных памятниках конца эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф. “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы” 23–28 апреля 2001 г. / Ред. Ю.И. Колев и др. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2001. С. 148–153.
- Юдин А.И.* Исследование курганов эпохи средней бронзы у с. Шумейка Энгельсского района // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2007. С. 162–175.
- Case H.* The Beaker Culture in Britain and Ireland: Groups, European Contacts and Chronology // Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe. Vol. 1 / Ed. F. Nicolis. Trento: Provincia Autonoma di Trento, Servizio Beni Culturali, 2001. P. 361–377.
- Clarke D.L.* Beaker pottery of Great Britain and Ireland. Vol. 1. Cambridge: University Press, 1970. 280 p.
- Grimes W.F.* Excavations on Defence Sites, 1939–45. 1. Mainly Neolithic – Bronze Age. London: Her Majesty's Stationery Office, 1960. 259 p.
- Großmann R.* Das Dialektische Verhältniss von Schnurkeramik und Glockenbecher zwischen Rhein und Saale. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2016 (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie; Bd. 287). 280 S.
- Hecker W.* Böhmisches Phänomen: Böhmen // Glockenbecher-Phänomen. Freiburg, 1995 (Freiburger Archäologische Studien; № 2). S. 41–66.
- Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Bd. III. Kupferzeit. München: Beck, 1974. 1095 S.
- Sangmeister E.* Zwei Neufunde der Glockenbecherkultur in Baden-Württemberg // Fundberichte aus Baden-Württemberg. Bd. 1. Stuttgart: Schweizerbart'sche Verlagsbuchhandlung, 1974. S. 103–137.
- Schliemann H.* Ilios. Stadt und Land der Trojaner. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1881. 880 S.
- Schmid C.-D.* Süddeutsche Gruppe: Südwestdeutschland, Elsaß und Nordschweiz // Glockenbecher-Phänomen. Freiburg, 1995 (Freiburger Archäologische Studien; № 2). S. 84–100.
- Schwarzberg H.* Schönfelder Kultur // Das Neolithikum im Mittel- und Ober-Rheinland und in der Altmark. Wilkau-Hasslau: Beier & Beran. Archäologische Fachliteratur, 1994. S. 243–255.
- Wiechmann A.* Ostdeutsche Provinz // Glockenbecher-Phänomen. Freiburg, 1995 (Freiburger Archäologische Studien; № 2). S. 96–116.

“MYSTERIOUS” SEATED BURIALS OF THE BRONZE AGE IN THE VOLGA-URAL REGION

Roman A. Mimokhod^{1,2}

¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

²*Institute of Physical, Chemical and Biological Problems of Soil Science RAS, Pushchino, Russia*

E-mail: mimokhod@gmail.com

The article identifies and analyzes a series of Bronze Age burials executed in the “seated” position or its imitation. They are located in the Volga-Urals and are unknown on the right bank of the Volga. Stratigraphic data, show ritual features and implements indicate that seated burials date from the final stage of the Middle Bronze Age and belong to the Volga-Ural cultural group of the post-Catacomb period, which is the northern periphery of the Lola cultural circle. The presence of grave goods of a post-cord-like appearance in one of the burials reflects the contacts of carriers of the post-catacomb and post-cord traditions. In the system of radiocarbon chronology, the Volga-Ural cultural group is dated to the 22–20 centuries cal. BC.

Keywords: seated burials, final period of the Middle Bronze Age, Volga-Ural cultural group, Lola cultural circle, stratigraphy, radiocarbon dates.

REFERENCES

- Agapov S.A., Vasil'ev I.B., Pestrikova V.I., 1990. Khvalynskiy eneoliticheskiy mogil'nik [The Khvalynsk Eneolithic burial ground]. Saratov: Saratovskiy universitet. 160 p.
- Artemenko I.I., 1967. Plemena Verkhnego i Srednego Podneprov'ya v epokhu bronzы [Tribes of the Upper and Middle Dnieper region in the Bronze Age]. Moscow: Nauka. 139 p.
- Bader O.N., 1970. Basseyn Oki v epokhu bronzы [The Oka river region in the Bronze Age]. Moscow: Nauka. 176 p.
- Bogdanov S.V., 1998. The Great Dedurovka Mar mound. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya [Archaeological sites of Orenburg Region]*, II. N.L. Morgunova, ed. Orenburg: Dimur, pp. 17–37. (In Russ.)
- Bogdanov S.V., 2004. Epokha medi stepnogo Priural'ya [The Copper Age of the steppe Cis-Urals]. Ekaterinburg: Ural'skoe otделение Rossiyskoy akademii nauk. 287 p.
- Bol'shov S.V., 2003. Srednevolzhskaya abashevskaya kul'tura (po materialam mogil'nikov) [The Middle Volga Abashevo culture (based on materials from burial grounds)]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut. 184 p. (Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, VIII).
- Bol'shov S.V., 2006. Lesnaya polosa Srednego Povolzh'ya v epokhu sredney bronzы [Forest belt of the Middle Volga region during the Middle Bronze Age]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut. 232 p.
- Bol'shov S.V., Kuz'mina O.V., 1995. New research in the Vilovatovo II burial ground. *Drevnie indoiranskіe kul'tury Volgo-Ural'ya (II tys. do n.e.) [Ancient Indo-Iranian cultures of the Volga-Ural region (2nd millennium BC)]*. I.B. Vasil'ev, ed. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 81–113. (In Russ.)
- Bratchenko S.N., 1995. Buckles of the Middle Bronze Age and their North Caucasian forms. *Konvergentsiya i divergentsiya v razvitii kul'tur epokhi eneolita — bronzы Sredney i Vostochnoy Evropy [Convergence and divergence in the development of Eneolithic — Bronze Age cultures of Central and Eastern Europe]*, II. V.S. Bochkarev, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 8–26. (In Russ.)
- Case H., 2001. The Beaker Culture in Britain and Ireland: Groups, European Contacts and Chronology. *Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe*, I. F. Nicolis, ed. Trento: Provincia Autonoma di Trento, Servizio Beni Culturali, pp. 361–377.
- Clarke D.L., 1970. Beaker pottery of Great Britain and Ireland, I. Cambridge: University Press. 280 p.
- Efimenko P.P., Tret'yakov P.N., 1961. The Abashevo culture in the Volga River region. *Abashevskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e [The Abashevo culture in the Middle Volga region]*. N.Ya. Merpert, ed. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 57–110. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 97). (In Russ.)
- Evyukhova O.N., 1965. On the chronology of the Abashevo culture in the Middle Volga region. *Novoe v sovetskoy arkheologii [New developments in Soviet archaeology]*. E.I. Krupnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 137–142. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 130). (In Russ.)
- Gadzhiev M.G., 1969. Iz istorii kul'tury Dagestana v epokhu bronzы (mogil'nik Ginchi) [From the history of the Bronze Age culture of Dagestan (the Ginchi burial site)]. Makhachkala: Dagestanskiy filial Akademii nauk SSSR. 178 p.
- Gadzyatskaya O.S., 1976. Pamyatniki fat'yanovskoy kul'tury. Ivanovsko-Gor'kovskaya gruppa [Fatyanovo culture sites. Ivanovo-Gorky group]. Moscow: Nauka. 136 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, VI-21).

- Gorbunov V.S., 1976. Classification of the Abashevo burial grounds in Bashkiria. *Drevnosti Yuzhnogo Urala [Antiquities of the Southern Urals]*. R.G. Kuzeev, ed. Ufa: Bashkirskiy filial Akademii nauk SSSR, pp. 18–34. (In Russ.)
- Gorbunov V.S., 1986. Abashevskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya [The Abashevo culture of the Southern Cis-Urals]. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 96 p.
- Grimes W.F., 1960. Excavations on Defence Sites, 1939–45, 1. Mainly Neolithic – Bronze Age. London: Her Majesty's Stationery Office. 259 p.
- Großmann R., 2016. Das Dialektische Verhältniss von Schnurkeramik und Glockenbecher zwischen Rhein und Saale. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. 280 p. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 287).
- Gummel' Ya.I., 1940. Arkheologicheskie ocherki [Archaeological studies]. Baku: Azerbaydzhanskiy filial Akademii nauk SSSR. 166 p.
- Hecker W., 1995. Böhmische Gruppe: Böhmen. *Glockenbecher-Phänomen*. Freiburg, pp. 41–66. (Freiburger Archäologische Studien, 2).
- Kraynov D.A., 1987. The Fatyanovo culture. *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR [The Bronze Age in the forest belt of the USSR]*. O.N. Bader, ed. Moscow: Nauka, pp. 58–76. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Kuptsova L.V., Evgen'ev A.A. Bronze Age burials in the II mound cemetery near the village of Vtoroye Imangulovo (the Orenburg Cis-Urals). *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region archaeology]*. (In print). (In Russ.)
- Kuz'mina O.V., 2000. Metal objects and issues of the Abashevo relative chronology. *Drevnie obshchestva yuga Vostochnoy Evropy v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kul'turnoy transformatsii) [Ancient communities in the south of Eastern Europe during the Paleometal Age (early complex societies and issues of cultural transformation)]*. V.M. Masson, ed. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom, pp. 65–134. (In Russ.)
- Kuz'mina O.V., 2002. Adornments of the Abashevo culture. *Problemy arkheologii Evrazii. K 80-letiyu N.Ya. Merperta [Issues of the archaeology of Eurasia. To the 80th anniversary of N.Ya. Merpert]*. R.M. Munchaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 157–174. (In Russ.)
- Kuznetsov P.F., Mochalov O.D., 2012. Potapovka complexes from the mounds of the Grachevka II cemetery. *Bronzovyy vek. Epokha geroev (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov Samarskoy oblasti) [The Bronze Age. The age of heroes (based on materials from the burial sites of Samara Region)]*. M.A. Turetskiy, ed. Samara: Samarskoe arkheologicheskoe obshchestvo, pp. 37–82. (In Russ.)
- Larenok O.P., 2018. A group of burials of the Multicordoned Ware culture from the Burgusta I mound cemetery in Krasny Sulin district of Rostov Region. *Svyazi i vzaimootnosheniya kul'tur bronzovogo veka Tsirkumpontiyskogo regiona: novye dannye i materialy: tezisy dokladov kruglogo stola [Connections and relationships between the Bronze Age cultures of the Circumpontic: new data and materials: Proceedings of the round table]*. M.V. Andreeva, A.N. Gey, eds. Moscow: IA RAN, pp. 53–54. (In Russ.)
- Litvinenko R.O. Kul'turne kolo Babino (po materialam pokhoval'nykh pam'yatok): disertatsiya doktora istorichnikh nauk. Kiev, 2009 [The Babino culture circle (based on materials from burial sites): doctoral thesis in History. Kiev, 2009]. *Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Scientific Branch-specific Archive of the Institute of Archaeology at the National Academy of Sciences of Ukraine]*, F. 12, Op. 2, № 879.
- Malov N.M., 2008. The Khlopkovo cemetery and historiography of the Eneolithic in the Lower Volga region. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi [Archaeology of the East European steppe]*, 6. V.A. Lopatin, ed. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 32–134. (In Russ.)
- Markovin V.I., 1963. A new Bronze Age site in mountainous Chechnya. *Drevnosti Checheno-Ingushetii [Antiquities of Checheno-Ingushetia]*. E.I. Krupnov, ed. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 49–135. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2005. The block of post-catacomb cultural formations (problem statement). *Problemi doslidzhennya pamyatok arkheologii Skhidnoi Ukraini [Problems of studying archaeological sites of Eastern Ukraine]*. V.V. Otroshchenko, ed. Lugans'k: Shlyakh, pp. 70–74. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2007. Animal bones in Lola burials as a cultural and chronological indicator. *Materiali ta doslidzhennya z arkheologii Ckhidnoi Ukraini [Materials and studies on archaeology of Eastern Ukraine]*, 7. S.M. Sanzharov, ed. Lugans'k: Vidavnistvo Skhidnoukraïns'kogo natsional'nogo universitetu, pp. 118–127. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2009. On the upper date of the Volsk-Lbishche cultural group. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological sites of Eastern Europe]*, 13. V.V. Kileynikov, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 276–278. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2009/2010. Burials of the Middle Bronze finale in the Volga-Ural region and some problems of the regional cultural genesis. *Donets'kiy arkheologichniy zbirnik [Donetsk collection of papers on archaeology]*, 13/14. R.O. Litvinenko, ed. Donetsk: Vidavnistvo Donets'kogo universitetu. Donetsk, pp. 67–82. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2009a. Kurgany epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v Saratovskom Povolzh'e: kharakteristika i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya kompleksov [Mounds of the Bronze Age – Early Iron Age in the Saratov area of the Volga River region: features and cultural-chronological attribution of complexes]. Moscow: Taus. 292 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 10).

- Mimokhod R.A., 2013. Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka [The Lola culture. The northwest Caspian region at the turn of the Middle and Late Bronze Ages]. Moscow: IA RAN. 568 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 16).
- Mimokhod R.A., 2014. Post-catacomb period in the Lower Volga region: from the Krivaya Luka cultural group to the Volga-Don Babino culture. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 232, pp. 100–119. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2018. Post-catacomb period in the Volga-Ural region. *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie, posvyashchennoe 85-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Matveevoy i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasil'eva* [XXI Ural archaeological symposium to the 85th anniversary of G.I. Matveeva and the 70th anniversary of I.B. Vasiliev]. A.A. Vybornov, ed. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy sotsial'no-pedagogicheskii universitet, pp. 140–144. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2018a. Paleoclimate and cultural genesis in Eastern Europe of the 3rd millennium BCE. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, pp. 33–48. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2018b. Volsk-Lbishche pottery in burial complexes: cultural markers or markers in cultures. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestiia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 20, no. 3, pp. 223–233. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2019. Animal bones in the Volga-Don Babino burials as cultural and chronological indicators and markers of the economic pattern. *Donets'kiy arkheologichnyi zbirnik* [Donetsk collection of papers on archaeology], 22. R.O. Litvinenko, ed. Donetsk: Vydavnistvo Donets'kogo universitetu, pp. 21–45. (In Ukrainian).
- Morgunova N.L., Kravtsov A.Yu., 1994. Pamyatniki drevneyamnoy kul'tury na Ilike [Sites of the ancient Pit Grave culture on the Ilek river]. Ekaterinburg: Nauka. 153 p.
- Müller-Karpe H., 1974. Handbuch der Vorgeschichte, III. Kupferzeit. München: Beck. 1095 p.
- Pamyatniki srubnoy kul'tury. Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e [The Timber-grave culture sites. The Volga-Ural interfluv], I. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet, 1993. 200 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, VI-10).
- Pestrikova V.I., 1979. The Fatyanovo burial ground in the north of Saratov Region. *Drevnyaya istoriya Povolzh'ya* [Ancient history of the Volga River region]. S.G. Basin, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii institut, pp. 99–110. (Nauchnye trudy, 230). (In Russ.)
- Pestrikova V.I., Agapov D.S., 2010. The Eneolithic burial ground of Khvalynsk I as a historical source. *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura* [Khvalynsk Eneolithic burial grounds and the Khvalynsk Eneolithic culture]. S.A. Agapov, ed. Samara: Povolzh'e, pp. 11–120. (In Russ.)
- Pryakhin A.D., Khalikov A.Kh., 1987. The Abashevo culture. *Bronzovyy vek lesnoy storony SSSR* [The Bronze Age in the forest area of the USSR]. O.N. Bader, ed. Moscow: Nauka, pp. 124–131. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Pryakhin A.D., Sinyuk A.T., 1983. A Bronze Age mound near the village of Khokholsky. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 3, pp. 197–202. (In Russ.)
- Sal'nikov K.V., 1967. Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala [Essays on the ancient history of the Southern Urals]. Moscow: Nauka. 408 p.
- Sangmeister E., 1974. Zwei Neufunde der Glockenbecherkultur in Baden-Württemberg. *Fundberichte aus Baden-Württemberg*, 1. Stuttgart: Schweizerbart'sche Verlagsbuchhandlung, pp. 103–137.
- Schliemann H., 1881. Ilios. Stadt und Land der Trojaner. Leipzig: F.A. Brockhaus. 880 p.
- Schmid C.-D., 1995. Süddeutsche Gruppe: Südwestdeutschland, Elsaß und Nordschweiz. *Glockenbecher-Phänomen*. Freiburg, pp. 84–100. (Freiburger Archäologische Studien, 2).
- Schwarzberg H., 1994. Schönfelder Kultur. *Das Neolithikum im Mittelbe-Saale-Geibet und in der Altmark*. Wilkau-Hasslau: Beier & Beran. Archäologische Fachliteratur, pp. 243–255.
- Sharafutdinova E.S., 2001. On burial sites of the Middle Bronze Age Finale in the Lower Volga region. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “K stoletiyu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka yuzhnoy poloviny Vostochnoy Evropy”* [The Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization: Proceedings of the International scientific conference “To the centenary of V.A. Gorodtsov periodization of the Bronze Age in the southern part of Eastern Europe”]. Yu.I. Kolev, ed. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 148–153. (In Russ.)
- Smirnov K.F. Otchet o rabote Yuzhno-ural'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1967 g. [Report on the work of the South Ural archaeological expedition in 1967]. *Nauchno-otraslevoy arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific and Branch-specific Archives of the Institute of Archaeology RAS], R-1, № 3557.
- Smirnov K.F., 1959. Mounds near the villages of Ilovatka and Politotdelskoye, Stalingrad Region. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya: Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Antiquities of the Lower Volga region: Results of the Stalingrad archaeological expedition], I. E.I. Krupnov, ed. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 206–322. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 60). (In Russ.)

- Smirnov K.F., 1960. "Bykovo mounds". *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya: Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Antiquities of the Lower Volga region: Results of the Stalingrad archaeological expedition], II. E.I. Krupnov, K.F. Smirnov, eds. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 169–272. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 78). (In Russ.)
- Solov'ev B.S., 2012. Sites of the Chirkovskoye culture in the Kama region. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition], 8. A.M. Belavin, ed. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 121–127. (In Russ.)
- Tkachev A.A., 2002. Tsentral'nyy Kazakhstan v epokhu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age], 1. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy neftegazovyy universitet, 289 p.
- Tkachev V.V., 2003. The Abashevo culture sites in the steppe Cis-Urals. *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Abashevo cultural and historical community: origins, development, heritage: Proceedings of the International scientific conference]. V.S. Bochkarev, ed. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, pp. 212–224. (In Russ.)
- Tkachev V.V., 2006. Zaklyuchitel'nyy etap epokhi sredney bronzy v stepnom Priural'e [The final stage of the Middle Bronze Age in the steppe Cis-Urals]. Chelyabinsk: Rifey, 75 p.
- Tkachev V.V., 2007. Stepi Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh sredney i pozdney bronzy [Steppes of the Southern Cis-Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Age] Aktobe: Aktyubinskiy oblastnoy tsentr istorii, etnografii i arkheologii. 384 p.
- Vangorodskaya O.G., 1987. On the ties of the Multi-cordoned Ware culture based on the case of adornments. *Mezhplemennye svyazi epokhi bronzy na territorii Ukrainy* [Intertribal ties of the Bronze Age on the territory of Ukraine]. I.I. Artemenko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 38–48. (In Russ.)
- Vasil'ev I.B., 2003. Volsk-Lbische – a new cultural group of the Middle Bronze Age in the Volga-Urals. *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Abashevo cultural and historical community: origins, development, heritage: Proceedings of the International scientific conference]. V.S. Bochkarev, ed. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, pp. 107–115. (In Russ.)
- Wiechmann A., 1995. Ostdeutsche Provinz. *Glockenbecher-Phänomen*. Freiburg, pp. 96–116. (Freiburger Archäologische Studien, 2).
- Yudin A.I., 2007. Investigation of the Middle Bronze Age mounds near the village of Shumeyka, Engels district. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the East European forest-steppe], 5. V.A. Lopatin, ed. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 162–175. (In Russ.)
- Zhemkov A.I., Lopatin V.A., 2007. Mounds of Maly Karaman (based on materials from excavations in 1983). *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the East European forest-steppe], 5. V.A. Lopatin, ed. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 93–118. (In Russ.)
- Zhemkov A.I., Lopatin V.A., 2008. Mound cemetery near the village of Svetloye Ozero. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the East European forest-steppe], 6. V.A. Lopatin, ed. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 157–193. (In Russ.)

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖНОЕ (СИНТАШТА II)

© 2021 г. А.В. Епимахов^{1,2,*}, Ф.Н. Петров^{3,**}

¹Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

²Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

³Челябинский государственный историко-культурный заповедник “Аркаим”, Россия

*E-mail: epimakhovav@susu.ru

**E-mail: steppe_exp@mail.ru

Поступила в редакцию 07.10.2020 г.

Серийное радиоуглеродное AMS-датирование 12 органических образцов из культурного слоя поселения Левобережное (Синташта II) позволило уточнить хронологические позиции представленных на поселении культурных традиций позднего бронзового века. Четыре образца связаны с синташтинским этапом существования укрепленного поселения в пределах XX–XIX вв. до н.э.; один образец относится к хозяйственной площадке черкаскульского жилища и датирован XVII в. до н.э.; семь образцов из жилища со своеобразными, близкими межевской и саргаринской традиции материалами датируются в пределах XIV–XI вв. до н.э. Синташтинские даты соответствуют ранее установленному хронологическому интервалу. Представляет интерес то, что прямоугольное укрепленное поселение Левобережное с линейной планировкой укладывается в раннюю часть этого интервала, которую ранее предлагалось связывать только с круглыми поселениями. Черкаскульская дата является одной из наиболее ранних для этой культуры, но не противоречит стратиграфическим наблюдениям на ряде памятников. Датировка крупного жилища, условно относимого авторами статьи к межевской культуре, хорошо соотносится с первым периодом эпохи финальной бронзы Зауральской степи.

Ключевые слова: бронзовый век, Южное Зауралье, радиоуглеродная хронология, поселение.

DOI: 10.31857/S086960630012103-2

Длительная история изучения памятников бронзового века Урала позволила сформулировать несколько схем периодизации, которые лишь частично согласуются со схемами для сопредельных территорий. Причиной такого состояния дел является разница в терминологии и выборе критериев разграничения культурных традиций. В меньшей степени выводы авторов зависят от их методологических установок, которые к тому же крайне редко артикулируются с полной определенностью. Речь идет не только о понимании содержания термина “археологическая культура”, но также о роли внешних и внутренних факторов культурной эволюции и трансформации. Свою лепту неопределенности в реконструкции вносят и объективные факторы. Поселения бронзового века в Зауралье представлены обильно, однако мощность культурного слоя в условиях аридной зоны, как правило, невелика, а кристально ясные стратиграфические ситуации встречаются единично. При этом обнаружение на одном поселении материалов разных культурных традиций

(прежде всего, керамики как наиболее массовой диагностирующей категории) — скорее правило, чем исключение (Алаева, 2014; 2015; Древнее Устье..., 2013; Поселение Мочище, 2018; и др.). Для памятников, исследованных площадями более 400 м², примеры противоположного свойства — крайняя редкость. Изучение поселений с отложениями разных культур требует особенно тщательной методики полевых работ и последующего контекстуального анализа, которые вошли в практику лишь в последние годы. Однако даже такой подход не гарантирует однозначности атрибуций тех или иных структур.

Одним из возможных направлений верификации региональных схем периодизации, по нашему мнению, является построение схем “истории жизни” для конкретных памятников с привлечением максимально широкого спектра информации. Отметим, что, несмотря на явный прогресс в применении радиоуглеродного датирования, практика формирования *серий* пока не получила большого распространения, особенно в отношении

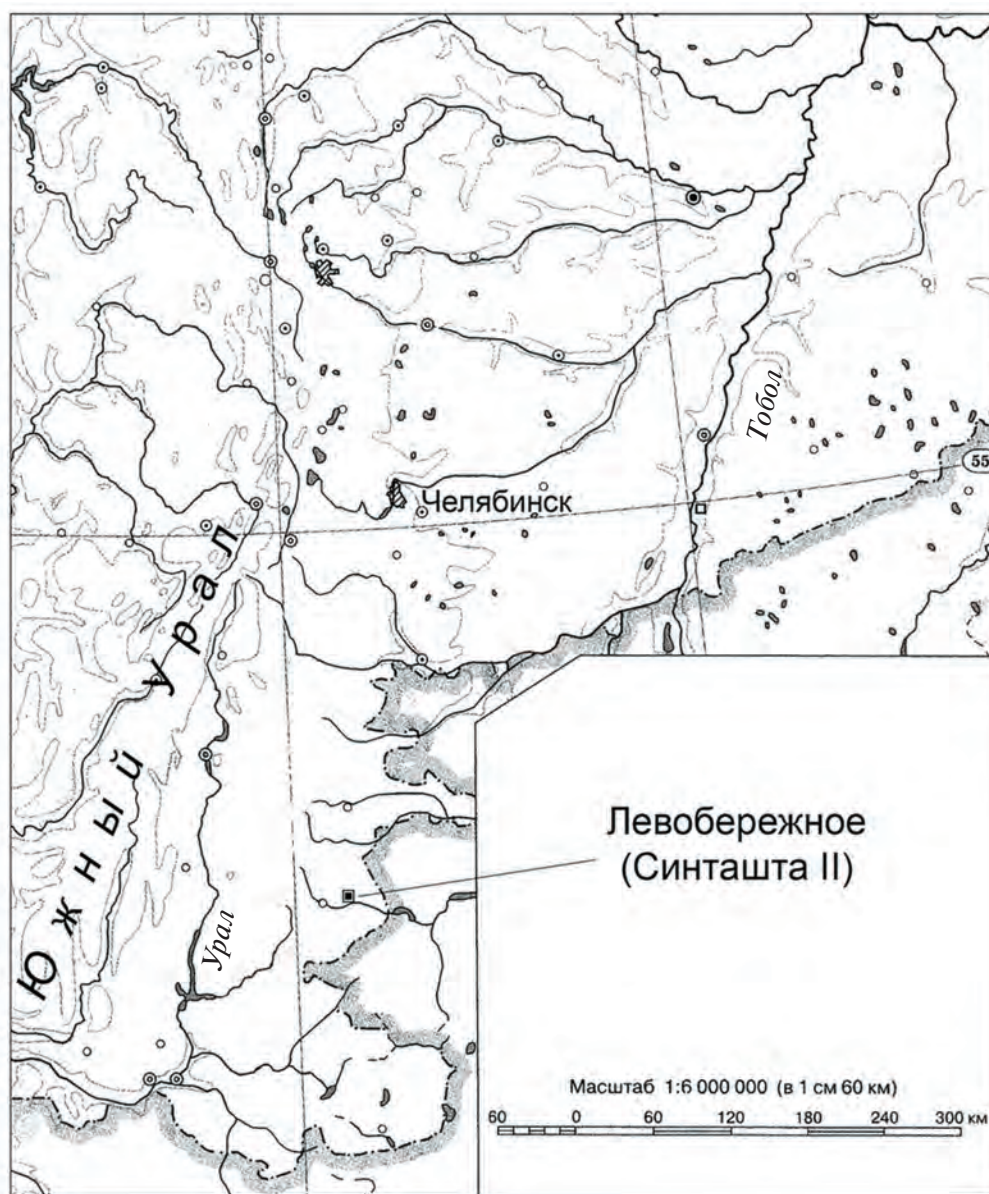

Рис. 1. Карта расположения поселения Левобережное (Синташта II).

Fig. 1. Map of the location of the Levoberezhnoe (Sintashta II) settlement

поселений. Первоначально приоритет был отдан погребениям (Hanks et al., 2007; Panyushkina et al., 2008; и др.), так как для них проблема контекста и культурной атрибуции обычно не возникает. По-прежнему нередки единичные датировки для памятников, что приемлемо только для закрытых комплексов, да и то с оговорками. Понятно, что в этих условиях оценка достоверности результатов может быть только интуитивной.

Целью настоящей работы является представление новых археологических и аналитических материалов, полученных для поселения бронзового века Левобережное (Синташта II) в Южном Зауралье и построение хронологической схемы

памятника. Задачи работы сводятся к краткой характеристике результатов раскопок и итогов дистанционного зондирования, полноценному представлению результатов радиоуглеродного датирования (включая критический анализ контекста образцов) и сопоставлению выводов с ранее сформулированными схемами периодизации регионального бронзового века.

Основные итоги изучения памятника. Археологическая и геофизическая часть работ ранее была представлена в серии работ (Ankushev et al., 2020; Носкевич и др., 2018; Петров и др., 2017; 2019), поэтому мы ограничимся кратким представлением основных результатов.

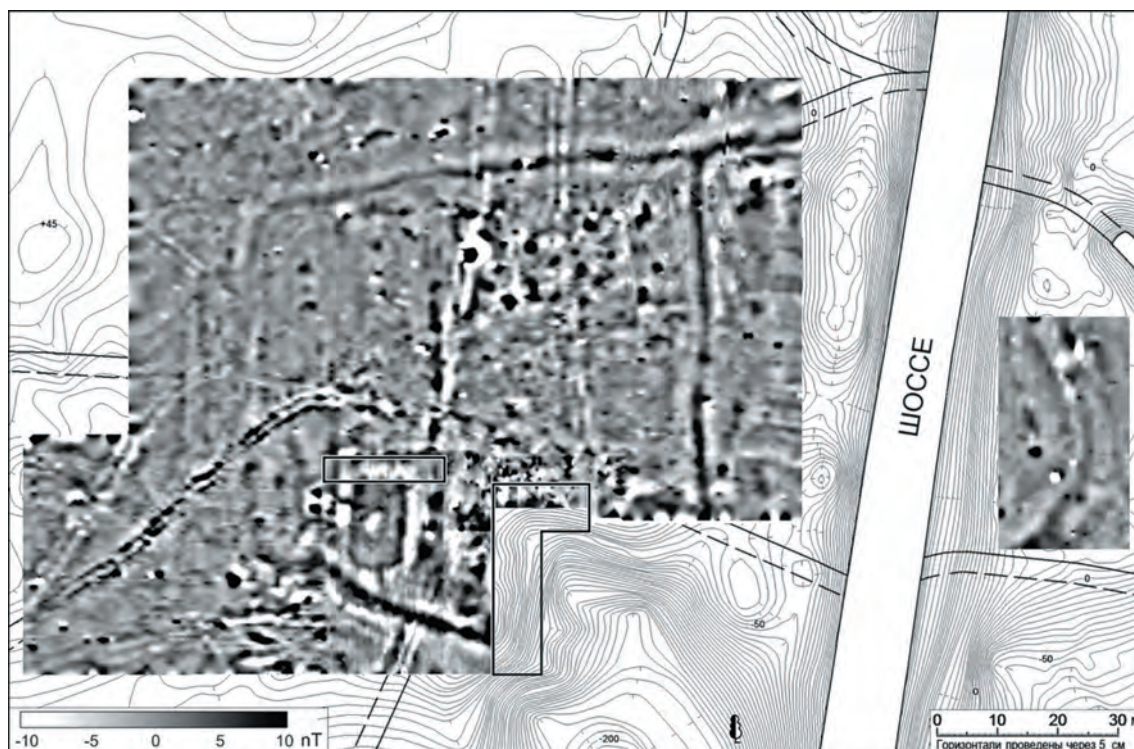

Рис. 2. План поселения Левобережное (Синташта II) по данным микромагнитной съемки В.В. Носкевича (Институт геофизики УрО РАН); черными линиями показаны границы раскопов.

Fig. 2. Plan of the Levoberezhnoe (Sintashta II) settlement based on the data of the micromagnetic survey by V.V. Noskevich (Institute of Geophysics, Ural Branch of the RAS)

Поселение Левобережное (Синташта II) расположено на надпойменной террасе левого берега р. Синташта в 0,5 км к С от пос. Комсомольский Брединского р-на Челябинской обл. (рис. 1). В 1980-е годы оно было повреждено в ходе строительства автомобильной дороги. В 2015–2019 гг. археологической экспедицией Челябинского государственного историко-культурного заповедника “Аркаим” на поселении было вскрыто 416 м², вся сохранившаяся часть памятника изучена микромагнитной съемкой (В.В. Носкевич), а данные о планиграфии объекта до строительства дороги получены путем дешифрирования аэрофотоснимков 1957 и 1976 гг. (И.М. Батанина и Н.С. Батанина). Данные дистанционных исследований позволили сделать вывод, что на первом этапе своего существования поселение состояло из 26 прямоугольных и трапециевидных жилищ, объединенных общими стенами в два жилых блока, вытянутых параллельно друг другу в широтном направлении по двум сторонам центральной “улицы” и окруженных общей стеной и рвом (рис. 2). Вероятно, в какой-то момент в связи с уменьшением размеров поселения 13 жилищ в его западной части были оформлены в отдельный жилой участок и отделены от восточной части новым рвом. После завершения

существования укрепленного поселения в его южной части располагался поселок, состоявший из семи или восьми отдельно стоящих построек, которые были возведены поверх ранних конструкций.

В ходе раскопок в юго-западной части поселения, была вскрыта вся сохранившаяся часть поврежденного песчаным карьером жилища 10, фрагменты жилищ 1 и 2, а также восьмиметровый участок внешнего рва (рис. 3). Все жилища содержат следы многочисленных перестроек; так, в жилище 10 обнаружено 180 ямок от столбов, многие из которых частично накладывались друг на друга. При этом культурный слой памятника имеет в большинстве мест толщину 60–70 см и содержит переотложенные находки разных периодов существования поселения. Инструментальная фиксация очертаний через каждые 10 см и индивидуальная фиксация находок позволили выявить локусы, которые были связаны с определенными этапами существования поселения.

От первого этапа существования поселка сохранились ров, три хозяйственные ямы, заполненная золистым слоем канава и колодец. В нижней части заполнения рва и хозяйственных ям фиксируются углистые прослойки, которые

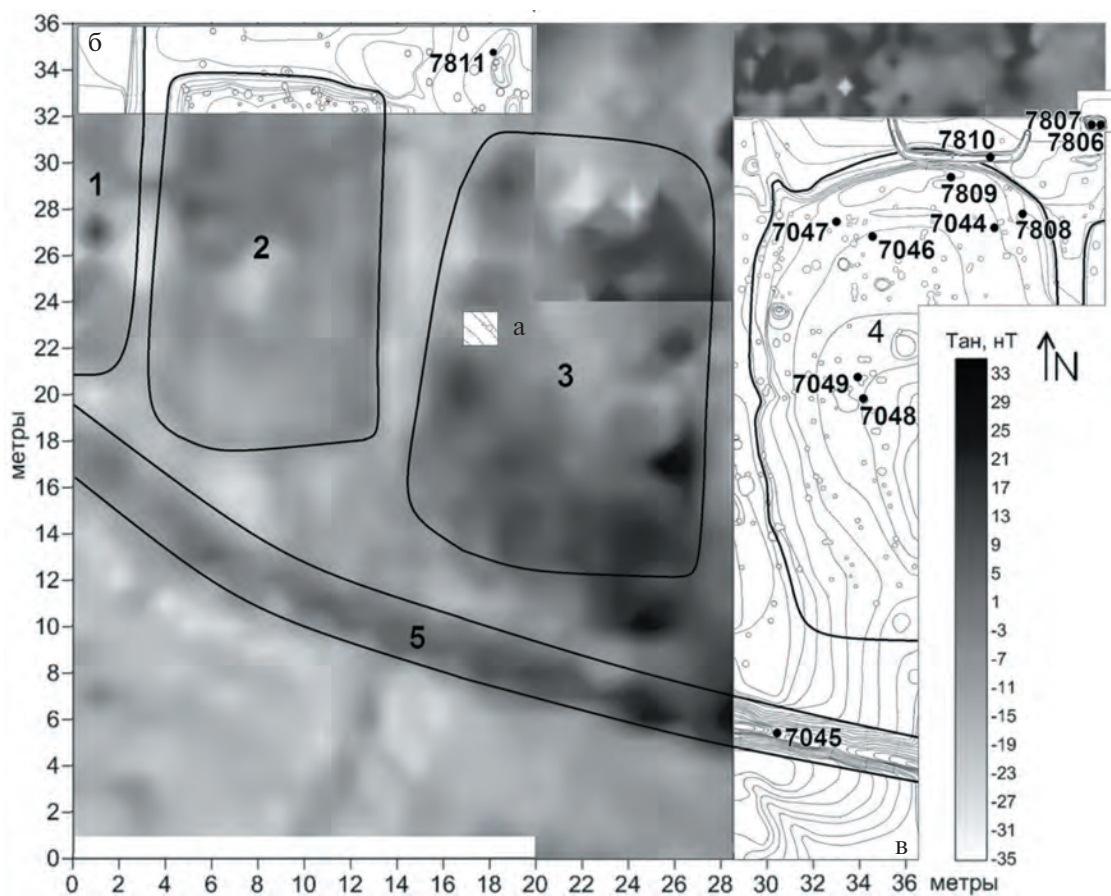

Рис. 3. Точки отбора образцов на планах раскопок, совмещенных с картой магнитных аномалий (В.В. Носкевич): а — шурф 3, 2015 г.; б — раскоп 2016 г.; в — раскоп 2017–2019 гг.; 1 — жилище 2; 2 — жилище 1; 3 — жилище 11; 4 — жилище 10; 5 — внешний ров.
Fig. 3. Sampling points on excavation area plans combined with a map of magnetic anomalies (V.V. Noskevich)

можно трактовать как следы высыхания заполнявшей эти углубления воды, насыщенной продуктами горения. Это может свидетельствовать о том, что укрепленное поселение погибло от пожара или сгорело после прекращения его функционирования. Материалы раннего этапа представлены керамикой синташтинской культуры (рис. 5, 1–3), отдельными фрагментами посуды петровской культуры, многочисленными следами металлургического процесса — обломками характерных “лепешек” металлургического шлака; каплями, сплесками и небольшими слитками меди и мышьяковистой бронзы; а также каменными орудиями металлообработки, обломками керамических сопел и немногочисленными изделиями, одно из которых (медный крючок) было найдено в заполнении рва¹. При этом синташтинская керамика в слое фрагментирована и в значительной мере переотложена.

¹ Коллекция из раскопок поселения Левобережное (Синташта II) сдана на постоянное хранение в музей Челябинского государственного историко-культурного заповедника “Аркаим”.

На южном краю пересекавшей поселение “улицы” было обнаружено детское погребение синташтинской культуры (рис. 4). В неглубокой прямоугольной могильной яме лежал скелет ребенка в возрасте до года, головой на 3, скорченно, на правом боку. Скелет поврежден норными животными и, возможно, расчленен перед погребением. У головы погребенного обнаружен керамический сосуд с биконическим туловом, невысокой отогнутой шейкой, ребром горловины и едва выраженным валиком при переходе шейки в плечо (рис. 5, 1). Сосуд орнаментирован по плечу заштрихованными равнобедренными треугольниками, а по тулову — сложным орнаментом, организованным четырьмя V-образными фигурами, обрамленными фестонами из заштрихованных треугольников, прямоугольников и трапеций. В сосуде обнаружены ребра овцы², представляющие собой остатки пищи — мясной похлебки.

² Здесь и далее остеологические определения П.А. Косинцева (ИЭРиЖ УрО РАН).

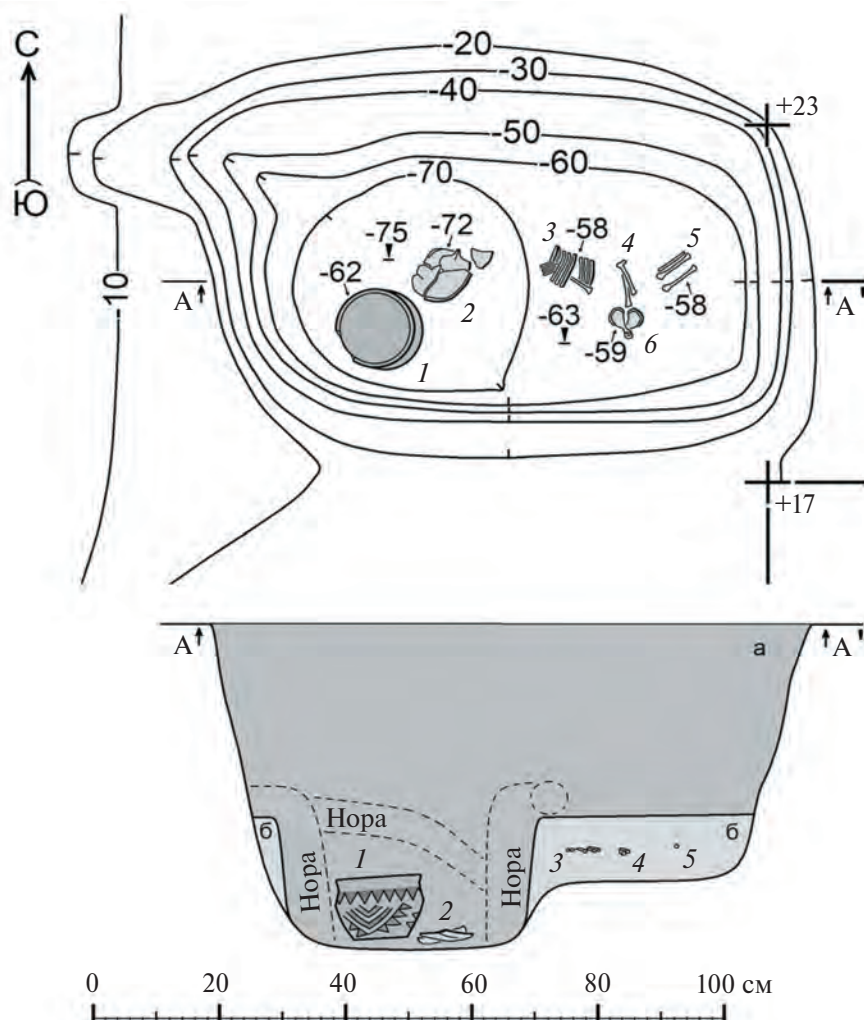

Рис. 4. План и профиль детского погребения (участок B11): 1 – керамический сосуд; 2 – раздавленный грунтом череп; 3 – ребра; 4 – кости рук; 5 – бедренные кости; 6 – берцовые кости; б – тазовые кости; а – темно-серая гумусированная супесь; б – серо-желтая песчанистая слабо гумусированная супесь.

Fig. 4. Plan and a section view of a child's burial (site B11)

Следующий этап существования поселения представлен немногочисленными находками фрагментов посуды алакульской культуры (рис. 5, 4), с которыми не связано никаких конструкций в исследованной части памятника. Все три жилищные конструкции 1, 2 и 10, которые были исследованы раскопками, соотнесены с черкаскульской и межовской культурами³. Это крупные подпрямоугольные меридионально вытянутые жилища, расположенные в один ряд поверх жилых конструкций синташтинского времени, при этом глубина котлованов поздних построек

больше, чем ранних, что привело к сильной деформации культурного слоя синташтинско-петровского периода. В северной части котлована жилища 1 залегала в основном черкаскульская керамика (рис. 5, 5, 6), она же преобладает на расположенной к В от него хозяйственной площадке или остаткам наземного строения с очагом и уложенным около него в ямку скелетом овцы.

Вскрытый раскопом участок котлована жилища 2 связан с керамикой межовского облика. Жилище 10 было исследовано целиком, кроме его юго-восточной части, уничтоженной карьером. Оно имело размеры 20 × 13 м, глубину котлована в материке до 1 м; в центральной части находились грунтовый и каменный очаги. В расположении многочисленных ямок от столбов прослеживаются четыре параллельных ряда,

³ Культурная атрибуция материалов заключительного этапа существования поселения Левобережное как межовских условна. По ряду признаков они соотносятся с межовской и саргаринской культурными традициями, но обладают своей спецификой, которая будет рассмотрена в специальной работе.

два из которых проходят по центру котлована, а два — у его стенок. В нижней части заполнения котлована на полу жилища обнаружены многочисленные развалы орнаментированных сосудов межовской культуры и неорнаментированных сосудов (рис. 5, 7–14), в одном из которых (рис. 5, 14) были обнаружены в сочленении позвонки овцы и межпозвоночные диски. Рядом с развалами сосудов на полу жилища в северной части котлована найдены четыре двояковыпуклых диска из слабообожженной глины диаметром около 7 см и несколько обломков таких же изделий. Также из слоев, связанных с черкаской и межовской керамикой, происходит 37 так называемых галечных лощил — небольших орудий на кварцевых или, реже, кремневых гальках, сточенных с одного или двух краев в результате работы по поверхностям с высокими абразивными свойствами.

Результаты радиоуглеродного датирования. Индивидуальная фиксация всех находок в ходе изучения культурного слоя и отдельных структур позволила выверить культурный контекст образцов для датирования. В общей сложности мы располагаем 12 анализами, которые отбирались с целью максимально полного охвата спектра культурных традиций, представленных на поселении. Проблемы серии связаны с тем, что на исследованных участках, с одной стороны, были хорошо представлены разнообразные культурно диагностируемые материалы, с другой — значительная их доля находилась в переотложенном состоянии и не связана с конкретными прослоями и структурами. Часть трудностей удалось преодолеть на этапе пробоотбора, другая решалась в ходе детального анализа контекста в процессе интерпретации. Все даты получены в рамках ускорительных технологий в ЦКП “Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии” Института географии РАН и Центра прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США). Материалами датирования стали уголь (5), дерево (2) и коллаген, выделенный из костей животных (4) и человека (1). В ходе изучения коллагена были определены значения стабильных изотопов азота и углерода. Статистически значимые различия связаны только с показателями $\delta^{15}\text{N}$, которые хорошо иллюстрируют разницу в диете домашних травоядных и человека. Для последнего достоверных следов рыбной диеты не зафиксировано.

Процедура анализа датировок включала калибровку значений с помощью программы OxCal v.4.4.2 (<https://c14.arch.ox.ac.uk/>),

калибровочная кривая IntCal20 (Reimer et al., 2020). В одном случае (закрытый комплекс детского погребения) сформирована комбинированная дата. Применение статистического моделирования оказалось невозможным ввиду описанных выше особенностей тафономии. Результаты датирования представлены в таблице.

Серия охватывает все II тыс. до н.э. (в калиброванных значениях), в рамках восточноевропейской системы периодизации — это весь поздний бронзовый век. Довольно очевидно, что выделяются минимум две группы значений, а две даты занимают промежуточное положение (рис. 6). Рассмотрим их последовательно. Первая часть вполне уверенно ассоциирована с ранним периодом функционирования площадки — этап плотной застройки, который сопровождается синташтинской керамикой. К этому времени относится упомянутое погребение младенца (два анализа, для которых сформирована комбинированная дата с более узким интервалом (IGANAMS-7806, 7807)) и два результата, полученных при датировании костей животных (IGANAMS-7045, 7810). Хронологический приоритет — за погребением, что позволяет предполагать совершение ритуала в момент строительства. Кости животных, скорее всего, иллюстрируют этап оставления территории поселения или его конкретных участков (внешний ров и канава на межжилищном пространстве, содержащая в заполнении синташтинскую керамику⁴).

Еще одна не вполне однородная группа результатов укладывается в XIV–XI вв. до н.э. и иллюстрирует наиболее поздний этап в жизни поселения, когда руинированные остатки сплошной застройки, ограниченной мощной внешней стеной и рвом, были прорезаны глубокими, большими по площади котлованами жилищ, в числе которых представленная семью датами постройка 10. Характерная керамика, условно определяемая нами как межовская, залегает на полу жилищ, видимо, отражая этап его оставления. Некоторые расхождения в медианах калиброванных датировок этой группы могли бы быть отражением реальной ситуации постепенного накопления культурных остатков в придонной части заполнения построек, однако расположение одного из наиболее поздних образцов в северо-восточной части котлована жилища (IGANAMS-7047), а другого в центре того же котлована (IGANAMS-7048) делает это маловероятным. Нельзя полностью

⁴ В данном случае надежно установлено, что золистый слой, из которого извлечена кость MPC, был прорезан постройкой 10 с керамикой межовского облика.

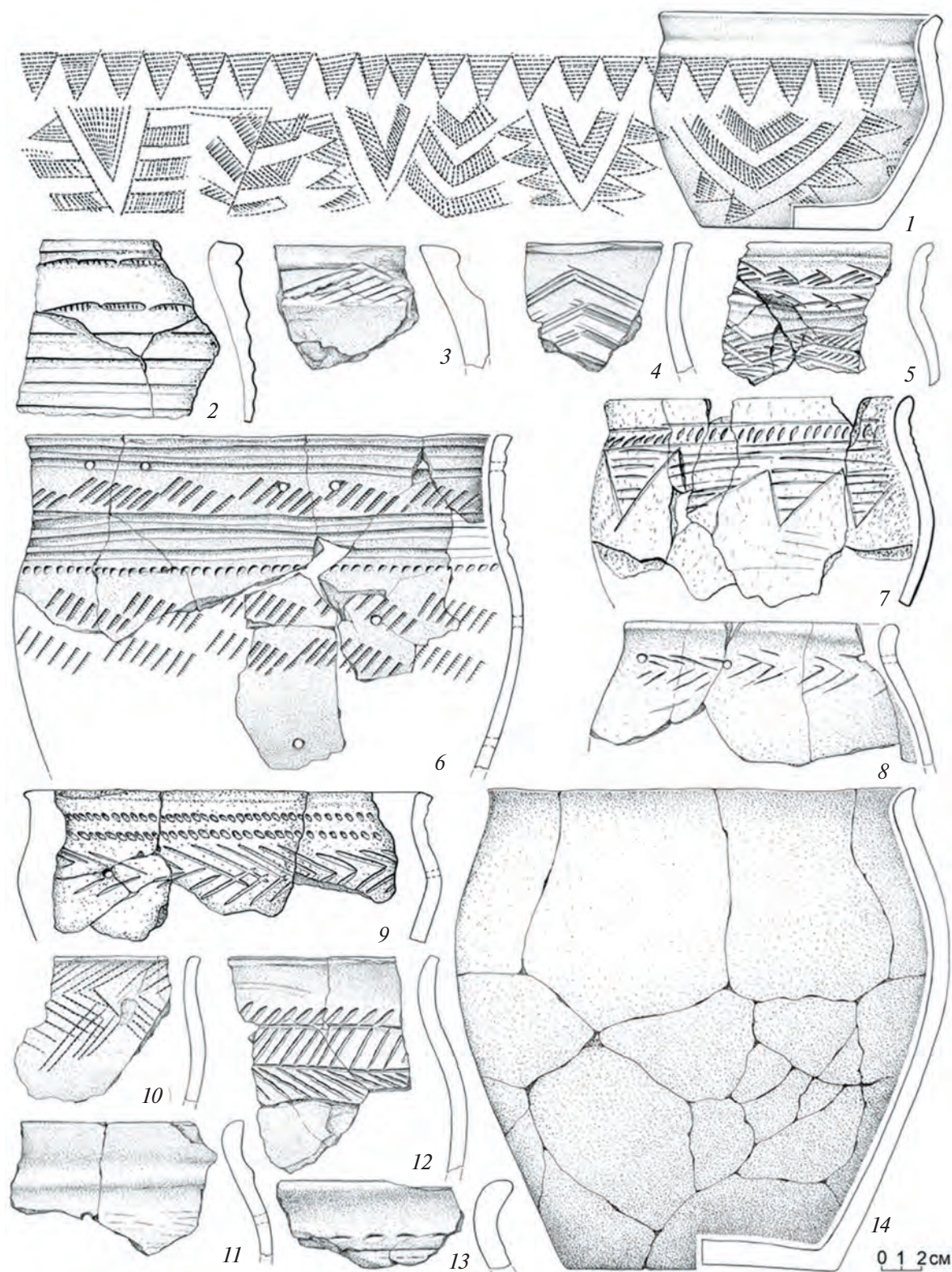

Рис. 5. Основные культурные типы керамического комплекса поселения Левобережное (Синташта II): синташтинский (1–3), алакульский (4), черкаскульский (5, 6), межовский (7–14). Местоположение: 1 – детское погребение на межжилищном пространстве (“улице”) к С от жилища 10; 2 – межжилищный участок к З от жилища 10; 3, 4, 7, 8, 10–14 – жилище 10; 5 – хозяйственная площадка к В от жилища 1; 6 – межжилищный участок к В от жилища 10; 9 – жилище 2.

Fig. 5. The main cultural types of the Levoberezhnoe (Sintashta II) pottery complex: Sintashta (1–3), Alakul (4), Cherkaskul (5, 6), Mezhovka (7–14)

Поселение Левобережное (Синташта II). Результаты радиоуглеродного датирования
(шифр лаборатории – IGANAMS)

The Levoberezhnoe (Sintashta II) settlement. Radiocarbon dating results (lab code – IGANAMS)

Участок, глубина, объект, материал	Шифр даты	Coll., %	C/Nat	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	^{14}C , л. н.	Калибровка, л. до н. э. 1 σ (2 σ)
Уч. В10, гл. -74, жилище 10, позвонок МРС из развала сосуда	7044	12.01	3.23	5.67	-20.00	3130 $\pm$ 25	1436–1323 (1492–1304) Медиана: 1409
Уч. 38, гл. -156, внешний ров, плечевая кость КРС	7045	14.32	3.23	5.09	-19.95	3530 $\pm$ 20	1900–1776 (1936–1770) Медиана: 1844
Уч. В9, гл. -97, жилище 10, древесный уголь	7046	—	—	—	-25.62	3045 $\pm$ 20	1380–1264 (1393–1225) Медиана: 1304
Уч. В9, гл. -90, жилище 10, древесный уголь	7047	—	—	—	-26.24	2970 $\pm$ 20	1254–1127 (1262–1120) Медиана: 1187
Уч. Д9, гл. -140, жилище 10, столб. ямка 54, древесный уголь	7048	—	—	—	-25.58	2960 $\pm$ 20	1217–1126 (1261–1059) Медиана: 1173
Уч. Г9, гл. -112, жилище 10, дерево	7049	—	—	—	-23.42	3035 $\pm$ 20	1376–1235 (1386–1220) Медиана: 1286
Уч. Б11, гл. -55, погребение 1, тазовая кость ребенка до 1 года	7806	—	3.15	10.33	-18.39	3630 $\pm$ 20	2026–1956 (2122–1926) Медиана: 1992
Уч. Б11, гл. -69, погребение 1, ребро МРС из сосуда	7807	—	3.14	6.84	-18.01	3610 $\pm$ 20	2020–1936 (2028–1900) Медиана: 1969
Комбинированная дата 7806 и 7807		—	—	—	—	3620 $\pm$ 15	2021–1950 (2034–1925) X2-Test: df=1 T=0.5 (5% 3.8)
Уч. В11, гл. -68, жилище 10, древесный уголь	7808	—	—	—	—	3060 $\pm$ 20	1386–1282 (1406–1261) Медиана: 1335
Уч. Б10, гл. -80, жилище 10, древесный уголь	7809	—	—	—	—	3040 $\pm$ 20	1379–1261 (1390–1221) Медиана: 1298
Уч. Б10, гл. -47, канава, плечевая кость МРС	7810	—	3.22	5.04	-19.96	3565 $\pm$ 20	1942–1887 (2012–1782) Медиана: 1915
Уч. А5, гл. -90, столб. ямка 8, дерево	7811	—	—	—	—	3350 $\pm$ 20	1682–1546 (1732–1542) Медиана: 1625

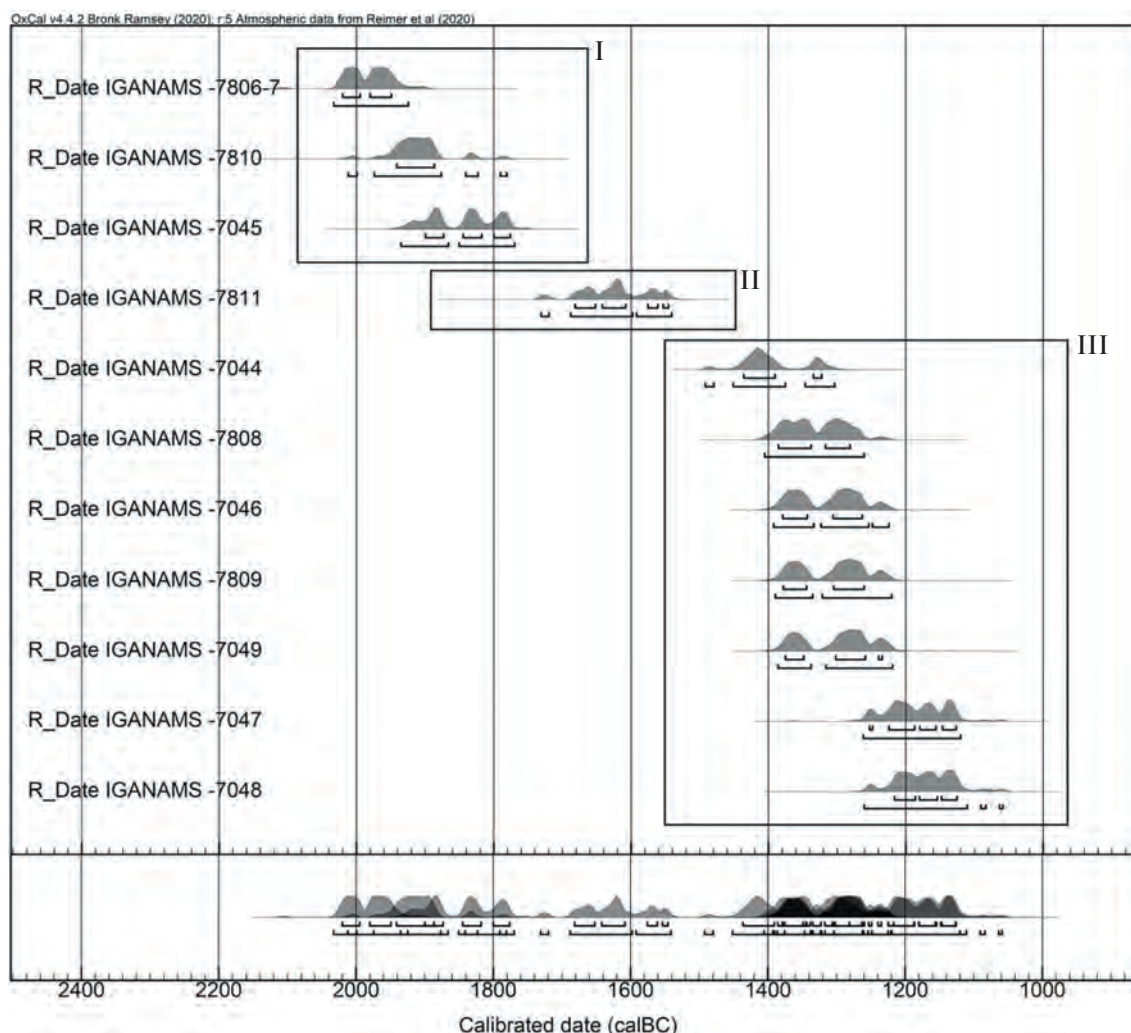

Рис. 6. Результаты датирования поселения Левобережное (Синташта II). I — синташтинские даты; II — черкаскульская дата; III — межовские даты.

Fig. 6. Dating results for the Levoberezhnoe (Sintashta II) settlement. I — Sintashta dates; II — Cherkaskul date; III — Mezhovka dates

исключать и слабое воздействие неконтролируемых искажающих факторов.

Наконец, требуют комментария “промежуточные” даты. Одна из них (IGANAMS-7811) явно отстоит от основных групп и тяготеет к XVII–XVI вв. до н.э. Этот интервал времени не очень хорошо обеспечен анализами в целом для Зауралья, есть вопросы и о его культурной характеристике. В данном случае мы имеем дело с остатками деревянного столба от наземной конструкции, при этом столбовая ямка прорезала яму 1. Важно, что последняя содержала узнаваемую синташтинскую керамику, т.е. наш образец относится к более позднему периоду, чему дата не противоречит. Ключевой вопрос — атрибуция упомянутой наземной конструкции, примыкавшей к жилищу 1 с черкаскульской керамикой. Наряду с культурно нейтральными фрагментами

на этой хозяйственной площадке также обнаружена черкаскульская посуда (рис. 5, 5). Это дает нам основания предполагать, что дата относится к данной культурной группе. Мы допускаем, что результат несколько удревнен, так как невозможно исключить влияние эффекта старого дерева (сохранилась только средняя часть столба). Однако вряд ли это смещение было большим, так как ямка не была рассчитана на долгоживущее дерево (видимо, сосну) — диаметр в средней части составил менее 20 см, т.е. около 50 лет⁵.

Наконец, еще один образец (IGANAMS-7044) происходит из северо-восточной части котлована жилища 10. Здесь был исследован позвонок овцы, найденный вместе с другими позвонками в развале крупного неорнаментированного

⁵ Для быстрорастущей березы эта цифра сократилась бы примерно вдвое.

сосуда (рис. 5, 14), лежащего на полу жилища. Вместе с расчищенными рядом развалами сосудов и их крупными частями образец определенно связан с этапом оставления жилища или, во всяком случае, его северной части. Однако по данным анализа образец оказался несколько раньше компактной группы дат, полученных по дереву и углю из данной постройки, хотя имеются зоны наложения интервалов⁶. Причины этого расхождения неясны, во всяком случае, речь не идет о недостаточном для достоверных измерений количестве выделенного коллагена. Возможность, что кость более раннего периода была задействована обитателями постройки в каких-то манипуляциях, мы должны в данном случае отвергнуть, поскольку позвонки овцы лежали в развале сосуда в сочленении с межпозвоночными дисками и с высокой вероятностью остались от содержавшейся в сосуде мясной пищи.

Обсуждение результатов. В результате реализации программы датирования нами получена внутренне непротиворечивая картина последовательности освоения площадки разными группами (рис. 6). Длительность каждого из этапов в рамках имеющихся исходных данных определить невозможно, но с высокой вероятностью можно утверждать, что между этапами были существенные хронологические разрывы. Начало функционирования поселения связано с сооружением внешней линии стен и рвов и сопряженной с ними плотной застройки. Вероятно, в момент возведения одной из построек или вскоре после него было совершено детское погребение, которое маркирует начало истории памятника — XX в. до н.э. К раннему этапу относится и дата из расположенной рядом с погребением канавы, заполненной золистым грунтом (IGANAMS-7810). Она практически синхронна синташтинскому образцу со дна рва (IGANAMS-7045).

Следующий, черкаскульский (?) период иллюстрирует единственная, возможно, удревшая на 50–100 лет дата (IGANAMS-7811). Более реалистичным значением для нее видится XVI–XV вв. до н.э. Этот этап истории поселения хорошо представлен в коллекции и достоверно связан жилищем 1.

Завершающий этап истории поселения связан с жилыми сооружениями финальной части бронзового века. Серия датировок наиболее надежна по контексту и охватывает XIV–XI вв. до н.э.,

включая момент окончательного отказа от традиций оседлости на данном участке. Протяженность интервала обусловлена характером калибровочной кривой.

Таким образом, в течение всего II тыс. до н.э. население периодически осваивало данный участок надпойменной террасы реки Синташта, а также посещало его и позднее, в середине I тыс. до н.э., о чем свидетельствуют находки крупной части одного сосуда и бронзового трехлопастного втульчатого наконечника стрелы. При выборе места для новых построек позднего бронзового века, видимо, учитывался сохранившийся антропогенный рельеф предшествующих периодов. В противном случае непросто объяснить “притягательность” этого локуса для носителей разных культурных традиций. Во всяком случае, никаких очевидных природных особенностей территории мы не усматриваем.

Соотнесение датировок с ранее полученными результатами не вызывает особых затруднений. Синташтинские даты хорошо укладываются в ранее сформулированные интервалы. Следует лишь подчеркнуть, что в этой серии даты Левобережного — одни из самых ранних (Епимахов, 2020), т.е. распределить укрепленные поселения по временной шкале мы пока не можем. Видимо, не следует в этом вопросе ориентироваться на внешний абрис линии укреплений (округлые и подпрямоугольные) и планировочную структуру (радиальная и линейная), как предполагалось ранее (Zdanovich, Batanina, 2002 и др.)⁷. Во-первых, синташтинские материалы встречены на поселениях обоих вариантов, а во-вторых, даты не позволяют разграничить их во времени.

Сложнее оценить достоверность единичной черкаскульской даты, так как эта традиция территориально представлена очень широко, но располагает мизерным числом датировок (всего 12), качество которых вызывает обоснованные сомнения. Все они выполнены достаточно давно в рамках сцинтилляционного протокола, относятся к северной части ареала, противоречат друг другу, а главное, среди них нет примеров серийного датирования. Предыдущая попытка суммирования вероятностей дала очень широкий интервал — 1620–1210 (2050–1100) гг. до н.э. (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014. Рис. 2), который трудно интерпретировать содержательно. Очевидно лишь, что наша дата относится к числу

⁶ Участок калибровочной кривой для этого временного интервала характеризуется довольно сложным профилем, что формирует несколько разорванных интервалов для каждой из дат.

⁷ По аналогии с древностями Северного Казахстана также предполагалось, что округлые поселения связаны с синташтинской традицией, а подпрямоугольные — с петровской.

наиболее ранних и не противоречит стратиграфическим наблюдениям на ряде поселений, согласно которым черкаскульские материалы следуют за алакульскими и предшествуют межовским и саргаринским (Алаева, 2015; Поселение Мочище, 2018; и др.). Последнее подтверждается датировками поселения Левобережное. Предположение о синхронизации черкаскульских и пахомовских древностей (Korochkova, 2009) пока не опирается на аналитические данные, а вот возможность наложения хронологических интервалов черкаскульских традиций Зауралья и классических срубных в Предуралье (Каргалы, 2002 и др.) не исключена.

Финальная часть эпохи бронзы сегодня уже перестала быть “темными веками” (Епимахов, 2010). Изучено достаточно поселений, суммирована информация о погребениях, определенность достигнута в вопросе хронологии, опирающейся на три десятка анализов. Видимо, эта серия разделяется на две подгруппы с рубежом в районе 10 в. до н.э. (Епимахов, Таиров, 2020). Все даты рассматриваемого поселения уверенно попадают в раннюю часть этого периода (XIV–XI вв. до н.э.), синхронную ранним бархатовским, ирменским и классическим карасукским.

Приведенные данные о результатах радиоуглеродного датирования материалов поселения Левобережное (Синташта II) позволили реконструировать последовательность этапов обитания и выразить ее в цифрах. Наиболее надежно документированы аналитическими данными самый ранний период (синташтинское укрепленное поселение) и самый поздний (межовский). Разрыв между ними оценивается как интервал более, чем в 300 лет (при калибровке по двум сигмам). Этот промежуток “заполнен” единственной, возможно, несколько удрежденной, черкаскульской датой с медианой 1625 г. до н.э.⁸ Осознавая слабость аргументации, мы все же полагаем, что расширение серии дат способно заполнить эту лауну. Подчеркнем, что наши выводы согласуются со стратиграфическими и планиграфическими наблюдениями для данного поселения, а также добавляют новые аргументы в пользу процедуры серийного датирования памятников.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00402) “Миграции человеческих коллективов и индивидуальная мобильность в рамках мультидисциплинарного анализа археологической информации (бронзовый век Южного Урала)”.

⁸ Подчеркнем, что это статистически выведенная цифра, а не реальный календарный возраст с точностью до года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алаева И.П. Поселение бронзового века Малая Березовая-4 // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. науч. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана: Сарыарка, 2014. С. 161–172.
- Алаева И.П. Культурно-хронологическая позиция черкаскульско-межовских комплексов Южного Зауралья (по материалам поселения Чебаркуль III) // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое / Ред. А.З. Бейсенов. Костанай; Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 474–484.
- Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. 484 с.
- Епимахов А.В. “Темные века” эпохи бронзы Южного Зауралья // Российская археология. 2010. № 2. С. 39–50.
- Епимахов А.В. Радиоуглеродные аргументы абашевско-го происхождения синташтинских традиций бронзового века // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 51–60.
- Епимахов А.В., Таиров А.Д. Между бронзовым веком и железным (могильник Шатмантамак I в Башкортостане) // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 171–180.
- Каргалы. Т. II. Горный — поселение эпохи поздней бронзы. Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. 184 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Носкевич В.В., Угрюмов И.А., Петров Ф.Н., Батанина Н.С. Микромагнитная съемка укрепленного поселения бронзового века на Южном Урале Левобережное (Синташта II) // Уральский геофизический вестник. 2018. № 1 (31). С. 30–33.
- Петров Ф.Н., Батанина Н.С., Малая Н.В., Плассина А.Л., Маркова Л.М., Носкевич В.В., Ын Ч.Я. Поселение Левобережное (Синташта II) по материалам комплексных исследований 2015–2017 гг. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13. Оренбург: Издательский центр Оренбургского гос. аграрного ун-та, 2017. С. 113–139.
- Петров Ф.Н., Батанина Н.С., Марков С.С. Поселение Левобережное (Синташта II): материалы исследований 2018 года // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном

- пространстве. Т. II / Ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 231–232.
- Поселение Мочище и андроновская проблема / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Цицеро, 2018. 398 с.
- Ankushev M.N., Petrov F.N., Blinov I.A., Rassomakhin M.A. New Data on the Metallurgy of the Bronze Age Based on Materials from Levoberezhnoe Settlement (Sintashta II) // *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 6th Geoarchaeological Conference*, Miass, Russia, 16–19 September 2019. Springer International Publishing, 2020 (Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences). P. 104–116.
- Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // *Antiquity*. 2007. Vol. 81, iss. 312. P. 353–367.
- Korochkova O.N. The Pakhomovskaya Culture of the Late Bronze Age // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2009. Vol. 37, № 3. P. 75–84.
- Panyushkina I., Mills B.J., Usmanova E.R., Li Cheng. Calendar Age of Lisakovsky Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia // *Radiocarbon*. 2008. Vol. 50, iss. 3. P. 459–469.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62, iss. 4. P. 725–757.
- Zdanovich G.B., Batanina I.M. Planography of the Fortified Centers of the Middle Bronze Age in the Southern Trans-Urals according to Aerial Photography Data // *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC*. Vol. II. Washington: Institute for the Study of Man, 2002. P. 121–138.

RADIOCARBON CHRONOLOGY OF THE BRONZE AGE CULTURAL TRADITIONS IN THE TRANS-URALS: BASED ON THE MATERIALS OF THE LEVOBEREZHZHNOE (SINTASHTA II) SETTLEMENT

Andrey V. Epimakhov^{1,2,*}, Fedor N. Petrov^{3,**}

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

²Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia

³Chelyabinsk "Arkaim" State Historical and Cultural Reserve, Chelyabinsk, Russia

*E-mail: epimakhovav@susu.ru

**E-mail: steppe_exp@mail.ru

Serial AMS radiocarbon dating of 12 organic samples from the cultural layer of the Levoberezhnoe (Sintashta II) settlement made it possible to clarify the chronological positions of the Late Bronze Age cultural traditions represented at the site. Four samples are associated with the Sintashta stage of the fortified settlement within the 20–19 centuries cal. BC; one sample belongs to the household zone of the Cherkaskul dwelling and is dated to the 17th century cal. BC; seven samples from the dwelling with original materials close to the Mezhevka and Sargary traditions are dated within the 14–11 centuries cal. BC. Sintashta dates correspond well to the previously established chronological interval. It is important to note that the rectangular fortified settlement of Levoberezhnoe with a linear layout fits into the early part of this interval, which was previously proposed to be associated only with circular settlements. The Cherkaskul date is one of the earliest for this culture, but it does not contradict stratigraphic observations at some sites. The dating of a large dwelling, conditionally attributed by the authors to the Mezhevka culture, correlates well with the first period of the Bronze Age Finale in the Trans-Ural steppe.

Keywords: Bronze Age, Southern Trans-Urals, radiocarbon dating, settlement.

REFERENCES

- Alaeva I.P., 2014. The Bronze Age settlement of Malaya Berezovaya-4. *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstan: sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny*
- 90-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa K.A. Akisheva [Dialogue of Eurasian cultures in the archaeology of Kazakhstan: Collected articles to the 90th anniversary of the outstanding archaeologist K.A. Akishev]. Astana: Saryarka, pp. 161–172. (In Russ.)

- Alaeva I.P., 2015. Cultural and chronological position of the Cherkaskul-Mezhovka complexes of the Southern Trans-Urals (based on materials from the Chebarkul III settlement). *Drevniy Turgay i Velikaya step': chast' i tseloe [Ancient Turgay and the Great Steppe: part and the whole]*. A.Z. Beysenov, ed. Kostanay; Almaty: Institut arkhologii imeni A.Kh. Margulana, pp. 474–484. (In Russ.)
- Ankushev M.N., Petrov F.N., Blinov I.A., Rassomakhin M.A., 2020. New Data on the Metallurgy of the Bronze Age Based on Materials from Levoberezhnoe Settlement (Sintashta II). *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 6th Geoarchaeological Conference*. Springer International Publishing, pp. 104–116. (Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences).
- Drevnee Ust'ye: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e [Ancient Ustye: the fortified settlement in the South Trans-Urals]. N.B. Vinogradov, ed. Chelyabinsk: Abris, 2013. 484 p.
- Epimakhov A.V., 2010. The “Dark Ages” of the Bronze Age in the South Trans-Urals. *Rossiyskaya arkhologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 39–50. (In Russ.)
- Epimakhov A.V., 2020. Radiocarbon arguments for the Abashevo origin of the Sintashta Bronze Age traditions. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical journal]*, 4 (69), pp. 51–60. (In Russ.)
- Epimakhov A.V., Tairov A.D., 2020. Between the Bronze Age and the Iron Age (Shatmantamak I burial ground in Bashkortostan). *Povolzhskaya arkhologiya [The Volga River region archaeology]*, 3 (33), pp. 171–180. (In Russ.)
- Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C., 2007. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia. *Antiquity*, vol. 81, iss. 312, pp. 353–367.
- Kargaly [Kargaly], II. Gornyy – poselenie epokhi pozdney bronzы. Topografiya, litologiya, stratigrafiya. Proizvodstvenno-bytovye i sakral'nye sooruzheniya. Otnositel'naya i absolyutnaya khronologiya [The Late Bronze Age settlement of Gornyy. Topography, lithology, stratigraphy. Industrial, economic and cult structures. Relative and absolute chronology]. E.N. Chernykh, ed., comp. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 184 p.
- Korochkova O.N., 2009. The Pakhomovka culture of the Late Bronze Age. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 37, no. 3, pp. 75–84.
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures in the Urals and the south of Western Siberia: principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]*, vol. 13, iss. 3: Arkheologiya i etnografiya, pp. 136–167. (In Russ.)
- Noskevich V.V., Ugryumov I.A., Petrov F.N., Batanina N.S., 2018. Micromagnetic survey of the Bronze Age fortified settlement Levoberezhnoe (Sintashta II) in the Southern Urals. *Ural'skiy geofizicheskiy vestnik [Ural geophysical bulletin]*, 1 (31), pp. 30–33. (In Russ.)
- Panyushkina I., Mills B.J., Usmanova E.R., Li Cheng, 2008. Calendar Age of Lisakovsky Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia. *Radiocarbon*, vol. 50, iss. 3, pp. 459–469.
- Petrov F.N., Batanina N.S., Malaya N.V., Plaksina A.L., Markova L.M., Noskevich V.V., Yn Ch.Ya., 2017. The settlement of Levoberezhnoe (Sintashta II) based on materials of the complex studies in 2015–2017. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya [Archaeological sites of Orenburg Region]*, 13. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, pp. 113–139. (In Russ.)
- Petrov F.N., Batanina N.S., Markov S.S., 2019. The settlement of Levoberezhnoe (Sintashta II): materials of 2018 studies. *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve [Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the context of connections and interactions in the Eurasian cultural space]*, II. A.V. Polyakov, E.S. Tkach, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, Nevskaya Tipografiya, pp. 231–232. (In Russ.)
- Poselenie Mochishche i andronovskaya problema [The settlement of Mochishche and the Andronovo problem]. S.A. Grigor'ev, ed. Chelyabinsk: Tsitsero, 2018. 398 p.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S., 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, vol. 62, iss. 4, pp. 725–757.
- Zdanovich G.B., Batanina I.M., 2002. Planography of the Fortified Centers of the Middle Bronze Age in the Southern Trans-Urals according to Aerial Photography Data. *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC*, II. Washington: Institute for the Study of Man, pp. 121–138.

РАССЕЛЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ НА ЗАПАДЕ ВАЛДАЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

© 2021 г. Смирнов А.Л.^{1,*}, Меньшиков М.Ю.^{1,**}, Бобровский М.В.^{2,***}, Куприянов Д.А.^{1,****}, Клещенко Е.А.^{1,*****}, Тиунов А.В.^{3,*****}, Добровольская М.В.^{1,*****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН – подразделение Федерального исследовательского центра “Пушкинский научный центр биологических исследований” РАН, Пушкино, Россия

³Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва, Россия

*E-mail: ari1828@bk.ru

**E-mail: maxim-menshikov@yandex.ru

***E-mail: maxim.bobrovsky@gmail.com

****E-mail: dmitriyкуприянов1994@yandex.ru

*****E-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru

*****E-mail: a_tiuнов@mail.ru

*****E-mail: mk_pa@mail.ru

Поступила в редакцию 21.12.2020 г.

Исследование исторической динамики расселения в верховьях Волги и Западной Двины вблизи валдайских водоразделов проведено на основании учета археологических памятников раннего железного века, раннего средневековья и древнерусского времени. По архивным данным, сводам “Археологической карты России” и результатам разведок создана база данных археологических памятников. Используются возможности геоинформационных систем (программа QGIS, инструмент анализа “тепловая карта”), а также лазерного сканирования с применением беспилотного летательного аппарата. Исследования обосновывают заселение микрорегиона в раннем железном веке группами носителей традиций дьяковской археологической культуры. Вторая половина I тыс. н.э. характеризуется активным распространением памятников, относимых преимущественно к культуре псковских длинных курганов, которые отражают иную структуру расселения и иное расположение памятников в рельефе. В древнерусское время на фоне укрупнения памятников наблюдается их концентрация в местах “транспортных узлов” (водоразделы, близкий контакт трех речных бассейнов). Выявлена новая для этой территории категория памятников – каменные скопления, находящие аналогии в древностях Приладожья.

Ключевые слова: расселение, верховья Волги и Западной Двины, Оковский лес, ранний железный век, средневековье, ГИС, лазерная съемка.

DOI: 10.31857/S086960630013168-3

Изучение исторических ландшафтов занимает важное место в археологии и далеко выходит за границы реконструкции природного окружения и ресурсной зоны. Пространство сельской жизни – особое направление исследований. Интерес к историческим обликам сельских местностей проявился в конце прошлого века и связан с фундаментальными исследованиями сельского средневековья (Medieval..., 1985; Чернов, 1989; Макаров, Спиридонова, 1993). С.З. Чернов, посвятивший многие годы исследованию исторических древнерусских ландшафтов, пишет: “Пожалуй, ни одно из современных понятий не передаст столь емко запечатленную в земле память культуры, как понятие исторического ландшафта. Ландшафт несет

не только историко-географическую информацию, но представляет органическое сочетание элементов природы с произведениями человеческой мысли и труда. Это удивительное явление, в котором синтезированы столь далеко лежащие области культуры, как отношение народа к природной среде, его хозяйственный и социальный уклад, художественный строй мышления и мировидение, проявляющиеся в организации пространства” (Чернов, 1989. С. 413). Результаты изучения исторических ландшафтов представлены в фундаментальных обобщениях (Макаров и др., 2001; Сельская Русь..., 2008; Археология..., 2009; Кренке, 2019).

В наши задачи входило исследовать расселение в I тыс. до н.э. – первой трети II тыс. н.э.

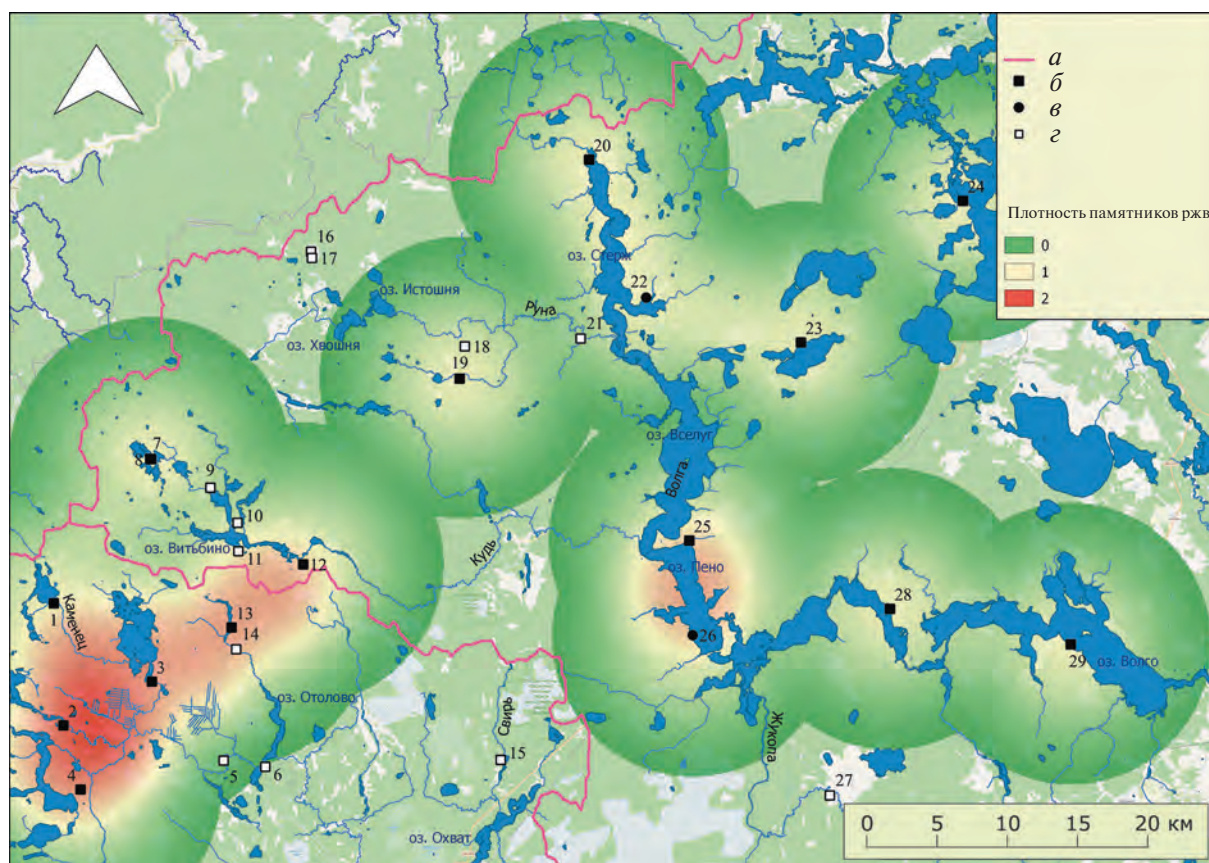

Рис. 1. Расположение памятников раннего железного века в верховьях Западной Двины и Волги. 1 – Шарыгино; 2 – Песчаха; 3 – Синьково (Дмитрово); 4 – Савино (Андроново); 5 – Стеклино; 6 – Семченки (Торопово); 7 – Глазово 1; 8 – Глазово 2; 9 – Плоское (Гора); 10 – Михайловщина; 11 – Витьбино; 12 – Ворошилово; 13 – Москва 1; 14 – Москва 2; 15 – Маринницы; 16 – Верхмареево (северное); 17 – Верхмареево (южное); 18 – Руна-Заборовка; 19 – Заборовка-Лихуша; 20 – Новинка (Стерж); 21 – Руно; 22 – Порებიца 2; 23 – Пихтень; 24 – Никола Рожок; 25 – Нечаевщина (Нечай Городок); 26 – о. Дубовец; 27 – Ве-тожетка; 28 – Городище; 29 – Казаково. Условные обозначения: *a* – водораздел; *б* – городища раннего железного века (ржв); *в* – селища ржв; *г* – городища, условно относимые к ржв.

Fig. 1. Location of the Early Iron Age sites in the upper Western Dvina and Volga regions

в микрорегионе, который благодаря своему географическому положению был то рубежом, то связующим звеном для населения разных культур, имел стратегическое значение транспортного узла. При этом оставался малонаселенной периферией, условным “дремучим лесом”, упоминаемым в текстах Повести временных лет (1999. С. 144, 145) и девятой главе трактата Константина Багрянородного “Об управлении империей” (1989. С. 45). Изучаемая территория расположена на северо-западе Валдайской возвышенности. С запада и юго-запада она ограничена водоразделами Волги, Невы и Западной Двины, а с востока – цепочкой верхневолжских озер.

Под расселением мы понимаем как освоенность территории, так и предпочтения населения в использовании рельефных и микроландшафтных ситуаций, формирование ресурсных зон, культурную трансформацию освоенной среды. С этой целью проведены междисциплинарные

исследования, включавшие разностороннее изучение экосистем, выявление особенностей, обусловленных антропогенной деятельностью (Куприянов и др., 2020, Mazei et al., 2020). В настоящей статье отражен хронологический аспект расселения. В качестве основного его маркера использованы археологические памятники микро-региона и прилегающей территории.

Геоморфологические особенности местности. Дочетвертичные породы полностью перекрыты отложениями плейстоценовых оледенений мощностью от 40 до 200 м. Основную их часть представляют ледниковые отложения вепского горизонта осташковской стадии валдайского оледенения (Astakhov et al., 2016). Выражен преимущественно грядово-холмистый и беспорядочно-холмистый рельеф, образовавшийся во время валдайского оледенения. Он осложнен озовыми грядами из крупнозернистых песков с многочисленными включениями валунов и гравия

(Третьяков, 1959). Озовые гряды, моренные грядовые холмы имеют преимущественно северо-западную ориентировку, высоту от 6 до 20 и длину от 100 до 1500 м. Характер отложений и рельеф способствуют слабой дренированности, обилию озер и болот (Исаченко, 1985. С. 167, 168). Отметим низкую скорость изменений рельефа в голоцене; процессы денудации и аккумуляции слабо развиты, что обуславливает сохранность рельефа на протяжении всей истории заселения территории человеком.

Методическая и информационная основа исследования. Создана база данных, объединившая материалы разных источников: Археологической карты России (2012. С. 186–249), архивных материалов, публикаций и результатов разведок, проведенных в Пеновском районе Рунским отрядом ИА РАН в 2017–2020 гг. В нее включены типология памятников, их количественные и качественные характеристики, параметры топографии местности. Для анализа данных использовали геоинформационную систему (ГИС) QGIS 3.10, инструмент анализа “тепловая карта”. Этот инструмент — ядерная оценка плотности (Kernel Density Estimation) — позволяет оценивать и визуализировать плотность расположения памятников. Под плотностью в данном случае понимается не количество памятников на единицу площади, а математическая величина, численно отражающая пересечения 10-километровых зон (QGIS User Guide, QGIS Tutorials and Tips, QGIS Heatmap Using Kernel Density Estimation Explained). Геоинформационные системы успешно используются во многих археологических исследованиях (см. Степанова, 2009; Кренке А.Н., Кренке Н.А., 2014; Афанасьев, 2016; Коробов, 2017; Matasov et al., 2019).

Из созданной базы данных для каждого периода построена карта плотности точечных объектов без учета их весовых характеристик с заданным размером ячейки (пикселя) карты 100 × 100 м. Для периода раннего железного века объектами для анализа послужили поселенческие памятники, атрибутированные вещевым материалом, для других периодов анализировались только погребальные памятники.

На всех картах задана зона оценки плотности в 10 км. Именно эта величина радиуса позволяет визуализировать локализацию наиболее близких друг к другу памятников (Кренке, 2014. С. 68). Радиус в 5 км характеризует основную ресурсную зону сельскохозяйственного поселения, радиус в 10 км, судя по этнографическим наблюдениям, соответствует охвату ресурсной зоны лесных

охотников-собираателей (Stules, 1985. Р. 27). Отражение на карте расположения и плотности памятников сопряжено с учетом определенных условностей. Постановка на учет памятников предполагает регистрацию как отдельно стоящего кургана, так и курганной группы. На карте они различаются, но расчеты плотности проводятся без учета этих различий. Объединение на карте памятников всего периода создает картину параллельного их существования, в чем мы не можем быть уверены. Культурная атрибутика ряда памятников остается спорной. Выделение некоторых селищ, поставленных на государственный учет в прежние годы, основывалось на находках единичных фрагментов керамики.

Понимая эти обстоятельства, мы рассматриваем картирование как исследовательский подход оценки общих тенденций в характере расселения и динамики отдельных интересующих нас признаков или их групп. Также использовалось лазерное сканирование (лидарная съемка), проводимое с беспилотных летательных устройств, для выявления структуры расположения памятников разных периодов на единой территории, а также получения единой картины структуры памятников, расположенных под пологими густыми лесами. Кроме того, лидарная съемка — более эффективный инструмент визуализации памятников большой площади по сравнению с топосъемкой.

Высокая частота импульсов при лидарной съемке позволяет пробиться сквозь колышущуюся листву деревьев и ветки и получить данные о самой нижней точке на участке съемки, предоставляя таким образом детальную информацию о рельефе с точностью до 50 точек на 1 м². В нашей стране данная методика наиболее эффективно отработана на археологическом комплексе Гнёздово в Смоленской области (Новиков, Брусило, 2019; Новиков, 2020).

Распространение памятников в раннем железном веке. Современный уровень исследованности позволяет фиксировать в микрорегионе 13 городищ. Это как известные, так и открытые недавними разведками памятники. К последним относится семь: Заборовка-Лихуша, Руна-Заборовка, Ворошилово, Верхмарево (северное и южное), Москва 2, Руно (рис. 1).

Городища характеризуются следующими отличительными признаками.

1. Геоморфологической основой площадки выбран мыс моренного холма, у подножия которого находится как минимум один водоем или водоток. Площади городищ варьируют от 300 до 2000 м². Высоты площадок находятся в диапазоне от 10 до 20 м.

2. Форма городища может быть описана как подтреугольная или овальная в плане. Для большинства городищ характерны эскарпированные склоны и наличие дополнительных рвов и валов.

3. Культурный слой вне зависимости от его мощности (от 0.5 до 1.5 м) имеет темную окраску за счет обилия частиц древесного угля, насыщен фрагментами камней, разрушенных прокаливанием, превратившим их в дресву.

Типичны расположение и структура городища Заборовка-Лихуша (рис. 2). Хорошо видны мысовое расположение, фортификационная структура, включающая вал самого городища, ров на юге и добавочный мысовой вал и ров на севере. В южной части изображения заметна цепочка курганов, относящихся к раннему средневековью.

Городища, включенные в базу, отнесены к раннему железному веку на основании одного или нескольких признаков из следующего списка: присутствие в слое сетчатой керамики; морфологический облик городища; темная окраска культурного слоя с большой примесью углей, саж, колотого камня; находки грузиков “дьякова” типа и керамических шариков. Лепная керамика, насыщенная дресвой, типична для раннего железного века и раннего средневековья, поэтому мелкие ее фрагменты не могут быть хроноиндикаторами. Гладкостенная керамика с нарезкой по краю венчика, тычковым орнаментом, подтреугольными ямками, характерная для вариантов днепро-двинской археологической культуры (Короткевич, Мазуркевич, 1992, С. 68, 69), не найдена. Сетчатая керамика зафиксирована на трех городищах (Заборовка-Лихуша, Ворошилово и Глазово). Для городища Заборовка-Лихуша получены две радиоуглеродные даты: $IGAN_{AMS} 7118-2180 \pm 25BP$ (уголь из деревянной конструкции, глубина 55 см) и $IGAN_{AMS} 7119-1450 \pm 20BP$ (уголь, глубина 35 см)¹. Образец из нижнего слоя находился в пределах одного горизонта с находками сетчатой керамики. Дату из верхнего слоя сложно связывать с определенной фазой его существования, так как слой сильно перемешан.

Селища данного периода исключительно редки. Они выделены по единичным находкам фрагментов керамики. Это не следует считать убедительным доказательством (Кренке и др., 2016. С. 63). Предположительно, одно из селищ было

расположено на о. Дубовец, но однозначного мнения по этому поводу нет (Шумкин, 1997; Исланова, 2012. С. 16). Разведки у городищ Ворошилово и Заборовка-Лихуша не выявили следов селищ раннего железного века. Сочетание данных, полученных за весь период изучения региона, с результатами наших исследований указывает на нетипичность селищ в структуре расселения в обозначенном микрорегионе.

Расселение затрагивает как побережья крупных водоемов, так и малых озер, озерных систем и рек. Анализ плотности выявил неравномерность распределения памятников. Наиболее заселенными оказались водные системы бассейна Западной Двины. В округе оз. Витьбино и на территории, прилегающей к р. Руна, городища располагаются примерно в 10 км друг от друга или ближе. На центральном участке микрорегиона городища пока не обнаружены. Погребальные памятники также не выявлены.

Если радиусом в 5 км можно характеризовать основную ресурсную зону сельскохозяйственного поселения, то радиус в 10 км, судя по этнографическим наблюдениям, соответствует охвату ресурсной зоны лесных охотников-собирателей (Stules, 1985. Р. 27). Как известно, в любом обобщении заложен высокий риск несовпадения с конкретной ситуацией. Тем не менее представляется важной информация о низкой плотности городищ. Отдаленное друг от друга расположение поселений не предполагает устойчивого визуального контакта, за исключением специальных сигналов, например сигнальных дымов. Отсутствие систематических следов селищ позволяет рассматривать городища не как “убежища”, а как основную форму расселения. Наличие системы городищ с определенной подработкой формы холма, рвами, валами указывает, что мысовые площадки, на которых располагались поселения, были освобождены от леса. Масштаб антропогенного влияния пока может только обсуждаться.

Комплексные исследования среды микрорегиона, проведенные на базе разностороннего анализа отложений болота Кривецкий Мох (Mazei et al., 2020), зафиксировали изменения в местных экосистемах с первых веков I тыс. до н.э., что проявляется в ускорении заболачивания озера, изменении флористического разнообразия, возможно связанных с антропогенной активностью. Антракологический анализ культурного слоя городищ выявил большое разнообразие пород деревьев, в том числе широколиственных, сжигавшихся на городищах. Это указывает на широкое распространение в раннем железном веке липы

¹ Результаты радиоуглеродного датирования образцов, проведенного в Центре коллективного пользования “Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии” Института географии РАН и в Центре изотопных исследований Университета Джорджии (США).

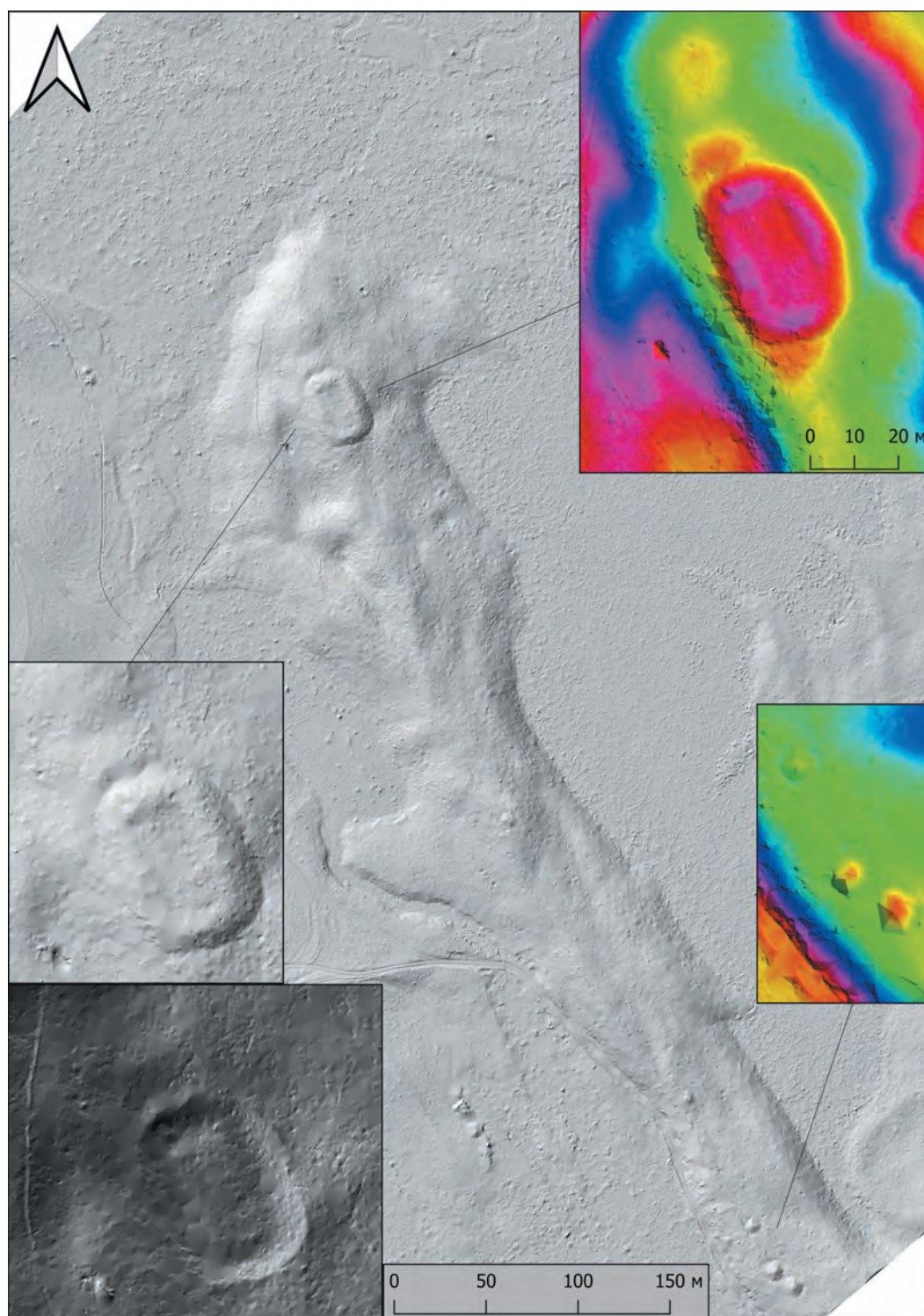

Рис. 2. Расположение городище Заборовка-Лихуша и курганов группы Заборовка-Лихуша. Изображения получены по результатам лазерного сканирования. Контрастные цвета позволяют увидеть небольшие перепады высот.

Fig. 2. Location of the Zaborovka-Likhusha fortified settlement and mounds of the Zaborovka-Likhusha group. The images were obtained by means of laser scanning. Contrasting colours show minor differences in elevation

сердцевидной (*Tilia cordata*), клена (вероятно, “бореального” облика лесов региона, в которых доминируют сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris*) и ель обыкновенная (*Picea abies*). Изучение прилегающих к городищам участков зафиксировало

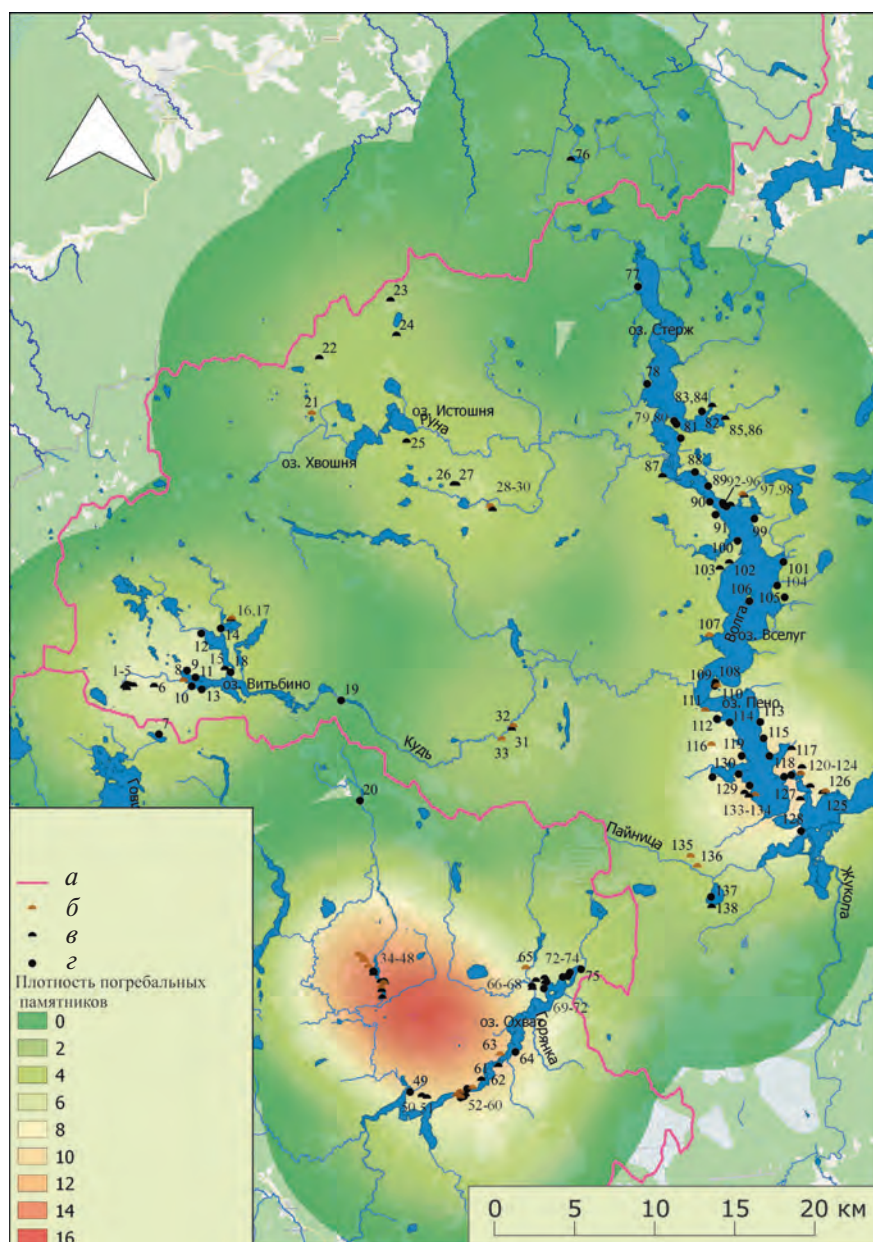

Рис. 3. Расположение памятников раннего средневековья в верховьях Западной Двины и Волги. 1–6 – Любино 1–6 (кг); 7 – Осечно 2 (с); 8 – Михайловщина (к); 9 – Михайловщина 2 (п); 10 – Нелегино 2 (с); 11 – Михайловщина 1 (с); 12, 14 – Плоское 1, 3 (с); 13 – Нелегино 1 (с); 15 – Михайловщина (кг); 16 – Плоское 5 (кг); 17 – Плоское 2 (к); 18 – Михайловщина 1 (п); 19 – Заселица (с); 20 – Калиновка (с); 21 – Старина (к); 22 – Верхмареево (кг); 23 – Меглино (кг); 24 – Колпино (кг); 25 – Рунский 2 (кг); 26, 27 – Заборовка 2, 3 (кг); 28 – Лихуша (кг); 29, 30 – Лихуша 1, 2 (к); 31, 31а – Бервенец 2 (к, с); 32, 33 – Бервенец 1, 2 (к); 34–41 – Лебедево 1–8 (кг); 42–47 – Лебедево 1–6 (к); 49, 52, 53 – Бдынь 1, 2, 3 (п); 50, 51 – Бдынь 2, 3 (кг); 54, 55 – Бдынь 1, 2 (с); 56 – Бдынь 1 (кг); 57–60 – Бдынь 1–4 (к); 61 – Бдынь 4 (кг); 62 – Охват (к); 63 – Охват (к); 64 – Охват (п); 65 – Маринницы (к); 66–68 – Маринницы 1–3 (кг); 69, 70 – Лауга 3, 7 (кг); 71, 72 – Лауга 1, 2 (п); 73–75 – Лауга 1–3 (с); 76 – Волговерховье (кг); 77 – Мосеевцы (п); 78 – Сосново (с); 79–81 – Широково 2–4 (с); 82 – Поребрица 2 (п); 83, 84 – Палиха 1, 4 (кг); 85, 86 – Палиха 2, 3 (кг); 87 – Руно (кг); 88 – Широково (п); 89 – Синцово 1 (с); 90, 91 – Адворица 2, 1 (п); 92 – Синцово (кг); 93–95 – Синцово 1–3 (п); 97 – Косицкое (кг); 98 – Косицкое (к); 99 – Теплень (п); 100 – Борки (с); 101 – Орлинка 2 (с); 102, 103 – Старое 2, 1 (кг); 104 – Орлинка 1 (с); 105, 106 – Горка 1, 2 (с); 107 – Залозье (к); 108, 109 – Вселуки 2, 1 (п); 110 – Вселуки (к); 111 – Кобенево (к); 112, 114 – Боровое 4, 3 (п); 113 – Нечаевщина 2 (п); 115 – Ксты 2 (п); 116 – Боровое (к); 117 – Пено 5 (кг); 118 – Ксты 1 (п); 119 – Боровое 2 (п); 120, 121 – Пено 2, 1 (п); 122 – Пено 3 (кг); 123 – Пено (к); 124, 125 – Пено 1, 2 (кг); 126 – Пено 2 (к); 127 – Пено 6 (кг); 128 – Пено 6 (п); 129 – Боровое 1 (п); 130, 131 – Пено 5, 4 (п); 132, 133 – Пено-Пожариха 1, 2 (кг); 134 – Пено 4 (о. Дубовец, к); 136, 135 – Соблаго 1, 2 (к); 137 – Соблаго (п); 138 – Соблаго (кг). Сокращения: к – курган; кг – курганная группа; п – поселение; с – селище. Условные обозначения: а – водораздел; б – курган; в – курганная группа; з – селище.

Fig. 3. Location of the early Middle Ages sites in the upper Western Dvina and Volga regions

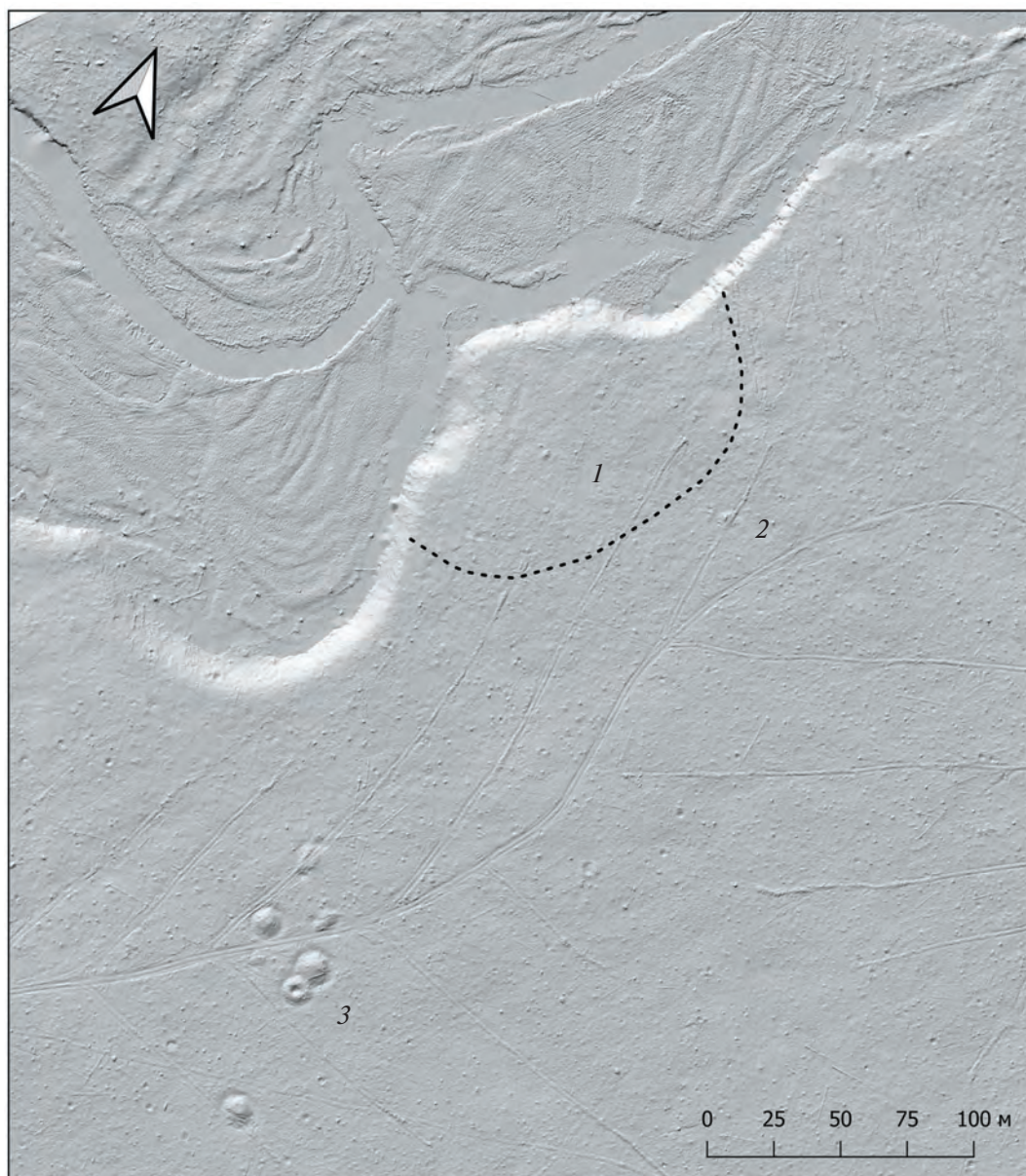

Рис. 4. Поселение и курганы комплекса Бервенец. 1 – территория селища; 2 – отдельно расположенный курган; 3 – курганная группа. Изображение получено по результатам лазерного сканирования.

Fig. 4. Settlement and burial mounds of the Bervenets complex. The image was obtained by means of laser scanning

широкое распространение старопехотных горизонтов, в том числе со следами выжиганий и корчевки деревьев. Однако анализ радиоуглеродного возраста углей не выявил следов расчисток для периода раннего железного века. Вероятности калиброванных радиоуглеродных дат указывают на интенсивные выжигания в VI, конце IX – начале X и в XIV вв. (Куприянов и др., 2020).

Памятники раннего средневековья. Вторая половина I тыс. отражена в археологическом наследии микрорегиона резким увеличением числа памятников (рис. 3). Наиболее хорошо

изучены курганные насыпи различных форм: удлинённые в плане, полусферические, конусообразные в разрезе. В структуре курганов, как правило, нет камней, хотя иногда присутствуют отдельные крупные камни на вершине курганной насыпи или у ее основания. Локализация памятников в рельефе различна. Например, это группа курганов полусферической формы, окруженных ровиками в непосредственной близости от поселения и на расстоянии 200–300 м от уреза воды на высоком коренном берегу реки (комплекс Бервенец на берегу р. Кудь – рис. 4),

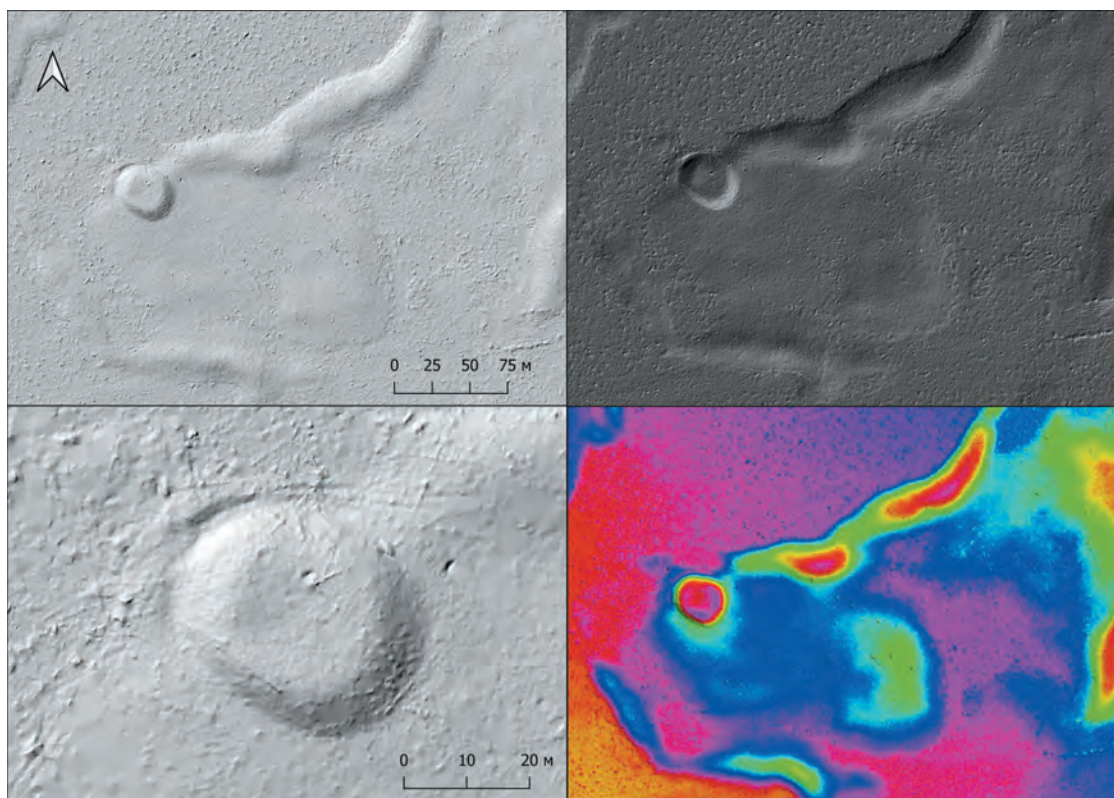

Рис. 5. Городище Руна-Заборовка. Изображения получены по результатам лазерного сканирования.

Fig. 5. The Runa-Zaborovka fortified settlement. The images were obtained by means of laser scanning

характеризующихся линейностью расположения, наличием сдвоенных насыпей. Другой вариант — цепочки конусообразных насыпей с ровиками по вершинам моренных холмов (Заборовка-Лихуша, Заборовка 2, 3 и др.) (см. рис. 2) или группы курганов на высоком берегу оз. Пено в 300 м от современного уреза воды. Это также сочетания валообразных, полусферических и сопковидных в разрезе насыпей в едином комплексе (Рунский 2, Колпино).

Древности Западного Верхневолжья раннего средневековья разносторонне изучены И.В. Ислановой (2012). Одна из групп курганов отнесена к археологической культуре псковских длинных курганов (далее КПК), обсуждается возможность отнесения части могильников к смоленским длинным курганам, обособливается группа памятников “неясной культурной принадлежности”, в которых прослеживаются черты восточнолитовских курганов (Исланова, 2012. С. 31). Курганы КПК могут соседствовать с грунтовыми захоронениями, которые выявляются только при раскопках площадями (Исланова, 2019. С. 129). На это указывают и другие исследователи (Конечский, 1997. С. 221, 222; Седов. 1999. С. 121; Михайлова, 2009. С. 9, 10; Носов, Плохов, 2016. С. 358).

В нашей базе данных фигурирует 80 курганов и курганных групп. Все они имеют удлиненные насыпи или могут быть с уверенностью отнесены к КПК по другим признакам, выделенным И.В. Ислановой. К таким признакам относятся следующие: разнообразие форм насыпей; приуроченность к песчаным грунтам и моренным формам рельефа; цепочки курганов; размещение вдоль берега водоема или по вершине моренного холма; отсутствие камней в насыпи (для восточной части КПК) (Исланова, 2019. С. 114, 115).

Число селищ составляет примерно половину от курганных памятников, но их число, известное нам сегодня, недостоверно. Поэтому судить об интенсивности расселения предпочтительнее по погребальным памятникам (Кренке, 2014. С. 66).

Археологические датировки памятников раннего средневековья для микрорегиона широкие — вторая половина I тыс. Отсутствие репрезентативной базы радиоуглеродных дат сдерживает интерпретации. Значительно изменяется размер ресурсной зоны по сравнению с ранним железным веком. Уплотнение расположения памятников, вероятно, связано с увеличением численности населения, изменением землепользования и

развитием сельского хозяйства. Эти заключения предварительны, так как нам неизвестны хронологические рамки существования раннесредневековых поселений.

Число используемых городищ уменьшается, большая их часть существовала с раннего железного века. Своеобразно городище Руна-Заборовка, расположенное в болотистой местности вне высоких холмов. Оно имеет округлую в плане форму и воронкообразную вогнутость (рис. 5). Высота городища — 4 м, площадь — 500 м². Его культурный слой отличен от всех других, не имеет темной окраски, лишен фрагментов колотых камней. Найдены стенки лепных сосудов (тесто с дрсвой) без орнамента. Городище отлично по рельефной приуроченности, по характеру фортификаций и культурных отложений. По всем признакам оно ближе всего к болотным городищам, относимым А.Н. Лявданским и В.В. Седовым к смоленским длинным курганам (Лявданский, 1926; Седов, 1960; Шмид, 1992).

Курганные могильники расположены “гнездами”. Большие гнезда связаны с коротким путем между Волгой в Западной Двиной. Малые гнезда и отдельные могильники удалены от больших водотоков, расположены в системах малых озер и рек. Округа оз. Слаутино остается незаселенной. Памятники располагаются в районах, близких к водоразделам волжско-невского и волжско-западнодвинского стоков. Если поселенческое гнездо в районе оз. Витьбино было сформировано еще в раннем железном веке, то памятники, локализованные в северной части микрорегиона и примыкающие к северной линии волжско-невского водораздела, появились в раннем средневековье. Их численность и плотность на малых водоемах сопоставимы с выявленными на побережье крупных озер Стерж и Вселук. Таким образом, северный вектор — особенность, проявившаяся в раннесредневековом расселении в верховьях Волги.

Анализ углей из шурфов на моренном холме Заборовка-Лихуша и его склонах свидетельствует о наличии периодов активного сведения лесов на протяжении VI–X вв. (Куприянов и др., 2020. С. 183).

Итак, пространство жизни жителей раннесредневекового периода, связанного преимущественно с распространением в микрорегионе памятников КПДК, принципиально поменялось по сравнению с предыдущей эпохой. Увеличились численность населения и плотность расположения памятников. На доминирующих высотах теперь располагаются погребальные памятники — цепочки крутобоких курганов. Их

густота, а также данные палеоэкологических исследований указывают на значительный масштаб сведения леса. Селища, плотность расположения которых пока нам не известна, локализуются в непосредственной близости от воды на высоких или на низких удобных пологих берегах водоемов. Городища составляют лишь небольшую часть поселений, как мы можем заключить на основании современного уровня изученности микрорегиона. Подчеркнем “освоенность” самых разных элементов рельефа и биотопов. Упорядоченность пространства, окружавшего средневековых жителей, прежде всего выражена в знаковых сооружениях-насыпях на доминирующих высотах. При изучении многоэтапных процедур возведения насыпей длинных курганов удалось реконструировать многократные досыпки насыпей, создание и сжигание деревянных конструкций и пр. (Михайлова, 2009. С. 9; 2010). Эти действия свидетельствуют о мировоззрении людей, активно изменяющих облик окружающего пространства не только хозяйственной, но и культовой деятельностью.

Расселение в древнерусское время. Могильники древнерусского времени, включенные в базу, насчитывают 46 пунктов (рис. 6). В этой части нашего исследования мы также основываемся на погребальных памятниках, так как они лучше изучены. В базу вошли курганные и курганно-жальничные могильники XI–XIII вв. В курганно-жальничных могильниках крутобокие насыпи курганов, как правило, окружены каменными обкладками, или “венцами”. Могильники располагаются по пологим берегам озер, на разной высоте. Традиция возводить насыпи на доминирующих высотах не проявляется. Распространены ингумации на горизонте с западной ориентировкой (Глазов, 1905).

Крупные могильники древнерусского времени — Большой и Малый Бохоты — расположены на самом невско-волжском водоразделе. Один из курганов, изученных В.Н. Глазовым в 1903 г., содержал подвеску-денарий (Саксония, Ордульф, 1059–1071) (Археологическая..., 2012. С. 203). Сходные памятники описаны этим же исследователем на оз. Хвошня, они типичны для новгородских земель (см. Пронин, 1981. С. 12).

Обращает на себя внимание появление крупных курганных и курганно-жальничных могильников, размеры которых превышают масштабы погребальных памятников раннего средневековья, причем число этих крупных погребальных памятников невелико.

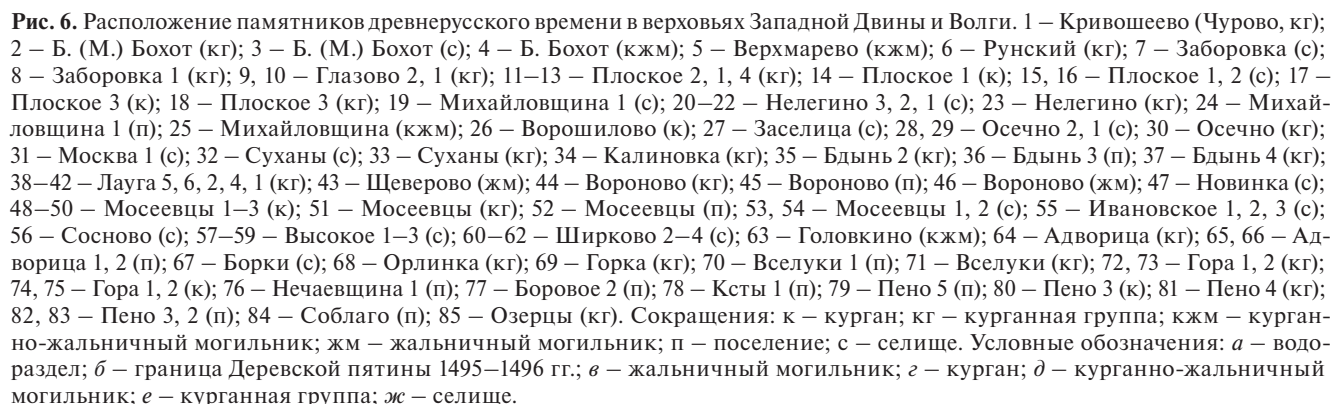

Fig. 6. Location of Rus period sites in the upper Western Dvina and Volga regions

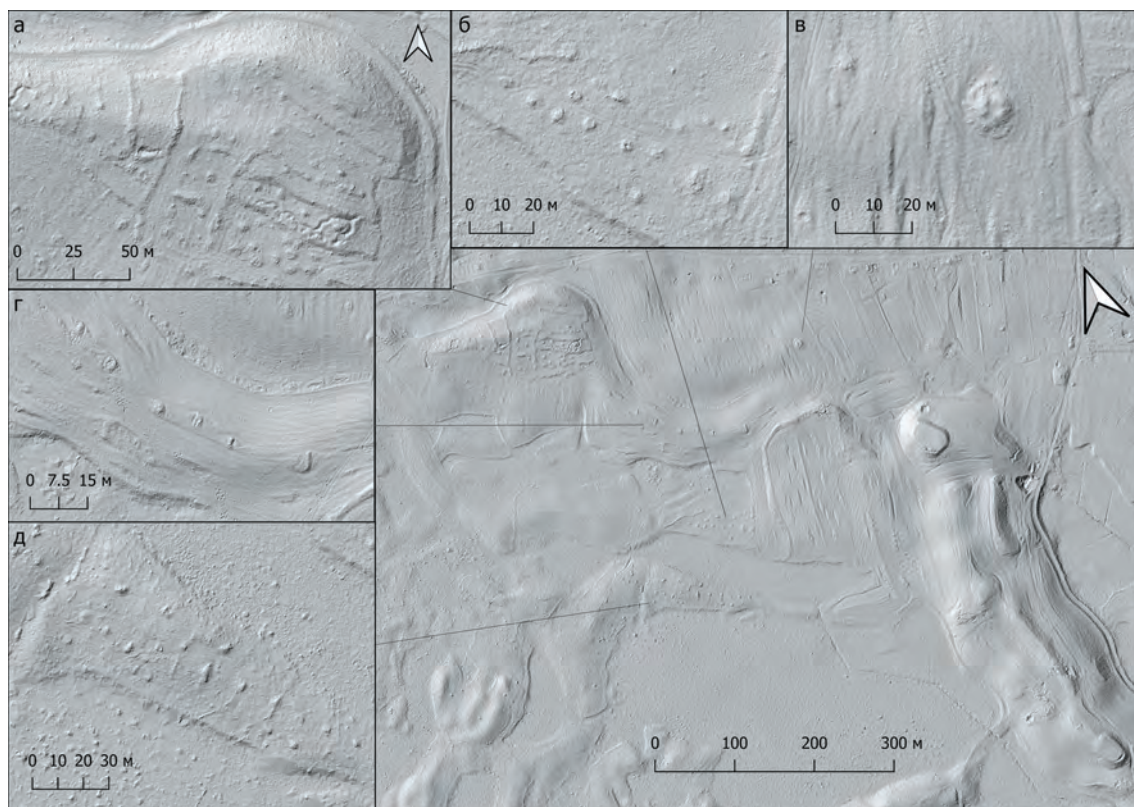

Рис. 7. Комплекс археологических памятников Верхмареево. Изображения получены по результатам лазерного сканирования. Обозначения: а — каменные ряды; б, д — каменные кучи; в, г — курганы с каменными венцами.

Fig. 7. The Verkhmarevo complex of archaeological sites. The images were obtained by means of laser scanning

На системе озер Витьбино формируется крупное гнездо могильников, в частности могильники с курганами с каменными обкладками и жальничные погребения (Археологическая..., 2012. С. 186). Также известны жальничные могильники на оз. Стерж. Таким образом, в древнерусское время на севере микрорегиона появляется новый тип погребальных памятников, что указывает на распространение населения, либо традиций, связанных с новгородскими землями. Все эти памятники расположены на водораздельных участках (или близких к ним) и наиболее выгодных водных коммуникациях.

В связи с этим нельзя не упомянуть Стерженский крест, поставленный в 1133 г. новгородцем Иванко Павловичем при попытке создания нового канала в оз. Стерж, верхневолжский камень с родовым именным знаком Мстислава Владимировича и витьбинский (лопастницкий) крест, соотношенный В.Л. Яниным с событиями 10–20-х годов XIII в. (Янин, 1957). Эта территория входит в сферу интересов князей и боярства.

Как показало исследование В.Л. Янина, князь Мстислав Владимирович в начале второй четверти XII в. из смоленских земель, прилегающих

к новгородским, выделяет территории с новым администрированием, создает княжеский домен и передает его во владение сыну Всеволоду. “В состав домена входит ряд волостей, образующих пограничный пояс (на юге будущей Деревской пятины). Юридические права на доходы от этих волостей, как это очевидно, имеют лишь потомки Мстислава Владимировича” (Янин, 1998. С. 102).

Интерес к местности был связан с контролем над транспортными путями. Наиболее крупные погребальные памятники этого времени ассоциированы с водоразделами, контактами водоразделов. Граница будущей Деревской пятины, а в XII в. — рубежи волостей княжеского домена причудливой линией вклиниваются в соседние земли, оставляя за собой наиболее выгодные системы озер, обеспечивающие связь, прежде всего, с Западной Двиной. В древнерусское время, как мы можем судить, основываясь на современном уровне изученности памятников, наиболее активно заселяется район оз. Витьбино, расположенный в месте схождения двух водоразделов: невско-волжского и волжско-двинского. Кроме того, скопления памятников выявлены в верховьях Волги и на приводораздельном участке

на северо-западе исследуемого района. Как для раннего средневековья, так и в древнерусское время сохраняется (с небольшими вариациями) плотное заселение в районе оз. Охват и других водоемов Двинского бассейна.

Итак, можно судить о более контрастном характере заселенности микрорегиона в древнерусское время, что находит аналогии в ранее выявленных тенденциях на Северо-Западе и Северо-Востоке (Макаров и др., 2001. С. 219). Численность памятников уменьшается, размеры некоторых могильников увеличиваются, они концентрируются в важных транспортных узлах. Мы наблюдаем экономически обусловленный характер расселения.

Еще один тип древностей — линейно-регулярно расположенные скопления камней в виде отдельных куч и линий-стенок (рис. 7). Ранее этот тип древностей в Верхневолжском регионе в публикациях не описывался. Как хорошо видно на изображении округи исторической деревни Верхмарево, десятки этих структур располагаются на пашнях, на холмах, покрытых лесом. Их регулярность и наличие общего плана не позволяет относить их к результатам хозяйственной деятельности по освобождению угодий от камней. Ближайшая и практически полная аналогия этому типу древностей — памятники на севере Ленинградской области, в Приладожье (Шахнович и др., 2019. С. 417). Авторы склонны относить их «к «лапландским кучам» — предположительно ритуально-погребальным объектам раннего железного века — объектам I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.» (Семенов, Васильев, 2019. С. 78). Открытые объекты требуют дополнительного изучения. Единственное, о чем можно с уверенностью судить в настоящее время, — эти древности отражают культурную традицию, предполагавшую формирование крупных комплексов, создаваемых с большими трудозатратами и, вероятно, длительно существовавшую. Применение лидарной съемки впервые позволило оценить масштаб этих сооружений.

Подводя итоги, отметим, что использование геоинформационных систем позволило визуализировать и охарактеризовать особенности расселения в верховьях Волги и Западной Двины на протяжении более 1500 лет, отразив современный уровень исследования территории. Во все рассмотренные эпохи территория выглядит как освоенная, но мало заселенная. Формируются центры более плотного заселения, но центральная часть микрорегиона продолжает пустовать. В раннем железном веке формируется система городищ, охватывающая всю местность. Их расположение

относительно друг друга отвечает плотности населения со слабым уровнем развития производящего хозяйства. Устойчивое существование городищ свидетельствует о высоком уровне эффективности и адаптированности систем жизнеобеспечения населения, которое, судя по находкам керамики и некоторым атрибутирующим предметам, можно отнести к носителям дьяковской и позднедьяковской традиций. Уверенные свидетельства системы селищ не обнаружены.

Раннесредневековые древности КПДК, появившиеся в микрорегионе в середине I тыс., кардинальным образом изменили облик территории. Курганные могильники, селища, городища занимают все возможные элементы рельефа. Цепочки конусообразных курганов формируют доминанты культурного ландшафта. Само расположение памятников указывает на масштабное сведение лесов. Гнезда курганных групп и отдельные курганы концентрируются в южной части верхневолжских озер, в озерной системе Витьбино, находящейся в равной близости от Двины и Волги. Северные, прилегающие к водоразделам участки микрорегиона, гораздо лучше освоены, чем в предыдущую эпоху.

В древнерусское время (XI–XIII вв.) на территорию проникают традиции новгородских земель, распространяются курганно-жальничные могильники, приуроченные к важным пунктам водных и волоковых транспортных коммуникаций. Плотность расселения становится более дифференцированной: увеличивается в локальных центрах и снижается на остальной территории. Расселение в эту эпоху связано с доменом потомков князя Мстислава Владимировича — буферной зоной между новгородскими и смоленскими землями. Отметим упрощение культурного пространства, прежде всего, за счет отсутствия системы пространственных доминант.

Исследованный микрорегион относится к летописному Оковскому лесу — истоку трех великих рек, упоминание которого в исторических источниках сочетает противоречивые характеристики дремучего леса с активностью транспортных путей и постоянным экспортом корабельной (лодочной) древесины. Анализ плотности расположения памятников позволил в известной мере снять эти противоречия, выявив высокую контрастность заселения, обусловленность расположения поселений экономическими выгодами, потребностями водных и волоковых путей. Гидрографический, по выражению В.О. Ключевского (1908. С. 7, 8), характер расселения в микрорегионе наблюдался во все эпохи, однако облик

исторического ландшафта сильно менялся, что отражает смену картин пространства сельской жизни, присущих трем культурно-хронологическим периодам.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 18-00-01438, 18-0001583(К).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 4 / Отв. ред. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2012. 483 с.
- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. III. Палеоэкологические условия, общество и культура / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. И.Е. Зайцева. М.: Наука, 2009. 233 с.
- Афанасьев Г.Е. О территории хазарского каганата // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника “Дивногорье” / Под ред. А.З. Винникова. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 41–72.
- Геологическая карта СССР. Дочетвертичные отложения. Лист О-36-XXVIII. Масштаб 1:200000 / Ред. В.А. Котлуков. Л.: Геологическое управление центральных районов, 1959. 1 л. карт.
- Глазов В.Н. Отчет В.Н. Глазова о поездке 1903 года на Верховья Волги и в Демянский уезд // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. 7, вып. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. С. 97–106.
- Исаченко А.Г. Ландшафты СССР. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 320 с.
- Исланова И.В. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье). М.: ИА РАН, 2012. 218 с.
- Исланова И.В. Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н.э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты: дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИА РАН, 2019. 338 с.
- Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории: частное издание для слушателей автора. Изд. 6-е. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. 200 с.
- Конецкий В.Я. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11 / Ред. В.Л. Янин. Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 1997. С. 213–225.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Пер. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 496 с.
- Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 2 т. (384 + 312 с.)
- Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н. Пять вариантов днепро-двинской культуры // Петербургский археологический вестник. № 2. СПб., 1992. С. 63–82.
- Кренке А.Н., Кренке Н.А. Археологическая карта курганов XI–XIII вв. в бассейне Москвы-реки: подходы к выявлению локальных структур и центра поселенческой системы // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 232. С. 64–73.
- Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019. 392 с.
- Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю., Чаукин С.Н. Новые направления в изучении памятников дьяковской культуры // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 242. С. 60–70.
- Куприянов Д.А., Смирнов А.Л., Добровольская М.В., Бобровский М.В. Древесный уголь в культурном слое городищ раннего железного века в бассейне Верхней Волги // Экология древних и традиционных обществ: материалы VI междунар. науч. конф. Тюмень: Тюменский науч. центр Сибирского отд. РАН, 2020. С. 183–186.
- Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. 1926. Т. 3, вып. 3. С. 187–190.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
- Макаров Н.А., Спиридонова Е.А. К истории формирования культурного ландшафта на Русском Севере // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: ИА РАН, 1993. С. 145–166.
- Михайлова Е.Р. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 19 с.
- Михайлова Е.Р. Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Берёзно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли / Отв. ред. Е.Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 7–54.
- Новиков В.В. Опыт применения воздушного лазерного сканирования на базе БПЛА для исследования средневековых памятников IX–XII вв. на территории европейской части России // Тр. VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. III. Самара, 2020. С. 173–175.
- Новиков В.В., Брусило В.А. Результаты воздушного лазерного сканирования территории Гнёздовского археологического комплекса // Археология и

- геоинформатика. IV Междунар. конф.: тез. докл. / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2019. С. 70–71.
- Носов Е.Н., Плохов А.В. Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; вып. 17). С. 349–394.
- Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1999. 668 с.
- Пронин Г.Н. Сопки, курганы, жальники (к вопросу о преемственности) // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 166. С. 11–16.
- Седов В.В. Языческие святилища смоленских кривичей // Краткие сообщения Института археологии. 1960. Вып. 87. С. 3–12.
- Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 316 с.
- Сельская Русь в IX–XVI вв. / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. 418 с.
- Семенов С.А., Васильев Ст.А. Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам полевых работ 2018 г.) // Охранная археология: бюллетень. № 9. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 76–124.
- Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья: пространственный анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2009. № 3. С. 72–92.
- Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. 1988. М.: Наука, 1989. С. 413–438.
- Шахнович М.М., Кулькова М.А., Сони́на А.В. К вопросу о валунных насыпях в северном Приладожье: опыт комплексного исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 12. Тверь, 2019. С. 414–426.
- Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). М.: Прометей, 1992. 207 с.
- Шумкин В.Я. Дубовец (Пено 3) – поселение многократного заселения на оз. Пено (Верхневолжская система озер) // Верещагина И.В. и др. Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 169–211.
- Янин В.Л. К вопросу о дате Лопастницкого креста // Краткие сообщения Института археологии. 1957. Вып. 68. С. 31–34.
- Янин В.Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV вв. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1998. 216 с.
- Astakhov V., Shkatova V., Zastrozhnov A., Chuyko M. Glaciomorphological Map of the Russian Federation // Quaternary International. 2016. Vol. 420. P. 4–14.
- Matasov V., Nizovtsev V., Erman N. Landscape-historical geoinformation system as a base for long-term land-use change retrospective modeling // *International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management – SGEM*. 2019. Vol. 19, iss. 2.2. P. 895–901.
- Mazei Y.A., Tsyganov A.N., Bobrovsky M.V., Mazei N.G., Kupriyanov D.A., Mariusz G.M., Rostanets D.V., Khasanova K.P., Stoiko T.G., Pastukhova Yu.A., Fatynina Yu.A., Komarov A.A., Babeshko K.V., Makarova A.D., Saldaev D.A., Zazovskaya E.P., Dobrovolskaya M.V., Tiunov A.V. Peatland development, vegetation history, climate change and human activity in the Valdai Uplands (Central European Russia) during the Holocene: a multi-proxy palaeoecological study [Электронный ресурс] // Diversity. 2020. Vol. 12, 462. URL: <https://www.mdpi.com/1424-2818/12/12/462> (дата обращения: 24.05.2021).
- Medieval Villages: a Review of Current Work / Ed. D. Hook. Oxford: Oxford University School of Archaeology, 1985. 244 p.
- QGIS Heatmap Using Kernel Density Estimation Explained [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geodose.com/2017/11/qgis-heatmap-using-kernel-density.html> (дата обращения: 24.05.2021).
- QGIS Tutorials and Tips. Creating Heatmaps (QGIS3) [Электронный ресурс]. URL: http://www.qgistutorials.com/en/docs/3/creating_heatmaps.html (дата обращения: 24.05.2021).
- QGIS User Guide [Электронный ресурс]. URL: https://docs.qgis.org/3.10/ru/docs/user_manual/index.html (дата обращения: 24.05.2021).
- Stiles B.W. Reconstruction of availability and utilization of food resources // The analysis of prehistoric diets / Eds R.I. Gilbert, J.H. Mielke. Orlando: Academic Press, 1985. P. 21–60.

SETTLEMENT AND HISTORICAL LANDSCAPES IN THE WEST VALDAI HILLS IN THE EARLY IRON AGE AND THE MIDDLE AGES

Alexei L. Smirnov^{1,*}, Maksim Yu. Menshikov^{1,**}, Maksim V. Bobrovsky^{2,***},
Dmitry A. Kupriyanov^{1,****}, Ekaterina A. Kleshchenko^{1,*****},
Alexei V. Tiunov^{3,*****}, Maria V. Dobrovolskaya^{1,*****}

¹Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

²Institute of Physical, Chemical and Biological Problems of Soil Science RAS,
a division of Pushchino Centre for Biological Research RAS, Pushchino, Russia

³A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution RAS, Moscow, Russia

*E-mail: ari1828@bk.ru

**E-mail: maxim-menshikov@yandex.ru

***E-mail: maxim.bobrovsky@gmail.com

****E-mail: dmitriy Kupriyanov1994@yandex.ru

*****E-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru

*****E-mail: a_tiunov@mail.ru

*****E-mail: mk_pa@mail.ru

The study of the historical dynamics of settlement in the upper Volga and Western Dvina regions near the Valdai watersheds was conducted based on records of archaeological sites of the Early Iron Age, early Middle Ages and Rus period. A database was created using archival data, the register of the “Archaeological Map of Russia” and survey results. The authors employed capabilities of geographic information systems (QGIS software, heatmap analysis tool), as well as laser scanning conducted with an unmanned aerial vehicle. The research substantiates the settlement of the microregion in the early Iron Age by groups of carriers of the Dyakovo culture traditions. The second half of the 1st millennium is characterized by an active spreading of sites attributed mainly to the Pskov long barrow culture which reflect a different settlement pattern and location of sites within the relief. In Rus period, against the background of the expansion of sites, it is possible to observe their concentration in the locations of “transport hubs” (watersheds, contact of river basins). The study revealed a new category of site for this territory – stone clusters which find analogies in the antiquities of the Ladoga region.

Keywords: settlement, the upper Volga and Western Dvina regions, Okovets forest, Early Iron Age, Middle Ages, GIS, laser survey.

REFERENCES

- Afanas'ev G.E., 2016. The territory of the Khazar Kaganate. *Divnogorskiy sbornik. Trudy muzeya-zapovednika “Divnogor'e” [Divnogorye collection of papers. Transactions of the “Divnogorye” Museum-Reserve]*. A.Z. Vinnikov, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 41–72. (In Russ.)
- Arkheologicheskaya karta Rossii. Tverskaya oblast' [Archaeological map of Russia. Tver Region], 4. A.V. Kashkin, ed. Moscow: IA RAN, 2012. 483 p.
- Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of the Northern Rus village of the 10th–13th centuries: medieval settlements and burial grounds on Lake Kubenskoye], III. Paleoekologicheskie usloviya, obshchestvo i kul'tura [Paleoecological conditions, society and culture]. N.A. Makarov, ed., I.E. Zaytseva, comp. Moscow: Nauka, 2009. 233 p.
- Astakhov V., Shkatova V., Zastrozhnov A., Chuyko M., 2016. Glaciomorphological Map of the Russian Federation. *Quaternary International*, 420, pp. 4–14.
- Chernov S.Z., 1989. Historical landscape of old Radonezh. Origins and semantics. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost', iskusstvo, arkheologiya [Cultural heritage monuments. New discoveries. Writing, art, archaeology]*, 1988. Moscow: Nauka, pp. 413–438. (In Russ.)
- Geologicheskaya karta SSSR. Dochertvertichnye otlozheniya. List O-36-XXVIII. Masshtab 1:200000 [Geological map of the USSR. Pre-Quaternary deposits. Sheet O-36-XXVIII. Scale 1:200000]. V.A. Kotlukov, ed. Leningrad: Geologicheskoe upravlenie tsentral'nykh rayonov, 1959. 1 p.
- Glazov V.N., 1905. Report by V.N. Glazov on a trip in 1903 to the Upper Volga region and in Demyansk uyezd (district). *Zapiski otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Proceedings of the Russian and Slavic Archaeology Department of the Imperial Russian Archaeological Society]*, vol. 7, iss. 1. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, pp. 97–106. (In Russ.)

- Isachenko A.G.*, 1985. Landshafty SSSR [Landscapes of the USSR]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 320 p.
- Islanova I.V.*, 2012. Drevnosti v verkhov'yakh Volgi (ranniy zheleznyy vek i rannee srednevekov'e) [Antiquities in the Upper Volga region (the early Iron Age and the early Middle Ages)]. Moscow: IA RAN. 218 p.
- Islanova I.V.*, 2019. Kul'turno-istoricheskie protsessy vo II–VIII vv. n.e. v basseynakh Verkhney Volgi i Verkhney Msty: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [Cultural and historical processes in the 2nd–8th centuries AD in the Upper Volga and Upper Msta regions: Doctoral thesis in History]. Moscow: IA RAN. 338 p.
- Klyuchevskiy V.O.*, 1908. Kratкое posobie po russkoy istorii: chastnoe izdanie dlya slushateley avtora. [A short guide to Russian history: a private edition for followers of the author] 6th edition. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. 200 p.
- Konetskiy V.Ya.*, 1997. On the formation of the long barrow culture. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology], 11. V.L. Yanin, ed. Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 213–225. (In Russ.)
- Konstantin Bagryanorodnyy*, 1989. Ob upravlenii imperiei [De administrando imperio]. Moscow: Nauka. 496 p.
- Korobov D.S.*, 2017. Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n.e. (landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny) [The settling system of the Alans of the Central Ciscaucasia in the 1st millennium AD (landscape archaeology of the Kislovodsk Basin)]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 2 vols. (384 + 312 p.)
- Korotkevich B.S., Mazurkevich A.N.*, 1992. Five variants of the Dnieper-Dvina culture. *Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik* [St. Petersburg archaeological bulletin], 2. St. Petersburg, pp. 63–82. (In Russ.)
- Krenke A.N., Krenke N.A.*, 2014. Mounds of the 11th–13th cc. in the archaeological map of the Moskva River basin: Approaches to revealing local structures and centres of settling system. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 232, pp. 64–73. (In Russ.)
- Krenke N.A.*, 2019. Drevnosti basseyna Moskvy-reki ot neolita do Srednevekov'ya: etapy kul'turnogo razvitiya, formirovanie proizvodnyashchey ekonomiki i antropogennogo landshafta [Antiquities of the Moskva River region from the Neolithic to the Middle Ages, the formation of producing economy and man-made landscape]. Moscow; Smolensk: Svitok. 392 p.
- Krenke N.A., Tavlintseva E.Yu., Chaukin S.N.*, 2016. New areas in the studies of the Dyakovo sites. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 242, pp. 60–70. (In Russ.)
- Kupriyanov D.A., Smirnov A.L., Dobrovol'skaya M.V., Bobrovskiy M.V.*, 2020. Charcoal in the cultural layer of the Early Iron Age fortified settlements in the Upper Volga region. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: materialy VI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Ecology of ancient and traditional societies: Proceedings of the VI International scientific conference]. Tyumen': Tyumenskiy nauchnyy tsentr Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 183–186. (In Russ.)
- Lyavdanskiy A.N.*, 1926. Some data on fortified settlements in Smolensk province. *Nauchnye izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Research news of Smolensk State University], vol. 3, iss. 3, pp. 187–190. (In Russ.)
- Makarov N.A., Spiridonova E.A.*, 1993. On the history of the cultural landscape formation in the Russian North. *Ekologicheskie problemy v issledovaniyakh srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy* [Ecological issues in studies of the medieval population of Eastern Europe]. T.I. Alekseeva, ed. Moscow: IA RAN, pp. 145–166. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zakharov S.D., Buzhilova A.P.*, 2001. Srednevekovoe rasselenie na Belom ozere [Medieval population settling on Belo Ozero]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 496 p.
- Matasov V., Nizovtsev V., Erman N.*, 2019. Landscape-historical geoinformation system as a base for long-term land-use change retrospective modeling. *International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management – SGEM*, vol. 19, iss. 2.2, pp. 895–901.
- Mazei Y.A., Tsyganov A.N., Bobrovskiy M.V., Mazei N.G., Kupriyanov D.A., Mariusz G.M., Rostanets D.V., Kharzanova K.P., Stoiko T.G., Pastukhova Yu.A., Fatynina Yu.A., Komarov A.A., Babeshko K.V., Makarova A.D., Saldaev D.A., Zazovskaya E.P., Dobrovolskaya M.V., Tiunov A.V.*, 2020. Peatland development, vegetation history, climate change and human activity in the Valdai Uplands (Central European Russia) during the Holocene: a multi-proxy palaeoecological study (Electronic source). *Diversity*, 12, 462. URL: <https://www.mdpi.com/1424-2818/12/12/462>.
- Medieval Villages: a Review of Current Work. D. Hook, ed. Oxford: Oxford University School of Archaeology, 1985. 244 p.
- Mikhaylova E.R.*, 2009. Kul'tura pskovskikh dlinnykh kurganov. Problemy khronologii i razvitiya material'noy kul'tury: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [The culture of Pskov long barrows. Problems of chronology and development of material cultures: an author's abstract of the Candidate's thesis in History]. St. Petersburg. 19 p.
- Mikhaylova E.R.*, 2010. Beryozno I – a fully investigated burial ground of the Pskov long barrow culture. *Issledovaniya pogrebal'nykh pamyatnikov na zapade srednevekovoy Novgorodskoy zemli* [Research in burial sites in the west of the medieval Novgorod Land]. E.R. Mikhaylova, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 7–54. (In Russ.)
- Nosov E.N., Plokhov A.V.*, 2016. A settlement and burial ground on Lake Syezshee. *Rannesrednevekovye drevnosti*

- lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries)]*. A.M. Oblomskiy, I.V. Isanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 349–394. (Ranneslavyanskiy mir, 17). (In Russ.)
- Novikov V.V., 2020. Experience in the use of UAV-based airborne laser scanning for the study of medieval sites of the 9th–12th centuries in the European part of Russia. *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare [Works of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara]*, III. Samara, pp. 173–175. (In Russ.)
- Novikov V.V., Brusilo V.A., 2019. Results of airborne laser scanning of the Gnezdovo archaeological complex. *Arkheologiya i geoinformatika, IV Mezhdunarodnaya konferentsiya: tezisy dokladov [Archaeology and geoinformatics. IV International Conference: Abstracts]*. D.S. Korobov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 70–71. (In Russ.)
- Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg: Nauka, 1999. 668 p.
- QGIS Heatmap Using Kernel Density Estimation Explained (Electronic source). URL: <https://www.geodose.com/2017/11/qgis-heatmap-using-kernel-density.html>.
- QGIS Tutorials and Tips. Creating Heatmaps (QGIS3) (Electronic source). URL: http://www.qgistutorials.com/en/docs/3/creating_heatmaps.html.
- QGIS User Guide (Electronic source). URL: https://docs.qgis.org/3.10/ru/docs/user_manual/index.html.
- Pronin G.N., 1981. Hills, burial mounds, ancient cemeteries (to the issue of succession). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 166, pp. 11–16. (In Russ.)
- Sedov V.V., 1960. Pagan sanctuaries of the Smolensk Krivichs. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 87, pp. 3–12. (In Russ.)
- Sedov V.V., 1999. Drevnerusskaya narodnost': Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Medieval Rus nationality: Historical and archaeological research]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 316 p.
- Sel'skaya Rus' v IX–XVI vv. [Rural Rus in the 9th–16th centuries]. N.A. Makarov, S.Z. Chernov, eds. Moscow: Nauka, 2008. 418 p.
- Semenov S.A., Vasil'ev St.A., 2019. New materials for the archaeological map of Leningrad Region (based on the results of field investigations in 2018). *Okhrannaya arkheologiya: byulleten' [Bulletin. Rescue archaeology]*, 9. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 76–124. (In Russ.)
- Shakhnovich M.M., Kul'kova M.A., Sonina A.V., 2019. On the boulder mounds in the northern Ladoga region: an experience of comprehensive study. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu Srednevekov'ya [Tver, the Tver Land and adjacent territories in the Middle Ages]*, 12. Tver', pp. 414–426. (In Russ.)
- Shmidt E.A., 1992. Plemena verkhov'ev Dnepra do obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Dnepro-dvinskije plemena (VIII v. do n.e. – III v. n.e.) [Tribes of the upper Dnieper region before the formation of the Rus state. Dnieper-Dvina tribes (8th century BC – 3rd century AD)]. Moscow: Prometey. 207 p.
- Shumkin V.Ya., 1997. Dubovets (Peno 3) – a multilayer settlement on the lake Peno (the Upper Volga Lake system). *Vereshchagina I.V. Kamennyy vek Verkhnevolzhskogo regiona [The Stone Age of the Upper Volga region]*, 2. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 169–211. (In Russ.)
- Stepanova Yu.V., 2009. Rus burial sites of the Upper Volga region: spatial analysis. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya [Herald of Tver State University. Series: History]*, 3, pp. 72–92. (In Russ.)
- Stulcs B.W., 1985. Reconstruction of availability and utilization of food resources. *The analysis of prehistoric diets*. R.I. Gilbert, J.H. Mielke, eds. Orlando: Academic Press, pp. 21–60.
- Yanin V.L., 1957. To the dating of the Lopastitsy cross. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 68, pp. 31–34. (In Russ.)
- Yanin V.L., 1998. Novgorod i Litva: Pogranichnye situatsii XIII–XV vv. [Novgorod and Lithuania: border situations of the 13th–15th centuries]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 216 p.

СТРУКТУРА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ И ХРОНОЛОГИЯ КУШМАНСКОГО III СЕЛИЩА X–XII вв. В БАССЕЙНЕ р. ЧЕПЦА (по данным новейших исследований)

© 2021 г. Р.Н. Модин^{1,*}, М.Г. Иванова², И.В. Журбин^{2,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Ижевск, Россия

*E-mail: modin.roman@mail.ru

**E-mail: zhurbin@udm.ru

Поступила в редакцию 15.05.2020 г.

Представлены материалы комплексного изучения средневекового Кушманского III селища (среднее течение р. Чепца, северная часть Удмуртской Республики), которое ранее археологически не исследовалось и по внешним признакам рассматривалось как селище в комплексе археологических памятников Кушманского городища Уччакар, IX–XIII вв. Предварительные изыскания (геофизические и пр.) показали ограниченность имеющихся представлений. Выявлены две линии укреплений, прослежена рядовая планировка средневековых построек и определены участки культурного слоя. Целенаправленные раскопки, результаты которых даны в статье, показали, что по характеру культурного слоя, конструкции заглубленных сооружений и составу находок X–XII вв. Кушманское III селище аналогично другим поселениям чепецкой археологической культуры. Полученные материалы доказывают, что на смежных мысах правого высокого берега р. Чепца одновременно функционировало два укрепленных поселения — Кушманское городище Уччакар и Кушманское III селище.

Ключевые слова: бассейн р. Чепца, средневековье, чепецкая археологическая культура, селище, культурный слой, датировка, комплексное исследование.

DOI: 10.31857/S086960630009708-7

Средневековые поселения бассейна р. Чепца известны с конца XIX в. благодаря публикации первых систематизированных сводов А.А. Спицына (1893) и Н.Г. Первухина (1896). В настоящее время здесь выявлено свыше 300 археологических памятников, включая укрепленные и неукрепленные поселения (городища и селища), могильники, клады и местонахождения отдельных предметов. Основную их часть исследователи объединяют в две хронологически последовательные и генетически связанные культуры: поломскую конца V — начала IX в. и чепецкую конца IX–XIII в. (Иванов и др., 2004. С. 46–64; Иванова, 1998. С. 214–242). Первоначально регион поломской культуры включал правобережье и притоки верхнего течения р. Чепца. К рубежу I–II тыс. центр заселения перемещается в среднее течение реки, включая ее правые и левые притоки. Памятники чепецкой археологической культуры датируются в основном концом IX–XIII в.

Структура расселения в регионе достаточно традиционна: формировалась пространственно распределенная сеть городищ, вблизи которых

находились группы селищ. Неукрепленные поселения обычно располагались на пологих возвышенностях или надпойменных террасах вблизи удобного спуска к реке или ручью. В настоящее время выявлено 34 неукрепленных поселения чепецкого времени. Следует заметить, что селища чепецкой культуры практически не исследованы. До последнего времени лишь на двух из них — Качкашурское (1975 г.) и Солдырское III (2003 г.) — проведены небольшие раскопки (Иванова, 1982; Иванов и др., 2004. С. 155, 156, 160). На 17 селищах были заложены шурфы, которые выявили незначительный культурный слой, а материалы раскопок позволили обосновать их принадлежность к чепецкой культуре. Остальные неукрепленные поселения выявлены по наличию подъемного материала на поверхности пашни, по соответствию участка местности известным ландшафтным параметрам, а также по отсутствию рельефных признаков оборонительных сооружений.

Учитывая ограниченность источников о средневековых неукрепленных поселениях бассейна

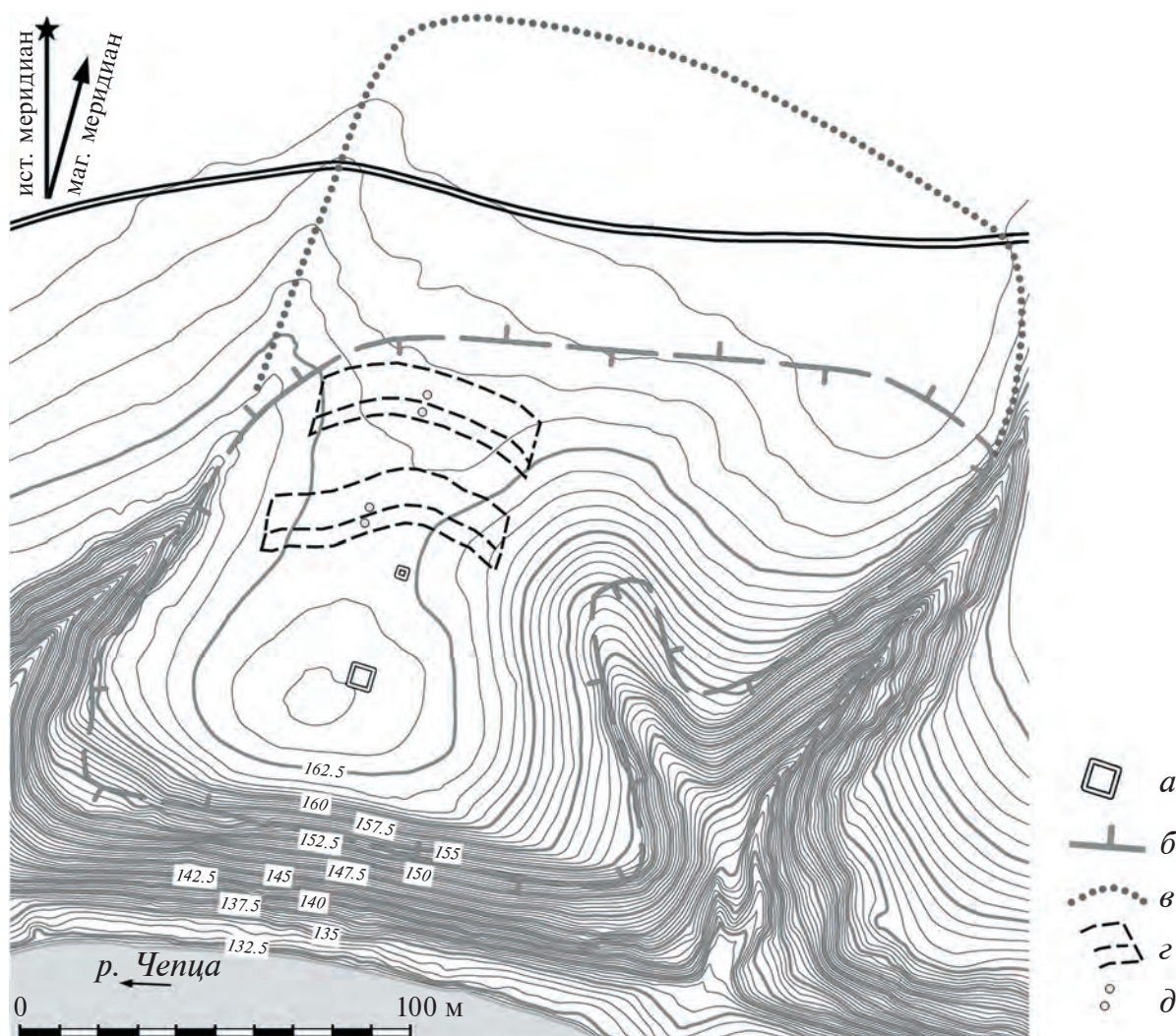

Рис. 1. Топографический план Кушманского III селища (основа — Н.Г. Воробьева, ООО «Финко»; дополнение — Р.П. Петров, Физико-технический институт Удм. федер. исследов. центра УрО РАН). Система высот условная. Условные обозначения: *а* — шурф и раскоп; *б* — границы поселения по ландшафтным признакам (по: Кириллов, 2011. Рис. 80); *в* — линия границы поселения по результатам комплексных исследований; *г* — оборонительные сооружения; *д* — пикеты почвенного зондирования.

Fig. 1. A topographic plan of the Kushmansky III settlement

р. Чепца в 2010-х годах проведены междисциплинарные исследования нескольких из них: Кушманского II и III, Озерковского, Нижнебогатырского I селищ. Наиболее выразительные и во многом неожиданные результаты получены на Кушманском III селище. Это поселение входит в состав Кушманского комплекса памятников, включающего Кушманское городище Учкакар, три селища и могильник (Иванова и др., 2017). Комплекс расположен в Ярском р-не Удмуртской Республики между д. Озерки и нежилой д. Кушман. Кушманское III селище было открыто Г.Т. Кондратьевой (1959), по информации которой мощность культурного слоя не превышала 0.2 м. На пахоте были обнаружены кости животных и фрагменты лепной

неорнаментированной керамики темно-серого и охристого цветов с примесью толченой раковины в глиняном тесте, что позволило автору отнести поселение к чепецкой культуре.

Кушманское III селище располагается в 200 м к востоку от внешней линии укреплений городища Учкакар и отделено от его напольной части глубоким оврагом. Отсутствие рельефных признаков оборонительных сооружений и близость крупного городища позволили сделать вывод о том, что выявлено неукрепленное поселение. Границы селища ограничены с востока, запада и юга естественными рубежами — глубокими логами и обрывистым склоном коренного берега р. Чепца (рис. 1).

Принято считать, что площадь поселения превышает 20 тыс. м². В 2011–2012 гг. селище обследовалось А.Н. Кирилловым. Выполнена инструментальная топоъемка территории, в центральной части площадки заложен шурф размерами 1 × 1 м. Выявлен культурный слой мощностью до 0.7 м, насыщенный артефактами IX–XII вв. (фрагменты керамики, кости, бусина, фрагмент зооморфной пластины, ложка и пр. — всего 102 находки). Верхняя часть культурного слоя была намыва и частично нарушена современной пахотой, нижняя находится в исходном состоянии. Состав полученной коллекции подтвердил вывод Г.Т. Кондратьевой о принадлежности памятника к чепецкой культуре и возможной синхронности селища функционированию городища (Кириллов, 2012. С. 45–47). Таким образом, предварительные археологические исследования доказали наличие поселения чепецкой культуры. Предположение о границах памятника (Кириллов, 2011) было выдвинуто по ландшафтным признакам, но при этом отсутствовали сведения о структуре и планировке.

В основу междисциплинарных исследований Кушманского III селища была положена методика, успешно апробированная на Кушманском городище Уччакар (Журбин и др., 2018). Раскопки селища предварялись комплексным изучением его территории методами естественных наук (аэрофотосъемка с беспилотных летательных аппаратов, геофизические и почвенные исследования). Результаты естественнонаучных исследований памятника подробно рассмотрены в отдельной публикации (Журбин и др., 2019), поэтому в данной статье приводится лишь тезисное их описание. Междисциплинарный подход позволил установить границы участков поверхностно-трансформированного и замещенного культурного слоя, а также хозяйственной периферии поселения (Журбин и др., 2019. Рис. 5, б).

Первые два участка определяют границы самого поселения, а прилегающая к ним хозяйственная периферия — границы археологического памятника как объекта историко-культурного наследия (рис. 1). Также на Кушманском III селище выявлены две линии оборонительных сооружений, не выраженные в рельефе. При электропрофилировании контрастно выделяется ров внутренней линии — дугообразная область высокого сопротивления шириной около 13 м, пересекающая площадку поселения

с запада на восток (рис. 1). Его конфигурация подтверждена георадарной съемкой, магнито-разведкой и электротомографией. Менее контрастно выделяется ров внешней линии укреплений — дугообразная область повышенного сопротивления, “соединяющая” устья оврагов. Валы проявляются как протяженные области с достаточно стабильными физическими параметрами. Ширина сохранившихся оснований внутреннего и внешнего валов составляет 4.5–5 м. Эти данные подтверждены почвенным зондированием (Журбин и др., 2019. С. 106, 107).

Аналогичная ситуация ранее была зафиксирована на Кушманском городище Уччакар, расположенном на соседнем мысу. Там внутренняя линия оборонительных сооружений выявлена по данным электро- и магниторазведки, зафиксировавших аномалию, схожую с описанной выше по физическим и геометрическим параметрам. Археологические раскопки Уччакара подтвердили наличие не выраженной в рельефе линии оборонительных сооружений (Модин и др., 2018).

Полученные результаты позволили по-новому оценить структуру Кушманского III селища. При комплексных геофизических исследованиях, подтвержденных зондированием почвы в местах аномалий и раскопками, выявлены глиняные площадки сооружений и округлые ямы с разным характером заполнения. Некоторые площадки сооружений заглублены в материк до 0.5 м. Диаметр ям достигает 2.5 м, а глубина большинства из них — более 1 м. Анализ взаимного расположения геофизических аномалий, вызванных локальными объектами, показал, что на мысовой части средневековые постройки располагались параллельными рядами, ориентированными по линии ЮЗ–СВ (Журбин и др., 2019. Рис. 5, а). Вероятно, именно на этом участке располагался центр жилой зоны поселения. Такой же принцип планировки выявлен при междисциплинарных исследованиях участков жилой и хозяйственной застройки крупнейших городищ чепецкой культуры Иднакар, Уччакар и Гурьякар (Журбин, 2020).

Раскоп площадью 36 м², заложенный на мысовой части Кушманского III селища (рис. 1), охватывал участок, на котором выявлены геофизические аномалии, вызванные разноплановыми объектами. Методом электропрофилирования (Физико-технический институт Удм. исследовательского центра Уральского отд. РАН)

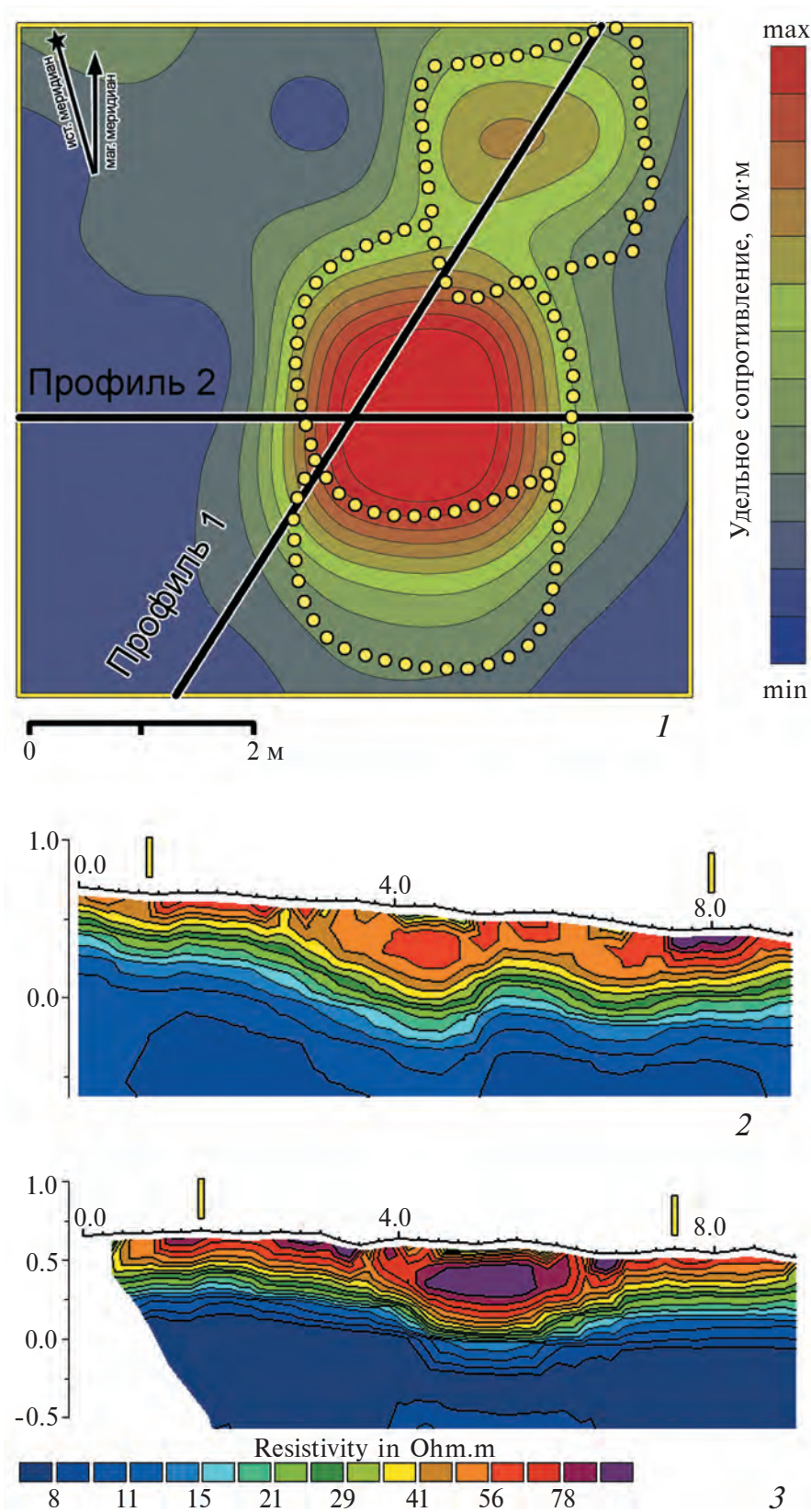

Рис. 2. Междисциплинарные исследования на участке раскопа. 1 – электропрофилирование; геоэлектрические разрезы по профилям 1 (2) и 2 (3).

Fig. 2. Interdisciplinary research on the excavation site

обнаружена компактная группа локальных аномалий высокого удельного сопротивления (рис. 2, 1). Оценка формы и амплитуды аномалий позволила предположить, что в центральной части участка выявлена крупная яма прямоугольной в плане формы, заполненная гумусированным слоем, а в северо-восточной части — небольшая площадка прокаленной или уплотненной глины. Электротомография в целом подтвердила это предположение. Геоэлектрические разрезы демонстрируют, что в центральной части участка выявлена яма с неоднородным заполнением, глубиной около 1 м и чашеобразной в разрезе формой дна (диапазон 2.5–5.5 м на рис. 2, 2; диапазон 4–6 м на рис. 2, 3). Второй объект, вероятно, слегка углублен в материковый слой (диапазон 6–7.5 м на рис. 2, 2). Раскопки подтвердили это предположение — выявлены заглубленные части трех разновременных сооружений. Границы данных объектов показаны контуром желтого цвета (рис. 2, 1), а границы раскопа — вертикальными линиями (рис. 2, 2, 3).

Раскопки описанного участка проведены археологической экспедицией Удм. института истории, языка и литературы Удм. федерального центра УрО РАН совместно с сотрудниками ИА РАН, Москва (Иванова, 2016, 2017). Культурный слой в пределах раскопа представлен в основном темно-серым гумусированным суглинком с включением различных линз и прослоек (рыжая и пестрая глина, углистые прослойки и т.д.) общей мощностью вне углубленных объектов до 45 см. Его верхняя часть разрушена распашкой XX в. Слой пашни достигает 30 см, толщина не разрушенной распашкой части культурного слоя вне пределов углубленных объектов не превышает 12–15 см. Культурный слой подстилает погребенная почва (бурый и серовато-бурый суглинок). В пределах раскопа она зафиксирована отдельными пятнами, так как сильно разрушена средневековой хозяйственной деятельностью. Ее мощность не превышает 10 см. Ниже расположен материк — плотная красная глина с карбонатными включениями (рис. 3, 1). Раскопом изучено несколько хозяйственных объектов и ряд мелких столбовых ям. Благодаря тому, что выявленные объекты последовательно перекрывают друг друга, с уверенностью можно говорить о трех строительных этапах в этой части памятника (рис. 3, 2).

К наиболее раннему этапу относится **объект 2**, расположенный в южной части раскопа (рис. 3, 2; 4). По классификации сооружений городища Учкаккар вскрытое хозяйственное сооружение относится к типу 2 (Журбин и др., 2018. С. 67). Данные сооружения представляют собой прямоугольные в плане ямы, значительно заглубленные в нижележащие слои. Их стенки обшиты досками, крепившимися столбами. Изученная яма имеет размеры 1.4×1.6 м. Из-за обрушения стенок ее котлован в верхней части имеет округлые очертания и диаметр 2.4 м. Следы деревянной обшивки стенок зафиксированы в виде полос тлена в придонной части. По углам в южной части сооружения обнаружены ямки от столбиков, крепивших обшивку. Глубина котлована ямы — около 120 см, но изначально она была глубже — ее верхняя часть разрушена распашкой. Основная часть ямы заполнена мешаным грунтом, состоящим в основном из красной материковой глины с примесью серо-коричневого суглинка. Вдоль стенок и в придонной части заполнение котлована составляет серо-коричневый суглинок с примесью красной глины. Подобное заполнение может свидетельствовать о том, что котлован сооружения после прекращения его использования был довольно быстро засыпан грунтом. Над сооружением возможно располагался навес, о чем могут свидетельствовать столбовые ямки, зафиксированные вокруг котлована.

Объект 2а относится к следующему строительному этапу. Это яма, являющаяся остатками сооружения, аналогичного по конструкции описанному выше (рис. 3, 2; 4). Скорее всего, сооружения относятся к одному хозяйственному комплексу, будучи двумя стадиями его развития. После того, как раннее сооружение оказалось непригодным для дальнейшего использования, его котлован был засыпан материковой глиной, а на этом месте возведено новое сооружение. Относительно более раннего оно располагается чуть севернее с небольшим смещением к востоку. Его котлован южным краем пререзает котлован предыдущего сооружения. Размеры поздней ямы такие же — 1.4×1.6 м. Глубина чуть больше — 130 см. О деревянной обшивке стенок свидетельствуют полосы тлена вдоль западного и восточного краев ямы в придонной части заполнения, а также вертикальные полосы тлена в разрезе ямы. Заполнение котлована этого сооружения в корне отличается от заполнения ранней ямы. Верхние две трети котлована — темно-серый

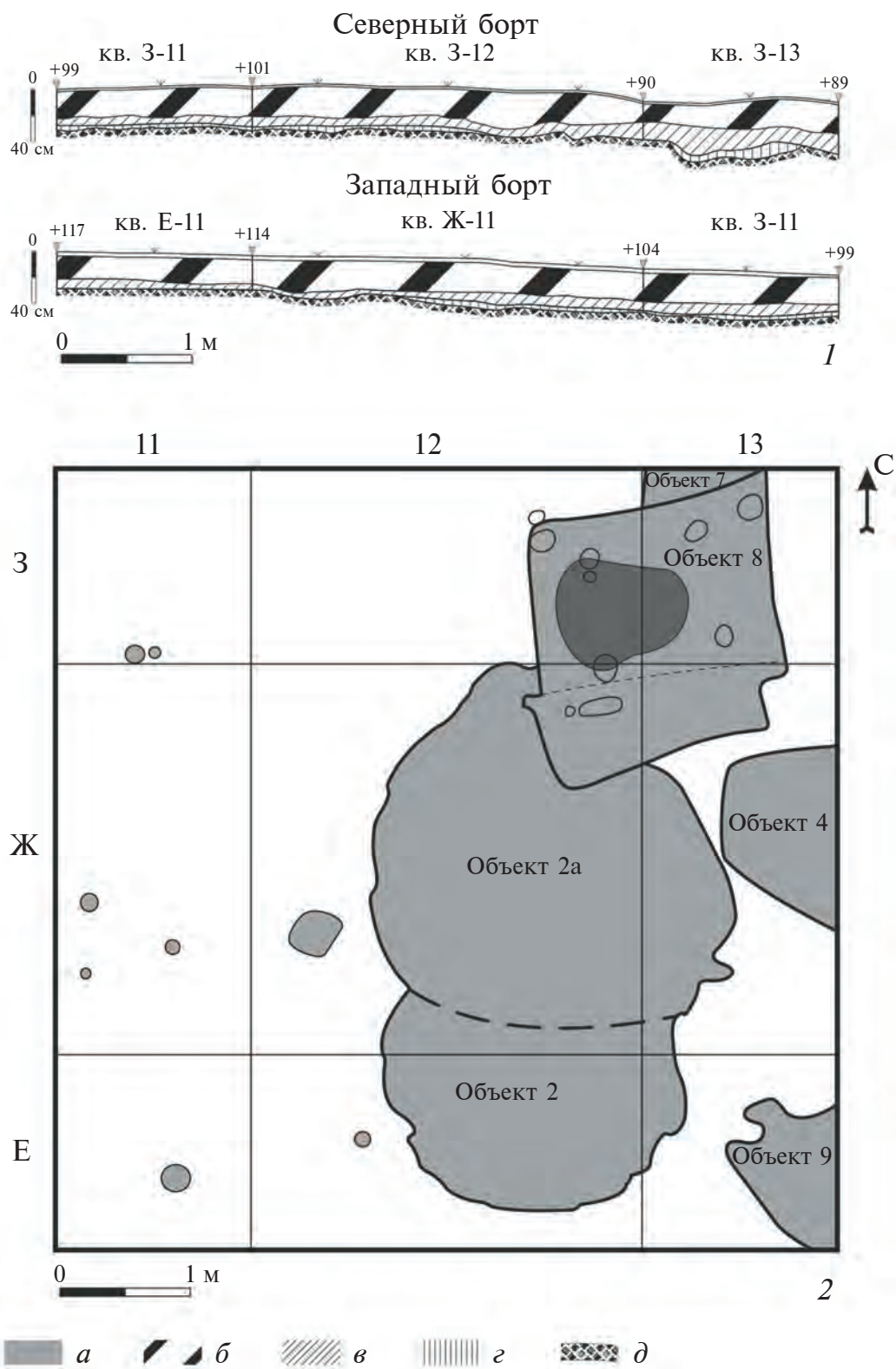

Рис. 3. Стратиграфия (1) и сводная схема (2) раскопа. Условные обозначения: *а* – выявленные объекты; *б* – пахля; *в* – темно-серый гумусированный суглинок; *г* – бурый и серовато-бурый суглинок (погребенная почва); *д* – красная глина (материк).

Fig. 3. Stratigraphy (1) and summary scheme (2) of the excavation

суглинок с линзами рыжей и пестрой глины, углистыми прослойками и прослойками тлена. Ниже расположен слой пестрой зеленовато-рыжей глины с примесью серого суглинка. На дне ямы — прослойка серого суглинка, насыщенного углем и золой, перекрытого небольшим слоем рыжей глины.

Механизм заполнения котлована объекта 2а представляется нам следующим образом. После прекращения функционирования дно сооружения было присыпано красной материковой глиной. Далее котлован некоторое время стоял открытым. В это время происходило осыпание глиняных стенок котлована. Грунт заполнял пространство между стенками котлована и деревянной обшивкой, деформируя ее. Это отчетливо видно в профиле — полосы тлена от деревянной обшивки выгнуты в сторону центра котлована. Постепенно в обшивке образовывались щели, а какая-то ее часть обвалилась, и этот грунт высыпался в основное пространство котлована. В заполнении ямы он представлен пестрой зеленовато-рыжей глиной с примесью серого суглинка. В профиле грунт расположен наклонно, а внутри него зафиксированы узкие серые прослойки (следы осыпей). Впоследствии котлован был засыпан окружающим его культурным слоем (темно-серый суглинок). Этот грунт также постепенно проседал, о чем говорит наклонное от краев котлована к его центру расположение линз внутри этого слоя.

Описанная ситуация согласуется с расположением гумусированных слоев грунта, выделенных геофизическими методами. Так как объект 2а более поздний и прорезает объект 2, на геофизической карте они представляют собой единую аномалию (рис. 2, 1). При этом наиболее контрастная часть этой аномалии связана именно с объектом 2а. В центральной части объекта верхние слои заполнения представлены темно-серым гумусированным суглинком с включением угля и тонких линз рыжей глины. При этом периметр и нижние слои объекта 2а заполнены глинами различных цветов. Заполнение объекта 2 существенно отличается: определяющий слой его центральной части — глина с включениями серо-коричневого суглинка. Именно поэтому значительно отличается уровень сопротивления грунта на периферии сооружений (рис. 2, 2) и на профиле, пересекающем центральную часть объекта 2а (рис. 2, 3).

К третьему строительному этапу на этом участке селища относится **объект 8** (рис. 3, 2; 5). Он представляет собой очаг 2-го типа, к которому относятся очаги, помещенные в легкую наземную постройку или под навес (Журбин и др., 2018. С. 68, 69). Аналогичные сооружения известны, например, на Кушманском городище Уччакар и на Маловенижском городище Поркар (Журбин и др., 2018. С. 78; Семенов, 1982. С. 31, 32). Очаг имел прямоугольную в плане форму (60 × 80 см) и был сложен из крупных и средних по размеру сильно-обожженных камней. Он был помещен в наземную постройку, представлявшую собой прямоугольную в плане яму размерами 1,9 × 2 м и глубиной 0,2–0,25. Она заполнена насыщенным углем темно-серым суглинком с включением рыжей прокаленной глины. По углам зафиксированы столбовые ямки, свидетельствующие о наличии перекрытия (навеса). При расчистке очага обнаружен лепной сосуд, стоявший у одной из его стенок, а также фрагменты жернова. Сооружение как минимум один раз перестраивалось. Об этом можно судить по форме пятна на первоначальном уровне фиксации — его южная часть имела характерные уступы по границе и несколько иную, более пеструю, окраску. Первоначально постройка одним из углов перекрывала пятно котлована более раннего объекта 2а, затем была смещена чуть к северу.

Помимо описанных объектов в раскопе зафиксированы остатки еще двух заглубленных хозяйственных сооружений (рис. 3, 2). Вскрыты лишь их периферийные части, поэтому судить об их конструкции и назначении не представляется возможным. Остальные выявленные объекты — столбовые ямы.

Керамический материал из культурного слоя и заполнения котлованов изученных объектов представлен в основном обломками лепной посуды с примесью толченой раковины в тесте, характерной для чепецких памятников. Найдены в основном профилированные сосуды, изредка слабопрофилированные. Орнамент располагается, как правило, в верхней части сосуда. По венчику посуда украшена пальцево-ногтевыми вдавливаниями и защипами; по плечикам — оттисками фигурного штампа (рис. 6, 1–11, 13, 14). Преобладающая часть бытовой посуды заглажена грубо как с внутренней, так и с наружной стороны и характеризуется неравномерным костровым обжигом. Цвет керамики варьируется

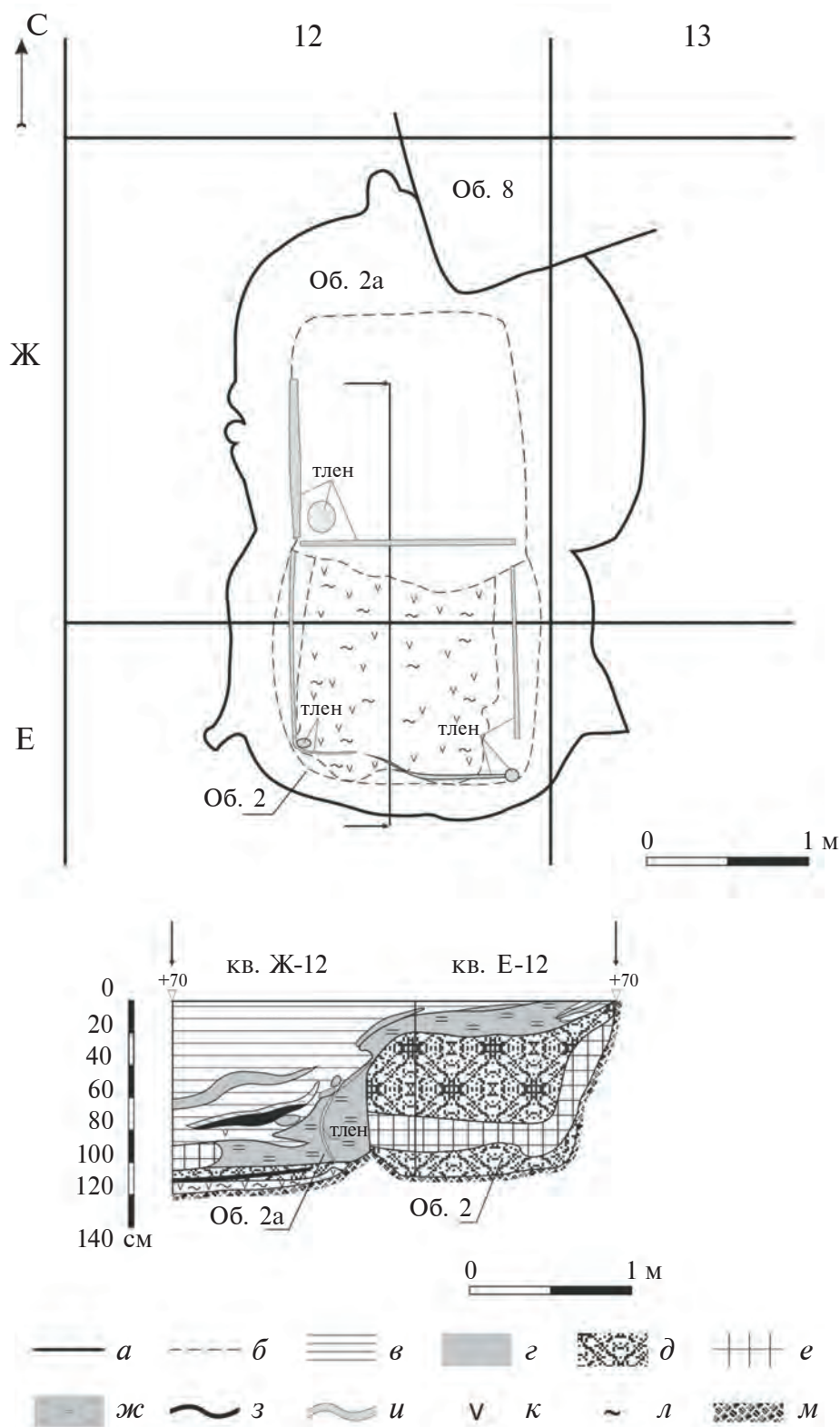

Рис. 4. Объекты 2, 2а. План, разрез. Условные обозначения: а – границы пятна объектов на уровне материка; б – границы объектов в придонной части котлована (уровень -20 см); в – темно-серый суглинок; г – линзы рыжей глины; д – красная глина с включением серо-коричневого суглинка; е – серо-коричневый суглинок; ж – зеленовато-рыжая глина с серым суглинком; з – угольные прослойки; и – полосы тлена; к – отдельные угли; л – зола; м – материк.

Fig. 4. Objects 2, 2a. Plan, section

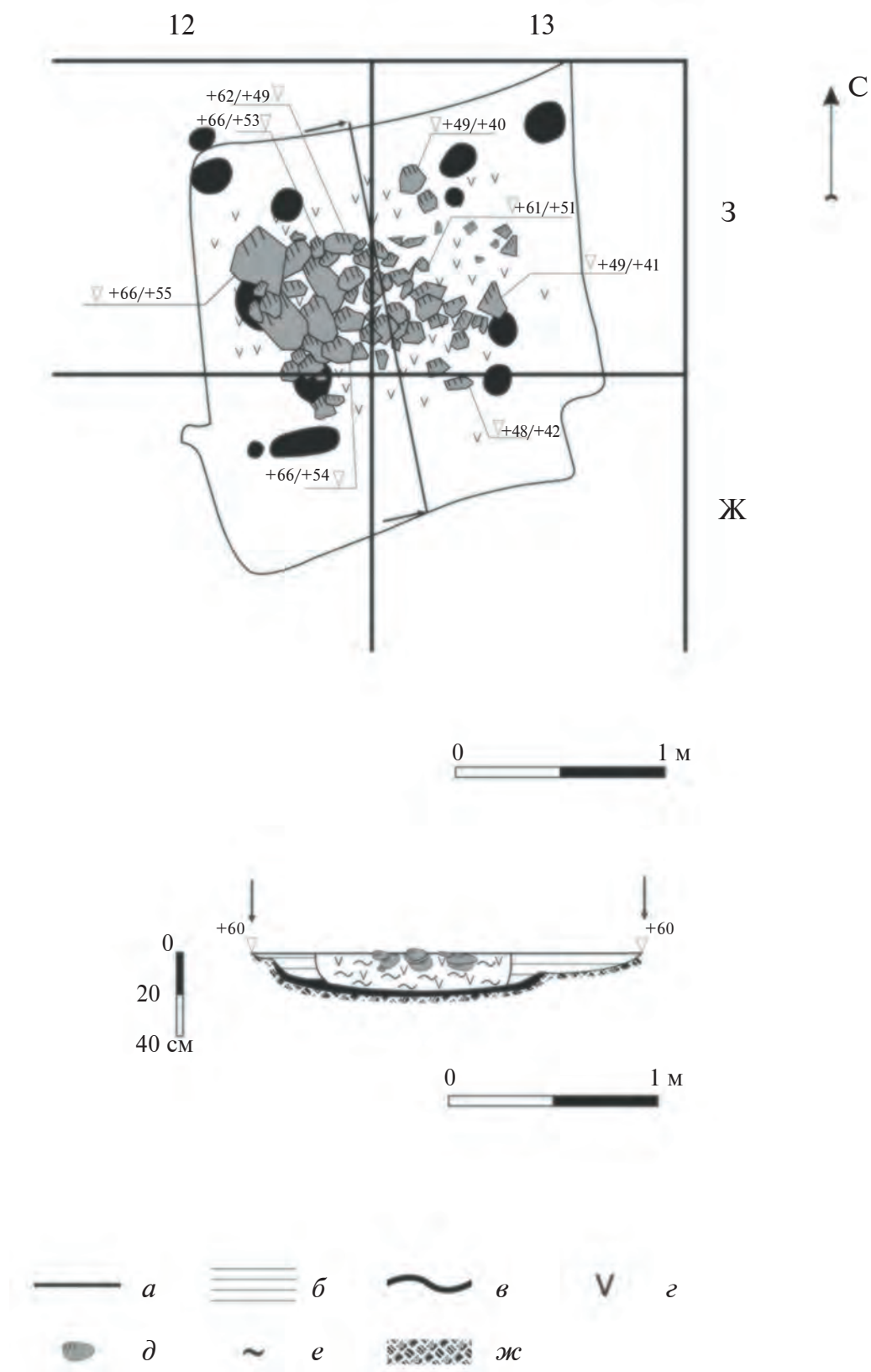

Рис. 5. Объект 8. План, разрез. Условные обозначения: *а* – границы пятна объекта на уровне материка; *б* – темно-серый суглинок; *в* – угольная прослойка; *г* – отдельные угли; *д* – камни; *е* – зола; *ж* – материк.

Fig. 5. Object 8. Plan, section

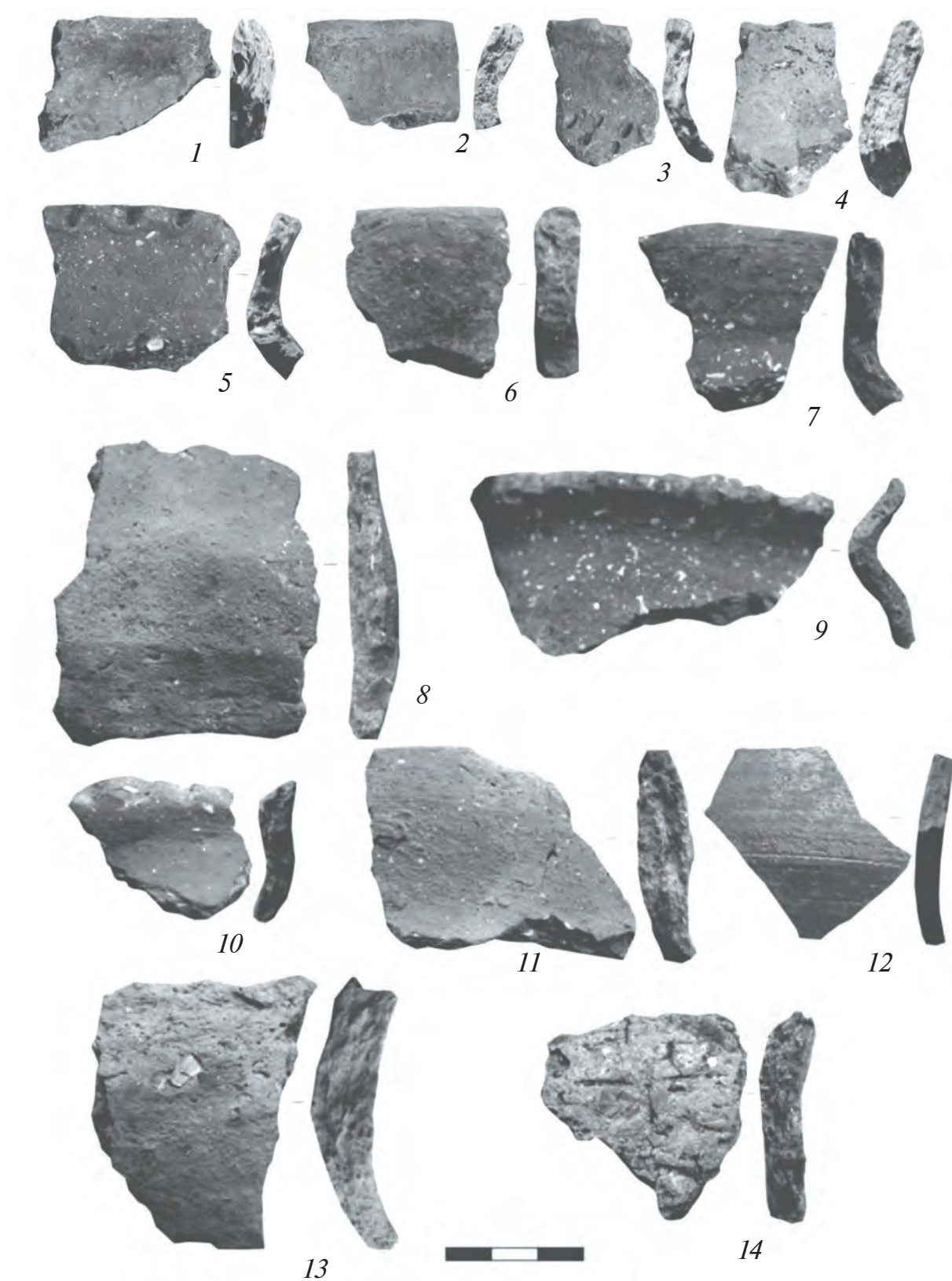

Рис. 6. Керамика из культурного слоя. 1–11, 13, 14 – лепная; 12 – гончарная.

Fig. 6. Pottery from the occupational layer

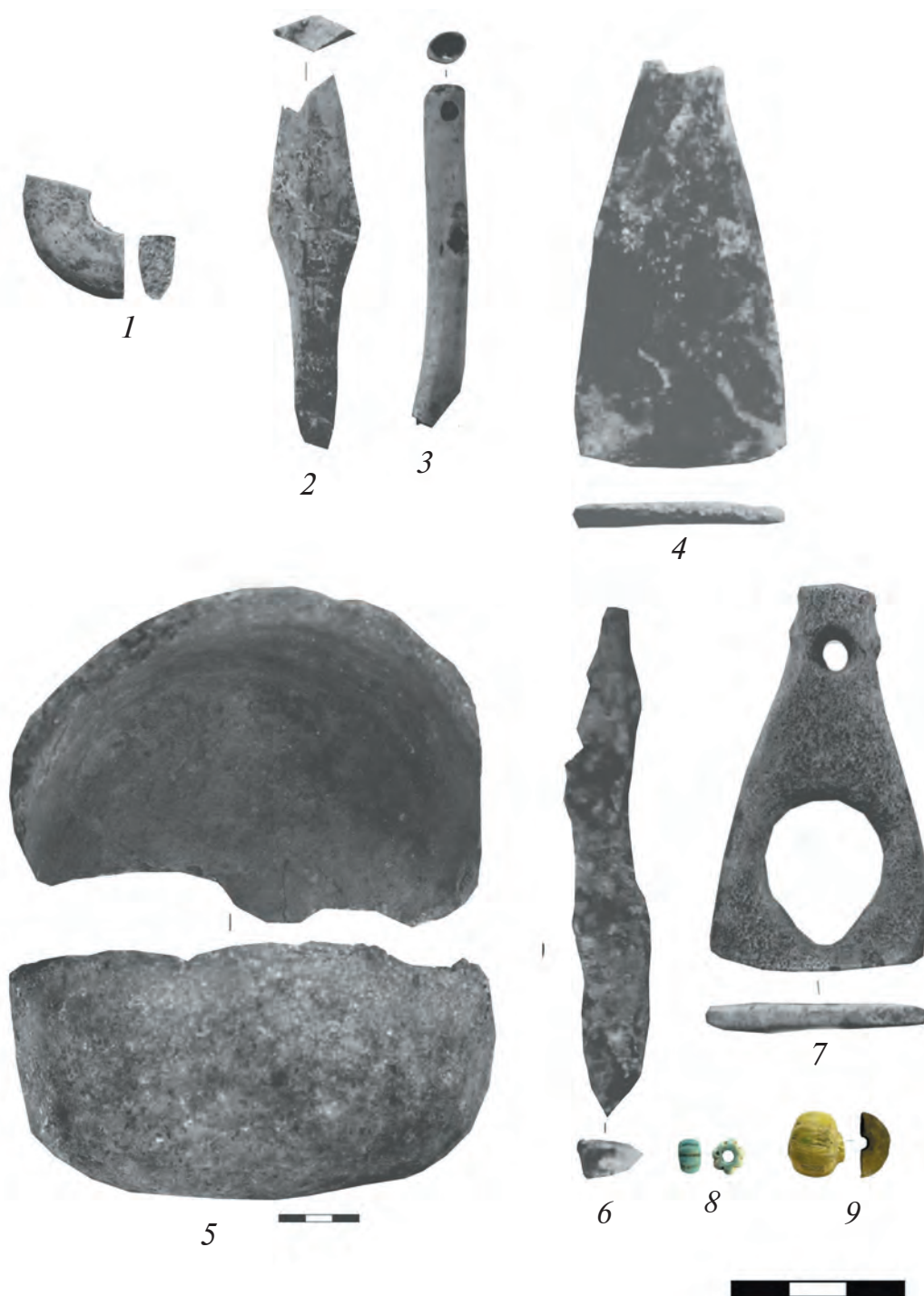

Рис. 7. Находки из заполнения объектов 2 (1), 2а (4), 8 (5–9) и погребенной почвы (2, 3). 1 – пряслице; 2 – наконечник стрелы; 3 – пищик-манок; 4 – ложка; 5 – сосуд лепной; 6 – нож; 7 – блок для подвешивания ремизок ткацкого станка; 8, 9 – бусины. 1 – камень; 2–4, 7 – кость; 5 – керамика; 6 – железо; 8, 9 – стекло.

Fig. 7. Finds from the filling of objects 2 (1), 2a (4), 8 (5–9) and buried soil (2, 3)

от светло-коричневого и светло-серого до черного. В целом керамический комплекс не отличается от коллекции городища Иднакар и других памятников IX–XIII вв. Помимо лепной присутствует несколько фрагментов

круговой болгарской посуды. Но эта часть коллекции крайне незначительна, всего 15 фр. (рис. 6, 12).

Вещевые комплексы, связанные с сооружениями, крайне непредставительны и не позволяют

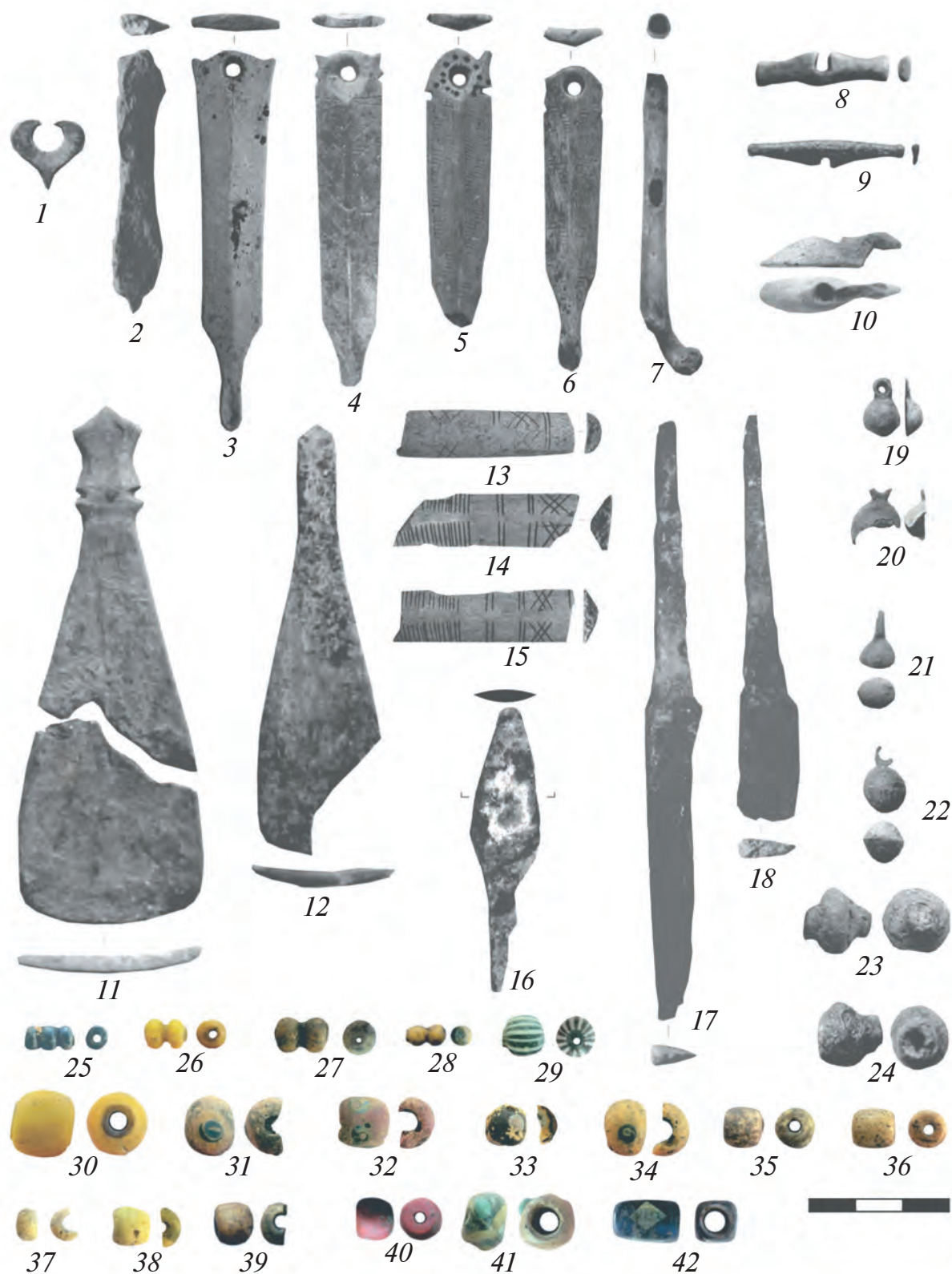

Рис. 8. Находки из культурного слоя. 1 – сердцевидная накладка; 2 – накладка аскизского типа; 3–6 – копоушки; 7 – пищик-манок; 8, 9 – костыльки-застежки; 10 – коньковая подвеска; 11, 12 – ложка; 13–15 – фрагменты сложносоставных гребней; 16 – наконечник стрелы; 17, 18 – ножи; 19–22 – привески; 23, 24 – пронизки; 25–42 – бусины. 1 – серебро; 2, 16–18 – железо; 3–15 – кость; 16–24 – цветной металл; 25–42 – стекло.

Fig. 8. Finds from the occupational layer

разделить их хронологически. В заполнении наиболее ранней ямы найдены невыразительные фрагменты металла, обработанная кость и обломок каменного пряслица (рис. 7, 1). Находки из погребенной почвы, вероятно, также связанные с ранним этапом, представлены костяным наконечником стрел, пищиком-манком и обломком тигля (рис. 7, 2, 3). Все эти находки имеют широкую датировку. С ямой второго строительного этапа связаны находки обломка костяной ложки подгруппы АIII.2 (Крыласова, 2007. С. 69, 70. Рис. 29, 4–7) (рис. 7, 4), обработанных костей и невыразительный фрагмент изделия из цветного металла. В наиболее позднем сооружении (очаг) найден практически полный лепной сосуд, железный нож и обломок ножа, костяной блок для подвешивания ремизок ткацкого станка, две бусины (голубая ребристая лимонovidная и желтая лимонovidная), оселок, фрагменты обработанных костей (рис. 7, 5–9).

Сохранность культурного слоя на этой части памятника, к сожалению, не позволяет стратиграфически проследить выявленные строительные этапы за пределами сооружений и выделить соответствующие им вещевые комплексы. По этой причине, а также в связи с невыразительным составом находок из вскрытых объектов не представляется возможным обозначить хронологические границы каждого из строительных этапов. Имеющиеся данные позволяют обозначить лишь хронологические пределы всего комплекса в целом. Наиболее ранняя находка — серебряная сердцевидная накладка с выемкой у основания (рис. 8, 1). Подобные изделия известны в материалах кочевников Сибири, Южного Приуралья и Средней Азии VIII–X вв. (Распопова, 1965. С. 79. Рис. 1, 9; Мажитов, 1981. Рис. 26, 20; Степи Евразии..., 1981. Рис. 26, 80; 27, 25; Савинов, 1984. Табл. III, 5). Похожие накладки имеются среди материалов VIII–X вв. Поломского могильника (погр. 47), в Тольенском могильнике IX–начала X в., погр. 31 (2), Омутницком могильнике IX–XI вв., погр. 48 (12) (Семенов, 1985. Рис. 5, 8; 1988. Рис. 2, 23; Иванов, 1997. Рис. 50, 8). К числу наиболее поздних относится железная накладка аскизского типа (рис. 8, 2). На чепецких могильниках подобные изделия появляются в конце XI — начале XII в., но позже XII в. уже не встречаются (Иванова, 1992. С. 51, 52). К.А. Руденко на основе анализа изделий аскизского круга с территории Поволжья и Приуралья пришел к выводу о том, что найденные в бассейне р. Чепца железные

пряжки и накладки местного изготовления и были в употреблении с конца XI до конца XII в. (Руденко, 2001. С. 63–65). На внутренней части городища Учкакар подобные изделия обнаружены в комплексе наиболее позднего этапа IIг (Модин и др., 2019. С. 223, 224. Рис. 3, 1, 2).

Большинство находок относятся к типичным для финно-угорских памятников Приуралья категориям инвентаря и широко распространены в пределах конца I — начала II тыс. К таковым прежде всего относятся изделия из кости и рога: копоушки группы АIII (Крыласова, 2007. С. 284–288), наконечники стрел, пищики-манки, ложки группы АIII (Крыласова, 2007. С. 68–70), костыльки-застежки и др. (рис. 8, 3–9, 11, 12). Относительно более узкую датировку имеют коньковая подвеска и фрагменты сложносоставных гребней с прорезанным орнаментом (рис. 8, 10, 13–15). Типология коньковых подвесок разработана Л.А. Голубевой. Эти изделия были распространены у мари, муромы, мордвы и удмуртов в X–XI вв., после чего вышли из употребления (Голубева, 1979. С. 58). Сложносоставные гребни известны на древнерусских и западноевропейских памятниках IX–XI вв. В Прикамье они начинают проникать с XI в. вместе с другим древнерусским импортом и продолжают существовать в более позднее время — происходят из верхних слоев городищ (Иванова, 1998. С. 205; Крыласова, 2007. С. 274).

Железные изделия представлены ножами и их фрагментами, наконечником стрелы типа 46 (Медведев, 1966. С. 67, 68), швейными иглами, рыболовным крючком, клиньями от топоров и невыразительными фрагментами разных изделий (рис. 8, 16–18).

Украшения из цветного металла включают привески и пуговицы (рис. 8, 19–24). Все они широко известны на памятниках IX–XIII вв. лесной зоны Восточной Европы, в том числе и Прикамья (Генинг, 1979. Табл. II, 12; Семенов, 1985. Рис. 3, 36, 38; Иванов, 1991. Рис. 6, 16, 17; Иванова, 1992. Рис. 47, 2, 24–26; Белавин, Крыласова, 2012. С. 139–142. Рис. 60, 1–10, 12; 61, 6–8; Голдина, Ютина, 2012. Рис. 6, 65).

Набор стеклянных бусин (20 экз.) состоит из следующих разновидностей (рис. 8, 25–42): одноцветные из заглашенного стекла — 8 экз.; глазчатые — 4; лимонovidные одночастные — 2; лимонovidные многочастные — 4; глазчатая бусина с рельефными глазками — 1;

синяя белоромбическая — 1 экз. Похожее соотношение бусин наблюдается на поздних этапах (Пв/г) внутренней части городища Уччакар, датирующихся серединой XI–XII в. (Модин и др., 2019. С. 225–226). Редко встречаются на чепецких памятниках присутствующие в комплексе бусина из заглушенного стекла с накладными нитями и рельефными глазками и белоромбическая из синего стекла. По материалам Верхнекамских могильников бусины с рельефными глазками отнесены к X–XI вв. (Голдина, Кананин, 2012. Табл. 2, 130). В более значительном количестве они найдены в древнемарийском Дубовском могильнике в убедительно датированных комплексах X–XI вв. (Никитина, 2012. С. 71. Рис. 290, 12, 14, 19–21, 8, 34 и др.). Бусины глазчатые с петлевидным декором и накладными нитями содержатся в коллекции Белоозера и включены в состав материалов, бытовавших до середины XI в. (Захаров, 2004. С. 44). В Мининском могильнике датированы X–началом XI в. (Археология севернорусской..., 2007. Рис. 237, 1). Белоромбические бусины из синего стекла по материалам Агафоновского могильника на Верхней Каме включены в группу бус XI в. (Голдина, Королева, 1983. С. 60, тип 114, 116). Имеются они также в комплексах Рождественского и Огурдинского и могильников X–XI вв. (Абдулова, 2008. С. 515–535; 2012. С. 224, вкл. Д/71). М.В. Фехнер считала их характерными для курганов Древней Руси XI–XII вв. (Фехнер, 1959. С. 149–224), в Новгороде появляются во второй половине X–XI в. (Щапова, 1956. Табл. II, 12).

Таким образом, вещевой комплекс из культурного слоя в целом укладывается в рамки X–XII вв. Невыразительные находки из шурфа, заложенного в 2012 г. в восточной части селища, не противоречат этой датировке (Кириллов, 2012. С. 126. Рис. 101). Более узкие хронологические определения по имеющимся данным затруднительны. Однако можно отметить, что по составу находок и набору бус основная часть комплекса напоминает вещевые комплексы этапов Пв/г внутренней части городища Уччакар, суммарно датирующихся серединой XI–XII в. (Модин и др., 2019). Необходимо подчеркнуть, что чрезвычайно малый объем раскопок, отсутствие археологических данных об оборонительных сооружениях и культурных напластованиях большей части поселения, широкий хронологический диапазон бытования абсолютного большинства находок позволяют лишь оценить датировку

вновь открытого городища. Уточнение предварительных данных возможно за счет существенного увеличения площади раскопок.

В результате междисциплинарных исследований Кушманского III селища выявлены сохранившийся культурный слой и система укреплений. По мощности и характеру культурного слоя, конструкции ям, составу находок Кушманское III селище аналогично другим поселениям чепецкой культуры. Рядовая планировка, выявленная при междисциплинарных исследованиях этого поселения, согласуется с принципами застройки других ранее изученных чепецких городищ. Даже ограниченные археологические материалы доказывают, что в пределах конца I — начала II тыс. на смежных мысах правого высокого берега р. Чепца одновременно функционировали два укрепленных поселения — Кушманское городище Уччакар и Кушманское III селище. Такая специфическая ситуация с точки зрения системы средневекового расселения региона требует детального изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулова С.И. Бусы Рождественского комплекса // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2008. С. 515–535.
- Абдулова С.И. Бусы Огурдинского могильника // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2012 (Археология Пермского края: свод археологических источников; вып. 2). С. 221–233.
- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 1. Поселения и могильники / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007. 374 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2012 (Археология Пермского края: свод археологических источников; вып. 2). 259 с.
- Генинг В.Ф. Могильник чепецкой культуры у дер. Весьякар (IX–XII вв.) // Северные удмурты в начале II тыс. н.э. / Ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Удмуртской АССР, 1979. С. 87–106.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Хронология верхокамских древностей VI–XIV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. — XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2012 (Материалы

- и исследования Камско-Вятской экспедиции; т. 25). С. 227–246.
- Голдина Р.Д., Королева О.П.* Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1983. С. 40–71.
- Голдина Р.Д., Ютина Т.К.* О датировке и хронологии погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2012 (Материалы и исследования Камско-Вятской экспедиции; т. 25). С. 447–472.
- Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-59). 112 с.
- Журбин И.В.* Сравнительный анализ структуры и тенденций застройки крупнейших городищ чепецкой культуры Иднакар, Учкакар и Гурьякар (Предуралья) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 1. С. 120–128.
- Журбин И.В., Антипина Е.Е., Иванова М.Г., Лебедева Е.Ю., Модин Р.Н., Сергеев А.Ю., Яворская Л.В.* Междисциплинарные исследования Кушманского городища Учкакар IX–XIII вв.: методика комплексного анализа. М.: Таус, 2018. 248 с.
- Журбин И.В., Борисов А.В., Назмутдинова А.И., Милч В.Н., Петров Р.П., Иванова М.Г., Модин Р.Н., Князева Л.Ф., Воробьева Н.Г., Зинчук С.В.* Комплексное использование методов дистанционного зондирования, геофизики и почвоведения при изучении поселений, разрушенных распахкой // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 2. С. 103–111.
- Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
- Иванов А.Г.* Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: Удмуртский Ин-т истории, языка и литературы Уральского отд. РАН, 1991. С. 140–180.
- Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск: Удмуртский Ин-т истории, языка и литературы Уральского отд. РАН, 1997. 309 с.
- Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И.* Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск: Удмуртский Ин-т истории, языка и литературы Уральского отд. РАН, 2004. 276 с.
- Иванова М.Г.* Качкашурское селище // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы, 1982. С. 85–89.
- Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: Удмуртский Ин-т истории, языка и литературы Уральского отд. РАН, 1992. 184 с.
- Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Удмуртский Ин-т истории, языка и литературы Уральского отд. РАН, 1998. 294 с.
- Иванова М.Г.* Отчет об исследованиях на Кушманском городище Учкакар, Кушманском III селище и Кушманском II селище в Ярском районе Удмуртской Республики в 2016 г. // Рукописный фонд Научного архива Удмуртского Института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отд. РАН. 2-н. № 1693.
- Иванова М.Г.* Отчет об исследованиях на Кушманском городище Учкакар и Кушманском III селище в Ярском районе Удмуртской Республики в 2017 г. // Рукописный фонд Научного архива Удмуртского Института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отд. РАН. 2-н. № 1706.
- Иванова М.Г., Журбин И.В., Модин Р.Н.* Кушманский комплекс памятников X–XIII вв. в бассейне р. Чепцы: основные результаты междисциплинарных исследований // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2017. Т. 27, вып. 4. С. 581–586.
- Кириллов А.Н.* Историко-культурные исследования Потаповского месторождения в Красногорском районе и разведочные работы на Кушманском II и III селищах в Ярском районе Удмуртской Республики // Архив Историко-культурного музея-заповедника Удмуртской Республики “Иднакар”. 2011. 02–03.
- Кириллов А.Н.* Археологические работы по определению границ объектов археологического наследия в Глазовском районе и разведочные работы в Ярском районе Удмуртской Республики // Архив Историко-культурного музея-заповедника Удмуртской Республики “Иднакар”. 2012. 02–03.
- Кондратьева Г.Т.* Отчет о разведке по правому берегу р. Чепцы в Ярском районе Удмуртской АССР, произведенной в 1959 г. / Отчет Удмуртской археологической экспедиции за 1959 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 1952.
- Крыласова Н.Б.* Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2007. 351 с.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-36). 184 с.
- Модин Р.Н., Журбин И.В., Иванова М.Г. Междисциплинарные исследования и реконструкция оборонительных сооружений финно-угорских средневековых поселений (Кушманское городище Учкакар) // Российская археология. 2018. № 2. С. 83–97.
- Модин Р.Н., Иванова М.Г., Журбин И.В. Хронология внутренней части Кушманского городища Учкакар // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 257. С. 216–231.
- Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань, 2012 (Археология Евразийских степей; вып. 14). 408 с.
- Первухин Н.Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1896 (Материалы по археологии восточных губерний России; т. 2). 261 с.
- Распопова В.И. Поясной набор Согда VII–VIII вв. // Советская археология. 1965. № 4. С. 78–91.
- Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань: Заман, 2001. 256 с.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 175 с.
- Семенов В.А. Маловенижское городище Пор-Кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы, 1982. С. 27–51.
- Семенов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Устинов, 1985. С. 92–118.
- Семенов В.А. Тольенский могильник IX – начала X в. // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы, 1988. С. 25–58.
- Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893 (Материалы по археологии восточных губерний России; т. 1). 192 с.
- Степи Евразии в эпоху средневековья / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981 (Археология СССР). 304 с.
- Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Гос. ист. музей, 1959 (Труды Государственного исторического музея; вып. 33). С. 149–224.
- Щапова Ю.Л. Стекланные бусы Древнего Новгорода // Труды Новгородской экспедиции. Т. 1 / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55). С. 164–179.

STRUCTURE OF THE CULTURAL LAYER AND CHRONOLOGY OF THE KUSHMANSKY III SETTLEMENT OF THE 10th–12th CENTURIES IN THE CHEPTSA REGION (based on the latest research)

Roman N. Modin^{1,*}, Margarita G. Ivanova², Igor V. Zhurbin^{2,**}

¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

²*Udmurt Federal Research Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia*

*E-mail: modin.roman@mail.ru

**E-mail: zhurbin@udm.ru

The paper presents materials of a comprehensive study of the medieval Kushmanky III settlement (the middle Cheptsya River in the northern part of the Udmurt Republic) which has not been previously studied archaeologically and, based on its external features, was regarded as a settlement within the archaeological complex of the Kushmanky fortified settlement of Uchkakar, the 9th–13th centuries. Preliminary surveys (geophysical, etc.) showed limitations of the existing concepts. The study identified two lines of fortifications, traced the row layout of medieval buildings and identified areas of the cultural layer. Purposeful excavations whose results are discussed in the article showed that, judging by the nature of the cultural layer, the design of partly buried structures and the composition of finds of the 10th–12th centuries, the Kushmanky III settlement is similar to other settlements of the Cheptsya archaeological culture. The materials obtained prove that the adjacent capes of the right high bank of the river Cheptsya were the locations where two fortified settlements functioned simultaneously – the Kushmanky settlement of Uchkakar and the Kushmanky III settlement.

Keywords: the Cheptsya River region, Middle Ages, the Cheptsya archaeological culture, settlement, cultural layer, dating, comprehensive research.

REFERENCES

- Abdulova S.I.*, 2008. Beads of the Rozhdestvensk complex. *Belavin A.M., Krylasova N.B. Drevnyaya Afkula: arkheologicheskiy kompleks u s. Rozhdestvensk [Ancient Afkula: archaeological complex near the Rozhdestvensk village]*. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 515–535. (In Russ.)
- Abdulova S.I.*, 2012. Beads of the Ogurdino burial ground. *Belavin A.M., Krylasova N.B. Ogurdinskiy mogil'nik [The Ogurdino burial ground]*. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 221–233. (In Russ.) (Arkheologiya Permskogo kraia: svod arkheologicheskikh istochnikov, 2).
- Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of the 10th–13th century villages of Northern Rus: medieval settlements and burial grounds of the Kubenskoye Lake], 1. Poseleniya i mogil'niki [Settlements and burial grounds]. N.A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, 2007. 374 p.
- Belavin A.M., Krylasova N.B.*, 2012. Ogurdinskiy mogil'nik [The Ogurdino burial ground]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 259 p. (Arkheologiya Permskogo kraia: svod arkheologicheskikh istochnikov, 2).
- Fekhnner M.V.*, 1959. To the economic connections of Rus village. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Studies in the history of Rus village of the 10th–13th centuries]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 149–224. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 33). (In Russ.)
- Gening V.F.*, 1979. The Cheptsya culture burial ground near Vesiyakar (the 9th–12th centuries). *Severnye udmurty v nachale II tys. n.e. [Northern Udmurts in the early 2nd millenium AD]*. V.F. Gening, ed. Izhevsk: Nauchno-issledovatel'skiy institut pri Sovete Ministrov Udmurtskoy ASSR, pp. 87–106. (In Russ.)
- Goldina R.D., Kananin V.A.*, 2012. Chronology of the Upper Kama antiquities of the 6th–14th centuries. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaya atributsiya [The Kama region antiquities of the Iron Age (the 6th century BC – the 15th century AD): chronological attribution]*. R.D. Goldina, ed. Izhevsk: Udmurtskiy universitet, pp. 227–246. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy ekspeditsii, 25). (In Russ.)
- Goldina R.D., Koroleva O.P.*, 1983. Beads from the Upper Kama burial grounds. *Etnicheskie protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuyu epokhu [Ethnic processes in the Urals and Siberia in the prehistoric time]*. V.E. Vladykin, ed. Izhevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 40–71. (In Russ.)
- Goldina R.D., Yutina T.K.*, 2012. On the dating and chronology of the Agafonovo II burial complexes (the 9th–12th centuries). *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaya atributsiya [The Kama region antiquities of the Iron Age (the 6th century BC – the 15th century AD): chronological attribution]*. R.D. Goldina, ed. Izhevsk: Udmurtskiy universitet, pp. 447–472. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy ekspeditsii, 25). (In Russ.)
- Golubeva L.A.*, 1979. Zoomorfnye ukrasheniya finno-ugrov [Zoomorphic jewelry of the Finno-Ugric people]. Moscow: Nauka. 112 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-59).
- Ivanov A.G.*, 1991. The Kachkashur burial ground of the 9th–13th centuries in the Cheptsya river region. *Materialy po pogrebal'nomu obryadu udmurtov [Materials on the Udmurt funeral rite]*. M.G. Ivanova, N.I. Shutova, eds. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 140–180. (In Russ.)
- Ivanov A.G.*, 1997. Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniya basseyna r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ya: konets V – pervaya polovina XIII v. [Ethnocultural and economic connections of the Cheptsya river basin population in the Middle Ages: the late 5th – the first half of the 13th century]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 309 p.
- Ivanov A.G., Ivanova M.G., Ostanina T.I., Shutova N.I.*, 2004. Arkheologicheskaya karta severnykh rayonov Udmurtii [An archaeological map of Udmurtia northern districts]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 276 p.
- Ivanova M.G.* Otchet ob issledovaniyakh na Kushmanskoy gorodishche Uchkakar, Kushmanskoy III selishche i Kushmanskoy II selishche v Yarskom rayone Udmurtskoy Respubliki v 2016 g. [Report on the research in the Kushmanskoy Uchkakar fortified settlement, Kushmanskoy III settlement and Kushmanskoy II settlement in Yar district of the Republic of Udmurtia in 2016]. *Rukopisnyy fond Nauchnogo arkhiva Udmurtskogo Instituta istorii, yazyka i literatury Udmurtskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [Manuscript collection of the Scientific Archive of Udmurt Institute of History, Language and Literature at the Udmurt Federal Research Centre of the Ural branch RAS]*, 2-n, № 1693.

- Ivanova M.G.* Otchet ob issledovaniyakh na Kushmanskoy gorodishche Uchkakar i Kushmanskoy III selishche v Yarskom rayone Udmurtskoy Respubliki v 2017 g. [Report on the research in Kushmanskoy Uchkakar fortified settlement and Kushmanskoy]. *Rukopisnyy fond Nauchnogo arkhiva Udmurtskogo Instituta istorii, yazyka i literatury Udmurtskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Manuscript collection of the Scientific Archive of Udmurt Institute of History, Language and Literature at the Udmurt Federal Research Centre of the Ural branch RAS], 2-n, № 1706.
- Ivanova M.G.*, 1982. The Kachkashur settlement. *Sredne-vekovye pamyatniki basseyna r. Cheptsy* [Medieval sites of the Cheptsy river basin]. M.G. Ivanova, ed. Izhevsk: Udmurtskiy nauchno-issledovatel'skiy institut istorii, yazyka i literatury, pp. 85–89. (In Russ.)
- Ivanova M.G.*, 1992. Pogrebal'nye pamyatniki severnykh udmurtov XI–XIII vv. [Burial sites of northern Udmurts of the 11th–13th centuries]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 184 p.
- Ivanova M.G.*, 1998. Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. [Idnakar: an ancient Udmurt fortified settlement of the 9th–13th centuries]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 294 p.
- Ivanova M.G.*, *Zhurbin I.V.*, *Modin R.N.*, 2017. Kushmanskyy kompleks of the 10th–13th century sites in the Cheptsy River basin: main results of the inter-disciplinary research. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Udmurt University Bulletin. Series History and Philology], vol. 27, iss. 4, pp. 581–586. (In Russ.)
- Kirillov A.N.* Arkheologicheskie raboty po opredeleniyu granits ob"ektov arkheologicheskogo naslediya v Glazovskom rayone i razvedochnye raboty v Yarskom rayone Udmurtskoy Respubliki [Archaeological activities on demarcation of the archaeological heritage sites in Glazov district and survey activities in Yar district of the Republic of Udmurtia]. *Arkhiv Istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika Udmurtskoy Respubliki "Idnakar"* [Archive of the "Idnakar" Historical and Cultural Museum-Reserve of the Republic of Udmurtia], 2012, 02–03.
- Kirillov A.N.* Istoriko-kul'turnye issledovaniya Potapovskogo mestorozhdeniya v Krasnogorskom rayone i razvedochnye raboty na Kushmanskoy II i III selishchakh v Yarskom rayone Udmurtskoy Respubliki [Historical and cultural studies of the Potapovo field in Krasnogorsk district and survey in Kushmanskoy II and III settlements of Yar district, the Republic of Udmurtia]. *Arkhiv Istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika Udmurtskoy Respubliki "Idnakar"* [Archive of the "Idnakar" Historical and Cultural Museum-Reserve of the Republic of Udmurtia], 2011, 02–03.
- Kondrat'eva G.T.* Otchet o razvedke po pravomu beregu r. Cheptsy v Yarskom rayone Udmurtskoy ASSR, proizvedennoy v 1959 g. / Otchet Udmurtskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1959 g. [Report on the survey activities of the Cheptsy River right bank in Yar district of the Udmurt ASSR in 1959 / Report of the Udmurt Archaeological expedition of 1959]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1, № 1952.
- Krylasova N.B.*, 2007. Arkheologiya povsednevnosti: material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya [Every-day archaeology: material culture of the medieval Cis-Urals]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 351 p.
- Mazhitov N.A.*, 1981. Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv. [Burial mounds of the Southern Urals of the 8th–12th centuries]. Moscow: Nauka. 164 p.
- Medvedev A.F.*, 1966. Ruchnoe metatel'noe oruzhie. (Luk i strely, samostrel). VIII–XIV vv. [Handheld throwing weapons. (Bow and arrows, crossbow). The 8th–14th centuries]. Moscow: Nauka. 184 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1–36).
- Modin R.N.*, *Ivanova M.G.*, *Zhurbin I.V.*, 2019. Chronology of the interior part of the Kushmanskoye fortified settlement (Uchkakar). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 257, pp. 216–231. (In Russ.)
- Modin R.N.*, *Zhurbin I.V.*, *Ivanova M.G.*, 2018. Interdisciplinary studies and reconstruction of the defenses at Kushman Uchkakar fortified settlement. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, pp. 83–97. (In Russ.)
- Nikitina T.B.*, 2012. Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [The 9th–11th century burial sites of the Vetluga–Vyatka interfluve]. Kazan'. 408 p. (Arkheologiya evraziyskikh stepey, 14).
- Pervukhin N.G.*, 1896. Opyt arkheologicheskogo issledovaniya Glazovskogo uezda Vyatskoy gubernii. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova [Experience in archaeological research in Glazov district of Vyatka province]. 261 p. (Materialy po arkheologii vostochnykh guberniy Rossii, 2).
- Raspopova V.I.*, 1965. The 7th–8th century Sogdian belt set. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 4, pp. 78–91. (In Russ.)
- Rudenko K.A.*, 2001. Tyurkskiy mir i Volgo-Kam'e v XI–XIV vv. [Turkic world and the Volga-Kama region in the 11th–14th centuries]. Kazan': Zaman. 256 p.
- Savinov D.G.*, 1984. Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnetyurkskuyu epokhu [Population of Southern Siberia in the old Turkic period]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 175 p.

- Semenov V.A.*, 1982. The Maly Venizh Por-Kar fortified settlement. *Srednevekovye pamyatniki basseyna r. Cheptsy* [Medieval sites of the Cheptsya River basin]. M.G. Ivanova, ed. Izhevsk: Udmurtskiy nauchno-issledovatel'skiy institut istorii, yazyka i literatury, pp. 27–51. (In Russ.)
- Semenov V.A.*, 1985. The Omutnitsa burial ground. *Materialy srednevekovykh pamyatnikov Udmurtii* [Materials of Udmurtia medieval sites]. M.G. Ivanova, ed. Ustinov, pp. 92–118. (In Russ.)
- Semenov V.A.*, 1988. The 9th–early 10th century Tolyen burial ground. *Novye issledovaniya po drevney istorii Udmurtii* [New research on the early history of Udmurtia]. M.G. Ivanova, ed. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury, pp. 25–58. (In Russ.)
- Shchapova Yu.L.*, 1956. Glass beads of old Novgorod. *Trudy Novgorodskoy ekspeditsii* [Transactions of the Novgorod expedition], 1. A.V. Artsikhovskiy, B.A. Kolchin, eds. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 164–179. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 55). (In Russ.)
- Spitsyn A.A.*, 1893. Priural'skiy kray. Arkheologicheskie razyskaniya o drevneyshikh obitatel'nykh Vyatskoy gubernii [The Cis-Urals. Archaeological research on the earliest inhabitants of Vyatka province]. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. 192 p. (Materialy po arkheologii vostochnykh guberniy Rossii, 1).
- Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [Eurasian steppes in the Middle Ages]. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, 1981. 304 p. (Arkheologiya SSSR).
- Zakharov S.D.*, 2004. Drevnerusskiy gorod Beloozero [The Rus town of Beloozero]. Moscow: Indrik. 592 p.
- Zhurbin I.V.*, 2020. Comparative analysis of structure and tendencies in the development of the largest Cheptsya fortified settlements: Idnakar, Uchkakar, Guriyakar (in the Cis-Urals). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], vol. 48, no. 1, pp. 120–128. (In Russ.)
- Zhurbin I.V., Antipina E.E., Ivanova M.G., Lebedeva E.Yu., Modin P.N., Sergeev A.Yu., Yavorskaya L.V.*, 2018. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya Kushmanskogo gorodishcha Uchkakar IX–XIII vv.: metodika kompleksnogo analiza [Inter-disciplinary research on the 9th–13th century Kushmansk fortified settlement of Uchkakar: the methodology of complex analysis]. Moscow: Taus. 248 p.
- Zhurbin I.V., Borisov A.V., Nazmutdinova A.I., Milich V.N., Petrov R.P., Ivanova M.G., Modin R.N., Knyazeva L.F., Vorob'eva N.G., Zinchuk S.V.*, 2019. Complex application of remote probing, geophysics and soil science methods in studying settlements destroyed by plowing. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], vol. 47, no. 2, pp. 103–111. (In Russ.)

К 10-ЛЕТИЮ ЭКСПЕДИЦИИ В ИЕРИХОНЕ

**К 10-ЛЕТИЮ ИЕРИХОНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН: РАБОТЫ 2019–2020 гг.**

© 2021 г. Л.А. Беляев*, А.Н. Ворошилов**, О.М. Ворошилова***, А.А. Максимова****

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: labeliaev@bk.ru

**E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru

***E-mail: helga-mir@yandex.ru

****E-mail: anastasiya.maksimova@gmail.com

Поступила в редакцию 06.05.2021 г.

Представлены последние данные о раскопках на участке Музейно-паркового комплекса Российской Федерации в Иерихоне. Исследования ведутся на участке с двумя типами сооружений. В зоне большого дома с каменными стенами и мозаичными полами, открытого еще в 1880-е годы экспедицией Н.П. Кондакова, изучены его трансформации в конце византийской эпохи (VI–первая половина VIII в.). Рядом выявлены лежащее ниже крупное сооружение из сырцовых кирпичей и, возможно, часть ранней каменной колоннады этого монументального комплекса. В производственной зоне открыт ряд сменявших друг друга горнов для обжига керамики, работавших вплоть до конца правления Омейядов. Участок обжигался и позднее, в эпоху мамлюков. На бытовой характер освоения территории в это время указывает наличие тандыров. Обращается внимание на развитие археологии русского паломничества XVIII–XIX вв. и на работы Иерихонской экспедиции по подготовке и публикации архивных материалов, связанных с работой русских исследователей в Палестине в эпоху Османской империи.

Ключевые слова: археология Сиро-Палестинского региона, Святая Земля, Иерихон, византийская археология, история археологии, историческая археология, архивные исследования.

DOI: 10.31857/S086960630014915-5

Российско-Палестинская экспедиция ИА РАН возникла в 2010 г., в связи с созданием Музейно-паркового комплекса в Иерихоне. Первый этап раскопок завершился 19 января 2011 г. открытием экспозиции, основанной на результатах работ первого сезона, после чего исследования продолжились. Экспедиция превратилась в постоянно действующий научный организм. Мы видим цель в создании российской школы исследований Сиро-Палестинского региона. Корни этого замысла уходят во вторую половину XIX в., когда на землях Палестины, принадлежавших Османской империи, появились десятки российских участков и сформировалась собственная инфраструктура паломничества. В 1860–1880-х годах на них проводили раскопки, сыгравшие важную роль в становлении археологии Святой Земли. Российские исследования связаны с именами деятелей церкви, государства и ученых: архимандрита Антонина (Капустина), В.И. Дорогобужина, Б.П. Мансурова, профессоров Н.П. Кондакова и Я.И. Смирнова.

Два “русских участка” в центре Иерихона исследовались в числе первых и сразу дали

свидетельства расцвета оазиса в эпоху Византии. Поэтому экспедиция, вернувшись в Иерихон почти через полтора столетия, фактически продолжила дореволюционные раскопки на Иоасафовском участке¹. Наши работы в поле имели перерыв (2014–2016 гг.), что позволило опубликовать результаты первых сезонов (Беляев, 2016). За это время к экспозиции в здании Музейно-паркового комплекса добавилась наружная инсталляция: над раскопом возвели монументальный шатер, позволивший продолжать работы, одновременно показывая их туристам. Новые материалы также издавались оперативно, тем более что отдельные, иногда совсем короткие, сезоны позволяли прийти к важным выводам. Так, работы весной 2017 г. позволили обосновать гипотезу о временном прекращении жизни на участке не в результате персидского или арабского завоевания в VII в., а после землетрясения 749 г. (Голофаст, Ворошилов, 2018. С. 107). Это отвечает и общему направлению

¹ Работы археологов ИА РАН в Иерихоне проходят при полной поддержке директора Музейно-паркового комплекса Романа Владимировича Диканского, ставшего надежным соратником и другом экспедиции.

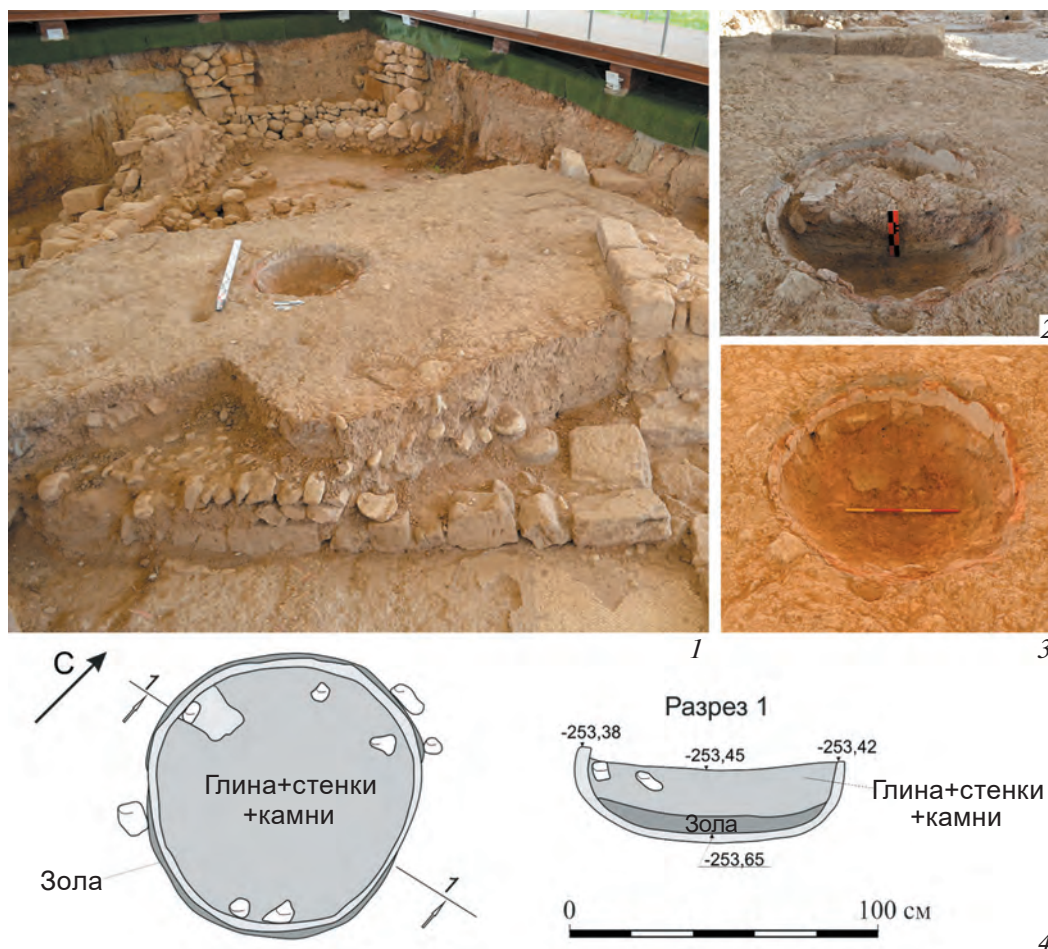

Рис. 2. Тандыр в слое над галереей (1–3).

Fig. 2. Tandoor in a layer above the gallery (1–3)

с зоной работ XIX в., а раскоп 5 (Е) примыкает к нему с юго-запада (исследуются соответственно с 2010 и 2011 гг.). Сначала эти участки разделял обзорный подиум, но при строительстве навеса (2017 г.) их удалось соединить в один раскоп, суммарной площадью более 431 м², вытянутый с севера на юг, длиной по диагонали до 40 м, шириной 15–18 м.

В ходе работ выяснилось, что два раскопа парадоксальным образом почти совпали с двумя комплексами, хронологически близкими, но конструктивно и функционально совершенно разными. С северной части раскоп врезан в край крупного монументального сооружения, вероятно монастырского, а южная половина затронула обширную производственную зону. В целом эти зоны существовали синхронно, хотя наблюдения над перестройками и стратиграфией позволяют думать, что в отдельные периоды жизнь в них протекала по-разному.

Изначально наша концепция развития участка заключалась в том, что византийские слои

перестали формироваться с приходом мусульман и собранные в слоях пожара и разрушения монументального здания церковные вещи указывают на насильственную гибель комплекса, участок которого начал вновь заселяться в османскую эпоху или немногим раньше. Однако новые работы заставляют говорить скорее о двух стратиграфических горизонтах – верхнем, сформированном в мамлюкский период, и нижнем, соотносимом с концом византийской эпохи и омейядским временем (Golofast, 2016. С. 464, 465).

Нижняя четкая граница между слоями отсутствует, так как верхняя часть омейядского горизонта существенно повреждена (из него добывали камни предшествующего периода), но сам мамлюкский слой мощный и достигает местами 1 м. Он сильно поврежден и перемешан многочисленными перекопами и перестройками, а в верхней части – культивацией грунта в новое и новейшее время. Наиболее информативные участки мамлюкского слоя сохранились в южной части

Рис. 3. Галерея после расчистки (рейка лежит вдоль поздней стены). Вид с юга.

Fig. 3. Gallery after clearing (the rail is aligned along the later wall). A view from the south

раскопа, поскольку в северной части он практически полностью разобран при раскопках XIX в.

Мамлюкский горизонт содержит характерную поливную и расписную керамику, монеты соответствующих правителей и три основных типа объектов: фундаменты и остатки кладок из камня, печи/тандыры, хозяйственные ямы. Остатки стен мамлюкского времени пересекают почти всю площадь (но на участке раскопа Н.П. Кондакова в большинстве разобраны). По конструкции это заглубленные фундаменты из нескольких слоев некрупного булыжника шириной, как правило, от 0.5 до 1 м или из тесаных блоков (высота/глубина фундаментов тогда обычно не превышает 0.2–0.3 м); и булыжник, и обработанный камень — вторичного использования, изредка среди них фиксируются ранние архитектурные детали. Кладки из камня, вероятно, держали сырцовые стены.

Тандыры (печи-очаги) сосредоточены в производственной зоне и распределены по ней равномерно. Они появляются на небольшой глубине, как правило, до 0.5 м от дневной поверхности. Сохранность по высоте не превышает 20–30 см, обычно это цокольная часть, заполненная золистым рыхлым слоем с большим

числом фрагментов стенок (толщиной около 4 см) от верхней части печи (рис. 2). Диаметр хорошо сохранившихся круглых печей приближается к 1 м. Вокруг иногда сохраняются ограничивающие площадку подмостки из булыжника и прослойки золы, выгребавшейся из печей.

Хозяйственные ямы мамлюкского времени также разбросаны по всему раскопу. Их стенки обычно повреждены, но в северной части раскопа, где они прорезают кладки из сырцового кирпича и камня, а также мозаичные полы, удастся установить габариты: около 1 м глубины, диаметр свыше 1.2 м. Их заполнение типично для подобных объектов: зола, щебень, мелкие булыжники, обломки печины и сырца, немного фрагментов керамических сосудов.

Все это говорит о жилом и/или бытовом характере освоения участка в мамлюкскую эпоху. На жилой характер указывает наличие тандыров, которые традиционно служат для приготовления пищи и часто устраиваются во дворах. Организация пространства поселений в мамлюкское время обычно зависит от планировки застройки предыдущих эпох, отклонения же косвенно подтверждают перерыв в освоении участка: к XII–XIV вв. здесь оставались, видимо, только руины, что

подтверждается отсутствием на участке слоя эпохи правления Аббасидов (Golofast, 2016. С. 465).

Основной горизонт памятника относится к византийско-омейядскому периоду в пределах VI—первой половины VIII в. (до 749 г.). Развитие работ позволяет перейти от суммарных характеристик к детальному разбору истории участка. Архитектурный комплекс византийского времени, открытый еще в 1880-е годы, имел каменные стены и мозаичные полы. Его подстилает крупное сооружение той же ориентировки, со стенами из больших сырцовых кирпичей. Верхний горизонт здания лежит на высоких (в сравнении с южной зоной) отметках; хозяйственные ямы эпохи Омейядов и мамлюков прорезают мозаичные полы и даже стены. Эти ямы мы в 2010-х годах не выбирали, опасаясь разрушения мозаичных полов и даже стен под действием осадков, появление шатра устранило это затруднение.

Монументальное здание с юга фланкировала галерея (рис. 3), на что с самого начала указывал появившийся к югу от зала с цветной мозаикой ряд помещений. Значительная ее часть оставалась недоступной для раскопок и была вскрыта только в 2019 г. Галерея имела в ширину около 4.2 м и делилась на сравнительно крупные помещения, во всяком случае длина комнаты, примыкавшей к залу и также имевшей мозаичный пол, не меньше 5.6 м. О том, что и с других сторон от зала могли быть помещения, свидетельствует открытый под западным бортом раскопа фрагмент белого мозаичного пола. Пол в комнате (5.6 × 4.2 м) был выложен белыми тессерами, в центральной части имела вставку (рис. 4, 1) с полихромным плетеным бордюром (орнамент “циновка”), увы, разрушенная каменным фундаментом поздней стены (сохранился небольшой фрагмент).

Галерея пережила ряд перепланировок. На завершающем (вероятно) этапе омейядского периода помещение в меридиональном направлении пересекла мощная стена, прорезав мозаику пола (рис. 3; 4, 2). Стена имеет основание шириной 0.8 м из массивных обработанных блоков, частью пробивших, а частью перекрывших пол. Видимо, была разобрана и первоначальная западная стена, разделявшая зал и галерею. Новый пол к западу от вновь возведенной стены глиняный обмазкой, к востоку — из нового уровня мозаики. Длина нового помещения (при той же ширине — 4.2 м) возросла до 6.6 м, следы легких стен указывают на выделение в западной части небольшой комнаты (2.4 × 4.2 м). Судя по завалу битой керамики, ее использовали для хранения.

Вероятно, что все монументальное сооружение было перестроено с изменениями в планировке, возможно, затронувшей и внешние стены здания; сменилось и назначение, оно стало скорее хозяйственным. Гипотетически это можно связать с частичным обрушением здания при одном из землетрясений. Западная часть помещения галереи с мозаичным полом оказалась за новой стеной, о чем говорят и открытые здесь хозяйственные ямы омейядского времени. Также и место находки церковных металлических предметов (обнаружены в 1880-х и в 2010 гг. над полами, в завале сырцовых стен со следами пожара) обозначается в южной части зала и в галерее, за новой стеной. Этот набор, состоявший изначально из двух предметов, будет пополнен благодаря анализу фотографий 1880-х годов (пример анализа керамических изделий на такой фотографии см. Голофаст, Федотов, 2021). Рядом с металлическими изделиями в составе находок того же слоя представлен лепной, целиком расписной кувшин, обычный с XII—XIV вв. (Голофаст, 2020а. С. 126, 127).

Итак, после перепланировки галереи в ней фиксируются обычные бытовые находки, сделанные в ямах омейядского времени. В 2017—2019 гг. раскоп расширился по периметру, у его южной стены открылись две ямы (рис. 4, 2). Большая размерами 1—1,1 м; верхняя центральная часть ее заполнения была сформирована линзой золистого грунта светло-серого цвета (мощность в центральной части 0.25 м). Меньшая яма круглая в плане, диаметром 55 см, глубиной 25 см. В заполнении обеих ям обнаружены белые тессеры от разрушенной мозаики.

Наиболее яркий объект среди изученных в 2019—2020 гг. — яма, которую трудно интерпретировать как рядовую хозяйственную (рис. 4, 3—5). Она проявилась при исследовании перемишки между раскопами, на стыке южной стены галереи, ориентированной по линии 3—В; поздней стены, разделившей галерею; южного края мозаичного пола этого помещения. Она не имела правильных очертаний, что определено тем, что вырубали ее не в грунте или сырце, а в кладках фундаментов и каменном ложе мозаики. Глубина ее — 1.2 м, размеры — 0.8–0.9 м. Очевидно, что она появилась после того, как стены здания полностью разрушили.

Яма явно нехозяйственного назначения: в заполнении нет ярких золистых прослоек, засыпка состоит из суглинка с большим количеством булыжника, в том числе крупного. В средней части заполнения (рис. 4, 3, 4) примерно на одном

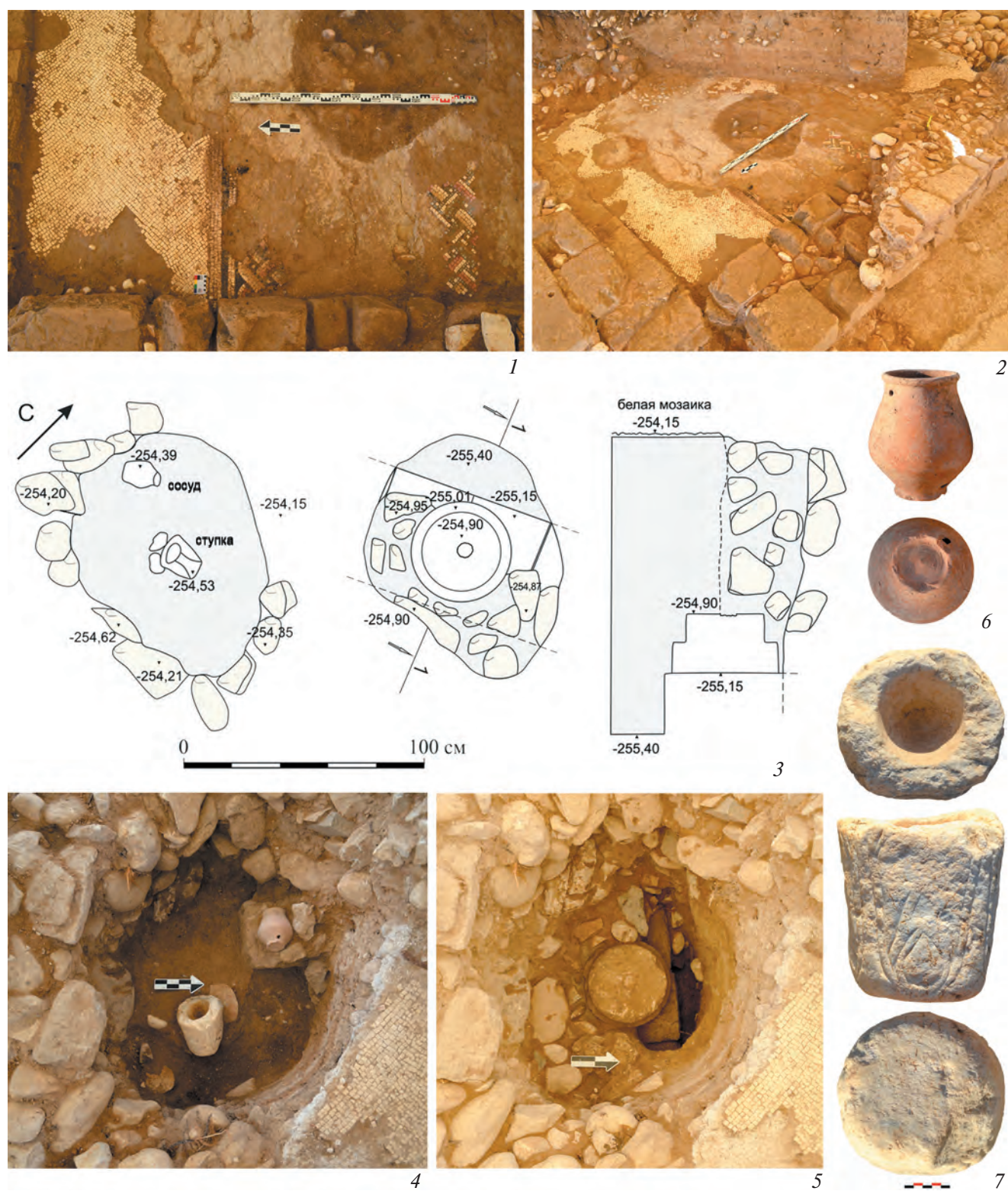

Рис. 4. Галерея. 1 – фрагменты цветной мозаики в центральной части помещения; 2 – мозаичный пол и прорезающие его ямы к востоку от поздней стены галереи; 3 – уровни расчистки и разрез ямы; 4 – ступка и сосуд *in situ* в заполнении ямы; 5 – база колонны на монументальной кладке у дна ямы; 6 – керамический сосуд с отверстиями; 7 – каменная ступка из капители колонны.

Fig. 4. Gallery

Рис. 5. Сырцовая стена в восточном углу раскопа.

Fig. 5. A mud-brick wall in the Eastern corner of the excavation site

уровне обнаружены каменная ступка, сделанная из капители небольшой колонны, и красноглиняный горшок с отверстиями, а глубже в заполнении найден неполный развал сосуда. Удивительным оказалось то, что дно ямы упиралось в небольшую базу колонны (рис. 4, 3, 5), установленную на краю кладки из массивных, хорошо отесанных блоков (высота базы колонны 0.25 м, диаметр 0.34, диаметр круглого основания 0.44). База стояла практически посередине ямы, возможно, *in situ*.

Ступка (рис. 4, 7) изготовлена из небольшой вытянутой капители с ориентализованным растительным орнаментом, идентичным на каждой из четырех сторон. Выемку сделали сверху, предварительно обтесав верхнюю часть капители и сгладив рельефный орнамент. Примечательно, что подобная ступка (?) из схожей по размеру и декору капители, обнаруженной на том же Иоасафовском участке в XIX в., попала на фотографию монаха Тимона. Еще одна подобная капитель, но хорошей сохранности, имела в коллекции о. Антонина (Капустина) (см. Голофаст, Федотов, 2021. Рис. 2, 3).

Сосуд, обнаруженный рядом со ступкой, — с биконическим туловом, отогнутым наружу венчиком и ярко выраженным поддоном (рис. 4, 6). Он имел два аккуратных отверстия под венчиком, расположенных на одной оси, — через них пропусклась веревка или ремень для подвешивания.

Третье отверстие, ощутимо большего размера, пробито внизу, в стенке над поддоном — из него, вероятно, вытекало содержимое.

Сама яма не вызывает особых вопросов — ее следует толковать в связи с распространенным обыкновением извлекать камень из старых построек. Вероятно, она образовалась в силу того, что верхнюю часть колонны, замеченную в булыжной кладке фундамента, извлекли, но ниже не опустились в связи с возраставшей трудностью разборки. По-видимому, окружавший булыжник не требовался и разбирать большой объем кладки с целью получить еще одну часть колонны не стали. Попавшие в яму предметы, видимо, не имеют к контексту отношения и оказались в ней как мусор (допустим, что она служила для стока воды, возможно, над ней подвешивали умывальник).

Гораздо больше вопросов вызывает тесаная кладка с колонной, скрытая в глубине валунного фундамента внешней стены монументального комплекса. По-видимому, перед нами результат перестройки: по линии ранней колоннады, закрытой в конце концов слоем и разобранный, прошло валунное основание новой стены, в котором оказалась уцелевшая при разборке часть колонны, привлекавшая внимание добытчиков камня. Отметим, что подобные случаи, когда стоявшие еще колонны описываются как включенные в кладку

Рис. 6. Керамические горны в южной части раскопа.

Fig. 6. Pottery kilns in the southern part of the excavation site

стен из валунов, описаны в дневнике Я.И. Смирнова 1891 г. (см. Беляев, 2016. С. 345).

Опишем подстилающие комплекс сырцовые стены (рис. 5). Прирезки и расчистки в восточном

углу раскопа 2 (к востоку от зала с цветной мозаикой) открыли мощную сырцовую кладку, образующую угол здания. Стены толщиной около 0.65 м сложены из сырцовых кирпичей на светлом

Рис. 7. Бетонный резервуар с системой водоводов из керамических труб.

Fig. 7. Concrete tank with a water supply system made of ceramic pipes

растворе, поверхность стен оштукатурена. Применялись (в разных стенах) два размера кирпичей: 0.23×0.46 и 0.21×0.42 м (обратим внимание на четкость пропорций граней сырцовых кирпичей, составляющих 2:1). Стены из сырца ориентированы строго по сторонам света и полностью совпадают в этом со стенами монументального здания, указывая на преемственность сооружений. При этом план если и повторяли, то не полностью: сырцовые стены перекрыты мозаичными полами, что даже приводило к деформации последних, и после снятия верхнего слоя мозаики они предстали как волнообразные прямые гряды. Следует отметить, что сырцовое строительство совершенно не характерно для византийского периода в Палестине, да и вообще не часто использовалось до исламского времени в этом каменистом регионе.

Обратимся к производственной зоне в южной части раскопа. Здесь продолжалась расчистка ранее открытых горнов для обжига керамики (рис. 6). Как оказалось, новые горны неоднократно перекрывали прежние, что подтверждает представление о достаточно частой смене таких сооружений. На раскрытом пространстве мастерской смена горнов выглядит с точки зрения стратиграфии стремительной, к тому же все сооружения сходны по конструкции и размеру. К настоящему времени горнов на небольшой площадке отмечено не менее пяти; над двумя наиболее сохранными проведена тщательная расчистка зоны обжига, что позволило уточнить конструкцию.

Все открытые горны круглые в плане, с двумя камерами в двух уровнях: нижний — для топки, верхний — для загрузки сосудов. Внутренний диаметр камер превышает 1.5 м, снаружи размер печи немногим менее 3 м, сохранившаяся высота — до 0.5–0.9 м. Стены толщиной около 1 м сложены из сырцовых кирпичей. Судя по уцелевшим элементам глиняной обмазки внутреннего пространства горнов, их поверхность изнутри была довольно гладкой. Заполнение образует завал битой бракованной керамики и керамических шлаков; из остатков керамического производства сформирован и слой вокруг.

Наблюдения позволяют рассмотреть эволюцию производственного комплекса и его относительную хронологию, но абсолютное датирование до сих пор ограничено имеющейся хронологией массового керамического материала, поэтому изучаемый уровень мы относим к VI–первой половине VIII в.

Раскопки шли по всей площади производственной зоны. Юго-западнее участка с горнами, в южном углу раскопа, была начата выборка вошедшей в раскоп части (1.5×6 м) большого котлована, вытянутого вдоль его западного борта (рис. 1). В его заполнении лежат крупные тесаные каменные блоки, битый сырцовый кирпич, переотложенные фрагменты полов из белых тессер. Важно, что место их сброса в котловане значительно удалено от помещений с мозаичными полами. Котлован свидетельствует об активности

жизни на участке в эпоху Омейядов уже после разрушения монументальных построек византийского периода.

Вблизи котлована и керамических горнов обнаружен резервуар с усовершенствованной системой водоотвода (рис. 7). Он прямоугольный, сформован из раствора в небольшом котловане, стенки которого перед формовкой обложили черепками. Внутренние размеры резервуара — 0.52×1.1 м при глубине 0.6 и толщине стенок до 0.2; ось ориентирована меридионально. В северо-восточном углу обнаружены остатки перелива в виде керамической трубы, вмонтированной в стенку на глубине 0.25 м от верхнего края. Внутренняя поверхность водосборника была покрыта сантиметровым слоем плотной гидроизолирующей штукатурки. На полную высоту сохранилась только южная часть водосборника, северная была частично разрушена более поздним перекопом. Керамическая труба слива уходила в восточном направлении и соединялась с керамическим водопроводом, собранным из глиняных труб и скрепленным цементом. В 0.6 м от стен резервуара обнаружен вертикальный слив, куда и входили, через колено, трубы из резервуара. Назначение этого небольшого по объему водохранилища неясно — непонятно, каким образом сюда поступала вода; возможно, она входила с северной стороны, почти не сохранившейся. Не исключено, что объект системы использовался в производственных, а не бытовых целях (в целом о водоводах на участке см. Савельев, 2021).

Работы 2019–2020 гг. подтвердили, что в византийско-омейядский период интенсивно и достаточно часто перестраивали объекты как северной (монастырской) части, так и южной, производственной. Трансформации затронули все объемы монументальной христианской постройки, но эти перемены пока лишь предположительно связываются с конкретными датами (первая половина VII в.; землетрясение 749 г.). Активность переделок обеспечила мощностные культурных отложений (не менее 3 м), непростую конфигурацию и разнообразие контекстов, сосредоточенных на небольшом участке.

Мы не исключаем, однако, что в нижних горизонтах (а последний метр слоя пока практически не затронут) могут ждать неожиданности. Среди находок довольно много монет (рис. 8), связанных с ранним временем, начиная от эпохи эллинизма. Монеты из слоев, изученных в 2019–2020 гг.²,

² Определения нумизматического материала выполнены д. и. н. М.Г. Абрамзон.

отражают денежное обращение в регионе за период со II в. до н.э. по XIV в. Всего их 76, причем статистическая картина отличается от полученной в 2010–2013 гг. Объяснить это можно как разницей участков сбора (в первые годы монеты поступали со всей территории, а в последующие — почти исключительно с южной части), так и глубиной: в 2019–2020 гг. работы велись в основном в слоях мамлюкского и омейядского времени, почти не затрагивая византийский горизонт. Поэтому основная масса монет принадлежит исламским правителям (вместе с неопределимыми это 52 экз.), почти поровну византийским (с конца V в., самая поздняя — фоллис 613–616 гг.) и римским (280–360-х годов) императорам (12 и 9 соответственно); по одной — монеты Селевкидов (Антиох IV, начало 160-х годов до н.э.) и Ирода Агриппы (37–43 гг. н.э.). Напомним, что раскопки 2010–2013 гг. дали две монеты Селевкидов, четыре — Иродианов и, при обилии монет римского периода, подавляющий массив византийской нумизматики. Это дает основание видеть в участке зону, по крайней мере, периферийного освоения Иерихонского оазиса в первые века христианской эры.

Впереди у экспедиции — завершение раскопок на участке Музейно-паркового комплекса в Иерихоне и активизация научной деятельности на нескольких направлениях. Дело в том, что, несмотря на свое ограничивающее название, экспедиция уже вышла за пределы Иерихонского оазиса. Отметим появление, вслед за книгой 2016 г., небольшого, но важного как инструмент исследований справочника-определителя византийской и исламской керамики (Голофаст, 2020а), а также работ по интерпретации керамических изделий средневекового времени из Северного Причерноморья в аспекте авраамической тематики (Голофаст, 2020б, 2021).

В 2019 г. экспедиция начала каталогизацию и связанное с ней изучение коллекции Музея архимандрита Антонина (Капустина), которая сохраняется в здании музея Русской духовной миссии на Масличной горе (Иерусалим)³. Первый сезон работы с вещами показал ее перспективность: некоторые находки либо непосредственно происходят с русских участков Иерихона, либо типологически связаны с находимыми там предметами. Объем коллекции велик, и атрибуция потребует

³ Экспедиция искренне признательна архимандриту Роману (Красовскому), начальнику Русской духовной миссии Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) в Иерусалиме, под чьим крылом проходят исследования в стенах Музея о. Антонина (Капустина) на вершине Елеонской горы.

Рис. 8. Монеты из раскопок Иерихона в 2019–2020 гг. 1 – прута Ирода Агриппы (37–43 гг.) отчеканена на монетном дворе Иерусалима в 41/2 г. н.э.; 2 – фоллис Константина I (306–337 гг.) чеканки Арля 318 г. н.э.; 3 – фоллис Анастасия (498–518 гг.) чеканки Константинополя; 4 – фоллис Юстина I (518–527 гг.) чеканки двора Антиохии; 5 – фоллис Юстиниана I (527–565 гг.) отчеканен в Константинополе в 527–538 гг.

Fig. 8. Coins from the 2019–2020 excavations in Jericho

длительного времени, однако и потенциал высок: в ней много древних надписей (предстоит отличить подлинные от подделок), оссуариев (в их числе высокохудожественные), изделий из стекла, металла и особенно керамики (начиная с эпохи неолита), в основном в целых формах. Предпринят анализ источников и литературы по коллекции (Чехановец, Беляев, 2019).

Неожиданно привлекательным и для ученых экспедиции, и для коллег в Израиле стала тема археологии русского присутствия, тех следов, которые оставили паломники, путешественники, исследователи из России в Палестине Османской эпохи. Это остатки зданий и бытовые вещи с русских участков, надгробия и даже сами погребения (открытие одного из них в Акелдаме стало довольно заметным событием в поздней археологии), а также оставленные нам “послания” в виде специальных настенных таблиц или традиционных граффити на камнях Иерусалима (Беляев, 2019; Беляев, Вах, 2019; Чехановец, Вах, 2019; Беляев, Чехановец, 2020). Эти памятники образовали еще одну связующую нить между живыми людьми XVIII–XX вв. и оставленными ими текстами – не только надписями, но и книгами хождений и описаний путешествий. Это направление стало темой коллоквиума в университете Тель-Авива “Российский археологический проект, XIX–XXI вв.” / Russian Archaeological Project, 19th–21st Centuries, организованном Яной Чехановец⁴ (см. Tchekhanovets, Belyaev, 2020).

Еще одно направление, в котором работает сейчас экспедиция, – приведение в известность наследия, оставленного русскими деятелями, работавшими с памятниками Святой Земли в XIX в., и хранящегося в архивах России. В 2019–2020 гг. подготовлен ряд комментированных изданий дневников и других документов, а также ряд трудов по истории науки. В числе подготовленного к изданию – дневник путешествия 1891 г. Н.П. Кондакова с приложением ряда неизданных документов и альбома фотографий И.Ф. Барщевского (Материалы к истории..., 2021) и свод всех доступных источников по раскопкам 1860–1890-х годов восточного края базилики императора Константина в Иерусалиме, на месте Александровского подворья (Русские раскопки..., 2021). Для этих и предполагаемых в будущем изданий создана книжная серия “Россия и древности Восточного

⁴ Помощь и сотрудничество Яны Чехановец (Управление Древностей и Университет Бен Гурион в Негеве), одного из ведущих археологов-византинистов Израиля, с самого начала поддерживавшей работы экспедиции, оставались и остаются для нас бесценными.

Средиземноморья” (совместно с издательством “Индрик”), регулярно публикуются статьи с результатами анализа отдельных сюжетов из истории русских работ в XIX в. В работах на этом направлении экспедиция опирается на помощь историков науки и мастеров архивного поиска, таких как И.В. Тункина, Р.Б. Бутова, Л. Герд, И.Л. Кызласова, М.Н. Бутырский, К.А. Вах, сотрудничает с Императорским православным Палестинским обществом (ИППО), Государственным музеем истории религии (СПб.) и другими институциями. Это направление наряду с экспедиционной деятельностью включено в состав задач по гранту Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) на создание отечественной археологической группы для работ в Сиро-Палестинском регионе, ряд участников проекта представлен статьями в этом номере (например: Вах, 2021).

Перспектива сложения постоянно действующего коллектива ученых, специализирующихся на изучении древностей Святой Земли, за эти годы стала более реальной. Мы надеемся, что в ближайшем будущем российская группа войдет в семью развитых мировых научных школ, исследующих материальные памятники прошлого земли, в которой лежат корни трех авраамических религий.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-40075.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. М.: Индрик, 2016. 500 с.
- Беляев Л.А. Русская археология Палестины // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 51–64.
- Беляев Л.А., Вах К.А. Памятные надписи славянских паломников XVIII–XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация) // Славяноведение. 2019. № 2. С. 94–99.
- Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Голофаст Л.А. Работы Иерихонской экспедиции в Палестине // Археологические открытия 2018 года. М.: Наука, 2020. С. 516–517.
- Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Голофаст Л.А., Григорян С.Б. Древности Иерихона: византийский и омейядский периоды на Русском участке // Новые археологические проекты. Воссоздавая прошлое / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 148–151.
- Беляев Л.А., Чехановец Я. Этно-археология русских в Сиро-Палестинском регионе XVIII–XIX вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 2. С. 99–107.
- Вах К.А. Арка на участке русских раскопок у храма Воскресения в Иерусалиме и ее реставрация в 1880–1890-е годы // Российская археология. 2021. № 3. С. 127–142.
- Голофаст Л.А. Стекло из раскопок на участке Музейно-паркового комплекса Российской Федерации в Иерихоне (материалы 2017 и 2019 гг.) // Российская археология. 2019. № 4. С. 144–157.
- Голофаст Л.А. Керамика Иерихона позднеантичного и средневекового периодов (V–XV вв.): справочник-определитель. М.: Индрик, 2020а. 160 с.
- Голофаст Л.А. Раннесредневековая амфора с древнееврейской надписью на свинцовой пломбе из Фанагории // Российская археология. 2020б. № 3. С. 159–172.
- Голофаст Л.А. Амфоры VI в. с изображением меноры из Фанагории // Российская археология. 2021. № 4. (В печати)
- Голофаст Л.А., Ворошилов А.Н. О времени функционирования гончарной мастерской в Иерихоне (по материалам раскопок 2017 г.) // Российская археология. 2018. № 3. С. 97–110.
- Голофаст Л.А., Федотов П.В. Внутрь старой фотографии: находки в Иерихоне на снимках 1880–1890-х годов // Российская археология. 2021. № 3. С. 116–126.
- Материалы к истории научной экспедиции Императорского Православного Палестинского Общества в Сирию и Палестину в 1891 г. / Под ред. Л.А. Беляева. Ч. 1. Путевой дневник Н.П. Кондакова по Сирии и Палестине / Подгот. и коммент. М.Н. Бутырского. Ч. 2. Сирия и Палестина в фотографиях И.Ф. Барщевского (из коллекции Российской национальной библиотеки) / Авт.-сост. Е.В. Бархатова. М.: Индрик, 2021. (В печати)
- Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация / Авт.-сост. Л.А. Беляев, К.А. Вах, Я. Чехановец. М.: Индрик, 2021. (В печати)
- Савельев Н.И. Ирригационные сооружения исламского периода: опыт сравнительного подхода // Российская археология. 2021. № 3. С. 143–155.
- Чехановец Я., Беляев Л.А. Палестинский Музей Антонина Капустина: состояние исследований и перспективы изучения // Византийский временник. 2019. Вып. 103. С. 228–255.
- Чехановец Я., Вах К.А. Византийский монастырь и консульский дом в Иерусалиме (по материалам раскопок 2018 г.) // Российская археология. 2019. № 3. С. 147–157.
- Golofast L.A. Pottery Assemblage // Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. С. 359–465.
- Tchekhanovets Ya., Belyaev L. Russian archaeology of the Holy Land [Электронный ресурс] // The Near Eastern Archaeology Today. 2020. Vol. VIII, No. 2. URL: <http://www.asor.org/anetoday/2020/02/russian-archaeology> (дата обращения: 22.05.2021).

TO THE 10TH ANNIVERSARY OF THE JERICHO EXPEDITION OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY RAS: ACTIVITIES IN 2019–2020

Leonid A. Belyaev*, Alexey N. Voroshilov**,
Olga M. Voroshilova***, Anastasiya A. Maksimova****

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: labeliaev@bk.ru

**E-mail: voroshilov.aleksey@yandex.ru

***E-mail: helga-mir@yandex.ru

****E-mail: anastasiya.maksimova@gmail.com

The paper presents latest data on excavations at the site of the Russian Museum and Park Complex in Jericho. The research is being conducted on a site that contains two types of structures. The first is a large house with stone walls and mosaic floors, revealed in the 1880s by the N.P. Kondakov expedition. The contemporary research identified the structure transformations at the end of the Byzantine period (the 6th–first half of the 8th century). Nearby, a large structure of mud bricks in the lower layer and, presumably, part of an early stone colonnade of this monumental complex were found. The second is the production area where a number of successively used pottery kilns were unearthed that had operated until the end of the Umayyad dynasty. That area was developed later, in the Mamluk period. The everyday nature of the area development in the specified time is indicated by the presence of tandoors. The authors focus on the development of the archaeology activities of Russian pilgrimage in the 18th–19th centuries and on the work of the Jericho Expedition for the preparation and publication of archival materials related to the work of Russian researchers in Palestine during the Ottoman period.

Keywords: archaeology of the Syrian-Palestinian region, Holy Land, Jericho, Byzantine archaeology, history of archaeology, historical archaeology, archival research.

REFERENCES

- Belyaev L.A., 2016. Vizantiyskiy Ierikhon: raskopki spustya stoletie. Materialy Rossiysko-Palestinskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 2010–2013 gg. [Byzantine Jericho: excavations one century later. Materials of the 2010–2013 Russian-Palestinian Archaeological Expedition]. Moscow: Indrik. 500 p.
- Belyaev L.A., 2019. Russian archaeology of Palestine. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences], 2 (95), pp. 51–64. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Chekhanovets Ya., 2020. Ethnic archaeology of Russians in the Syrian-Palestinian region of the 18th–19th centuries. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], vol. 48, no. 2, pp. 99–107. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Vakh K.A., 2019. Commemorative inscriptions of Slavic pilgrims of the 18th–19th centuries at the Archangel Monastery in Jerusalem (preliminary publication). *Slavyanovedenie* [Slavyanovedenie journal], 2, pp. 94–99. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Voroshilov A.N., Golofast L.A., 2020. Activities of the Jericho Expedition in Palestine. *Arkheologicheskie otkrytiya 2018 goda* [Archaeological discoveries of 2018]. Moscow: Nauka, pp. 516–517. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Voroshilov A.N., Golofast L.A., Grigoryan S.B., 2019. Antiquities of Jericho: Byzantine and Umayyad periods in the Russian site. *Novye arkheologicheskie proekty. Vossozdavaya proshloe* [New archaeological projects. Restoring the past]. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 148–151. (In Russ.)
- Chekhanovets Ya., Belyaev L.A., 2019. The Antonin Kapustin Palestinian Museum: current status and prospects of studies. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Chronica], 103, pp. 228–255. (In Russ.)
- Chekhanovets Ya., Vakh K.A., 2019. Byzantine Monastery and Consular House in Jerusalem (based on the results of the excavations in 2018). *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 147–157. (In Russ.)
- Golofast L.A., 2016. Pottery Assemblage. Belyaev L.A. *Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie* [Byzantine Jericho. Excavations one century later]. Moscow: Indrik, pp. 359–465.
- Golofast L.A., 2019. Glass from excavations in the Russian Museum and park complex in Jericho (materials of 2017 and 2019). *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 4, pp. 144–157. (In Russ.)
- Golofast L.A., 2020a. Keramika Ierikhona pozdneantichnogo i srednevekovogo periodov (V–XV vv.): spravochnik-opredelitel' [Jericho pottery of the late antiquity and medieval period (5th–15th centuries): an identification guide]. Moscow: Indrik. 160 p.

- Golofast L.A.*, 2020b. Early medieval amphora with a Hebrew inscription on the lead seal from Phanagoria. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 159–172. (In Russ.)
- Golofast L.A.*, 2021. 6th century amphorae with representations of menorah from Phanagoria. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4. (In print). (In Russ.)
- Golofast L.A., Fedotov P.V.*, 2021. Inside an old photo: Jericho finds in photographs of the 1880s–1890s. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 116–126. (In Russ.)
- Golofast L.A., Voroshilov A.N.*, 2018. On the period of functioning of a pottery workshop in Jericho (based on the materials from 2017 excavations). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 97–110. (In Russ.)
- Materialy k istorii nauchnoy ekspeditsii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Siriyu i Palestinu v 1891 g. [Materials for the history of the scientific expedition of the Imperial Orthodox Palestine Society to Syria and Palestine in 1891]. L.A. Belyaev, ed. Part 1. Putevoy dnevnik N.P. Kondakova po Sirii i Palestine [Travel diary of N.P. Kondakov from his journey around Syria and Palestine]. Part 2. Siriya i Palestina v fotografiyakh I.F. Barshchevskogo (iz kollektsii Rossiyskoy natsional'noy biblioteki) [Syria and Palestine in the photographs by I.F. Barshchevsky (from the collection of the Russian National Library)]. Moscow: Indrik, 2021. (In print).
- Russkie raskopki u khrama Voskreseniya v Ierusalime: istochniki, diskussii, sovremennaya interpretatsiya [Russian excavations at the Church of the Resurrection in Jerusalem: sources, discussions, modern interpretation]. L.A. Belyaev, K.A. Vakh, Ya. Chekhanovets, eds., comp. Moscow: Indrik, 2021. (In print).
- Savel'ev N.I.*, 2021. Irrigation facilities of the Islamic period: experience of a comparative approach. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 143–155. (In Russ.)
- Tshekhanovets Ya., Belyaev L.*, 2020. Russian archaeology of the Holy Land (Electronic source). *The Near Eastern Archaeology Today*, vol. VIII, no. 2. URL: <http://www.asor.org/anetoday/2020/02/russian-archaeology>.
- Vakh K.A.*, 2021. An arch in the Russian excavation area near the Church of the Resurrection in Jerusalem and its restoration in the 1880s–1890s. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 127–142. (In Russ.)

ВНУТРЬ СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ: НАХОДКИ В ИЕРИХОНЕ НА СНИМКАХ 1880–1890-х ГОДОВ

© 2021 г. Л.А. Голофаст^{1,*}, П.В. Федотов^{2,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: larisa_golofast@mail.ru

**E-mail: fedotovpetr@mail.ru

Поступила в редакцию 22.03.2021 г.

Анализируется происхождение, устанавливаются автор (монах Тимон) и дата съемки (вероятно, 1888–1892 гг.) двух известных фотографий с изображением предметов из металла, керамики, камня, найденных в Иерихоне на Иоасафовском (?) участке (сейчас Музейно-парковый комплекс Российской Федерации) в 1880-х годах. Это отождествление позволяет сопоставить вещи на фотографиях с коллекцией, собранной на том же участке Российско-Палестинской экспедицией ИА РАН в 2010-е годы. Тем самым коллекция, особенно в части изделий из бронзы V–VII вв., существенно увеличивается. Удастся также идентифицировать большинство керамических изделий, включив их в типологические группы, выработанные современной наукой для технологическо-морфологической характеристики глиняной посуды. Это в свою очередь приводит к выводу о сборе коллекции именно на Иоасафовском участке, где раскопками открыта зона производства керамики, включающая постоянно сменяющие друг друга горны и производственные инсталляции иных типов (отстойники, резервуары для воды и т.п.).

Ключевые слова: археология Святой Земли, русские владения в Палестине, археологическая фотография, керамика византийского и омейядского периодов.

DOI: 10.31857/S086960630014295-3

История раскопок на “русских участках” в Иерихоне неоднократно излагалась в последнее время, в том числе в связи с возобновлением там археологических работ в 2010-е годы (Беляев, 2016. С. 47–82, сл.). В потоке этих публикаций постоянно мелькают две фотографии из “Палестинской коллекции” Государственного музея истории религии (далее ГМИР), инвентарные номера П-1684 и П-1685 (см. Коллекция фотографий..., электронный ресурс; Федотов, 2015). В настоящее время они украшают, в сильно увеличенном виде, и экспозицию Музейно-паркового комплекса (далее МПК) РФ в Иерихоне (рис. 1, 2).

К этим фотографиям не дают сколько-нибудь сложного комментария. Однако они его давно заслужили, хотя бы потому, что изображенные предметы обнаруживают корреляцию с находками Российско-Палестинской экспедиции ИА РАН 2010-х годов на Иоасафовском участке (МПК РФ). Они настолько близки, что образуют единую “виртуальную коллекцию”. Мы говорим не только о чрезвычайно многочисленных вообще керамических светильниках и мелких сосудах, их сходство легко объяснимо через частоту встречаемости. Но и на фото с металлическими

изделиями они представлены как будто специально подобранными друг к другу. Найденной нами бронзовой лампе соответствуют высокие подставки (ее заостренные штыри прекрасно подойдут к ячейке в ее подставке. Образуют “пару” и кадилыницы на бронзовых цепях (см. Беляев, 2016. Рис. 112. Табл. на с. 147, 148)). Вполне вероятно, что эти предметы принадлежали в свое время единому комплексу церковных сосудов VI–VII вв., часть которого была найдена при раскопках о. Иоасафа, а остатки собраны экспедицией ИА РАН в 2010 г. (характеристике металлических предметов будет посвящена отдельная статья). Интересно, что аналогичны и небольшие вытянутые капители с арабизированным орнаментом и выдолбленным плитом: фрагмент изображен на снимке (рис. 2, 3), похожий найден при работах 2019 г. на МПК (рис. 3, 1), сохранный же прототип обеих обнаружен в коллекции о. Антонина (рис. 3, 2).

Когда и кем сделаны эти находки? Отцом Иоасафом при работах по закладке (1882–начало 1884 г.) храма? Или Яковом Смирновым при раскопках экспедиции Н.П. Кондакова в 1891 г.? Они могли быть собраны на участке местными

Рис. 1. Металлические предметы на фотографии “Иерихон. Сад Палестинского общества. Вещи, найденные при раскопках” (ГМИР, № П-1684).

Fig. 1. Metal objects in the photograph “Jericho. The garden of the Palestinian Society. Items found during excavations” (The State Museum of the History of Religions)

жителями, принесены из Русской духовной миссии (далее РДМ), да и просто куплены о. Антонином (Капустиным) или его преемниками. До конца обстоятельства фотосъемки неизвестны, но мы постараемся прояснить ситуацию.

Оба снимка упомянуты в первом каталоге фотографий Императорского православного Палестинского общества (далее ИППО) (см. Юшманов, 1894) под названием “Иерихон. Сад Палестинского общества. Вещи, найденные при раскопках” (№ 630, 631 на с. 25). Автор снимков обозначен в каталоге, как “Т” (в указателе фотографических собраний в конце каталога дается расшифровка его имени — “Тимон, монах Русской духовной миссии в Иерусалиме в 1884–1893 гг.”). Есть основания усомниться в точности сведений, указанных составителем каталога В.Д. Юшмановым, поскольку во втором каталоге фотографий ИППО (см. Юшманов, 1900) под № 3462 значится снимок Тимона под названием “Иерихон. Приют о. Антонина с севера”. Однако оформлен отпечаток в совершенно нетипичном для этого автора стиле: фотография наклеена на относительно небольшое зеленоватое паспарту, в верхней части изящным почерком (не рукой Тимона) сделана надпись “Иерихонский приют 29.IX.91”. Аналогичным образом оформлена и фотография

под № 3825 (“Церковь Вознесения на Елеонской горе”), на которой, однако, имеется четкая подпись фотоателье “Бонфис” на французском языке (вероятно, фотограф этой студии сделал и снимок Иерихонского приюта).

Снимки внимательно исследованы, чтобы развеять сомнения по поводу авторства снимков с археологическими находками (П-1684 и П-1685). Отпечатки наклеены на вполне типичные для данной коллекции паспарту (тонкий жесткий покоробленный картон размерами 33 × 40 см). По краям паспарту обнаружены тонкие проколы (по восемь отверстий в каждом). Видимо, эти снимки в каком-то виде экспонировались (по предварительным оценкам, общее количество предметов с проколотым паспарту в фотоколлекции ИППО исчисляется сотнями). На нижней части обоих паспарту имеются четкие надписи чернилами с номером, названием, размерами и первой буквой фамилии фотографа. На паспарту к фотографии П-1684 значится “630. Ериха (Иерихон). Сад Палестинского общества. Вещи, найденные при раскопках. (29 × 21, Т.)”. Надпись к фотографии П-1685 отличается только номером (631) и размерами (26 × 21). Чуть выше имеются затертые надписи, можно даже разобрать несколько слов на паспарту фотографии

Рис. 2. Керамические и каменные изделия на фотографии “Иерихон. Сад Палестинского общества. Вещи, найденные при раскопках” (ГМИР, № П-1685). На врезке — копия снимка с нумерацией (1–21) предметов.

Fig. 2. Ceramic and stone objects in the photograph “Jericho. The garden of the Palestinian Society. Items found during excavations” (The State Museum of the History of Religions). The inset shows a copy of the photograph with the numbering (1–21) of objects

П-1685 — “... найденные на Иерихонском месте...”. Отметим, что чернильные надписи, сделанные на паспорту фотографии из коллекции ИППО, не уникальный случай — подобные надписи есть почти на всех паспорту с № 213–847 по каталогу В.Д. Юшманова.

На паспорту наклеены альбуминовые отпечатки. Свойства этой тонкой и хрупкой бумаги позволяют увидеть надписи и клейма на ее обороте — на отпечатках П-1684 и П-1685 их нет. В центре отпечатка П-1684 имеются глубокие царапины, сделанные каким-то заостренным предметом, немного повреждена эмаль. В целом, качество отпечатков неплохое, изображение относительно четкое — очевидно, это работа квалифицированного фотографа.

Д.Д. Смышляев, уполномоченный Православного (“императорским” оно станет чуть позже — в 1889 г.) Палестинского общества в Иерусалиме в письме к секретарю общества М.П. Степанову упоминал о планах съездить 23 марта 1888 г. в Иерихон “для производства предполагаемых раскопок” вместе с архитектором (и по совместительству фотографом) Франгия (Архив... Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 22. Л. 18об.). Однако, фотографии Франгия (цианотипии синего цвета), хранящиеся в собрании ГМИР, совершенно не похожи на снимки П-1684 и П-1685.

Имя автора этих снимков можно выявить, сравнив отпечатки разных фотографов: размеры отпечатка — наша главная “зацепка”. Практически у всех авторов, фотографии которых хранятся в коллекции ИППО, были стандартные размеры отпечатка (очевидно, это было связано с размерами негативов, которые они использовали). Сравним типичные размеры отпечатков у фотографов, работавших в Иерихоне: Г. Филлипс — 16×21 см, “из коллекции Антонина” — 7×7 (видимо, это снимки фотографа РДМ Иосифа, или Семена Герасимовича Сердиса, механика РДМ и помощника о. Антонина в его археологических трудах, в Дневнике он именуется “Симос”, “Симон”, “Sr Simo” и просто “Сим”; известно, что он снимал в Иерихоне, по крайней мере, в феврале 1883 г.); фотоателье “Бонфис” — 22×28 см, И.Ф. Баршевский — 11×17 , 17×23 , 28×39 , Л. Фиорилло — 21×26 . Среди указанных выше фотографов наиболее подходящий формат отпечатка у Фиорилло, однако у этого автора нет ни одной фотографии, превышающей 27 см по ширине или высоте. У известнейшего фотографа памятников русской старины И.Ф. Баршевского, проводившего фотосъемку раскопок в Иерихоне в 1891 г., также нет отпечатков нужного нам размера (кроме того, в его альбомах нет снимков, похожих на П-1684 и П-1685 — см. Сирия и Палестина...,

2021). Отпечатки Тимона очень различаются, это самые разные комбинации размеров — от 6×7 до 23×30 см (достаточно часто встречается комбинация 21×26 см, несколько раз фигурируют снимки размерами 21×29). Судя по рассмотренному признаку, фотографии с археологическими находками сделал именно Тимон (Трофим Дионисович Короткий).

Некоторые сведения о Тимоне, фотографе Русской духовной миссии в Иерусалиме в 1884–1896 гг., можно обнаружить в архиве РДМ (см. Святая земля..., 2012. С. 238). На фотографиях Тимона, хранящихся в ГМИР, в основном, запечатлены разные строения, интерьеры церквей, виды местностей и группы русских паломников. Несколько раз встречаются и снимки археологических объектов, например “порог Судных врат” около храма Гроба Господня. Десятки отпечатков Тимона имеют клейма с указанием даты снимка. Самая ранняя датированная фотография (“Закладка церкви Марии Магдалины в Гефсимании в 1885 году”) сделана им вполне качественно. У Тимона есть отпечатки разного оттенка. Более светлые фотографии 1889 г. похожи по тону на П-1684 и П-1685. Тимон был знаком с участниками экспедиции Н.П. Кондакова 1891 г. (в фонде “Фототека” ГМИР есть фотография, на которой он запечатлен с участниками “археологического путешествия”), однако среди архивных материалов нет каких-либо сведений о его поездке в Иерихон в это время. Архимандрит Антонин (Капустин) многократно упоминает Тимона в своих дневниках. В конце марта 1892 г. Антонин пишет, например, о поездке фотографа РДМ в Иерихон, после которой он получил от Тимона “7 стереоскопических, весьма удачных, снимков Иерихоно-Феокистских” (Антонин. Дневник, 1892. С. 68, 70, 71). В собрании ГМИР есть стереофотографии, соответствующие описанию Антонина (П-1044–1047). Возможно, в ходе этой поездки Тимон сделал в Иерихоне и другие снимки.

Известно, что Тимон проводил регулярную фотосъемку строительства Сергиевского подворья в Иерусалиме в 1887–1888 гг., которое велось под руководством Д.Д. Смышляева (на одном из снимков запечатлен и сам управляющий — см. П-2351). Д.Д. Смышляев в письме к М.П. Степанову от 12 апреля 1888 г. упоминает о планах провести фотосъемку предметов, найденных в Иерихоне: “Древние вещи, бронзовые и глиняные, вырытые еще при Иоасафе, будут доставлены в Иерусалим, и так как они очень интересны, то я сделаю с них фотографии, которые и вышлю Вам” (Архив... Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 22. Л. 42).

1

2

Рис. 3. Каменные капители исламского периода. 1 — находка Российско-Палестинской экспедиции ИА РАН 2019 г.; 2 — Музей о. Антонина (Капустина).

Fig. 3. Stone capitals of the Islamic period

Очевидно, наиболее вероятным кандидатом для подобной фотосъемки был бы хорошо известный Д.Д. Смышляеву фотограф Тимон. Таким образом, дата съемки Тимоном археологических находок в Иерихоне ограничена 1885–1894 гг., однако наиболее вероятен период между 1888 и 1892 гг.

Стоит отметить, что в каталоге В.Д. Юшманова также есть неточности, связанные с указанием точного места съемки. Составитель каталога не был в Святой Земле, и неясно, насколько четко он отличал Иоасафовский участок от Антониновского; в момент подготовки каталога о. Антонин был уже фактически в предсмертном состоянии, и уточняющие комментарии можно было получить только у В.Н. Хитрово. Указание на “сад Палестинского общества” довольно конкретно — Иоасафовский участок, попав в распоряжение ИППО, использовался именно как сад, и раскопки на нем действительно производились. Однако можно встретить упоминание древностей, находок и сада и применительно к участку о. Антонина: “...достаточно посетить сад русского приюта Миссии, в котором его знаменитый основатель, радевший о древностях Святой Земли, известный и высокопочитаемый о. архимандрит Антонин сохранным собрал все остатки и самые маленькие кусочки древности, чтобы убедиться в одном: почва Иерихона богата древностями и именно христианскими” (Кондаков, 1904. С. 136).

Нельзя быть уверенным, что все сфотографированные находки получены именно при раскопках о. Иоасафа, но вполне вероятно, что они взяты на его участке. Их действительно делали здесь постоянно, о чем в 1891 г. пишет Я.И. Смирнов: “В северной части сада в дверях четырехугольного здания найдены были садовником два бронзовых креста, хранящихся в иерусалимском подворье... в разных местах прежним владельцем найден был ряд глиняных и бронзовых вещей, хранящихся в иерусалимском подворье Общества”, да и вообще весь участок был изрыт “прежним владельцем” (о. Иоасафом) в поисках клада (Смирнов, 1904. С. 137–140). Видимо, большая часть вещей найдена именно им и при передаче (пожертвовании) участка ИППО они попали в его владение. Гораздо менее вероятно, что о. Антонин просто купил предметы в Иерихоне и с Иоасафовским участком они не связаны.

Поскольку вещи уже принадлежали “иерусалимскому подворью ИППО” (будущее Александровское), о чем пишет Я.И. Смирнов, они могли быть сняты и в Русском доме на раскопках (где жила экспедиция Кондакова), для съемки, возможно, не обязательно было ехать в Иерихон.

Однако это вряд ли были находки Смирнова, который упоминает из вещей (кроме колонн, мозаик и т.п.) остатки стеклянных сосудов, медных монеток, а также обломок порфировой чаши с крестом. На снимках их нет.

Если съемка прошла в Русском доме (Иерусалимское подворье ИППО), то фото сделаны уже после завершения строительства (1891 г.). Вероятно, там сразу же было создано небольшое хранилище древностей для найденных колонн, капителей, фриз, плиты с надписью (они запечатлены на других фотографиях). Таким образом, съемку надо отнести к 1891–1894 гг. Но вот кем были переданы эти предметы, о. Иоасафом или о. Антонином, пока в точности неизвестно, хотя это могло бы решить вопрос о месте их находки: о. Иоасаф мог найти их только на собственном участке.

Металлические предметы мы видели в шкафах на Александровском подворье несколько лет назад, но сейчас их в общедоступных помещениях подворья нет. О судьбе керамических изделий нам ничего не известно. Если они попали, например, в состав коллекции о. Антонина (Капустина), то выделить их из общей массы — нелегкая задача, но по мере музейной обработки собрания Русской духовной миссии на Елеоне и Александровском подворье их, вероятно, удастся опознать и атрибутировать.

В данной статье сосредоточимся на анализе предметов, изготовленных из глины и, соответственно, на одной из двух фотографий. На ней помещено 19 керамических изделий. Общая композиция достаточно неловкая, но вещи расставлены так, чтобы не заслонять друг друга, в первые ряды выдвинуты мелкие и, видимо, более важные с точки зрения снимавшего. Далее следуют менее значимые. На задний план убраны крупные керамические и два каменных предмета. Попытаемся дать им современную характеристику, одновременно сопоставив с аналогичными предметами из раскопок 2010-х годов (для удобства описания вещи на копии снимка пронумерованы).

К сожалению, даже по очень качественной фотографии трудно судить о цвете глины представленных сосудов или о морфологических деталях, поэтому в ряде случаев приходится ограничиваться предположениями об их принадлежности к той или иной группе.

Небольшие сосудики (рис. 2, 5, 7, 9, 10, 13, 15–16, 18, 21) скорее всего принадлежат к группе, обычно называемой “Столовой византийской посудой” (Fine Byzantine Ware, далее FBW), хотя

такое название кажется не очень правильным (Walmsley, Grey, 2001. P. 149) — большую ее часть составляет раннеисламская продукция, до X в. включительно (Magness, 1993. P. 193). Например, в Пелле FBW найдена в контексте аббасидского времени (Walmsley, 1986. Fig. 9, 11; 1993. Fig. 24, 2); в Тверии — в слоях конца VIII и начала IX в. и в скоплении керамики, открытом между византийской террасой и зданием X в. (Stacey, 2004. P. 90).

Группа включает в себя большое разнообразие форм, в том числе чашечки и чаши, банки, кувшины и кувшинчики, которые отличаются сильным обжигом и тонкими стенками. Черепок, цвет которого варьирует от почти коричневого до светло-красного, часто имеет серую сердцевину. Некоторые из представленных на фотографии сосудов орнаментированы (косые насечки на плечиках, нанесенные мелким зубчатым штампом), их форма уже известна по находкам на разных палестинских памятниках. Так, кувшинчики (рис. 2, 7, 13, 15, 16) относятся к форме 2А по Дж. Магнесс, которая датирует их серединой VI — началом VIII в. (Magness, 1993. P. 239, 240). Такие сосуды известны по находкам в Хирбет эдх-Дхарих, Южная Иордания (Waliszewski, 2001. Fig. 6, 1), Хирбет аль-Карак (Delougaz, Haines, 1960. Pl. 56, 8), Хирбат эль-Ньяна (Vincenz, 2007. P. 30. Fig. 5, 14–16), Бет-Шане (Fitzgerald, 1931. P. 37. Pl. XXXI, 6), Кесарии Маритиме (Johnson, 1988. P. 141. Fig. 336–339), Иерусалиме (Magness, 1993. P. 240) и т.д.

По форме один из представленных на фото сосудов (рис. 2, 5) точно совпадает с аналогичным из группы FBW, хранящемся в коллекции о. Антонина в монастыре Вознесения (Иерусалим). Помимо характерной для FBW глины, елонецкий сосуд декорирован характерными для нее наклонными насечками, нанесенными мелким зубчатым штампом.

Существуют разные предположения по поводу места производства сосудов этой группы. По мнению выделившего группу М. Гихона, производилась такая посуда в районе пустыни Негев (Gichon, 1974. P. 137, 138); Дж. Магнесс считает, что она происходит из района Иерусалима (Magness, 1993. P. 193). Однако разнообразная глина, из которой сделаны сосуды рассматриваемой группы, свидетельствует о функционировании нескольких центров, что позволяет говорить о “семье” сосудов группы FBW, объединяющей посуду, сделанную в разных центрах и из разной глины. Подтверждает это предположение и довольно обширный набор сосудов группы в коллекции А. Капустина, в которой наряду с сосудами

до сих пор неизвестных форм, но с несомненными характеристиками группы FBW, представлены сосуды известных форм, но отличающиеся характером обработки поверхности, качеством формовки, толщиной стенок и даже весом. Так, в коллекции имеются кувшинчики, по морфологическим признакам принадлежащие к форме 2А, но как будто сделанные в подражание популярным в то время изящным кувшинчикам основной группы в мастерских, производивших более грубую посуду. Их изготовили мастера, привыкшие к работе с более крупными формами. Так, оформление верхней части горла демонстрирует руку мастера, явно не привыкшую к формовке тонких деталей, характерных для истинных сосудов группы FBW, а ножка, судя по весу, не полная, как у сосудов основной группы, а сплошная; лишены они и характерного для сосудов группы FBW декорирования.

Предполагается, что небольшие глиняные кувшинчики этой группы наряду со светильниками с надписями (Magness, 1993. P. 176; 1996. P. 42, 43), ампулами, стеклянными бутылочками и медальонами, служили эвлогиями (*eulogiae*), т.е. благословениями, и содержали миро от мощей; масло от светильников, которые горели перед алтарями храмов; воду из святых источников и колодцев, связанных со святыми местами (*loca sancta*), где их в больших количествах получали паломники (Vincenz, 2020. P. 119). Эти маленькие “фляжки” вешали на шею и носили как амулеты. Следует отметить, что форма одного из представленных на фотографии небольших сосудов (рис. 2, 21) очень схожа с формой ампул.

Нижнюю часть большого сосуда с коническим туловом и плоским дном (рис. 2, 1) скорее всего можно отнести к разряду тарных сосудов (*basins*), использовавшихся в домашнем хозяйстве в различных целях. Такими сосудами пользовались уже в позднеримский и византийский периоды, но особенно популярны они стали в раннеарабское время (Feig, 1985. P. 35). В керамическом комплексе Иерихона они составляют одну из самых многочисленных групп и сделаны, главным образом, из светлой глины (Golofast, 2016. P. 360–373). Из такой же светлой глины выполнен и сосуд, попавший на фотографию.

Представленные на фотографии два типа крышек — колоколовидной формы и в форме блюдца с цилиндрической сплошной ручкой в центре — составляют довольно большую группу в иерихонском керамическом комплексе и входят в асортимент продукции иерихонской мастерской (Golofast, 2016. Fig. 56). Весьма вероятно, что и

сфотографированные объекты найдены именно в Иерихоне.

Крышки первого типа (рис. 2, 11) характерны для Трансиордании, главным образом, для памятников омейядского времени — Тель-Хесбан, Гора Небо, Пелла, Амман (Brown, 1991. Р. 226), хотя встречаются как в комплексах византийской эпохи (Fitzgerald, 1931. Р. 37. Pl. XXXI, 11), так и в более поздних слоях (Arnon, 2007. Р. 80. Fig. 18, 10).

Крышки в форме блюдца с выступом в центре (рис. 2, 8) бытовали довольно долго: появившись в позднеримский период, они стали довольно популярны в византийское время и сохраняли популярность при Омейядах (Magness, 1993. Р. 248). Находят крышки аналогичной формы и в комплексах эпохи крестоносцев (Stern, Thatcher, 2009. Р. 134). Кроме Палестины они известны по раскопкам в Сардах, Константинополе, Анемуриуме в комплексах VII в. (Rautman, 1996. Р. 73. Fig. 25, 3.16; Hayes, 1968. Р. 214. No. 107; Williams, 1977. Р. 187. Fig. 3, 26). Этим же временем датируется кораблекрушение в Ясси Ада, среди материалов которого также найдены крышки рассматриваемого типа (Bass, Doorninck, 1982. Р. 175. Fig. 8–14, P41, P42).

На фотографии (рис. 2, 6) представлен довольно редкий тип светильников, тип 3 по Хадад-1997 (Hadad, 1997. Р. 168, 169. Fig. 35); тип 33 по Хадад-2002 (Hadad, 2002. Р. 78. № 337) ладьевидной формы с широкими плечиками, небольшим отверстием для фитиля и подковообразным отверстием для наливания масла. Соединение между нижней и верхней частями светильника покрыто широкой полосой глины, которая опоясывает светильник и переходит в небольшую ручку. Щиток украшен тремя рельефными точками и дугой, что напоминает очень схематичное изображение человеческого лица. Светильники этого типа довольно крупные, что хорошо видно на фотографии, где остальные светильники явно уступают ему по размеру, хотя и выдвинуты на первый план. Редкие экземпляры таких светильников происходят из раскопок в Бет Шане, два экземпляра хранятся в коллекции Шлоссингера (Иерусалим). Хадад относит их бытование к концу VI — середине VIII в. (Hadad, 2002. Р. 78).

Светильники с биконическим в сечении туловом и большим отверстием для наливания масла (рис. 2, 19), обрамленным двумя рельефными концентрическими окружностями, обычно называют “светильниками с подсвечником” (*Candlestick Lamps*) или “в форме башмака” (*Slipper Lamps*), тип 28 по Хадад-2002 (Hadad, 2002. Р. 66. Nos. 287–298). Свое первое название они

получили по схематичному изображению подсвечника-меноры в виде рельефных линий по обе стороны носика (иногда этот мотив интерпретируется как пальмовая ветвь или древо жизни, см. Loffreda, 1989. Р. 215–218). На некоторых экземплярах вместо подсвечника на носике помещено изображение креста, как на двух фрагментах из раскопок в МПК РФ в Иерихоне (Golofast, 2016. Fig. 71, 12; 72, 2). Второе название они получили благодаря своей напоминающей башмак форме.

Такие светильники были самым распространенным типом Палестины в византийский и омейядский периоды; особенно многочисленны их находки в Самарии, Иудее и районе Иерусалима (Magness, 1993. Р. 173–177). Дж. Магнесс считает, что производились они либо в самом Иерусалиме, либо в его окрестностях (Magness, 1993. Р. 176), что подтверждается открытием мастерской в Суба, где найдены формы для изготовления светильников рассматриваемого типа (Gibson et al., 2000. Р. 29; Vincenz, 2020. Р. 112). Это оспаривается некоторыми исследователями, которые предполагают их производство в нескольких центрах (Costa da, 2010. Р. 78), в частности в Хирбат эль-Ньяна, откуда происходят 17 фрагментов форм для оттиска таких светильников (Sussman, 2007. Р. 67. Fig. 8).

Светильник миндалевидной формы, украшенный тонким геометрическим орнаментом в низком рельефе, с небольшими шпоровидной ручкой и круглым отверстием для наливания масла (рис. 2, 12) относится к широко распространенному не территории Палестины типу, датирующемуся XIII–XIV вв. (*Relief-molded Slipper (Duck-Shaped) Lamps*), тип 45 по Хадад-2002 (Hadad, 2002. Р. 112; Avissar, Stern, 2005. Р. 128; Boas, 2006. Р. 95. Fig. 19; Sussman, 2007. Р. 70. Fig. 9; Pringle, 1984. Fig. 5, 9; 1986. Р. 145. Fig. 47; Tushingham, 1985. Р. 147, 151. Fig. 34, 41; 37, 6, 13; 38, 14, 17; 43, 17; 45, 1, 3; Golofast, 2016. Р. 444. Fig. 80, 11–13). Возможно, такие светильники бытовали и несколько позже. Формовали их путем оттискивания двух плоских кусков глины в рельефной форме (Avissar, Stern, 2005. Р. 126. Fig. 53, 2–4; Milwright, 2008. Р. 174). Судя по разнообразию глин, из которых они сделаны, а также значительному количеству находок, они были довольно дешевы и, возможно, производились странствующими ремесленниками (Milwright, 2008. Р. 175). Одна из мастерских открыта в Неби Самуэль, недалеко от Иерусалима, где найдены формы для оттиска таких светильников (Hadad, 2002. Р. 112). Точная копия светильника с фотографии хранится в Государственном

Эрмитаже (происхождение неизвестно, см. Залесская, 2006. Р. 197. № 441). Не исключено, что оба светильника были оттиснуты в одной форме, ибо часть коллекции о. Антонина попала именно в Эрмитаж.

Таким образом, рассмотрение представленных на фотографии керамических изделий приводит нас к следующим выводам. Во-первых, очевидно, что это находки хронологически достаточно однородны и восходят ко времени никак не ранее VI–VII вв., хотя один из предметов датируется XIII–XIV вв. Их вряд ли подбирали специально, и скорее всего они найдены в комплексах соответствующих периодов. Во-вторых, они отлично соотносятся с керамикой, найденной при наших раскопках в МПК РФ в слоях того же времени. Это позволяет довольно уверенно характеризовать отснятую керамическую коллекцию как собранную на том же месте (Иоасафовский участок, Сад ИППО, МПК РФ) в 1880–начале 1890-х годов.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41021.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонин. Дневник. Т. 34. 1892 // Государственный музей истории религии. Библиотека. Б. IV. № 853 (34).
Архив внешней политики Российской империи. Ф. РИПО. Оп. 873/1. Д. 22.
- Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. М.: Индрик, 2016. 500 с.
- Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 272 с.
- Коллекция фотографий Императорского Православного Палестинского Общества в Государственном музее истории религии [Электронный ресурс]. URL: <http://palestina.indrik.ru/> (дата обращения: 15.02.2021).
- Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб.: Имп. Акад. наук, 1904. 454 с.
- Святая земля: историко-культурный иллюстрированный альманах. Ч. 1. Святая земля: историко-культурный иллюстрированный альманах. Ч. 1. М.: Аркаим, 2012. 312 с.
- Сирия и Палестина в фотографиях И.Ф. Барщевского (из коллекции Российской национальной библиотеки). Вып. 2 / Авт.-сост. Е.В. Бархатова. М.: Индрик, 2021. 248 с. (В печати)
- Смирнов Я.И. Археологические разведки в Иерихоне на месте Палестинского Общества, проведенные от 12 до 21 ноября 1891 года // Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб.: Имп. Акад. наук, 1904. С. 137–142.
- Федотов П.В. Ближний Восток в снимках конца XIX – начала XX века: обзор фотографий из “Палестинской коллекции” ГМИР // Иерусалимский православный семинар. 2015. Вып. 6. С. 177–200.
- Юшманов В.Д. Собрание фотографических снимков, принадлежащих Императорскому Православному Палестинскому обществу. СПб., 1894 (Палестина и Синай; ч. 1, вып. 3). 176 с.
- Юшманов В.Д. Собрание фотографических снимков, принадлежащих Императорскому Православному Палестинскому обществу. СПб., 1900 (Палестина и Синай). 89 с.
- Arnon Y.D. Excavations in Marcus Street, Ramla: Pottery, Oil Lamps and Carved Stone Vessels // Contract archaeology Reports. Vol. 2. Reports and Studies of the Recanati Institute for Maritime Studies Excavations. Haifa, 2007. P. 38–99.
- Avisar M., Stern E. Pottery of the Crusader, Ayyubid and Mamluk Periods in Israel. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2005 (Israel Antiquities Authority Reports; 26). 177 p.
- Bass G.F., Doorninck F.H. van. Yassi Ada. Vol. I. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck. College Station: Texas A&M University Press, 1982. 98 p.
- Boas A. The Medieval Ceramics from Khirbat Ka'kul // 'Atiqot. 2006. 54. P. 75–104.
- Brown R.M. Ceramics from the Kerak Plateau // Archaeological Survey of the Kerak Plateau. Atlanta, 1991. P. 169–279.
- Costa K. da. Economic Cycles in the Byzantine Levant: The Evidence from Lamps at Pella in Jordan // Levant. 2010. 42, № 1. P. 70–87.
- Delougaz P., Haines R.C. A Byzantine Church at Khirbat al-Karak. Chicago: University of Chicago Press, 1960 (Oriental Institute publications / University of Chicago; vol. 85). 68 p.
- Feig N. Pottery, Glass, and Coins from Magen // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1985. 258. P. 33–40.
- Fitzgerald G.M. Beth-Shan Excavations, 1921–23: the Arab and Byzantine Levels. Philadelphia: The University of Pennsylvania Museum of Archeology and Anthropology, 1931. 64 p.
- Gibson S., Dar S., Clarke J. The Archaeological Setting and the Surrounding Landscape // Harper R.P., Pringle D. Belmont Castle: The Excavation of a Crusader Stronghold in the Kingdom of Jerusalem. Oxford: Oxford University Press, 2000 (British Academy Monographs in Archaeology; 10). P. 21–32.

- Gichon M.* Fine Byzantine Wares from the South of Izrael // Palestine Exploration Quarterly. 1974. 106. P. 119–139.
- Golofast L.A.* Pottery Assemblage and the Glass Finds // Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. С. 359–477.
- Hadad Sh.* Oil Lamps from the Third to the Eighth Century C. E. at Scythopolis-Bet Shean // Dumbarton Oaks Papers. 1997. Vol. 51. P. 147–188.
- Hadad Sh.* Oil Lamps from the Hebrew University Excavations at Bet Shean. Jerusalem: The Institute of Archaeology of the Hebrew University in Jerusalem, 2002 (Excavations at Bet Shean; 1) (Qedem Reports; 4). 176 p.
- Hayes J.W.* A Seventh-century pottery group // Dumbarton Oaks Papers. 1968. Vol. 22. P. 201–216.
- Johnson B.L.* The Pottery // Excavations in Jalame – Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine / Ed. C.D. Weinberg. Columbia: University of Missouri Press, 1988. P. 137–226.
- Loffreda S.* Lucerne bizantine in Terra Santa con iscrizioni in greco. Jerusalem, 1989 (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior; 35). 244 p., 30 tabl.
- Magness J.* Jerusalem Ceramic Chronology circa 200–800 CE. Sheffield, 1993. 277 p.
- Magness J.* Blessing from Jerusalem: Evidence for Early Christian Pilgrimage // Eretz-Israel. 25. Jerusalem, 1996. P. 37–45.
- Milwright M.* The Fortress of the Raven. Karak in the Middle Islamic Period (1100–1650). Leiden; Boston: Brill, 2008. 470 p.
- Pringle D.* Thirteenth-century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel // Levant. 1984. 16. P. 91–111.
- Pringle D.* The Red Tower (al-Burj al-Ahmar): Settlement in the Plain of Sharon at the Time of the Crusaders and Mamluks (A.D. 1099–1516). London: British School of Archaeology in Jerusalem, 1986 (Monograph Series; vol. 1). 206 p.
- Rautman M.L.* Two Late Roman Wells at Sardis // Annual of the American Schools of Oriental Research. 1996. 53. P. 37–84.
- Stacey D.* Excavations at Tiberias, 1973–1974. The Early Islamic Periods. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2004 (Israel Antiquities Authority Reports; 21). 259 p.
- Stern E.J., Tatcher A.* The Early Islamic Crusader, and Mamluk Pottery // Getzov N. et al. Horbat 'Uza. The 1991 excavations. Vol. II. The Late Periods. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2009 (Israel Antiquities Authority Reports; 42). P. 118–175.
- Sussman V.* The Clay Oil Lamps from Khirbat el-Niana // 'Atiqot. 2007. 57. P. 53–72.
- Tushingham A.D.* Excavations in Jerusalem. 1961–1967. Vol. I. Toronto, 1985. 528 p.
- Vincenz A.* Ceramic Vessels and Oil Lamps from the Burial Cave at 'En Lavan, Nahak Refa'im // 'Atiqot. 2020. 98. P. 103–122.
- Vincenz A. de, Sion O.* Two Pottery Assemblage from Khirbat el-Ni'ana // 'Atiqot. 2007. 57. P. 21–52.
- Waliszewski T.* Céramique Byzantine et proto-islamique de Khirbet edh-Dharih (Jordanie due Sud) // La céramique Byzantine et Proto-Islamique en Syrie-Jordanie (IVe–VIIIe siècles apr. J.-C.) / Eds. E. Villeneuve, P.M. Watson. Beyrouth: Institut français d'archéologie du Proche-Orient, 2001. P. 95–106.
- Walmsley A.G.* The Abbasid Occupation in Area XXIX (Preliminary Report on the University of Sydney's Seventh Season of Excavations at Pella in 1985) // Annual of the Department of Antiquities of Jordan. 1986. 30. P. 182–195.
- Walmsley A.G.* Tell al-Husn (Area XXXIV) // Annual of the Department of Antiquities of Jordan. 1993. 37. P. 198–218.
- Walmsley A.G., Grey A.D.* An Interim Report on the Pottery from Gharandal (Arindela), Jordan // Levant. 2001. 33. P. 139–164.
- Williams C.* A Byzantine Well-deposit from Anemurium (Rough Cilicia) // Anatolian Studies. 1977. 27. P. 175–190.

INSIDE OLD PHOTOS: JERICHO FINDS IN THE PHOTOGRAPHS OF THE 1880s–1890s

Larisa A. Golofast^{1,*}, Petr V. Fedotov^{2,**}

¹Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

²State Museum of the History of Religion, St. Petersburg, Russia

*E-mail: larisa_golofast@mail.ru

**E-mail: fedotovpetr@mail.ru

The study analyzes the origin, the author (monk Timon), and the shooting date (probably, 1888–1892) of two well-known photographs depicting objects of metal, ceramics, and stone found in Jericho at the Joasaph (?) site (now the Russian Museum and Park Complex) in the 1880s. This identification made it possible to compare the items in the photographs with the collection obtained from the same site by the

Russian-Palestinian expedition of the Institute of Archaeology RAS in the 2010s. Thus, the collection, especially in terms of bronze items of the 5th–7th centuries, was replenished significantly. It was also possible to identify most of the pottery items, including them in the typological groups developed by modern research for the technological and morphological characterization of pottery. This, in turn, lead to the conclusion that the collection was obtained exactly from the Joasaph site, where excavations revealed an area of pottery production. It includes kilns that operated successively and production facilities of other types (sedimentation tanks, water tanks, etc.).

Keywords: archaeology of the Holy Land, Russian property in Palestine, archaeological photography, pottery of the Byzantine and Umayyad periods.

REFERENCES

- Antonin. Dnevnik [Diary book]. T. 34. 1892. *Gosudarstvennyy muzey istorii religii. Biblioteka [The State Museum of the History of Religion. Library]*, B. IV, № 853 (34).
- Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire], F. RIPPO, Op. 873/1, D. 22.
- Arnon Y.D., 2007. Excavations in Marcus Street, Ramla: Pottery, Oil Lamps and Carved Stone Vessels. *Contract archaeology Reports, 2. Reports and Studies of the Recanati Institute for Maritime Studies Excavations*. Haifa, pp. 38–99.
- Avissar M., Stern E., 2005. Pottery of the Crusader, Ayyubid and Mamluk Periods in Israel. Jerusalem: Israel Antiquities Authority. 177 p. (Israel Antiquities Authority Reports, 26).
- Bass G.F., Doorninck F.H. van, 1982. Yassi Ada, I. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck. College Station: Texas A&M University Press. 98 p.
- Belyaev L.A., 2016. Vizantiyskiy Ierikhon: raskopki spustya stoletie. Materialy Rossiysko-Palestinskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 2010–2013 gg. [Byzantine Jericho: excavations one century later. Materials of the 2010–2013 Russian-Palestinian Archaeological Expedition]. Moscow: Indrik. 500 p.
- Boas A., 2006. The Medieval Ceramics from Khirbat Ka'kul. *'Atiqot*, 54, pp. 75–104.
- Brown R.M., 1991. Ceramics from the Kerak Plateau. *Archaeological Survey of the Kerak Plateau*. Atlanta, pp. 169–279.
- Costa K. da, 2010. Economic Cycles in the Byzantine Levant: The Evidence from Lamps at Pella in Jordan. *Levant*, 42, 1, pp. 70–87.
- Delougaz P., Haines R.C., 1960. A Byzantine Church at Khirbat al-Karak. Chicago: University of Chicago Press. 68 p. (Oriental Institute publications. University of Chicago, vol. 85).
- Fedotov P.V., 2015. The Middle East in photos of the late 19th – early 20th century: A review of photos from the “Palestinian Collection” of the State Museum of the History of Religion. *Ierusalimskiy pravoslavnyy seminar [Jerusalem Orthodox Seminar]*, 6, pp. 177–200. (In Russ.)
- Feig N., 1985. Pottery, Glass, and Coins from Magen. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 258, pp. 33–40.
- Fitzgerald G.M., 1931. Beth-Shan Excavations, 1921–23: the Arab and Byzantine Levels. Philadelphia: The University of Pennsylvania Museum of Archeology and Anthropology. 64 p.
- Gibson S., Dar S., Clarke J., 2000. The Archaeological Setting and the Surrounding Landscape. *Harper R.P., Pringle D. Belmont Castle: The Excavation of a Crusader Stronghold in the Kingdom of Jerusalem*. Oxford: Oxford University Press, pp. 21–32. (British Academy Monographs in Archaeology, 10).
- Gichon M., 1974. Fine Byzantine Wares from the South of Izrael. *Palestine Exploration Quarterly*, 106, pp. 119–139.
- Golofast L.A., 2016. Pottery Assemblage and the Glass Finds. *Belyaev L.A. Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho: excavations one century later]*. Moscow: Indrik, pp. 359–477.
- Hadad Sh., 1997. Oil Lamps from the Third to the Eighth Century C. E. at Scythopolis-Bet Shean. *Dumbarton Oaks Papers*, 51, pp. 147–188.
- Hadad Sh., 2002. Oil Lamps from the Hebrew University Excavations at Bet Shean. Jerusalem: The Institute of Archaeology of the Hebrew University in Jerusalem. 176 p. (Excavations at Bet Shean, 1) (Qedem Reports, 4).
- Hayes J.W., 1968. A Seventh-century pottery group. *Dumbarton Oaks Papers*, 22, pp. 201–216.
- Johnson B.L., 1988. The Pottery. *Excavations in Jalame – Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine*. C.D. Weinberg, ed. Columbia: University of Missouri Press, pp. 137–226.
- Kollektsiya fotografii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Gosudarstvennom muzee istorii religii (Elektronnyy resurs) [Collection of photographs of the Imperial Orthodox Palestine Society in the State Museum of the History of Religion (Electronic source)]. URL: <http://palestina.indrik.ru/>.
- Kondakov N.P., 1904. Arkheologicheskoe puteshestvie po Sirii i Palestine [Archaeological journey around Syria and Palestine]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. 454 p.
- Loffreda S., 1989. Lucerne bizantine in Terra Santa con iscrizioni in greco. Jerusalem. 244 p., 30 tabl. (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior, 35).

- Magness J., 1993. Jerusalem Ceramic Chronology circa 200–800 CE. Sheffield. 277 p.
- Magness J., 1996. Blessing from Jerusalem: Evidence for Early Christian Pilgrimage. *Eretz-Israel*, 25. Jerusalem, pp. 37–45.
- Milwright M., 2008. The Fortress of the Raven. Karak in the Middle Islamic Period (1100–1650). Leiden; Boston: Brill. 470 p.
- Pringle D., 1984. Thirteenth-century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel. *Levant*, 16, pp. 91–111.
- Pringle D., 1986. The Red Tower (al-Burj al-Ahmar): Settlement in the Plain of Sharon at the Time of the Crusaders and Mamluks (A.D. 1099–1516). London: British School of Archaeology in Jerusalem. 206 p. (Monograph Series, 1).
- Rautman M.L., 1996. Two Late Roman Wells at Sardis. *Annual of the American Schools of Oriental Research*, 53, pp. 37–84.
- Siriya i Palestina v fotografiyakh I.F. Barshchevskogo (iz kollektsii Rossiyskoy natsional'noy biblioteki) [Syria and Palestine in photographs by I.F. Barshchevsky (from the collection of the Russian National Library)], 2. E.V. Barkhatova, ed., comp. Moscow: Indrik, 2021. 248 p. (In print).
- Smirnov Ya.I., 1904. Archaeological surveys in Jericho at the site of the Palestinian Society conducted from 12 to 21 November, 1891. *Kondakov N.P. Arkheologicheskoe puteshestvie po Sirii i Palestine [Archaeological journey around Syria and Palestine]*. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, pp. 137–142. (In Russ.)
- Stacey D., 2004. Excavations at Tiberias, 1973–1974. The Early Islamic Periods. Jerusalem: Israel Antiquities Authority. 259 p. (Israel Antiquities Authority Reports, 21).
- Stern E.J., Thatcher A., 2009. The Early Islamic Crusader, and Mamluk Pottery. *Getzov N. et al. Horbat 'Uza. The 1991 excavations, II. The Late Periods*. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, pp. 118–175. (Israel Antiquities Authority Reports, 42).
- Sussman V., 2007. The Clay Oil Lamps from Khirbat el-Niana. *Atiqot*, 57, pp. 53–72.
- Svyataya zemlya: istoriko-kul'turnyy illyustrirovanny al'manakh [The Holy Land: historical and cultural illustrated almanac], 1. Moscow: Arkaim, 2012. 312 p.
- Tushingham A.D., 1985. Excavations in Jerusalem. 1961–1967, vol. I. Toronto. 528 p.
- Vincenz A. de, Sion O., 2007. Two Pottery Assemblage from Khirbat el-Ni'ana. *Atiqot*, 57, pp. 21–52.
- Vincenz A., 2020. Ceramic Vessels and Oil Lamps from the Burial Cave at 'En Lavan, Nahak Refa'im. *Atiqot*, 98, pp. 103–122.
- Waliszewski T., 2001. Céramique Byzantine et proto-islamique de Khirbet edh-Dharih (Jordanie due Sud). *La céramique Byzantine et Proto-Islamique en Syrie-Jordanie (IVe–VIIIe siècles apr. J.-C.)*. E. Villeneuve, P.M. Watson, eds. Beyrouth: Institut français d'archéologie du Proche-Orient, pp. 95–106.
- Walmsley A.G., 1986. The Abbasid Occupation in Area XXIX (Preliminary Report on the University of Sydney's Seventh Season of Excavations at Pella in 1985). *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*, 30, pp. 182–195.
- Walmsley A.G., 1993. Tell al-Husn (Area XXXIV). *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*, 37, pp. 198–218.
- Walmsley A.G., Grey A.D., 2001. An Interim Report on the Pottery from Gharandal (Arindela), Jordan. *Levant*, 33, pp. 139–164.
- Williams C., 1977. A Byzantine Well-deposit from Anemurium (Rough Cilicia). *Anatolian Studies*, 27, pp. 175–190.
- Yushmanov V.D., 1894. Sobranie fotograficheskikh snimkov, prinadlezhashchikh Imperatorskomu Pravoslavnomu Palestinskomu obshchestvu [Collection of photographs belonging to the Imperial Orthodox Palestine Society]. St. Petersburg. 176 p. (Palestina i Sinay, part 1, iss. 3).
- Yushmanov V.D., 1900. Sobranie fotograficheskikh snimkov, prinadlezhashchikh Imperatorskomu Pravoslavnomu Palestinskomu obshchestvu [Collection of photographs belonging to the Imperial Orthodox Palestinian Society]. St. Petersburg. 89 p. (Palestina i Sinay).
- Zalesskaya V.N., 2006. Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vv.: katalog kollektsii [Monuments of Byzantine applied art of the 4th–7th centuries: a catalog of the collection]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 272 p.

АРКА НА УЧАСТКЕ РУССКИХ РАСКОПОК У ХРАМА ВОСКРЕСЕНИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ И ЕЕ РЕСТАВРАЦИЯ В 1880–1890-е ГОДЫ

© 2021 г. К.А. Вах

Научно-издательский центр “Индрик”

E-mail: K_vach@mail.ru

Поступила в редакцию 19.04.2021

Анализ текста неопубликованного дневника архимандрита Антонина Капустина и анализ фотографий раскопок в Иерусалиме из коллекции Императорского Православного Палестинского Общества позволили частично восстановить ход и результаты работ по разборке и консервации известного памятника исторической топографии Иерусалима — арки в восточной части участка храма Воскресения (в настоящее время — внутри подворья Александра Невского). В научный оборот вводятся новые факты об открытиях, сделанных в процессе раскопок и последующего строительства на русском участке, рассматривается мотив, побудивший Антонина (Капустина) предпринять попытку реконструкции второй части арки, уделяется внимание описанию современного состояния памятника. Сюжет статьи является частью более общей работы по истории раскопок Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме в 1883 г. и анализу озвученных публично результатов. Представленный материал и выводы исследования будут способствовать продолжению изучения археологических памятников Иерусалима.

Ключевые слова: Палестина, Иерусалим, история археологии, святые места, Антонин Капустин, Императорское Православное Палестинское Общество.

DOI: 10.31857/S086960630014590-8

Под крышей Александровского подворья в Иерусалиме вплоть до настоящего времени демонстрируется и служит объектом почитания комплекс архитектурных остатков, возникший в ходе “русских раскопок” конца 1850-х — 1883 гг., их последующей “реставрации” и включения в интерьер заново возведенного подворья. На этот участок, по-видимому, приходится юго-восточный угол внешнего атриума базилики Воскресения Христова императора Константина и зона его сочленения с главной улицей (*кардо*) Иерусалима. Открытые на этом участке руины стали одной из первых сенсаций в исторической топографии города, породив споры как в научных, так и в церковных и даже политических кругах. Материалы работ были изданы — возможно, даже слишком быстро, до полного завершения, а сведения, полученные позднее и особенно при реставрации, практически утрачены — они представлены фотографиями и обрывочными упоминаниями в документах. В настоящее время отдельные части комплекса привлекли внимание ученых, но другие не анализировались сколько-нибудь предметно.

Среди этих объектов самый заметный — арка с частью стены и двумя опорами, а также тремя капителями (две резные коринфские; одна грубо

отесанная). Изначально она вызвала интерес — ее интерпретировали как часть ворот города или древнейших пропилей храма Воскресения, пытались найти подтверждения этому, реконструировать (как двухпролетную), но в итоге законсервировали. При этом следовали разборки и пополнения кладок, шла фотофиксация, но, как уже сказано, материалы этих работ неизвестны.

Определенный свет на процесс могут пролить записи в известнейшем (но до конца не опубликованном) источнике жизни Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в целом и работах на древних участках в частности — дневнике архимандрита Антонина (Капустина)¹. Записи, связанные с раскопками самого известного сезона, 1883 г., уже анализировались (Беляев, Вах, 2021), но более поздние части дневника к обсуждению еще не привлекались. Строки, в которых отражена трансформация облика арки и прилегающего

¹ Все ссылки и цитаты сделаны по машинописной копии дневников Антонина (Капустина), хранящейся в библиотеке ГМИР (Санкт-Петербург), поскольку в оригинальной рукописи (РГИА. Собрание Св. Синода. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1118–1132) дневники за 1883–1886 гг. отсутствуют. Подробнее о создании копии см.: Вах, 2013. При цитировании текстов дневника указываются год и дата соответствующей записи.

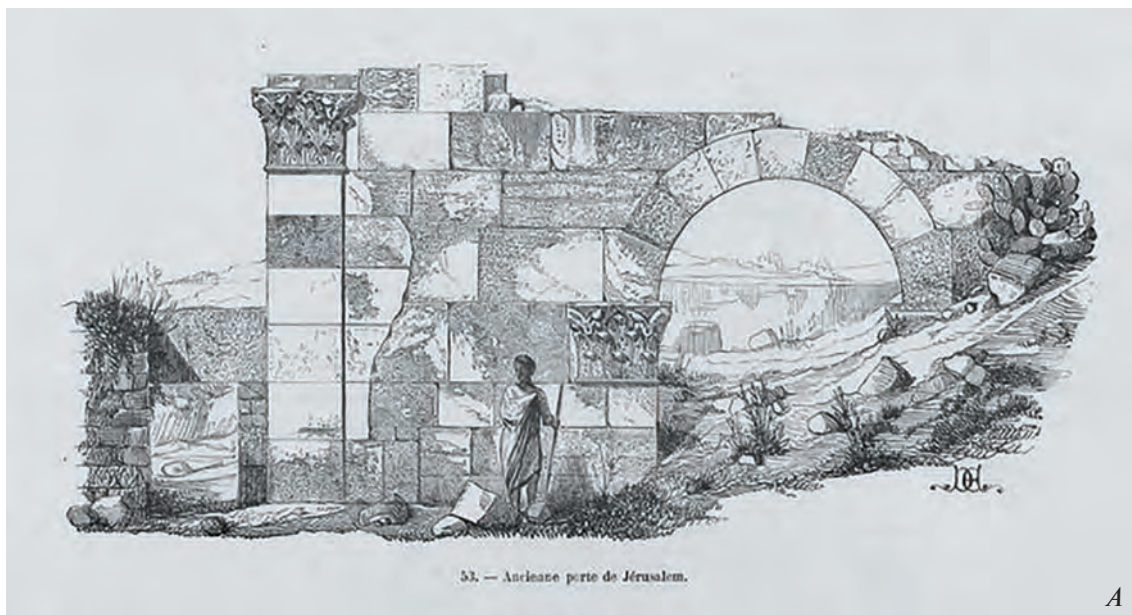

Рис. 2. Арка на русских раскопках. Рисунок из книги Vogüé С.-J.-M., de. *Les Églises de la Terre Sainte*. Paris, 1860. P. 120 (А). “Древние ворота на русском месте в 1864 г.”. Литография по фото. Ч. Уилсона (Б). Архив ИППО (Москва).

Fig. 2. The Arch at the Russian excavation site

участка вплоть до 1890-х годов — предмет этой статьи.

Кратко опишем историю включения арки в научный оборот. В 1859 г., в ходе начатой расчистки

земельного участка, только что приобретенного российским правительством, к востоку от храма Воскресения в Иерусалиме консул В.И. Доргобужинов обнаружил верхнюю часть арки

(см. его письмо Д.А. Оболенскому из Иерусалима 5/17 июля 1859 г. — АВПРИ. Ф. СПбГА. II-9. 1857. Д. 17. Ч. 1. Л. 98 об.). Это положило начало масштабным археологическим работам — ведь до 1859 г. на участке памятника не были известны (подробнее см.: Вах, 2020. С. 21–75).

В 1860 г. расчистку арки совместно с В.И. Доргобужиновым вел прибывший из Петербурга для строительства в Иерусалиме русских паломнических приютов академик архитектуры М.И. Эппингер. При нем раскопали лишь верхнюю часть, но общественность немедленно узнала о развалинах “вековых сводов, относящихся, вероятно, к эпохе римского владычества в Палестине и содержащих, без сомнения, замечательные остатки древности”. В.И. Доргобужинов определил функцию и время сооружения, написал об остатках “портиков и пропилей, образовавших главный вход в атриум Святогробской базилики Святого Равноапостольного царя Константина”. Он опирался на только что вышедшую книгу М. де Вогюэ, (Vogüé, 1860), где предлагалась реконструкция базилики Константина. Вогюэ собрал материал для исследования во время первой поездки в Иерусалим в 1853–1854 гг., и потому древностей на пустыре, тогда еще принадлежавшем коптскому священнику, видеть не мог (рис. 1).

Когда Вогюэ в 1861 г. вновь посетил Иерусалим, то с разрешения владельцев обследовал открытый ими памятник и на собственный счет провел небольшие раскопки возле арки и открытых древних стен. Он предположил, что арка с массивной резной капителью представляет собой фрагмент восстановленных в христианскую эпоху старых городских ворот, заявив, что, пока ему не докажут обратное, будет видеть здесь остатки ворот Второй стены, через которые “Иисус Христос был веден на лобное место” (Последовательное с 1843 г. исследование развалин..., 1884. С. 128, 129).

В 1864 г. Ч. Уилсон предпринял более масштабные работы, проложив траншею непосредственно под пролетом арки и обнаружив позднее сооружение, напоминавшее печь (стояло оно на скале или было сложено на культурном слое — неясно). Он заключил, что арка дошла уже в перестроенном или восстановленном виде, “потому что один конец опирается на пилястр с капителью, в то время как другой опирается на колонну с грубо высеченной каменной глыбой вместо капители” (Последовательное с 1843 г. исследование развалин..., 1884. С. 131).

Оба исследователя проиллюстрировали свои наблюдения: Вогюэ приложил к изданию труда рисунок, а Уилсон — фотографию. Благодаря

этому мы можем судить, в какой степени объект был доступен ученым (рис. 2).

В дальнейшем высказывались различные предположения о происхождении и назначении арки, причем все указывали на эклектичность, небрежность кладки и плохую сохранность.

Новые раскопки на русском участке провел в 1883 г. начальник РДМ Антонин (Капустин) по поручению и на средства Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО). Активные работы начались 7 марта, но к расчистке арки приступили лишь во второй половине апреля 1883 г. 26 апреля в дневнике Антонина появилась запись: “Путешествие в город на раскопки и исследование там разрываемой триумфальной арки”. Сам Антонин не готов был делать заключение относительно характера “загадочной постройки, называемой нами воротами и между тем не соответствующей идее ворот своим пролетом, перегородиваемым колонною” (Антонин, 1884б. С. 13). Он сообщил (05.05.1883) Палестинскому Обществу, что колонна, несущая на себе арку, капителью упирается на возведенную рядом стену грубой работы и без этой опоры “непременно падет, а с нею рухнет и держащаяся еще кое-как арка северного пролета ворот” (Антонин, 1884б. С. 13).

В следующем отчете от 19 июня того же года Антонин уже назвал предполагаемые ворота “самым замечательным остатком древности”, “несомненно составлявших часть упоминаемых историком Евсевием *пропилей*, ведущих со стороны города в базилику Воскресения Христова и построенных императором Константином Великим под наблюдением его матери св. царицы Елены”, отметив, что с начала мая все работы сосредоточены около арки (Антонин, 1884б). Антонин намеревался понять: “интересная развалина есть ли только одна из *трех* дверей, упоминаемых историком, ведущих от пропилей в первый двор, *atrium*, храма, и именно — левая, южная, или ее надобно считать главной и единственной, к которой примыкали пропилеи с севера”, склоняясь к последнему предположению (Антонин, 1884б). В отличие от Вогюэ, Уилсона и других исследователей, он считал, что конструкция изначально состояла не из трех, а из двух пролетов, подобно Золотым воротам. Сперва на расчищенной к югу от колонны площадке обнаружить фундамент второй части “ворот” не удалось (Антонин, 1884б), но в дневнике Антонин дважды (4 и 8 августа 1883 г.) кратко упомянул об обнаружении основания южной части арки.

По расчетам о. Антонина, следы этой несохранившейся части должны были находиться за той

Рис. 3. Вид раскопанного арочного проема с запада. Стоят Симос Сердис с помощником. Видны утраты северной части капители. На заднем плане пролом в стене, сделанный для поисков фундамента южной части сооружения. Фото. 1883 г. (А). Симос Сердис возле найденной под пролетом арки базы колонны. На заднем плане сидит К. Шик (?). Фото. 1883 г. (Б). Здесь и далее — фото из коллекции фотографий ИППО. ГМИР (Санкт-Петербург).

Fig. 3. A view of the excavated archway from the west

стеной, к которой теперь была прислонена колонна, поддерживавшая северную часть. Точнее, на стену опиралась капитель, которая сама оказалась поврежденной. В результате давления на колонну с юга — мгновенного (землетрясение; внезапное обрушение) или длительного (давление массы грунта под действием вымывания мягких фракций водой) — база, колонна, капитель и свод арки сдвинулись к северу. База колонны, не имевшая жесткой связи, сместилась сильнее. Капитель, упирившаяся в конструкцию арки, — меньше. Очевидно, давление вбок компенсировалось давлением сверху.

На первых фотографиях у капители колонны уже отсутствует северо-западный угол. Камни, образующие арку, сместились вверх. Второй после замка (четвертый?) камень в южном полукружии арки съехал вниз, компенсировав изменившуюся геометрию и вернув жесткость всей конструкции. Последний сохранившийся камень, который накрывал полукружие арки с севера, из-за изменившейся геометрии оказался задран кверху (рис. 3А).

Позднее, чтобы избежать внезапного обрушения поврежденной конструкции, о. Антонин поручил архитектору К. Шику “утвердить системою деревянных подпорок все, что грозило падением” (Антонин, 1884б. С. 16).

Вскоре после расчистки площадки непосредственно под аркой была сделана новая находка: рядом с колонной обнаружили базу в форме куба с высеченным крестом грубой работы: “При этом оказалось, что стоящая между пролетами колонна утверждена на несоразмерно тонком и непрочном пьедестале из цельного песчаникового камня кубической формы, — таком же невзрачном, как и она сама, и к тому же искалеченном сыростью и временем” (Антонин, 1884б. С. 16, 17). Дальнейшая судьба этой базы неизвестна — на последующих фотографиях она более не встречается, видимо, ее убрали в ходе работ (рис. 3Б).

После расчистки все сооружение приобрело, по словам о. Антонина, величественный вид: “Десять рядов больших, правильно сеченных камней, образующих северо-западный угол их, с двумя, изящно изваянными, угловыми громадными капителями, производят импонирующее впечатление, и заставляют жалеть, что целая половина здания не существует более!” (1884б. С. 17).

После расчистки пространства под аркой активные раскопки возле них прекратились. Последний из опубликованных отчетов о. Антонина в ИППО датирован 19 июля 1883 г. Он посвящен другой находке — древнему порогу, который сразу

признали остатками древнееврейских городских ворот “Судных”. Порог находился примерно в 15 м к северу от арки и его ось была перпендикулярна ее шельге.

Теперь ворот было уже двое, и потребовалось прояснить функцию арочного прохода, полностью открытого незадолго до обнаружения порога. Отец Антонин, хотя и с большой осторожностью, принял интерпретацию порога как городских ворот древнееврейского периода, которыми ко времени строительства императора Константина I, как он полагал, могли уже перестать пользоваться и просто забыть о них, а при возведении базилики Воскресения создать на всей территории пропилеи храма.

Отец Антонин полагал, что ворота города христианской эпохи были в зоне юго-западного угла базилики и от них была проложена прямая улица, спускавшаяся к пропилеям храма, оканчиваясь здесь воротами или аркой, обнаруженной при русских раскопках (1884б. С. 29, 30). На самом деле, к базилике подводила древняя (по крайней мере римской эпохи) трасса, шедшая издалека, от Дамасских ворот.

За открытым сооружением в дневнике о. Антонина закреплено название “Арка Константина”, хотя сегодня достаточно очевидно, что к императорскому строительству она отношения иметь не может.

Обратившись к конструкции, которую показывают сегодня в Александровском подворье, легко заметить, что ее состояние гораздо лучше, чем то, какое показывают фотографии. Дневник о. Антонина позволяет проследить, как происходило это преобразование.

Уже в 1883 г. вновь возникла идея (казалось, забытая после начала работ 1859/1860 гг.) построить на раскопках здание. Формально — для защиты обнаруженных древностей, реально — для обозначения и обустройства собственного, русского, святого места на Крестном пути. Древние стены, сложенные из огромных, хорошо подогнанных камней, не вызвали сомнения в надежности и привлекательности реликвии для паломников. Однако покосившаяся колонна с треснутой капителью и вываливающиеся камни арки рождали опасения, что они обрушатся, особенно если убрать деревянные подпорки.

Видимо, у о. Антонина созрело решение восстановить древнее сооружение в том виде, какой ему представлялся изначальным, укрепив заодно и сохранившуюся часть арки. Записи об этом появляются в дневнике начиная с 25 сентября

Рис. 4. Работы по реконструкции арки в октябре 1884 г. На заднем плане кладется третий ряд южной части сооружения, на переднем — сидит Симос Сердис. Фото 1884 г.

Fig. 4. Reconstruction works on the arch in October of 1884

1884 г., когда раскопки ИППО официально объявили законченными. Он пишет: “На раскопках деятельная расчистка и уборка земли и камней и выявление древности в вящем свете. <...> Решились сосредоточить деятельность свою у Триумфальной арки” (1884а. 25.09.1884). Далее говорится о разборке: “Реляция Симова о ломке стен и сводов на месте раскопок” (1884а. 26.09.1884). Видимо, речь о сносе стены, на которую опиралась колонна арки, и расчистка засыпанных мусором комнат со сводами, расположенных за этой стеной, где, по предположению о. Антонина, должны были находиться фундаменты второй половины ворот (описание стены и пространства за ней см.: Антонин, 1884б. С. 15, 16).

Затем перешли к восстановлению: “На раскопках, к немалому удовольствию своему, нашел реставрацию Арки уже начавшейся. Основание

несуществующей южной половины ее оказалось целым. Отлично!” (Антонин, 1884а. 02.10.1884), и тут же, в октябре, “Кладется третий ряд камней в реставрируемой Арке Константиновой. Порог Судных Ворот тоже освобожден совершенно, и теперь отлично может быть отфотографирован” (1884а. 05.10.1884).

Вся эта работа шла на глазах прибывшего в Иерусалим В.Н. Хитрово, который, по словам о. Антонина, одобрил его решение: “Сейчас всею миссией поздравляем Генерала II, а потом идем с ним в город. Еже и бысть. Направились, конечно, прямо на раскопки, где немало изнесли суждений насчет арки, которой реставрацию он считает терпимым, если не прямо хорошим, делом. В мыслях его и Пал. общества застроить все наше место, и лицо древней стены должно войти

внутри одной из будущих комнат, что уже совсем неархеологически” (1884а. 21.12.1884).

Отрывочные заметки в дневнике, конечно, не позволяют проследить ход реконструкции в деталях. Но ясно, что древнее сооружение не просто укрепляли — была задумана полная реконструкция арочного проема, для чего следовало возвести утраченную южную часть. Приведенная выше запись о кладке третьего ряда камней и указывает на эти работы (рис. 4).

Изучение фотографий подтверждает догадку о том, что арку разобрали, чтобы восстановить общий вид арочного проема. В фотоархиве ИППО (ГМИР, Санкт-Петербург) есть два снимка, показывающих ход деконструкции. Один — с механиком Миссии Симосом (Семеном) Сердисом (см. о нем: Беляев, Ван, 2021. В печати). На другом, видимо, запечатлен создатель современного иврита, Елиезер Бен-Иегуда, он был хорошо знаком с о. Антонином, интересовался древностями и неоднократно посещал русские раскопки в Иерусалиме (в дневнике о. Антонин называет его Елианов или Ельянов). Фотографии, скорее всего, сняты в один день или очень близко по времени. На заднем плане за каменной кладкой, поддерживающей колонну арки, виден фрагмент нескольких рядов новой кладки угловой части ворот.

Любопытен на этих двух фотографиях фрагмент стены, поддерживающей колонну. Она непохожа на стену, существовавшую здесь в момент, когда южная сторона арки с колонной была очищена от земли: перед нами прочно сложенный параллелепипед правильной формы. Северный крайний ряд его кладки опирается на деревянные подпорки и, очевидно, добавлен позже возведения основной части (чтобы надежно зафиксировать опирающуюся на него колонну?). Вероятно, эту мощную опору планировали разобрать после того, как второй пролет арки надежно зафиксирует колонну, которую воспринимали как центральную опору ворот.

Реконструкция затянулась надолго. Для имитации древней кладки нужен был дорогой материал и хорошие каменотесы, а в этот момент велось строительство колокольни на Елеонской горе. Бригада каменотесов из Бейт-Джалы работала и на строительстве колокольни, и на русских раскопках, что сильно тормозило дело. Впрочем, и задача была поставлена нетривиальная. Неудивительно, что работы на раскопках в конце концов прервали, не доведя до конца, и возобновили лишь в начале июня 1885 г., что отражено в дневнике (1885. 02.06.1885). Уже через две

недели, осмотрев пережившую зиму конструкцию, о. Антонин с сожалением принял решение “снять ее до земли” и начать стройку заново (1885. 15.06.1885).

Процесс реставрации затронул и сохранившуюся часть. После разборки южной части о. Антонин вместе с иерусалимским архитектором Георгием Франгья вновь наметили линию “западного фасада Арки Константиновой” (Антонин, 1885. 19.06.1885). Можно предположить, что причиной разборки была ошибка в позиционировании конструкции южной части: она не попала на одну линию с северной, и свести их в одно целое не получалось. Точному позиционированию мешал подпорный столб, оставшийся на месте старой стены, на который по-прежнему опиралась капитель центральной колонны. Выяснилось это, видимо, когда строительство южной части близилось к завершению. Теперь о. Антонин не только пригласил архитектора-профессионала, но и дождался установки “краеугольного камня”, отмечавшего юго-западный угол конструкции.

Там же мы находим еще одно важное свидетельство: “Франгья, не менее меня профана затрудняющийся решить, чем и как вершились уступы, сторожащие арку с востока”. Речь шла о восточной части памятника, где требовалось, чтобы придать конструкции законченный вид, добавить несколько не сохранившихся рядов камня, ведь она должна была выглядеть аналогично южной части, возводившейся о. Антонином заново.

В дело пошел материал разобранный конструкции, работа продвигалась довольно быстро, и вскоре о. Антонин отметил: “Снова высется 6 рядов камней” (1885. 22.06.1885), а затем: “Дома *S^{gr} Simo*’ с реляцией о 15 рядах Константиновской ресторируемой арки, и за дальнейшими инструкциями” (1885. 27.06.1885). В последнем случае речь о почти завершенной реконструкции южной части сооружения: 15 рядов, сложенных из меньших по размеру камней, вероятно, как раз доходили до уровня последнего ряда кладки подлинной северной части. Далее закономерно возник вопрос об изготовлении идентичной сохранившейся капители, венчавшей северо-западный угол, о чем сказано в дневнике примерно через месяц: “Симова реляция о большом камне для ресторируемой Арки Константиновой” (1885. 25.07.1885).

В конце 1885 г. Палестинское Общество поручило Г. Франгья начать подготовительные работы к постройке большого здания, вмещающего весь русский участок с раскопами. С этого момента о. Антонин перестал быть главным

Рис. 5. Вид северной восстановленной в 1885 г. стены арки и расчищенных плит мощения. 1887 г. Фото. 1885 г. (А). Д.Д. Смышляев возле арки. 1887 г. Фото монаха Тимона. Август, 1887 г. (Б).

Fig. 5. A view of the northern wall of the arch restored in 1885 and cleared paving slabs. 1887

распорядителем работ, а его собственные приоритеты быстро разошлись с задачами Палестинского Общества. “Мне лишь бы кончить реставрацию Ворот Константиновских, а там делай, что хочешь!” — записал он в сердцах (1885. 04.08.1885).

В это время он сосредоточен исключительно на доведении до конца работ по арке: “Торчание на месте раскопок до 2-х часов дня. Ресторируется северный устой Константиновской арки. Восстановление древнего рисунка карнизного

Рис. 5. Вид северной восстановленной в 1885 г. стены арки и расчищенных плит мощения. 1887 г. Фото. 1885 г. (А). Д.Д. Смышляев возле арки. 1887 г. Фото монаха Тимона. Август, 1887 г. (Б).

Fig. 5. A view of the northern wall of the arch restored in 1885 and cleared paving slabs. 1887

по сохранившемуся остатку его на каменном обломке” (Антонин, 1885. 27.09.1885).

Таким образом, реставрация северной стены арки была закончена к началу октября 1885 г. Правда, снимки с нее в новом виде пока известны только более поздние, не ранее августа 1887 г. (рис. 5А).

Но оставалась еще одна проблема: треснувшая практически до середины капители колонны

не могла нести нагрузку. Решено было сделать копию для замены древнего оригинала. В начале января 1886 г. о. Антонин заключил контракт на эти работы: “Контракт с Künstler’ом Павлюсом на обделку капители к Константиновой арке” (1886. 10.01.1886). Вскоре он мог вместе с небольшой экскурсией осмотреть изготовление капители на месте (Антонин, 1886. 21.01.1886), а еще через 10 дней увидеть ее готовой (1886. 31.01.1886).

Рис. 6. Арка в момент строительства здания подворья на русских раскопках. С юга возводится стена, поставленная на фундамент, под которым виден фрагмент древней кладки. 1888 г. Фото 1888 г.

Fig. 6. The arch at the time of the courtyard construction at the Russian excavation site. 1888

Казалось, дело сделано, и, немного погодя, о. Антонин решил официально отойти от работ на месте раскопок, где начиналось строительство мало понятного ему сооружения (Антонин, 1886. 07.04.1886). Позже он запишет прямо: “Вечером думы о том, что делается и что бы могло делаться на посещенном утром городском месте раскопок наших. Воздвигается колоссальный лабиринт неизвестного значения и необдуманного назначения, — в пику всем археологам и во славу принципа: знай наших!” (1886. 27.04.1890).

В 1886 г. на раскопках еще оставались, как руководители стройки, уполномоченный Палестинского Общества Д.Д. Смышляев и архитектор Г. Франгя. Под их присмотром участок стали очищать от мусора и нивелировать поверхность. Работы по воссозданию арки, скорее всего, остановили. Капитель к тому времени уже заменили, а подлинную Смышляев приказал немедленно убрать с раскопок: “а то ее выбросят!” (Антонин, 1886. 24.11. 1886). Дальнейшая судьба ее неизвестна (рис. 5Б).

Начавшиеся в 1887 г. инженерные работы на местности привели к ряду новых находок, но на них уже никто не обращал внимания

из опасения невольно затормозить постройку здания, вокруг которой в это самое время ломали копыя и в Петербурге, и в Константинополе, и в Иерусалиме. В частности, были открыты:

— остатки “дороги” византийского (?) времени, упомянутой в записях о. Антонина (1888. 09.04.1888), см. рис. 5А;

— фундаменты южной части арки и фрагменты стены, на которой она была построена (“Путешествие на раскопки наши и видение там вновь открытой стены, очевидно бывшей городской, на которой построена и Арка Константинова. Любопытно” — Антонин, 1887. 28.10.1887);

— древняя пещера в материковой скале (“Осмотр ... открытой на глубине 4 метров пещеры в природной скале, обращенной устьем на юг в бывшую когда-то глубокую рывину, отделявшую Акру от Сию. Значения особенного открытие не имеет” (Антонин, 1888. 07.07.1888) (рис. 6).

По-видимому, о. Антонин не успел заменить сломанную капитель сам: реконструированная им южная часть не имела своей арки, которую не на что было бы опереть. Судя по всему, он не принимал участия и в проектировании здания

Рис. 7. Вид арки с востока, после замены капители, укрепления колонны и реставрации свода. 1888–1889 гг. Фото 1889 г.

Fig. 7. A view of the arch from the east after replacing the capital, strengthening the column and restoring the vault. 1888–1889

на раскопках. В какой-то момент построенная часть арки стала неудобна для проектировщиков, ею решено было пожертвовать: о. Антонин с грустью отметит, что “наши” (т.е. Палестинское Общество), в отличие от него самого, игнорируют значение “Арки Константина” (1887. 11.11.1887).

Дальнейшие события развивались быстро. Через четыре месяца о. Антонин узнал о решении немедленно сломать *триумфальную арку*: “Уперлись на своем Палестинцы!” (1888. 13.03.1888). Посетив стройку 9 апреля, он обнаружил, что новая

капитель уже установлена на место, а “верх” (т.е. свод) арки восстановлен: “Мой реставрационный устой разламывается. Здание будет красивое. Но что выйдет из длинных сеней, окончательно замаскировавших собою древнюю дорогу к Базилике, трудно предсказать” (1888. 09.04.1888) (рис. 7).

Приведенные факты позволяют сделать ряд важных выводов:

1. Современный вид арка обрела, видимо, при отделке интерьера подворья: с восточной

Рис. 8. Арка на Александровском Подворье ИППО. Фото И.Ф. Барщевского. 1891 г.

Fig. 8. The Arch in the Alexander Nevsky Metochion of the Imperial Orthodox Palestine Society. 1891

стороны ее стену укрепили новыми камнями (каменные вставки заметны практически во всех частях конструкции), а колонну стянули четырьмя металлическими обручами. Но в 1888 г. арку вновь частично разобрали, заменив подлинную

капитель на специально изготовленную и уложив сверху тонкий квадратный камень в виде импоста (возможно, чтобы компенсировать недостающую часть дуги). Саму арку переложили заново, восстановив ее геометрию (рис. 8). В итоге

сооружение претерпело столь серьезные изменения, что его следует воспринимать, скорее, как конструкт с использованием древних фрагментов, чем как дошедший до нас древний контекст. В основной части оно разобрано и собрано вновь, связанные с ним археологические детали в нижней части полностью утрачены, а капители пилонов явно поставлены не по месту.

2. Но не только предстоящая нам сегодня арка — сборная. То состояние, в каком она открылась исследователям XIX в., также далеко от исходного, о чем говорит уже несуразно тонкая колонна с грубой капителью, явно подставленная с противоаварийной целью в поздний (вероятно, средневековый) период. Не исключено, что на этом месте проем существовал и в римскую эпоху, но в его последнем варианте это не оригинальная византийская конструкция, а в лучшем случае результат одной из позднейших перестроек комплекса храма Воскресения (например, при ремонте Константина Мономаха или более позднем). Этим объясняется появление гипотезы о существовании двух- или трехпролетных ворот. В настоящее время считается, что утверждение об открытии фундаментов южной части пролета не подкреплены материалами, а тонкая колонна не служила перемычкой между двумя пролетами, потому что это поздняя подставная подпорка для укрепления единственного пролета. Однако при этом важно отметить, что в дневнике о. Антонина все-таки дважды упоминается об обнаружении каких-то остатков, которые могли считаться фундаментом южной части арки. Кроме этого, камень, который опирается на колонну, имеет скошенную с двух сторон форму. С одной стороны на него опирается свод сохранившейся арки, с другой — ничего.

Хронология и функциональная история открытых конструкций могла быть восстановлена, будь едва видимые на фотографиях кладки и окружавший их культурный слой изучены с должной тщательностью и зафиксированы. Но фиксация крайне общая, мелкие находки при работах, сколько можно понять, не собирали (крупные, впрочем, тоже утрачены).

Эти выводы следует учитывать при трактовке эффектного с виду сооружения на Александровском подворье. Возможно изложенные данные позволят вновь поставить вопрос о его форме и назначении.

В то же время нет и оснований оценивать реставрацию как исключительно варварскую — среди работ такого рода во второй половине XIX в. она ничем не выделяется и, пусть в общих чертах,

выявляет присущие изначально открытому сооружению черты.

3. Именно реставрация пресекла попытку архимандрита Антонина сконструировать “новое святое место”. Он отнесся к древней арке как объекту не менее значимому, чем “именитый”, по его выражению, “Порог Судных Врат”, и намеревался вписать русский участок в ту систему ключевых святынь христианства, которую император Константин сформировал на участке храма Воскресения. Гипотетически определенная о. Антонином древняя дорога от храмовой площади к “Константиновой Арке” должна была получить значение важной части Крестного пути, на котором паломники следуют драматургии и топографии евангельского повествования о несении Креста (о попытках трансформаций Крестного пути см.: Вах, 2016. С. 79–96; Keshman, 2019. Р. 89–116). Соответственно предлагался и престол для новой церкви: о. Антонин думал устроить ее “во имя Крестоношения” (1886. 28.08.1886). Удача такого проекта ставила Палестинское Общество перед свершившимся фактом оборудования нового участка на Крестном пути, где движение к “Порогу Судных Врат” осуществлялось бы сквозь парадные ворота базилики, объединяя в глазах богомольцев события Входа Господня в Иерусалим и выхода из города к месту казни, Голгофе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1883 // Библиотека Государственного музея истории религии. Машинописная копия.
- Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1884а // Библиотека Государственного музея истории религии. Машинописная копия.
- Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1885 // Библиотека Государственного музея истории религии. Машинописная копия.
- Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1886 // Библиотека Государственного музея истории религии. Машинописная копия.
- Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1887 // Библиотека Государственного музея истории религии. Машинописная копия.
- Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1888 // Библиотека Государственного музея истории религии. Машинописная копия.
- Антонин (Капустин)*. Сообщения отца архимандрита Антонина // Православный Палестинский сборник. Т. III, вып. 7. Раскопки на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные

- под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. СПб., 1884б. С. 1–30.
- Беляев Л.А., Вах К.А. Архимандрит Антонин (Капустин) на раскопках в Иерусалиме: 1883 год // Антропология академической жизни. 2021. (В печати)
- Вах К.А. “На Крестном пути нет ни одной пяди земли русской”. Проект приобретения арки “Се человек” в контексте церковно-дипломатической конкуренции в Иерусалиме // Церковь в истории России. Вып. 11. К 70-летию Николая Николаевича Лисового. М.: Ин-т рос. истории, 2016. С. 79–96.
- Вах К.А. Первые русские раскопки у Храма Гроба Господня в Иерусалиме в 1859–1861 гг. // Исторические записки. 2020. № 19 (137). С. 21–75.
- Вах К.А. Проект издания дневника архимандрита Антонина: 1817–1894 // Антонин (Капустин). Дневник. Год 1850. М.: Индрик, 2013. С. 171–179.
- Последовательное с 1843 г. исследование развалин на русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме // Православный Палестинский сборник. Т. III, вып. 7. Раскопки на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. СПб., 1884. С. 113–140.
- Keshman A. Walking in the Footsteps of Christ in Latin, Greek or Russian. On the Various Ways of the Via Dolorosa in 19th century Jerusalem // Römische historische Mitteilungen. 2019. Bd. 61. P. 89–116.
- Vogüé C.-J.-M. de. Les Églises de la Terre Sainte. Paris: Dideron, 1860. 465 p.

ARCH ON THE RUSSIAN EXCAVATION SITE NEAR THE CHURCH OF THE RESURRECTION IN JERUSALEM AND ITS RESTORATION IN THE 1880s–1890s

Kirill A. Vakh

“Indrik” Research and Publishing Centre

E-mail: K_vach@mail.ru

An analysis of the text of Archimandrite Antonin Kapustin’s unpublished diary and analysis of photographs of excavations in Jerusalem from the collection of the Imperial Orthodox Palestine Society made it possible to partially restore the progress and results of works on the dismantling and conservation of the prominent site of the Jerusalem historical topography – the arch in the eastern part of the site of the Resurrection Church (now located in the Alexander Nevsky Metochion). The paper introduces new facts about the discoveries made during excavations and subsequent construction on the Russian site and considers the motive that prompted Antonin (Kapustin) to attempt to reconstruct the second part of the arch. The author discusses the current condition of the monument in detail. The subject matter of the article is part of a more comprehensive work on the history of the excavations conducted by the Imperial Orthodox Palestine Society in Jerusalem in 1883, which analyzes their results announced publicly. The featured material and conclusions of the study will contribute to further research in archaeological sites of Jerusalem.

Keywords: Palestine, Jerusalem, history of archaeology, holy places, Antonin Kapustin, Imperial Orthodox Palestine Society.

REFERENCES

- A consistent study of the ruins at the Russian site near the Church of the Resurrection in Jerusalem since 1843. *Pravoslavnyy palestinskiy sbornik [Orthodox Palestinian collection]*, vol. III, iss. 7. *Raskopki na Russkom meste bliz khrama Voskreseniya v Ierusalime, proizvedennye pod rukovodstvom arkhimandrita Antonina v 1883 g. [Excavations at the Russian site near the Church of the Resurrection in Jerusalem conducted under Archimandrite Antonin in 1883]*. St. Petersburg, 1884, pp. 113–140. (In Russ.)
- Antonin (Kapustin), 1884b. Communications from reverend Archimandrite Antonin. *Pravoslavnyy palestinskiy sbornik [Orthodox Palestinian collection]*, vol. III, iss. 7. *Raskopki na Russkom meste bliz khrama Voskreseniya v Ierusalime, proizvedennye pod rukovodstvom arkhimandrita Antonina v 1883 g. [Excavations at the Russian site near the Church of the Resurrection in Jerusalem conducted under Archimandrite Antonin in 1883]*. St. Petersburg, pp. 1–30. (In Russ.)
- Antonin (Kapustin). Dnevnik. God 1883 [Antonin (Kapustin). Diary book. 1883]. *Biblioteka Gosudarstvennogo muzeya istorii religii [Library of the State Museum of the History of Religion]*.
- Antonin (Kapustin). Dnevnik. God 1884a [Antonin (Kapustin). Diary book. 1884a]. *Biblioteka Gosudarstvennogo muzeya*

- istorii religii [Library of the State Museum of the History of Religion].*
- Antonin (Kapustin). Dnevnik. God 1885 [Antonin (Kapustin). Diary book. 1885]. *Biblioteka Gosudarstvennogo muzeya istorii religii [Library of the State Museum of the History of Religion].*
- Antonin (Kapustin). Dnevnik. God 1886 [Antonin (Kapustin). Diary book. 1886]. *Biblioteka Gosudarstvennogo muzeya istorii religii [Library of the State Museum of the History of Religion].*
- Antonin (Kapustin). Dnevnik. God 1887 [Antonin (Kapustin). Diary book. 1887]. *Biblioteka Gosudarstvennogo muzeya istorii religii [Library of the State Museum of the History of Religion].*
- Antonin (Kapustin). Dnevnik. God 1888 [Antonin (Kapustin). Diary book. 1888]. *Biblioteka Gosudarstvennogo muzeya istorii religii [Library of the State Museum of the History of Religion].*
- Belyaev L.A., Vakh K.A., 2021. Archimandrite Antonin and other participants of the excavations in Jerusalem: 1883. *Anthropology of Academic Life [Anthropology of Academic Life].* (In print). (In Russ.)
- Keshman A., 2019. Walking in the Footsteps of Christ in Latin, Greek or Russian. On the Various Ways of the Via Dolorosa in 19th century Jerusalem. *Römische historische Mitteilungen*, 61, pp. 89–116.
- Vakh K.A., 2013. Project for the publication of Archimandrite Antonin's diary: 1817–1894. *Antonin (Kapustin). Dnevnik. God 1850 [Diary book. 1850].* Moscow: Indrik, pp. 171–179. (In Russ.)
- Vakh K.A., 2016. “There is not a single inch of Russian land on the Way of the Cross”. The project for the acquisition of the Behold the Man arch in the context of the ecclesiastical and diplomatic competition in Jerusalem. *Tserkov' v istorii Rossii [Church in the history of Russia], 11. K 70-letiyu Nikolaya Nikolaevicha Lisovogo [To the 70th anniversary of Nikolai Nikolaevich Lisovoy].* Moscow: Institut rossiyskoy istorii, pp. 79–96. (In Russ.)
- Vakh K.A., 2020. The first Russian excavations at the Church of the Holy Sepulcher in Jerusalem in 1859–1861. *Istoricheskie zapiski [Historical Transactions]*, 19 (137), pp. 21–75. (In Russ.)
- Vogüé C.-J.-M. de, 1860. *Les Églises de la Terre Sainte.* Paris: Dideron. 465 p.
- Vogüé C.-J.-M. de, 1864. *Le Temple de Jérusalem: monographie du Haram-ech-Chérif, suivie d'un essai sur la topographie de la Ville-sainte.* Paris: Noblet et Baudry. XII, 136 p.
- Wilson Ch.W., 1865. *Ordnance Survey of Jerusalem.* London: Published by Authority of the Lords Commissioners of Her Majesty's Treasury. 3 vols.

ИРРИГАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА

© 2021 г. Н.И. Савельев

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: savelnik2010@gmail.com

Поступила в редакцию 12.04.2021 г.

В статье рассматриваются результаты анализа средневековых систем орошения в засушливых и полувасушливых условиях на юге России и в Израиле: изучены гидротехнические сооружения Царевского городища — крупного городского центра Золотой Орды XIV в., для Иерихонского оазиса сделан ретроспективный анализ систем орошения с помощью традиционных водопроводных систем — акведуков. Кроме того, на основании данных раскопок современного Иерихона публикуются детали водопроводной системы раннеисламского периода. На Царевском городище благодаря хорошо сохранившемуся микрорельефу выявлена и описана разветвленная гидротехническая сеть крупного города: плотины, водохранилища, система оросительных и внутригородских каналов. В Иерихоне же при раскопах на территории Музейно-паркового комплекса Российской Федерации зафиксирована сложная система водоснабжения византийского и раннеисламского периодов на микроуровне отдельных помещений и сооружений.

Ключевые слова: системы водоснабжения, водопровод, Золотая Орда, Гюлистан, Иерихон.

DOI: 10.31857/S086960630014501-0

Настоящая статья возникла как результат знакомства автора с системой ирригации в двух географически отдаленных друг от друга областях. Их объединяют, однако, близость среды (засушливые районы пустынного и полупустынного характера), характер цивилизации (исламский мир), отчасти топографическая структура (город с прилегающей аграрной округой) и хронология (раннее и развитое средневековье). В данном случае речь идет о средневековых системах водоснабжения в Нижнем Поволжье и в природном оазисе Иерихона. В эпоху Золотой Орды нижеволжские города-оазисы создали систему искусственной ирригации, но существовали недолго; характерный пример — крупный город, оставивший после себя Царевское городище. На византийско-арабском поселении Риха (древний Иерихон) водоснабжение опиралось на вековую традицию, породившую развитую и вполне пригодную для эксплуатации ирригационную систему, ее нужно было только поддерживать. В результате в Рихе возникали (и открываются при раскопках) все более разветвленные структуры доставки воды, ее развода по участкам применения, собирания (сброса) в резервуары. Часть таких систем изучена на участке Музейно-паркового комплекса РФ (далее МПК РФ) и стала еще одним узлом научного анализа. Таким образом, выбор сравниваемых объектов определен полевым опытом автора

в обоих регионах и общей логикой исследования, потребовавшей обращения к накопленным ранее данным. Обратимся к материалам.

Царевское городище (середина—вторая половина XIV в.) на берегу р. Ахтуба — второй по величине город Золотой Орды в Нижнем Поволжье (и один из крупнейших археологических памятников Волгоградской области). Микрорельеф городища отличается прекрасной сохранностью, так что оно издавна привлекало внимание краеведов и археологов. Начиная с конца XVIII в. в литературе появляются то краткие, то пространные описания памятника, а с середины XIX в. началось его археологическое изучение, с перерывами продолжавшееся до середины 2010-х годов. Историческое отождествление города не окончательное: в настоящее время предполагается, что это легендарный Гюлистан (см. Глухов, 2015. С. 85–89).

Городище занимает первую надпойменную террасу р. Ахтуба; по последним данным, его длина составляет 5 км по линии СЗ—ЮВ и 2.2–2.3 км по линии ЮЗ—СВ (Глухов, 2014. С. 104). В рельефе памятник выражен многочисленными всхолмлениями (остатки сооружений), западинами (ямы водоемов и от добычи кирпича), следами каналов, арыков и плотин. Сравнение данных археологических раскопок, современных спутниковых снимков и планов городища 1840-х годов

Рис. 1. Плотина на р. Кальгута с реконструкцией границ водохранилища (спутниковый снимок Google).

Fig. 1. A dam on the Kalguta river with the reconstruction of the reservoir boundaries (a Google satellite image)

(подробнее см. Савельев, 2013а) дает уникальную возможность с большой долей достоверности реконструировать топографию средневекового города, и, в частности, систему его водоснабжения и сельскохозяйственного орошения ближайшей округи.

В гидрологическом отношении место для города выбрано чрезвычайно удачно: плоская первая терраса с юга ограничена р. Ахтуба, в которую с запада и востока от города впадают две крупные степные реки, Кальгута и Царевка, а с севера тянется высокий сырт второй надпойменной террасы Ахтубы. Таким образом, с трех сторон город был окружен водой, и в условиях паводковых разливов Волги и весенних половодий важной задачей было взять под контроль движение водных масс. Это достигалось с помощью

многочисленных гидротехнических сооружений: плотин, шлюзов, водоотводных каналов, арыков, водохранилищ. В целом, эта система уже была предметом изучения: в 1922 г. Ф. Баллод с помощью инженера А.И. Горшенина составил принципиальную схему сети водоснабжения города, которая, с некоторыми оговорками, до сих пор актуальна (Баллод, 1923. С. 341; Глухов, 2015. С. 70). Поволжская археологическая экспедиция в 1960–е годы также уделяла внимание гидротехническим сооружениям городища: обследованы водохранилища в северной части города, сделаны разрезы городского вала и рва, а также исследованы плотина и водохранилище на р. Кальгута, к северу от города (Федоров-Давыдов, 1962. Л. 62, 63; 1970. С. 71–80). Две работы, целиком посвященные водоснабжению города и его отдельным

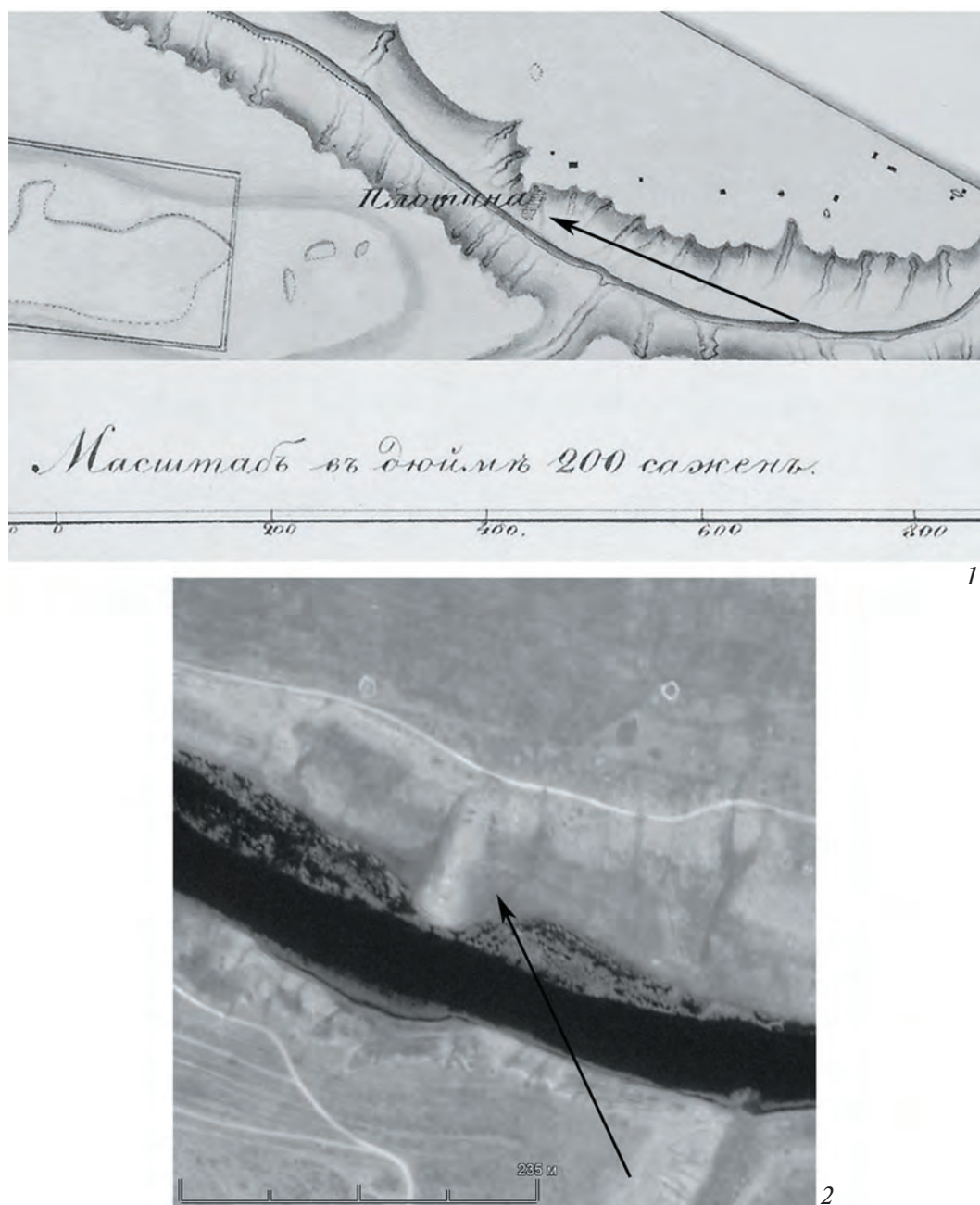

Рис. 2. Плотина на р. Царевка. 1 – на плане Царевского городища 1842 г. Н.К. Тетеревникова (по: План Саратовской губернии..., электронный ресурс); 2 – на спутниковом снимке ресурса Google.Earth (дата съемки 16.05.2019 г.).

Fig. 2. A dam on the Tsarevka river

элементам, опубликовал автор статьи (Савельев, 2012, 2013б). Ряд своих тезисов развил и углубил в специальном исследовании, посвященном Царевскому городищу, А.А. Глухов (2015. С. 73).

Кратко обрисуем систему водоснабжения города и его ближайшей окрестности на основании последних данных. Основой любой системы водоснабжения в средневековом городе была возможность контролировать интенсивность естественных водяных потоков, а также аккумулировать воду

в водохранилищах. Это достигалось развитой системой плотин и шлюзов, которые позволяли увеличивать или уменьшать объемы водотока в зависимости от потребности. Данные задачи помогало решить существование несколько крупных плотин на реках Кульгута и Царевка.

Самая большая плотина находилась на р. Кальгута, в 6,5 км от города вверх по реке. Согласно данным спутниковых снимков, остатки плотины представляют сейчас крупную земляную насыпь

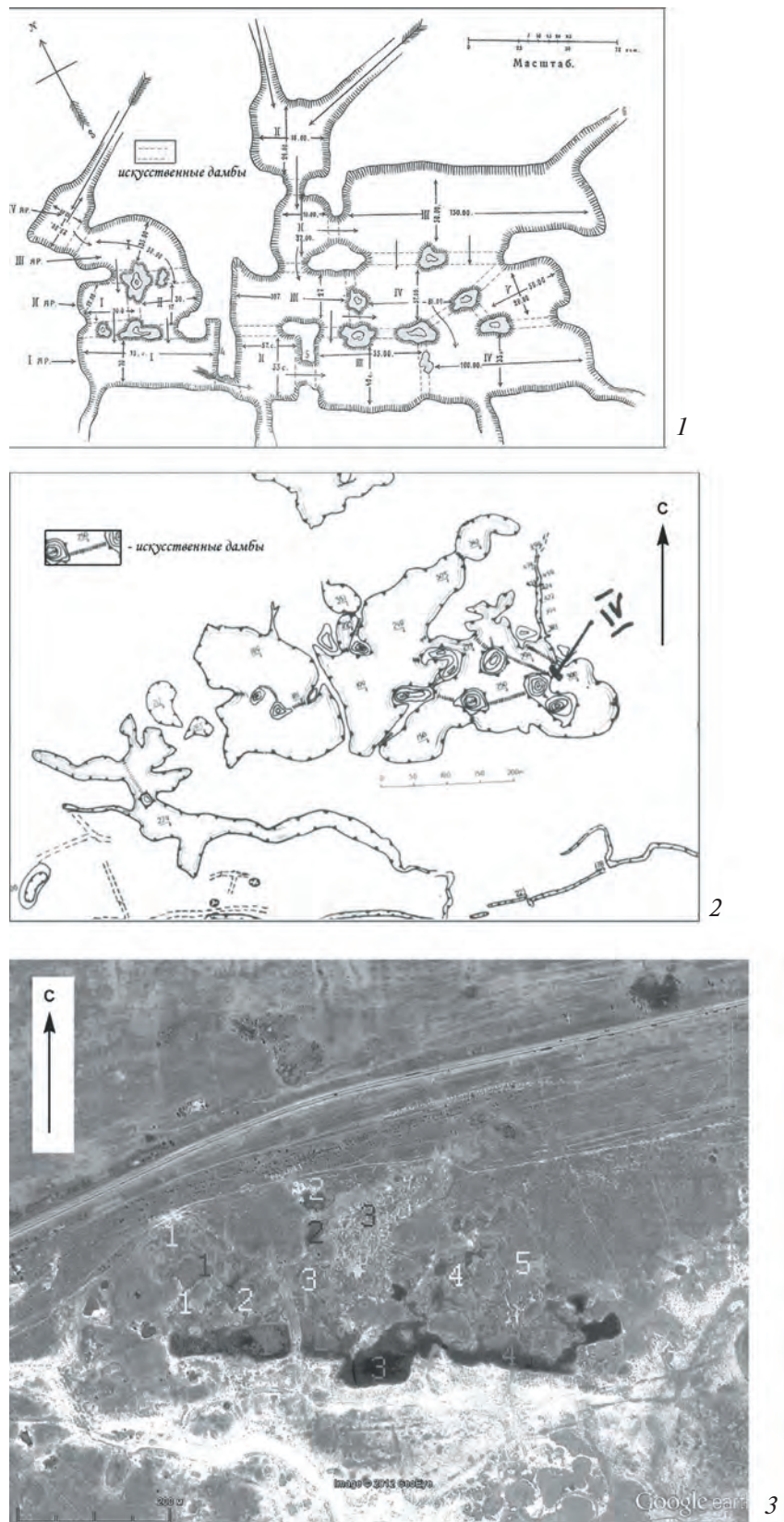

Рис. 3. Каскад бассейнов на севере Царевского городища. 1 – схема Ф. Баллода (1923); 2 – план Г.А. Федорова-Давыдова (1962); 3 – спутниковый снимок Google (дата съемки 10.05.2009 г.), цифрами обозначены соответствия бассейнов снимка нумерации бассейнов на схеме Ф. Баллода.

Fig. 3. A cascade of pools in the north of the Tsarev fortified settlement

длиной 169, высотой 16 и шириной 28 м. На ее западном и, вероятно, восточном концах имелся шлюз, который регулировал водосброс. Эта плотина формировала крупное водохранилище, вода из которого делилась на два потока: один шел в город, а другой орошал низину к югу от водохранилища. А.А. Глухов выделил три зоны орошения сельскохозяйственных угодий, которые снабжались водой из Кальгутинского водохранилища (Глухов, 2015. С. 74). Действительно, местность к югу от плотины имеет уклон в сторону Ахтубы, поэтому с помощью естественного водотока вода могла разбираться небольшими каналами по полям совокупной площадью до 700 га (рис. 1).

Это водохранилище, по-видимому, было основным и для городского ядра. Вода по специальным каналам подавалась в обводный канал города и расходилась внутри него по многочисленным каналам и арыкам, излишки сбрасывались в Ахтубу или же в Солодовские ерики.

Вторая по величине плотина находилась к северо-востоку от города, на р. Царевка (рис. 2). В настоящий момент она представляет собой сохранившуюся только на западном берегу реки оплывшую земляную насыпь. Ее длина составляет 89 м, высота — 21 и ширина — 35. Реконструируемая длина плотины — 180 м (если соединять точки на противоположных берегах реки). У этой плотины в отличие от кальгутинской была несколько иная задача. С ее помощью повышался уровень р. Царевка, и вода посредством искусственных каналов разбиралась на зону искусственного орошения, а также на так называемое Колобовское поселение, которое, как сейчас считается, было поселком строителей “Колобовского кургана” (Глухов, 2011).

Несколько более мелких плотин фиксируется по берегам Солодовских ериков. Это система мелких плесов, русла старых протоков от сырта к Ахтубе, которые в XIV в. вошли в систему водоснабжения города. Самая крупная была устроена на месте слияния Солодовских ериков с р. Царевка, на востоке города, между г. Царев и с. Солодовка. Сейчас это дамба длиной 120 м, по которой проходит дорога, соединяющая два упомянутых населенных пункта. Помимо этой самой крупной солодовской плотины на планах городища и на спутниковых снимках фиксируются остатки еще пяти малых плотин, скорее даже дамб, которые контролировали водоток Солодовских ериков и водохранилищ (рис. 3, 1, 3; 4).

Крайне важный и интересный элемент гидротехнической системы Царевского городища — многоуровневый каскад водохранилищ

в северной части города, между обводным каналом и сыртом. Их довольно подробно описал Ф. Баллод: “Район V, к востоку от центра, Района II, расположен вокруг системы бассейнов, которые питаются водою из громадного водоема на сырту, с которым соединены двумя каналами. Бассейны вырыты на склоне сырта, покатого к югу; их всего 13. Расположены они в четыре ряда или яруса, каждый более южный ниже предыдущего. Бассейнов в первом ряду, считая от сырта, — два, во втором — три, в третьем — пять, в четвертом — четыре. Бассейны, разделенные дамбами, сообщались шлюзами” (Баллод, 1998. С. 23).

В 1962 г. Г.А. Федоров-Давыдов заложил на одной из дамб небольшой стратиграфический раскоп, который показал, что она состоит из грунта, смешанного со шлаком и кирпичом. Исследователь предположил искусственный характер всего каскада, который мог служить для отвода излишков весенней воды от города, путем сброса ее в Солодовские ерики (Федоров-Давыдов, 1970. С. 160, 161). До сих пор на местности выделяется четыре яруса бассейнов. Нивелировочные отметки, сделанные Поволжской археологической экспедицией, показали, что разница между самым верхним и самым нижним бассейнами составляет 2.01 м. По данным спутниковых снимков, длина всего сооружения составляет 606 м, ширина — 350 (рис. 3, 3). Всего в системе было задействовано 14 бассейнов. Перемычкой между ними служили естественные всхолмления, которые были укреплены, надсыпаны и превращены в дамбы (Федоров-Давыдов, 1962. Л. 27). Доказательством этого служит стратиграфический раскоп IV, 1962 г. (рис. 3, 2). В дамбах были установлены шлюзы, с помощью которых регулировались уровень и интенсивность подачи воды. Всего насчитывается 23 дамбы, в которых было установлено 15 шлюзов (по Ф. Баллоду). Возможно, кроме основной функции водоотведения бассейны могли снабжать технической водой многочисленные производственные мастерские, которые локализовались в этом районе, судя по случайным археологическим находкам на поверхности (Баллод, 1923. С. 339).

Достаточное количество воды позволяло золотоордынским инженерам буквально вплести в ткань городского пространства многочисленные каналы, арыки, общественные водоемы-хаузы, фонтаны, сады и т.д. Для этого была реализована целая сеть водопроводных магистралей внутри городского ядра, сообщавшаяся с обводным каналом, который до сих пор сохранился практически целиком на всем своем протяжении.

Рис. 4. Прорисовка плана Царевского городища А.В. Терешенко 1843 г.: каналы, водохранилища, плотины, искусственные водоемы (см. Савельев, 2013, там же ссылка на оригинальный источник).

Fig. 4. A drawing of the Tsarev fortified settlement plan by A.V. Tereshchenko, 1843: canals, water storages, dams, and artificial reservoirs (see Savelyev, 2013 for the reference to the source)

Этот канал в археологической историографии было принято считать оборонительным валом со рвом, однако в последнее время более аргументированной версией кажется именно гидротехническое предназначение данного объекта. Ров с небольшим валом опоясывает центральную часть города, его длина согласно планам середины XIX в. и спутниковым снимкам городища составляет 4.5 км. Вода в него поступала из Кальгуты, дополняясь водой из каскадных водохранилищ, и распределялась внутри пространства рва по городу с помощью сети широтных и меридиональных каналов. Излишки воды отводились из этой системы в Солодовские ерики и Сахарное озеро (рис. 4).

Стоит сказать также несколько слов о сельской округе Царевского городища. Выделяется пять зон, где возможно заниматься земледелием с помощью искусственного орошения (Глухов, 2015. С. 76). Общая площадь этих зон превышает 2 тыс. га. Но стоит отметить, что выделение

таких зон — область предположений, основанная на спутниковых снимках местности, планах городища 1840-х годов, а также описаниях путешественников и краеведов XIX–XX вв. Археология пока не подтвердила, что население Царевского городища и его пригородов занималось сельским хозяйством, — для этого требуются масштабные комплексные исследования.

Следует заметить, что город, остатками которого является Царевское городище, существовал очень недолго. По оценкам А.А. Глухова, он возник в конце 1330-х годов и прекратил существование в 1366/1367 г. Таким образом, активную жизнь города можно примерно уложить в 30-летний промежуток. Встает вопрос: что было построено сначала — город, для закладки которого выбирали место, исходя из гидрографических и топографических соображений, или гидротехнические сооружения возникали по мере нужды. Весенние паводки в районе городища весьма обильные, что отмечали многие путешественники и

исследователи. Не менее, а то и более обильны они были и в XIV в. Вероятно, закладке города предшествовали топографические изыскания, а возможно, и многолетние наблюдения за территорией Zubovskogo поселения, находившегося неподалеку и возникшего, видимо, ранее Царевского городища. Вероятно, в первую очередь была построена плотина на р. Кальгута вместе с каскадом водохранилищ на севере городища, далее сооружен отводный канал и система шлюзов для сброса излишка воды в Солодовские ерики. И только после этого могла начаться застройка внутреннего пространства города, ибо невозможно жить в доме, который каждую весну на месяц затапливает вода.

Невероятные масштабность, продуманность, искусность системы водоснабжения города и его окружи говорят о сильной централизованной власти, заложившей его, об эпохе расцвета и могущества Золотой Орды при ханах Узбеке и Джанибеке. Чтобы прокопать такое множество каналов, насыпать крупные плотины, организовать сложную и разветвленную сеть водоснабжения с учетом особенностей каждого района, требуется высокий уровень инженерной подготовки и значительный личный опыт строителей. Мало такую систему построить, ее нужно поддерживать в работоспособном состоянии, что также требует немало людских и материальных ресурсов.

Сохранившийся микрорельеф памятника, топографические планы середины XIX в., проведенные археологические исследования решили некоторые задачи, но поставили и массу новых. Необходимо возобновить планомерные работы на Царевском городище и в его округе — это обогатит наши знания по истории организации производства и обеспечению жизнедеятельности в городах-дворцах Золотой Орды.

Обратимся к водоснабжению **Иерихонского оазиса**, расположенного в долине р. Иордан, к северу от Мертвого моря, на равнине, образованной Иудейскими горами на востоке и поймой Иордана на западе (Беляев, 2016. С. 11). Это часть Иорданской рифтовой долины, в свою очередь входящей в более крупную сирийско-африканскую рифтовую систему (Jennings, 2015. Р. 14). Формально Иерихонский оазис принадлежит Иудейской пустыне, но климат и растительность в нем ближе к полутропическому типу, образованному не за счет объема атмосферных осадков (их, как и в остальной пустыне, выпадет не очень много), а за счет многочисленных источников грунтовых вод, истекающих из подножия Иудейских гор.

На примере Иерихонского оазиса можно проследить, как меняется характер землепользования и земледелия при включении искусственного орошения в хозяйственный цикл, в чем его отличия от богарного земледелия и какова роль централизованной власти в этом процессе. Отчасти эти вопросы рассмотрены в диссертации американского исследователя М. Дженнингса по исторической топографии Иерихонского оазиса, в работе внимание сосредоточено на динамике взаимодействия человека с природной средой в длительные исторические периоды (Jennings, 2015).

Резкий перелом, связанный с использованием природных водных ресурсов, замечен именно в длительном промежутке времени. Первое постоянное поселение расположено в восточной части Иерихонского оазиса, у подножия горы Искушения, и с эпохи неолита жестко привязано к холму, известному в археологии как Телль эс-Султан (Nigro, 2014). У его подножия бьет источник (Эйн эс-Султан) с высокой производительностью, до 26 м³ в секунду (фактически из-под земли течет настоящая река). Это позволяет разводить воду на широкое пространство, создавая благоприятные условия для земледелия (Jennings, 2015. Р. 15). Соответственно, поселение не могло произвольно сменить выгодную локацию и центром развития вплоть до наступления эпохи Хасмонеев (со второй половины II в. до н.э.) оставался постепенно росший в высоту телль.

Другую возможность получать большие объемы воды давали *вади*, периодически наполнявшиеся водой с гор Иудейской пустыни. Поэтому Хасмонеи построили крупный дворцовый комплекс (Телль Абу Элийик) в 2 км к югу от Телль эс-Султана на самом крупном из потоков, Вади эль-Кельт (Беляев, 2016. С. 13). В эпоху царя Ирода (35–30 гг. до н.э.) этот комплекс был трансформирован в “парные” дворцы, занявшие оба берега вади. Они требовали огромных количеств воды, в том числе для обширных бассейнов, садов и небольших по размеру, но многочисленных ритуальных “ванн” для омовения (*микв*). Их наполняли не только за счет вади и отнюдь не из Эйн эс-Султана — вода шла сюда по большим магистральным наземным каналам. Первым стал канал Кельт: он собирал воду из трех источников к юго-западу от дворцового комплекса, подавая ее по двум линиям вдоль берегов Вади эль-Кельт. Второй был проложен от северных источников (Нааран) уже в 103–76 гг. до н.э. Эти каналы строились по одной технологии: их ложа, шириной около 60 см, выкладывали камнем, скрепляли

известковым раствором и штукатурили водонепроницаемой смесью. В основном каналы открытые, за исключением участков, где существовал риск засорения. В местах перепадов рельефа и через вadi водовод поднимали на арки, создавая классический надземный акведук. Оба канала были заброшены к концу I — началу II в. н.э. При этом сохранялась и старая система водоводов от источника Эйн эс-Султана, давая воду для возделывания обширных полей иерихонской равнины, где выращивали финики, виноград, пальмы (Jennings, 2015. Р. 94–97).

Византийский город и на его основе исламский сложились на расстоянии как от дворцов, так и от древнего телля. Вокруг нового ядра, к востоку от Иерихона, между городом и поймой р. Иордан, возникли десятки монастырей. Большая их часть сосредоточена между Вадии эль-Нуэма и Вадии эль-Кельт и снабжалась водой с помощью Канала Крещения (*Baptism Conduit*), построенного, видимо, при императоре Юстиниане, 527–565 гг. н.э. (Jennings, 2015. Р. 124). Монастыри к югу от Вадии эль-Кельт снабжали водой три акведука: один брал начало из источников Кельт, истоком двух других оставался Эйн эс-Султан. Построили их, предположительно, также при Юстиниане, специально для обширных монастырских территорий, где выращивали оливки, виноград, зерновые, финики, бобовые, цитрусовые, а также разводили овец и коз (Jennings, 2015. Р. 126, 127; Беляев, 2016. С. 45). Иерихонский оазис стал важным сельскохозяйственным и животноводческим центром, и экономическая активность монастырей продолжилась после исламского завоевания в VIII в.

В эпоху Омейядов, в середине VIII в., на северной стороне Вадии эль-Нуэма построили крупный дворцовый комплекс Хирбет эль-Мафджар (“Дворец Хишама”). Он вдали от старых центров оазиса и отделен от них ущельем. Собственный водовод Мафджар (*Maffjar Conduit*) проводил сюда воду от источников Нуэма (восточнее, у подножия Иудейских гор), снабжая ею не только дворцовый комплекс, но по пути и промышленные предприятия, а также сельскохозяйственные угодья за дворцом (Jennings, 2015. Р. 143). В оазисе продолжала существовать и старая византийская система орошения, обеспечивая водой сохранявшиеся монастыри.

Археологических раскопок в зоне городского ядра Иерихона проведено пока немного, но они дают материал для уточнения организации городского водоснабжения. В 2012 г. Палестинский Департамент Древностей и Университет Чикаго,

США (Э. Лауричелла и М. Дженнингс) в северной части центра Иерихона провели раскопки двух небольших участков по сторонам улицы Дворца Хишама (см. Jennings, 2015. Р. 53–56; Taha, 2020. Р. 273, 274).

Участок 1 (на восточной стороне улицы) включал остатки квадратного (?) здания, ориентированного по сторонам света; неширокую древнюю улицу к югу от здания; линию водопровода из глиняной трубы, проложенную в каменной кладке, с небольшой квадратной цистерной в конце линии. На участке 2 открыли остатки дома со следами (минимум) одной перестройки и белым мозаичным полом, а к северу от здания — линию водопровода из глиняных труб.

Таким образом, на двух небольших участках удалось зафиксировать остатки двух зданий, ориентированных по сторонам света, и две линии водопровода, ориентированные по направлению З–В, что примерно соответствует направлению на источник Телль эс-Султан, расположенный к востоку от раскопанных участков.

Еще раньше, в 2010 г., на территории Музейно-паркового комплекса РФ начала работы Иерихонская археологическая экспедиция ИА РАН, получив новые сведения о водоснабжении Иерихона. На всех трех раскопах (в сумме площадь более 450 м²) уже в первый год работ найдены остатки водопроводных систем.

Раскоп 2 (10 × 12 м) был заложен на месте раскопа XIX в., открыв остатки здания из нескольких помещений, вытянутых по линии С–Ю, шириной около 6 м. В помещениях обнаружались полы из цветной и белых мозаик на разных уровнях. При этом под полами и стенами комнат, а также снаружи вдоль стен открылись водопроводные каналы разных периодов существования здания, подходившие к небольшим резервуарам внутри помещений (Беляев, 2016. С. 99). В плане можно выделить три линии водоводов, заново открытых, и четвертую, указанную в дневнике работ Я. Смирнова 1891 г. В северо-западном углу раскопа зафиксирован “магистральный” водопроводный канал длиной около 5 м, от него отходит ветка, ведущая непосредственно в здание. Это прямоугольный в плане водовод, дно, стенки и прилегающая поверхность которого оштукатурены. Глубина водовода — 20, ширина канала — 40 см. От него непосредственно в здание уходил более узкий канал шириной 20 см, на конце которого находилась квадратная (110 × 110 см по внешнему краю) цистерна глубиной 70 см. Ввод канала в цистерну осуществлялся посредством керамической трубы диаметром 10 см.

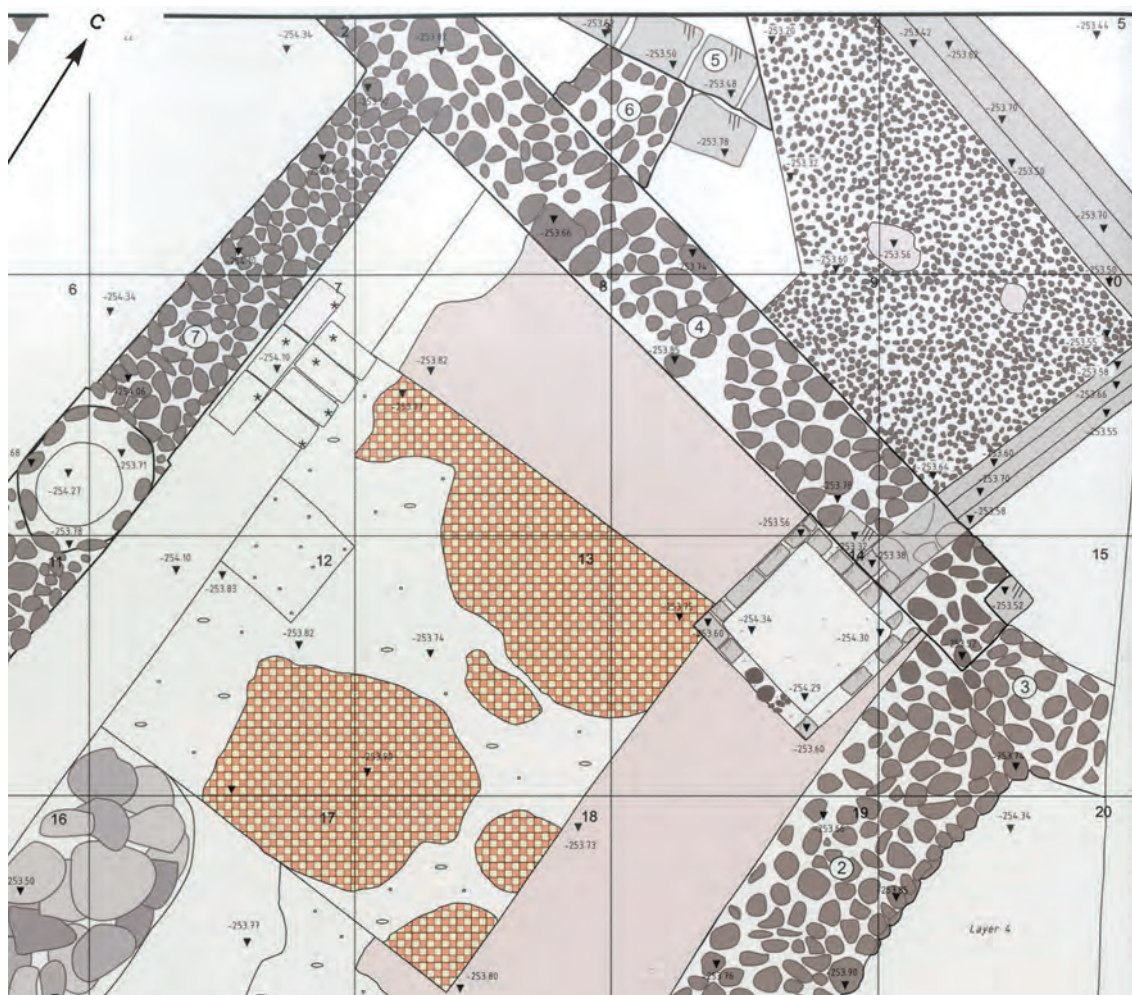

Рис. 5. Водоводы и цистерны раскопа 2 (по: Беляев, 2016).

Fig. 5. Waterpipes and cisterns of excavation site 2 (after Belyaev, 2016)

Третья ветка водовода заходила в здание с востока и представляла собой установленные на торец каменные плиты (блоки). У здания водовод поворачивал на север и обрывался. Четвертая линия, известная по упомянутому дневнику 1891 г., представлена двумя ветками керамических и цементных труб, проложенных в бугре западной и северной стен здания; в центре западной стены был создан резервуар в виде нижней части широкого керамического сосуда, обмазанного толстым слоем раствора, куда, судя по описанию, с севера входила цементная труба, а водоотведение шло через глиняные трубы (Беляев, 2016. С. 342). Возможно, эта ветка отходила от восточного водовода, там, где перед вводом в цистерну труба могла разветвляться на северную стену и саму цистерну, что нужно уточнить при будущих работах (рис. 5).

Таким образом, в пределы одного небольшого раскопа попало три (!) вида водопровода: примитивный канал из каменных блоков; качественные,

прямоугольные в сечении оштукатуренные водоводы двух размеров (основной и отводной); ветка водовода в бутовых стенах из керамической и цементной труб. А также два (!) вида цистерн: каменная, с оштукатуренными стенками и вводом из керамической трубы, и цистерна, сделанная из нижней части керамического сосуда, встроенного в стену. Такое разнообразие может объясняться как разными периодами функционирования систем, так и разным назначением (например, примитивный водовод из каменных блоков мог служить канализацией, отводя использованную воду из здания).

В 2011 г. на территории Музейно-паркового комплекса к юго-юго-западу от раскопа 2 был заложен раскоп 5. В него попала внешняя (южная) стена архитектурного комплекса раскопа 2 с примыкающей к ней галереей из небольших помещений, а к югу от нее — зона производственных сооружений: гончарные горны, ямы-отстойники,

Рис. 6. Водоводы и цистерны (справа) раскопа 5 (по: Беляев, 2016). *А* — чертеж. Условные обозначения: *а* — сыровые кирпичи; *б* — керамический бой; *в* — траншея; *г* — водовод бетонный; *д* — водовод керамический. *Б* — фото, вид с востока.

Fig. 6. Waterpipes and cisterns (on the right) of excavation site 5 (after Belyaev, 2016)

очаги (в том числе тандыры). К элементам водоснабжения относятся водоводы в виде оштукатуренных каменных каналов и керамических труб, а также две цистерны-водохранилища.

Рассматривая их подробнее, укажем, что в галерее, в северной части кв. 1 раскопа 5, в одной из стен, уходящей в раскоп 2 и примыкающей перпендикулярно к южной монументальной стене, зафиксирована ветка бетонного водостока — видимо, это продолжение не сохранившегося водостока из керамической цистерны раскопа 2. Он уходил под южную стену комплекса и был протянут под ней наружу, возможно, служа водоотводом из архитектурного комплекса на раскопе 2.

Кроме того, вне территории комплекса раскопа 2 выявлены остатки четырех водоводов и двух цистерн-водохранилищ. Стратиграфически самая ранняя из них — цистерна Б (2.2×2.7 м), стенки которой сложены из продолговатых тесаных каменных параллелепипедов, изнутри обмазанных штукатуркой, армированной слоем гальки. Камни, из которых выложены стенки, обработаны с двух сторон, что может говорить об их повторном использовании. Водоводы, которые бы вели в цистерну, не выявлены. Вторая цистерна, А (около 1.5×1.6 м изнутри), более поздняя: ее восточная стенка служит западной стенкой цистерны Б, а остальные три сложены из тесаного камня на высоту 1.1–1.15 м; стенки и дно оштукатурены водонепроницаемым раствором.

С этой цистерной, прямо или косвенно, связан пучок водоводов, зафиксированный в кв. 4. Самый ранний — бетонный желоб из мелкого булыжника, тщательно оштукатуренный, ширина (по дну) — 0.12–0.13 м, глубина 0.1–0.12 (прослежено в длину на 6.5 м). Желоб выходил из восточной стенки кв. 4 почти строго на запад, перерезался более поздним массивным фундаментом и в кв. 2 обрывался. Две другие ветки водовода связаны с цистерной А, они были выведены в нее, прорезав цистерну Б, и имели смешанную конструкцию: бетонные желоба перемежались керамическими трубами, что может говорить о починке или реконструкции (рис. 6, 7) (Беляев, 2016. С. 131, 154, 155).

Итак, в раскопе 5 зафиксировано две системы водопроводов, как пока представляется, не связанных между собой: край системы водоснабжения и водоотведения архитектурного комплекса раскопа 2 и система водоснабжения производственных комплексов средневекового времени. Интересно, что эта система функционировала и развивалась, подстраиваясь под меняющиеся ситуации: водопроводы перекладывали, чинили,

устанавливали новые цистерны взамен старых. Гончарное производство требует большого количества воды, так как замешивание глины и формовка изделий обычно идут в непосредственной близости от горнов. В самой южной части раскопа 5 открыта еще одна водоотводная (?) система, по-видимому, средневекового арабского периода — это керамические трубы, уложенные в мощный общий закрытый желоб из фрагментов керамики на растворе. Эта одна линия подходила и поднималась к небольшой “цистерне”, также целиком закрытой. Вероятно, она связана с жилыми постройками, зона которых примыкала с юга к производственной (ее еще предстоит исследовать).

Перейдем на северную часть двора Музейно-паркового комплекса РФ, где в 2010 г. изучена еще одна часть системы водоснабжения (раскоп 4, площадь 160 м²). Здесь расчищен участок большого двора, замощенного сырцовыми кирпичами и камнем, в мощении был заложен длинный (в раскоп попало 16 м) водовод шириной и глубиной 20 см, перекрытый сверху каменными плитами. В водовод был установлен базальтовый фильтр с отверстиями. Ориентировка канала примерно по линии 3–В, что совпадает с ориентировкой остальных водопроводных каналов на участке комплекса. Такая одинаковая направленность каналов диктовалась тем, что источник воды для всей этой системы, Эйн эс-Султан, расположен существенно восточнее (примерно в 1.5 км); так же ориентированы водоводы и в раскопах М. Дженнингса (Jennings, 2015).

Таким образом, в каждом из крупных раскопов в современном Иерихоне обнаруживаются детали крайне разветвленной водопроводной системы. В изученных уровнях система функционировала в раннеисламское (с середины VII в.) время. Но очевидно, что ее заложили существенно раньше, а после завоевания скорее поддерживали и развивали. На этом этапе сохранялась прежняя хозяйственная традиция, не сменился и этнокультурный состав населения в оазисе. Соответственно, сеть многочисленных каналов, труб и цистерн византийской системы сохраняли и расширяли.

В то же время новая исламская администрация относилась к теме воды и водоснабжению города со всей серьезностью, что ярко демонстрирует устройство дворца халифа Хишама. Роль воды в исламской культуре вообще огромна: согласно исламским представлениям, из воды создано все живое; первые мусульмане жили в крайне засушливых областях, где вода была редким, чудесным явлением. Вся культура ислама пронизана

образами, связанными с водой; ее источники, начиная с колодца Замзам в Мекке, священны; законы шариата подробнейшим образом формулируют правила владения и пользования водными ресурсами. Мусульманские ученые веками разрабатывали ирригационные системы и гидравлические машины, которые позволяли превращать в цветущие оазисы даже самые засушливые области (Hillenbrand, 2009).

В Иерихоне византийско-арабского периода изучена несоизмеримо меньшая площадь, чем на Царевском городище, но сравнение систем пользования водными ресурсами возможно. Гюлистан со всех сторон окружен реками, для его жителей одной из важных задач был отвод излишков воды. В Иерихонском оазисе требовалось пользоваться ею не только бережнее, но и более прицельно, целенаправленно, о чем свидетельствует крайне разветвленная, напоминающая систему капилляров, идущая в каждый дом структура мелких и мельчайших водоводов с очень небольшими (1 м³ и менее) емкостями для хранения. Но виден и общий принцип: стремление сделать воду максимально доступной.

Историческая топография средневековых городов в зонах с недостаточными водными ресурсами, местоположение и развитие которых жизненно зависело от природных источников, форм передачи воды на расстояние, а также ее сбора и сохранения, показывает сосредоточенность усилий общества на выработке новых приемов и трансформации окружающей среды. В дальнейшем планируется привлечь для сравнения результаты исследований израильских археологов в обширной пустынной зоне Негев, где поселения раннесредневекового времени успешно (хотя и кратковременно) развивались на основе искусственного орошения.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-40075.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баллод Ф.В.* Культура Золотой Орды // Новый Восток. 1924. Кн. 6. С. 336–349.
- Баллод Ф.В.* Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (результаты археологических работ летом 1922 года) // Татарская археология. 1998. № 1. С. 14–32.
- Беляев Л.А.* Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. 500 с.
- Глухов А.А.* Колобовское поселение: новые данные и интерпретация памятника // Золотоордынская цивилизация. 2011. № 4. С. 245–249.
- Глухов А.А.* Историческая топография Царевского городища // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 92–112.
- Глухов А.А.* Царевское городище: история изучения, историческая топография, хронология. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2015. 100 с., 16 л. ил.
- План Саратовской губернии Царевского уезда, части древних развалин по левому берегу реки Актубы – в окрестности города Царева [Электронный ресурс]. 1842. URL: <https://dlib.rsl.ru/01005448812> (дата обращения: 03.06.2021).
- Савельев Н.И.* Водоснабжение Царевского городища // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 276–302.
- Савельев Н.И.* “План Сарайских развалин...” // Золотоордынская цивилизация. 2013а. № 6. С. 35–48.
- Савельев Н.И.* Плотины в системе водоснабжения Царевского городища // Поволжская археология. 2013б. № 4 (6). С. 155–165.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Научный отчет о раскопках 1962 г. на городище Сарае-Берке – столице Золотой Орды // Архив Волгоградского областного краеведческого музея. № 12. 1962.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 68–171.
- Hillenbrand C.* Gardens beneath which rivers flow: the significance of water in classical Islamic culture // Rivers of paradise: water in Islamic art and culture / Eds. S. Blair, J. Bloom. New Haven: Yale University Press, 2009. P. 1–17.
- Jennings M.* Beyond the walls of Jericho: Khirbet al-Mafjar and the signature landscapes of the Jericho plain: A dissertation submitted to the faculty of the division of the humanities. In candidacy for the degree of doctor of philosophy. The University of Chicago [Электронный ресурс]. Chicago, 2015. 219 p. URL: https://oi.uchicago.edu/sites/oi.uchicago.edu/files/uploads/shared/docs/Research_Archives/Dissertations/MJ_dissertation_reduced%20size-1.pdf (дата обращения: 03.06.2021).
- Nigro L.* The Archaeology of Collapse and Resilience: Tell es-Sultan/ancient Jericho as a Case Study // Overcoming Catastrophes. Essays on disastrous agents characterization and resilience strategies in pre-classical Southern Levant. Rome: Rome “La Sapienza” Expedition to Palestine & Jordan, 2014 (Rome “La Sapienza” Studies on The Archaeology of Palestine And Transjordan; 11). P. 55–85.
- Taha H.* Two Decades of Archaeology in Jericho, 1994–2015 // Digging Up Jericho: past, present and future. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 269–286.

IRRIGATION FACILITIES OF THE ISLAMIC PERIOD: EXPERIENCE OF A COMPARATIVE APPROACH

Nikita I. Savelyev

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: savelnik2010@gmail.com

The article discusses the results of the analysis of medieval irrigation systems in arid and semi-arid conditions in the south of Russia and in Israel. The author considered the hydraulic structures of the Tsarev fortified settlement, a large Golden Horde centre of the 14th century, and conducted a retrospective analysis of irrigation systems for the Jericho oasis employing traditional water supply systems – aqueducts. In addition, the paper publishes details of the water supply system of the early Islamic period based on the data from excavations in modern Jericho. Owing to the well-preserved microrelief at the Tsarev settlement, an extensive hydraulic engineering network of a large town was identified and described including dams, reservoirs, a system of water supplying irrigation and intra-town canals. In Jericho, during excavations on the territory of the Russian Museum and Park Complex, an elaborate water supply system of the Byzantine and early Islamic periods was recorded at the micro level of individual premises and structures.

Keywords: water supply systems, water supply, Golden Horde, Gulistan, Jericho.

REFERENCES

- Ballod F.V., 1924. Culture of the Golden Horde. *Novyy Vostok [New Orient]*, 6, pp. 336–349. (In Russ.)
- Ballod F.V., 1998. Old and New Sarai, the capitals of the Golden Horde (results of archaeological work in the summer of 1922). *Tatarskaya arkheologiya [Tatar archaeology]*, 1, pp. 14–32. (In Russ.)
- Belyaev L.A., 2016. Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho. Excavations one century later]. Moscow: Indrik. 500 p.
- Fedorov-Davydov G.A. Nauchnyy otchet o raskopkakh 1962 g. na gorodishche Sarai-Berke – stolitse Zolotoy Ordy [Scientific report on excavations in 1962 at the fortified settlement of Sarai-Berke – the capital of the Golden Horde]. *Arkhir Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore]*, № 12. 1962.
- Fedorov-Davydov G.A., Vayner I.S., Mukhamadiev A.G., 1970. Archaeological research in the Tsarev fortified settlement (New Sarai) in 1959–1966. *Povolzh'e v srednie veka [The Volga region in the Middle Ages]*. A.P. Smirnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 68–171. (In Russ.)
- Glukhov A.A., 2011. The Kolobovka settlement: new data and interpretation of the site. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya [Golden Horde civilization]*, 4, pp. 245–249. (In Russ.)
- Glukhov A.A., 2014. Historical topography of the Tsarev fortified settlement. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region archaeology]*, 2 (8), pp. 92–112. (In Russ.)
- Glukhov A.A., 2015. Tsarevskoe gorodishche: istoriya izucheniya, istoricheskaya topografiya, khronologiya [The Tsarev fortified settlement: history of studying, historical topography, chronology]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo. 100 p., 16 ill.
- Hillenbrand C., 2009. Gardens beneath which rivers flow: the significance of water in classical Islamic culture. *Rivers of paradise: water in Islamic art and culture*. S. Blair, J. Bloom, eds. New Haven: Yale University Press, pp. 1–17.
- Jennings M., 2015. Beyond the walls of Jericho: Khirbet al-Mafjar and the signature landscapes of the Jericho plain. Chicago. 219 p.
- Nigro L., 2014. The Archaeology of Collapse and Resilience: Tell es-Sultan/ancient Jericho as a Case Study. *Overcoming Catastrophes. Essays on disastrous agents characterization and resilience strategies in pre-classical Southern Levant*. Rome: Rome “La Sapienza” Expedition to Palestine & Jordan, pp. 55–85. (Rome “La Sapienza” Studies on the Archaeology of Palestine And Transjordan, 11).
- Plan Saratovskoy gubernii Tsarevskogo uyezda, chasti drevnikh razvalin po levomu beregu reki Aktuby – v okrestnosti goroda Tsareva (Elektronnyy resurs) [A plan of part of ancient ruins on the left bank of the Aktuba river in the vicinity of the city of Tsarev, in Tsarev uyezd (district) of Saratov Province (Electronic source)]. 1842. URL: <https://dlib.rsl.ru/01005448812>.
- Savel'ev N.I., 2012. Water supply of the Tsarev fortified settlement. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya [Golden Horde civilization]*, 5, pp. 276–302. (In Russ.)
- Savel'ev N.I., 2013a. “Plan of the Sarai ruins...” *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya [Golden Horde civilization]*, 6, pp. 35–48. (In Russ.)
- Savel'ev N.I., 2013b. Dams in the water supply system of the Tsarev fortified settlement. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region archaeology]*, 4 (6), pp. 155–165. (In Russ.)
- Taha H., 2020. Two Decades of Archaeology in Jericho, 1994–2015. *Digging Up Jericho: past, present and future*. Oxford: Archaeopress, pp. 269–286.

ПУБЛИКАЦИИ

ЛЕПНАЯ ПОСУДА СЕВЕРОБАКТРИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА КСИРОВ

© 2021 г. Е.П. Денисов

*Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
Национальной академии наук Республики Таджикистан, Душанбе*

E-mail: evgeni.denisov@mail.ru

Поступила в редакцию 16.04.2018 г.

Сопоставление погребального обряда могильника Ксиров, расположенного в Южном Таджикистане на территории Дангаринского района, с тем, как были погребены кочевники Бишкента на юго-западе Таджикистана, позволило выдвинуть гипотезу, что кочевники, хоронившие своих близких на Дангаринской равнине, — юэцжи древнекитайских источников. Последующие исследования подтверждали этот вывод. Сопоставление характеристик погребального обряда и керамического материала (среднее число сосудов в погребении и их ассортимент, расположение сосудов по отношению к погребенному, доля лепной посуды) говорит о значительности различий между Ксировом и могильниками Бишкентской долины. Поскольку значительная доля лепной посуды является одной из важнейших особенностей могильника Ксиров, то именно ей уделяется внимание в настоящей статье.

Ключевые слова: Таджикистан, Бактрия, лепная керамика, могильник Ксиров, погребение, курган, ограда, юэцжи, кочевники, раннекушанское время.

DOI: 10.31857/S086960630016287-4

Курганный могильник Ксиров на территории Дангаринского района в Южном Таджикистане исследуется давно (Денисов, 1980; 1981; 1982; 1983а; 1983б; 1984; 1986а; 1986б; 1987; 1988; 1989; 1993; 2005; 2007; 2008; Denisov, 1997; Denisov, Grenet, 1981). Большинство могильных сооружений в нем — простые могильные ямы внутри оград или курганов, ориентированные с В на З. В плане они образуют группы в виде цепочек или, в одном случае, в виде веретена, вытянутые с С на Ю. В отличие от Ксирова, могильные ямы в Бишкентской долине (на юго-западе Таджикистана) ориентированы с Ю на С и представляют собой, как правило, ямы с подбоем в западной или восточной стенке (Мандельштам, 1966; 1975; Седов, 1984). Еще одно отличие от Ксирова — эти группы курганов обычно выглядят в плане как бесформенные пятна. Кроме того, есть отдельные группы, курганы в которых расположены в виде полос, реже — в виде цепочек, вытянутых, однако, не в меридиональном, а в широтном направлении.

Число исследованных могильных комплексов в могильнике Ксиров — 52, а за вычетом кенотафов, сомнительных с точки зрения принадлежности к исследуемой нами эпохе, — 43. Число это — ощутимо меньшее, чем в таких памятниках, как Тулхар, где оно приближается к двум сотням (194), Аруктау (96) или Бабахов (138). Безусловно, картина, получающаяся при анализе материалов

из могильника Ксиров, выглядела бы еще более убедительной, если бы число погребальных сооружений и, соответственно, найденных предметов инвентаря было здесь более значительным.

Могильник Ксиров отличается от бишкентских памятников и по обнаруженному при раскопках сопровождающему материалу. Так, в Ксирове, например, намного чаще находили золотые и серебряные украшения, монеты и предметы вооружения. Расположение сосудов в погребениях, их число, как и сам характер обнаруженной керамики, также отличают этот Дангаринский могильник от памятников Бишкентской долины.

Что касается могильника Бабахов на юго-востоке современной Туркмении (Мандельштам, 1975), то по большинству признаков он занимает типологически промежуточное положение между синхронными бишкентскими и дангаринскими погребальными памятниками.

С другой стороны, материалы из могильника Ксиров оказываются близки происходящим из памятников кочевников Семиречья (Джетысу) и Северного Тянь-Шаня того же времени. Так же, как и в Ксирове, около 80% исследованных здесь памятников — обычные ямы, в то время как прочие — ямы с подбоями. Могильные ямы ориентированы в Семиречье — Северном Притяньшанье тоже на З и только очень редко, так же, как и в Дангаре, — на В (Агеева, 1960; 1961; Акишев,

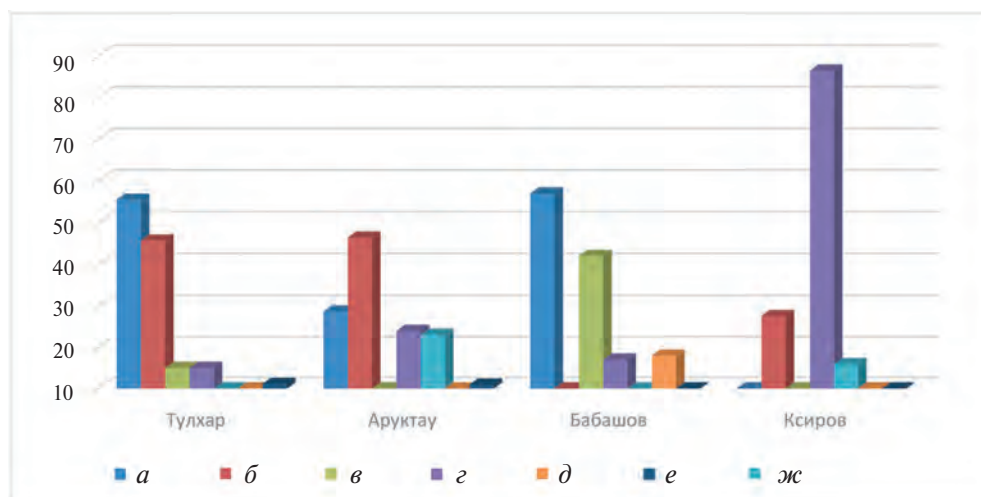

Рис. 1. Наиболее распространенные виды посуды в погребениях кочевников из могильников Северной Бактрии: *а* — бокалы, *б* — кувшины, *в* — миски, *г* — горшки, *д* — кубки, *е* — двуручные сосуды, *ж* — деревянная посуда.

Fig. 1. The most common ware types in the nomadic burials from cemeteries of Northern Bactria

Кушаев, 1963; Заднепровский, 1975; см. также названные выше публикации Денисова).

Интересно, что в могильнике Ксиров нет ни одного погребения, в котором было найдено больше одного сосуда, объяснением чему может быть наличие у кочевников Дангаринской долины определенного обрядового ограничения, в отличие от других номадов Северной Бактрии, и особенно Бишкентской долины. Почти половина (49.5%) погребений Тулхара содержит по два сосуда. Подобных погребений в Аруктау — 23.2% и в Бабашове — 6.5%. В Тулхаре и в Аруктау — и только в этих двух могильниках — есть и небольшой процент погребений, в которых обнаружено по три сосуда.

Характерной чертой могильника Ксиров является также местоположение сосудов в погребениях (ближе к голове или ногам погребенного).

В могильнике Ксиров значительная часть посуды — 11 экз. (35.5% от общего числа 31 экз.) поставлено ниже уровня плечей погребенного, что редко для других памятников; 12.9% посуды расположено на уровне стоп и ниже, что вообще не встречается в других могильниках кочевников Северной Бактрии.

Важной особенностью керамического комплекса Ксировского могильника является ограниченный ассортимент форм (рис. 1). Представлены только две группы керамики — горшки и кувшины, причем значительно преобладают первые (26 сосудов или 81.25%), кувшинов только 6 (18.75%), в том числе пять гончарных и один лепной.

Другой особенностью могильника Ксиров является то, что около 40% всей посуды здесь (40.6% от числа керамики или 38.2 % от числа всей посуды, включая и деревянную) — лепная. Единственный могильник, кроме Ксирова, где также представлена лепная посуда, — Тулхар. Но найден там был лишь один-единственный сосуд (миниатюрный!), что соответствует примерно 0.4% от количества керамики этого могильника.

Именно потому, что лепная керамика в могильниках кочевников юга Средней Азии этого периода является редкостью, хотелось бы рассмотреть эту посуду могильника Ксиров подробнее.

Коллекция лепной посуды из могильника Ксиров (рис. 2–4) насчитывает 13 сосудов. Из них только один (Ксиров-III¹, 1980, ограда 16) — кувшин (рис. 2, 13; 4, 4), остальная посуда — горшки.

Горшки. Представлены двенадцатью экземплярами. Выделяются три группы, состоящие из 5, 4 и 2 сосудов, оставшихся 2 миниатюрных сосуда представляют собой индивидуальные формы, одна из которых тяготеет к первой, а другая — ко второй группе. Основные параметры горшков представлены в таблице.

Первая группа (I) (рис. 2, 1–5; 3) — пять сосудов. Это три крупных горшка из оград 1 (1977 г.), 4 (1978 г.) и 8 (1979 г.) группы Ксиров-III, светло-красноглиняные либо светло-коричнево-глиняные, оранжевого либо светло-красного ангоба (рис. 2, 1–3). Приземистые, широкогорлые,

¹ Римская цифра в шифре означает номер группы погребений в могильнике.

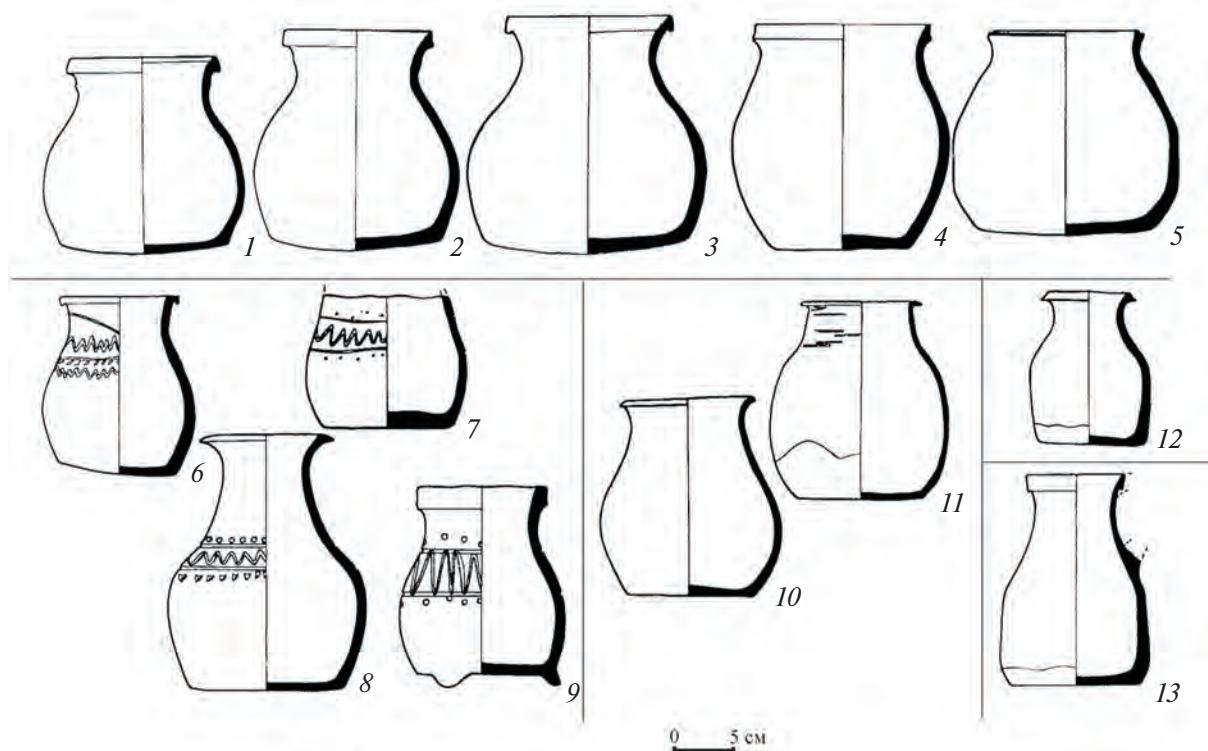

Рис. 2. Могильник Ксиров. Классификация лепной посуды. Горшки и кувшин.

Fig. 2. The Ksirov burial ground. Classification of hand-made ware. Pots and jug

с округлым туловом. Венчик короткий манжетовидный, подтреугольной формы. В нижней части тулова имеются следы подрезки. Дно слегка выпуклое, по дну имеются следы подсыпки.

Близки этим сосудам и два других, из оград 9 (1979 г.) и 18 (1980 г.) группы Ксиров-III (рис. 2, 4, 5). Сосуд из ограды 9 (коричневой глины, светло-коричневого ангоба) отличается от вышеописанных тем, что его нельзя классифицировать как приземистый, ибо максимальный диаметр у него находится посередине высоты сосуда. Возможно, в нижней части этого горшка была сделана подрезка, но затем следы ее были заглажены. Венчик короткий, манжетовидный, подтреугольной формы, заостряющийся кверху. Сосуд из ограды 18 (рыжей глины, светло-коричневого ангоба) отличается от первых трех несколько большей приземистостью, большим диаметром дна и характерной формой венчика (прямой, слегка расширяющийся у края с канавкой по плоской, несколько наклонной наружу верхней грани). У сосуда имеются следы подрезки в нижней части тулова.

Горшки первой группы отличаются близкими размерами высоты и максимального диаметра; это видно и по индексу соотношения этих двух параметров. Все сосуды имеют короткое и широкое в диаметре горло, и все они — приземистые.

Почти вся посуда, за исключением горшка из ограды 9, — с несколько округлым дном и с коротким манжетовидным венчиком (исключение: горшок из ограды 18).

Вторая группа (II) (рис. 2, 6–8; 4, 3) — три сосуда из оград 11, 13, 17 (все — 1980 г.) и 22 (1981 г.) группы Ксиров-III. У сосуда из ограды 13 не сохранился венчик. Горшки удлиненных пропорций, с высоким горлом и с прочерченным орнаментом (граффити) по плечикам. Горшок из ограды 17 крупных размеров, наиболее высокий среди лепной керамики могильника. Остальные два сосуда сравнительно небольшие. Горшки эти коричневой глины и коричневого ангоба (ограды 11 и 17), светло-красной глины и желтого ангоба (ограда 13). В одном (ограда 17) или в двух случаях (также из ограды 11) — со следами подрезки в нижней части тулова. Форма венчиков тоже различна: молоточковидный (ограда 11), подтреугольной формы (ограда 17). В углубленном орнаменте, которым украшены сосуды, во всех случаях представлена волнистая линия. Линия эта либо помещена между двух параллельных прямых, либо этих волнистых линий — две, а между ними прочерчена прямая горизонтальная линия, от которой вниз отходят косые насечки (сосуд из ограды 11). Два горшка украшены

также рядами пуансонов. У сосуда из ограды 13 они окаймляют сверху и снизу орнаментальную полосу, тогда как у второго сосуда (из ограды 17) имеется только один ряд пуансонов, сверху, снизу же идет ряд зашипов в виде равнобедренных треугольников, повернутых острием вниз.

Все три сосуда формовались на плоской поверхности (камень или доска), без подсыпки.

Сосуды этой группы менее однородны, менее гомогенны, чем горшки первой группы. Формально они объединены в эту группу по наличию у них прочерченного орнамента по верхней части тулова, но резко отличаются от первой группы также и по их вытянутым пропорциям, отраженным индексом Н/Д. Однако по технике изготовления сосуда этой группы сближаются с горшками первой группы и отличаются от горшков группы III.

Горшки второй группы обнаруживают определенную близость с гончарной посудой. Более всего это относится к сосуду из ограды 17. С гончарной посудой объединяет эту группу прежде всего характер орнамента, его расположение; отчасти — общие пропорции.

Третья группа (III) (рис. 2, 10, 11) представлена двумя сосудами средних размеров. Происходят они из кургана 2 группы Ксиров-I и из ограды 6 группы Ксиров-III (оба 1979 г.). Горшки сравнительно тонкостенные, аккуратные, с коротким горлом, светло-коричневоглиняные, светлоангобированные. Венчики небольшие и со слегка скругленным (курган 2 группы Ксиров-I) или слегка заостренным (из ограды 6 группы Ксиров-III) краем, представляют собой продолжение стенок сосудов, плавно отогнутых наружу. У сосуда из ограды 6 в нижней части тулова и по плоскому дну имеются следы подрезки, причем в нижней части тулова поверхность впоследствии была затерта. У другого сосуда также имеются отчетливые следы подрезки в нижней части тулова, но по дну, также плоскому, этих следов нет. Формовка сосуда производилась на плоской поверхности (камень или доска), без подсыпки.

Горшки третьей группы по индексу соотношения высоты и максимального диаметра занимают промежуточное положение между сосудами первой и второй группы. Они отличаются от других лепных горшков аккуратностью формовки и характерным небольшим и заостренным у края венчиком, а от сосудов второй группы — коротким горлом.

Индивидуальные формы — два сосуда. Первый из них — миниатюрный сосуд из ограды 25

Рис. 3. Могильник Ксиров. Лепной сосуд из ограды I группы Ксиров-III (1977 г.).

Fig. 3. The Ksirov burial ground. A hand-made vessel from group Ksirov-III, fence 1 (1977)

группы Ксиров-III (1981 г.) (рис. 2, 12). Рыжеглиняный, светло-кремового ангоба асимметричный сосуд с клювовидным венчиком (поильник?). Короткое сравнительно узкое горло плавно переходит в утяжеленное тулово с широким и плоским дном. Следы подсыпки по дну отсутствуют. Формовка сосуда производилась на плоской поверхности (камень или доска).

Типологически горшок близок к сосудам первой группы, отличаясь от них прежде всего небольшими размерами; по соотношению высоты и максимального диаметра он находится среди посуды второй группы, но не орнаментирован и значительно меньше размерами. Это, а также сравнительно толстые стенки сосуда сближают его с горшками группы I. У этого сосуда характерный клювовидный венчик, близкий по форме с венчиком горшка из ограды 17 группы II. Горшок явно отличается от горшков группы III.

Второй сосуд — “трипод”, горшок с тремя ножками из группы Ксиров-III (1981 г.), ограды 22 (рис. 2, 9). Это сероглиняный сосуд светло-серого ангоба, по пропорциям близкий кувшину, но без ручки. Венчик небрежной формовки в виде двух параллельных валиков. Украшен по тулову углубленным орнаментом в виде ленты из двух горизонтальных прямых, с волнистой линией между

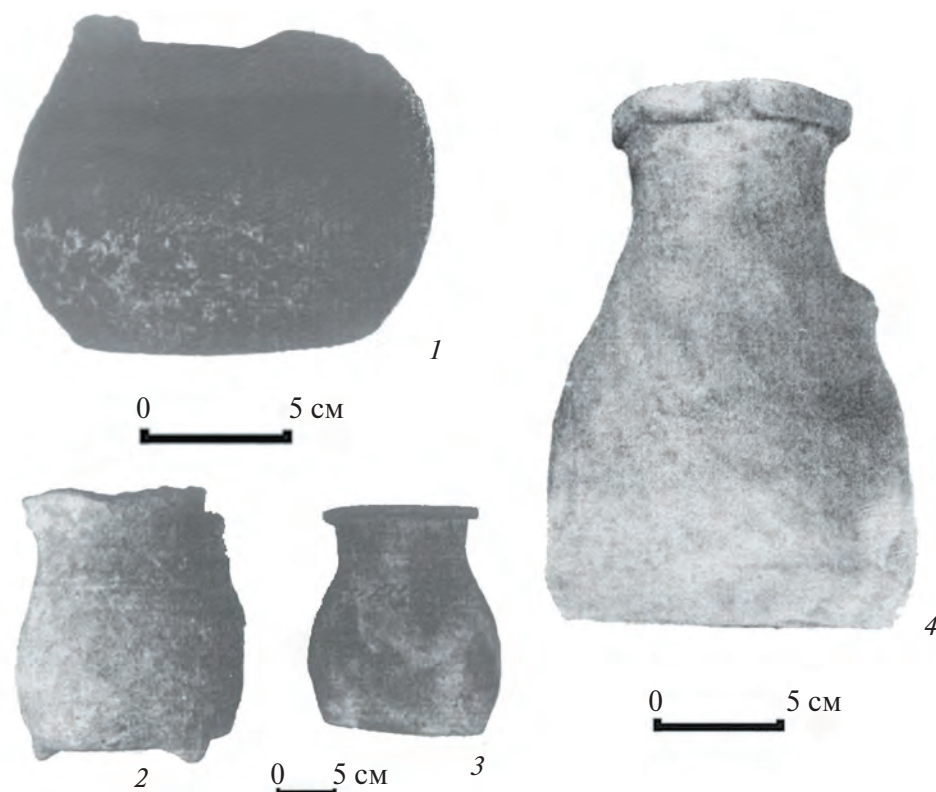

Рис. 4. Могильник Ксиров. Лепная посуда.

Fig. 4. The Ksirov burial ground. Hand-made ware

ними, обрамленных с внешней стороны рядами пуансона. Сосуд формован на плоской поверхности (камень или доска) без подсыпки, после чего к его дну были приделаны три ножки. Наличие этих ножек служит основанием для выделения этого горшка в качестве индивидуальной формы. В то же время по морфологии, обработке поверхности и орнаментации он очень близок сосудам второй группы и может рассматриваться в ее рамках. Два горшка с тремя ножками представлены также и среди гончарной посуды могильника.

Кувшины. Представлены одним сосудом, происходящим из ограды 16 группы Ксиров-III (1980 г.) (рис. 2, 13), удлиненных пропорций, светло-красной глины, покрытым ангобом светло-красного цвета, несколько асимметричным, с узким горлом. Венчик манжетовидный, тулово конусовидной формы. Следы подсыпки по плоскому дну отсутствуют.

Кувшин, так же, как и миниатюрный горшок индивидуальной формы, по пропорциям связывается с горшками группы II, но, подобно горшкам группы I, он не орнаментирован. Сравнительно толстые стенки кувшина позволяют сближать его с сосудами групп I и II, отличными по технике изготовления от горшков группы III.

Морфология посуды, как правило, связана с ее функциональным назначением. Так, лишенные какого-либо орнамента приземистые горшки с широким дном похожи на сосуды, предназначенные для приготовления пищи. С другой стороны, узкие горшки, будучи уже внешне похожими на кувшины, как можно предположить, и выполняли аналогичные кувшинам функции, то есть были предназначены для хранения в них жидкостей. Украшенные прочерченным орнаментом горшки, по всей видимости, использовались в качестве столовой посуды.

Лепная керамика из могильника Ксиров по ряду признаков сближается с посудой, известной благодаря исследованию синхронных могильников кочевников Ферганы. Идентичные технологические приемы и близость форм отмечаются здесь и у сосудов разных типов (Литвинский, 1973. Табл. 4, 4–9; 5, 4–6). Ксировская лепная керамика чрезвычайно близка лепной посуде, происходящей из городища Ай-Ханум в Северном Афганистане и относящейся ко времени после захвата этого городища кочевниками, а также керамике, обнаруженной на плато Аскалан. Исследовавшая эти материалы французский археолог Б. Лионне согласилась с нашей

Параметры лепных сосудов из могильника Ксиров

Measuring characteristics of hand-made vessels from the Ksirov burial ground

Шифр комплекса	Высота (Н), см	Диаметр ($D_{\max}$), см	Индекс ($H/D_{\max}$)
Горшки			
Группа I			
Кс.-III, огр. 8	19.2	20.0	0.96
Кс.-III, огр. 4	19.2	18.6	1.03
Кс.-III, огр. 1	17.5	18.2	0.96
Кс.-III, огр. 9	18.2	17.8	1.02
Кс.-III, огр. 18	16.5	18.3	0.90
Группа II			
Кс.-III, огр. 11	16.9	14.2	1.19
Кс.-III, огр. 13*	—	14.6	—
Кс.-III, огр. 17	23.6	17.6	1.34
Группа III			
Кс.-I, кург. 2	15.2	15.2	1.00
Кс.-III, огр. 6	18.2	17.0	1.07
Индивидуальные формы			
Кс.-III, огр. 25	12.3	11.0	1.12
Кс.-III, огр. 22**	17.7	16.2	1.09
Кувшин			
Кс.-III, огр. 16	19.7	14.0	1.41

*Венчик утрачен.

**Указана высота без ножек. Высота ножек — ок. 1.2 см.

атрибуцией лепной ксировской керамики (вкупе с аналогичной айханумской и аскаланской) как юэчжийской и указала еще ряд аналогий, сближающих эту посуду с ферганской (Lyonnet, 1991. Р. 154–156). Мнение Б. Лионне об атрибуции ксировского керамического материала как юэчжийского особенно важно, поскольку исследовательница имела возможность воочию видеть помимо североафганистанских и ксировские материалы. Более проблематичным мы продолжаем считать определенное сходство ксировской посуды с круглодонными горшками северо-востока Средней Азии (Агеева, 1961. С. 27. Рис. 5, 2; Максимова, 1975. С. 157. Рис. 9, 1, 2, 6; 1978. С. 69).

По поводу находок горшков на трех ножках необходимо отметить следующее. Французские исследователи, работавшие в Афганистане,

выделяют два периода ‘варварского’ обживания городища Ай-Ханум — периоды, последующие захвату эллинистического города, существовавшего на месте этого городища, кочевниками (Rapin, Isamiddinov, Khasanov, 2001. Р. 68). Керамический материал первого, наиболее раннего периода характеризуется присутствием в нем лепных горшков-“триподов”. Во втором периоде “триподы” исчезают и вместо них появляются лепные сосуды, имеющие форму бутылок. Эти “триподы” — форма, пришедшая с востока, известная у народов, живших у западных границ Китая того времени². Именно в этом регионе, среди прочих народов, обитали в III–II вв. до н.э., согласно китайским письменным источникам, и юэчжи.

² Первым это отметил К. Дебен-Франкфорт (С. Debain-Frankfort) (Rapin, Isamiddinov, Khasanov, 2001. Р. 83, n. 135).

В керамическом материале из могильника Ксиров представлены как лепные, так и более поздние гончарные горшки на трех ножках. Лепная керамика характерна для наиболее раннего периода. К этому времени относится и лепной кувшин — форма, характерная для второго периода. Предполагается, что уже в наиболее ранних материалах этого памятника встречаются керамические формы, характерные как для первого, так и для второго “варварских” периодов обживания Ай-Ханума. Все говорит о том, что на самом раннем этапе именно горшки были сосудами, которые следовало помещать с умершими. Погребение же с единственным лепным кувшином — вероятно, наиболее позднее среди памятников этой ранней группы в могильнике, вне зависимости от того, случайно ли была отломана ручка этого кувшина либо отломать ее было действием по превращению кувшина в сосуд, похожий на горшок, традиционный для погребального обряда.

Достаточно близким к двум лепным тонкостенным ксировским горшкам третьей группы оказывается горшок, найденный во втором кургане Каракольской курганной группы (Воеводский, Грязнов, 1938. С. 171, 172. Рис. 41). К сожалению, иллюстрация, где воспроизведен сосуд из каракольского кургана, оставляет желать лучшего. Судя по тексту, сосудов такого рода было обнаружено несколько. Каракольская курганная группа находится в Северном Притяньшанье, на восточном берегу озера Иссык-Куль и датирована III в. до н.э. — I в. н.э. (Воеводский, Грязнов, 1938. С. 170). Семиречье — Северное Притяньшанье — это область, расположенная на пути движения юэчжей к границам Греко-Бактрии³. Поэтому нельзя исключать, что эта группа памятников была оставлена усунями, этнокультурно близкими юэчжам, или собственно юэчжами.

По таким важнейшим признакам, как число обнаруженных в погребениях сосудов и ассортимент керамики, могильник Ксиров, безусловно, выделяется среди могильников юга Средней Азии этого периода. О том же самом говорит и сравнение по числу и доле представленной лепной посуды и, равным образом, по расположению сосудов в погребении. Сопоставление погребального обряда могильника Ксиров с тем, как были погребены прочие кочевники юга Средней Азии, и в частности Бишкента на юго-западе Таджикистана, а также с погребениями Семиречья — Северного Тянь-Шаня привело нас к гипотезе, что кочевники, хоронившие своих близких в Дангаринской

равнине — юэчжи древнекитайских источников. Последующие исследования и анализ материалов только подтверждали это. Как мы видим, сопоставление керамического материала и связанных с керамикой обрядов также подтверждают эти выводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева Е.А. Некоторые новые данные по археологии Семиречья // Краткие сообщения Института археологии. 1960. Вып. 80. С. 65—69.
- Агеева Е.А. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана / Ред. Х.А. Аргынбаев, М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Казахской ССР, 1961 (Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР; т. 12). С. 21—40.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Казахской ССР, 1963. 300 с., 11 л. ил.
- Воеводский М.В., Грязнов М.П. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР // Вестник древней истории. 1938. № 3. С. 102—179.
- Денисов Е. Погребальные памятники кочевников Северной Бактрии — Тохаристана // Культурные ценности. 2004—2006. Центральная Азия в прошлом и настоящем. СПб.: Филолог. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. С. 182—186.
- Денисов Е.П. Отчет о работе Дангаринского отряда // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XV (1975). Душанбе: Дониш, 1980. С. 96—109.
- Денисов Е.П. Продолжение исследования могильника на р. Ксиров // Археологические открытия 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 138—141.
- Денисов Е.П. Археологические работы в Дангаринском районе Вахшского отряда по изучению античных и средневековых памятников // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVI (1976). Душанбе: Дониш, 1982. С. 96—105.
- Денисов Е.П. Могильники на реке Ксиров и тохарско-юэчжийская проблема // Бактрия — Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: тез. докл. конф., посвящ. десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции / Ред. Б.А. Литвинский и др. М.: Наука, 1983а. С. 36, 37.
- Денисов Е.П. Работы в Ленинградском и Дангаринском районах // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVII (1977). Душанбе: Дониш, 1983б. С. 86—94.
- Денисов Е.П. Раскопки могильника Ксиров в Дангаринском районе в 1978 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVIII (1978). Душанбе: Дониш, 1984. С. 131—138.

³ См., например: Ханьшу 96 В 1в (Отчет об усунь, бассейн р. Или. Цит. по: Zürcher, 1968. Р. 365, 366).

- Денисов Е.П. Работы Дангаринского отряда // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986а. С. 479.
- Денисов Е.П. Раскопки в Дангаринском и Кобаданском районах // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XIX (1979). Душанбе: Дониш, 1986б. С. 147–163.
- Денисов Е.П. Исследование могильника на р. Ксиров (Саргазон) в Дангаринском районе в 1980 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XX (1980). Душанбе: Дониш, 1987. С. 138–147.
- Денисов Е.П. Работы в Дангаринском районе в 1981 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXI. Душанбе: Дониш, 1988. С. 289–296.
- Денисов Е.П. Загадочные тохары // Памир. 1989. № 12. С. 133–141.
- Денисов Е.П. Изучение памятников античного времени на территории Дангаринского района // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXIV. Душанбе: Дониш, 1993. С. 273–282.
- Денисов Е.П. Эфталиты, Химатала, Хутталь и Охоана-Хоана в связи с этнической историей Бактрии-Тохаристана // Центральная Азия от ахеменидов до тимуридов. Археология, история, этнология, культура: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (Санкт-Петербург. 2–5 ноября 2004 г.) / Ред. В.П. Никоноров. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 79–82.
- Денисов Е.П. Датировка раннекушанского могильника кочевников Ксиров (Дангаринский район, Южный Таджикистан) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 174–178.
- Заднепровский Ю.А. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода // Центральная Азия в кушанскую эпоху: тр. междунар. науч. конф. Т. 2 / Ред. Б.Г. Гафуров и др. М.: Наука, 1975. С. 293–296.
- Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тысячелетие н.э.). М.: Наука, 1973 (Могильники Западной Ферганы; вып. II). 202 с., 27 л. ил.
- Максимова А.Г. Узун-Булак и Шошкала — могильники усуньского времени // Древности Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 141–160.
- Максимова А.Г. Ранний железный век. VIII век до н.э. — VI в. н.э. // Музей археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР: путеводитель. Алма-Ата: Казахстан, 1978. С. 69.
- Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М.; Л.: Наука, 1966 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 136). 232 с.
- Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975 (Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории имени А. Дониша АН Таджикской ССР; т. 7). 227 с.
- Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; т. XLII). 396 с.
- Седов А.В. Курганные могильники // Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М.: Наука, 1984. С. 104–134.
- Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977. 296 с.
- Ставиский Б.Я. Средняя Азия в кушанский период // История таджикского народа. Изд. 2-е. Т. I. Душанбе: Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, 1998. С. 407–467.
- Denisov E. Ch'i-lien, Mao-Mond, Masken aus den Kurganen von Pazyryk und die Yüetschi/Tocharer. Zur Einordnung eines Steinsiegel-Intaglios aus dem Beškent-Tal in Süd-Tadžikistan // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 28 (1995–1996). Berlin: Reimer, 1997. С. 329–336.
- Denisov E.P., Grenet F. Boucles d'oreilles en or à images de coqs découvertes en Bactriane // Studia Iranica. T. 10. Leiden, 1981. P. 307–314.
- Lyonnet B. Les nomades et la chute du Royaume greco-bactrien: quelques nouveaux indices en provenance de l'Asie Centrale orientale. Vers l'identification des Tokhares-Yueh-Chi // Histoire et cultes de l'Asie Centrales preislamique. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1991. P. 153–161.
- Rapin Cl., Isamiddinov M., Khasanov M. La tombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2001. Vol. 145, № 1. P. 33–92.
- Zürcher E. The Yüeh-chih and Kaniska in the Chinese Sources // Papers on the Date of Kaniska. Leiden: Brill, 1968. P. 346–390.

HAND-MADE WARE OF THE NORTH BACTRIAN BURIAL GROUND KSIROV

Evgeny P. Denisov

*A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography,
National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe*

E-mail: evgeni.denisov@mail.ru

Comparison of the burial rite of the Ksirov burial ground located in Dangara district, Southern Tajikistan, with the method of burial of the Bishkent nomads in the south-west of Tajikistan made it possible to propose a hypothesis that the nomads who buried their relatives on the Dangara Plain were Yuezhi of ancient Chinese sources. Subsequent research confirmed this conclusion. Comparison of the features of the burial rite and pottery material (the average number of vessels in a burial and their variety, the location of the vessels in relation to the buried body, the proportion of hand-made ware) shows significant differences between Ksirov and the Bishkent Valley cemeteries. Since a significant proportion of hand-made ware is one of the most prominent features of the Ksirov burial ground, the article focuses on this issue.

Keywords: Tajikistan, Bactria, hand-made pottery, Ksirov burial ground, burial, mound, fence, Yuezhi, nomads, early Kushan period.

REFERENCES

- Ageeva E.A., 1960. Some new data on the archaeology of Semirechye. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 80, pp. 65–69. (In Russ.)
- Ageeva E.A., 1961. On the types of ancient burials in Alma-Ata Region. *Novye materialy po arkheologii i etnografii Kazakhstana [New materials on the archaeology and ethnography of Kazakhstan]*. Kh.A. Argynbaev, M.K. Kadyrbaev, eds. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoy SSR, pp. 21–40. (Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii Akademii nauk Kazakhskoy SSR, 12). (In Russ.)
- Akishev K.A., Kushaev G.A., 1963. Drevnyaya kul'tura sakov i usuney doliny reki Ili [Ancient culture of the Saka and Wusun people of the Ili River valley]. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoy SSR. 300 p., ill.
- Denisov E., 1997. Ch'i-lien, Mao-Mond, Masken aus den Kurganen von Pazyryk und die Yüetschi/Tocharer. Zur Einordnung eines Steinsiegel-Intaglios aus dem Beškent-Tal in Süd-Tadžikistan. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, 28 (1995–1996). Berlin: Reimer, pp. 329–336.
- Denisov E., 2008. Burial sites of the nomads of Northern Bactria – Tokharistan. *Kul'turnye tsennosti. 2004–2006. Tsentral'naya Aziya v proshlom i nastoyashchem [Cultural values. 2004–2006. Central Asia in the past and at present]*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 182–186. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1980. Report on the work of the Dangara detachment. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XV (1975). Dushanbe: Donish, pp. 96–109. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1981. Studies at the burial ground on the river Ksirov continued. *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 goda [Archaeological discoveries of 1980]*. Moscow: Nauka, pp. 138–141. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1982. Archaeological activities of the Vakhsh detachment on ancient and medieval sites in Dangara district. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XVI (1976). Dushanbe: Donish, pp. 96–105. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1983a. Burial grounds on the Ksirov river and the Tocharian-Yuechzhi issue. *Baktriya – Tokharistan na drevnem i srednevekovom Vostoke: tezisy doklady konferentsii, posvyashchennoy desyatiletiiu Yuzhno-Tadzhikistanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Bactria – Tokharistan in the ancient and medieval Orient: Abstracts of the Conference to the tenth anniversary of the South Tajikistan archaeological expedition]*. B.A. Litvinskiy, ed. Moscow: Nauka, pp. 36, 37. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1983b. Works in Leningrad and Dangara districts. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XVII (1977). Dushanbe: Donish, pp. 86–94. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1984. Excavations of the Ksirov burial ground in Dangara district in 1978. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XVIII (1978). Dushanbe: Donish, pp. 131–138. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1986a. Works of the Dangara detachment. *Arkheologicheskie otkrytiya 1984 goda [Archaeological discoveries of 1984]*. Moscow: Nauka, p. 479. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1986b. Excavations in Dangara and Kobadian districts. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XIX (1979). Dushanbe: Donish, pp. 147–163. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1987. Investigation of the burial ground on the river Ksirov (Sargazon) in Dangara district in 1980.

- Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XX (1980). Dushanbe: Donish, pp. 138–147. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1988. Works in Dangara district in 1981. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XXI. Dushanbe: Donish, pp. 289–296. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1989. Mysterious Tocharians. *Pamir [Pamir]*, 12, pp. 133–141. (In Russ.)
- Denisov E.P., 1993. Studies in ancient sites on the territory of Dangara district. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XXIV. Dushanbe: Donish, pp. 273–282. (In Russ.)
- Denisov E.P., 2005. The Hephthalites, Himatala, Khuttal and O-hoan/Hoana in connection with the ethnic history of Bactria-Tokharistan. *Tsentrāl'naya Aziya ot akhemenidov do timuridov. Arkheologiya, istoriya, etnologiya, kul'tura: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.M. Belenitskogo [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids. Archaeology, history, ethnology, culture: Proceedings of the International scientific conference to the 100th anniversary of A.M. Belenitsky]*. V.P. Nikonorov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 79–82. (In Russ.)
- Denisov E.P., 2007. Dating of the early Kushan nomadic cemetery of Ksirov (Dangara district, South Tajikistan). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk State University]*, vol. 6, iss. 3. *Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and ethnography]*, pp. 174–178. (In Russ.)
- Denisov E.P., Grenet F., 1981. Boucles d'oreilles en or à images de coqs découvertes en Bactriane. *Studia Iranica*, 10. Leiden, pp. 307–314.
- Litvinskiy B.A., 1973. Keramika iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany (pervoe tysyacheletie n.e.) [Pottery from cemeteries of Western Fergana (the first millennium AD)]. Moscow: Nauka. 202 p., ill. (Mogil'niki Zapadnoy Fergany, II).
- Lyonnet B., 1991. Les nomades et la chute du Royaume greco-bactrien: quelques nouveaux indices en provenance de l'Asie Centrale orientale. Vers l'identification des Tokhares-Yueh-Chi. *Histoire et cultes de l'Asie Centrales preislamique*. Paris: Centre national de la recherche scientifique, pp. 153–161.
- Maksimova A.G., 1975. Uzun-Bulak and Shoshkala — cemeteries of the Wusun period. *Drevnosti Kazakhstana [Antiquities of Kazakhstan]*. K.A. Akishev, ed. Alma-Ata: Nauka, pp. 141–160. (In Russ.)
- Maksimova A.G., 1978. The Early Iron Age. The 8th century BC — 6th century AD. *Muзей arkheologii Instituta istorii, arkheologii i etnografii imeni Ch. Valikhanova Akademii nauk Kazakhskoy SSR: putevoditel' [Ch. Valikhanov Museum of Archaeology at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR: a guide book]*. Alma-Ata: Kazakhstan. (In Russ.)
- Mandel'shtam A.M., 1966. Kochevniki na puti v Indiyu [Nomads on the way to India]. Moscow; Leningrad: Nauka. 232 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 136).
- Mandel'shtam A.M., 1975. Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii [Sites of the Kushan nomads in Northern Bactria]. Leningrad: Nauka. 227 p. (Trudy Tadzhikskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Instituta istorii imeni A. Donisha Akademii nauk Tadzhikskoy SSR; t. 7).
- Peshchereva E.M., 1959. Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii [Pottery industry of Central Asia]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 398 p. (Trudy Instituta etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya, XLII).
- Rapin Cl., Isamididinov M., Khasanov M., 2001. La tombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand. *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, vol. 145, no. 1, pp. 33–92.
- Sedov A.V., 1984. Mound cemeteries. Litvinskiy B.A., Sedov A.V. *Kul'ty i ritualy Kushanskoy Baktrii. Pogrebal'nyy obryad [Cults and rituals of Kushan Bactria. Funeral rite]*. Moscow: Nauka, pp. 104–134. (In Russ.)
- Staviskiy B.Ya., 1977. Kushanskaya Baktriya: problemy istorii i kul'tury [Kushan Bactria: problems of history and culture]. Moscow: Nauka. 296 p.
- Staviskiy B.Ya., 1998. Central Asia in the Kushan period. *Istoriya tadzhikskogo naroda [History of the Tajik people]*, I. 2nd edition. Dushanbe: Institut istorii, arkheologii i etnografii imeni A. Donisha, pp. 407–467. (In Russ.)
- Voevodskiy M.V., Gryaznov M.P., 1938. Wusun burial grounds on the territory of the Kirghiz SSR. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]*, 3, pp. 102–179. (In Russ.)
- Zadneprovskiy Yu.A., 1975. On the history of the Central Asian nomads in the Kushan period. *Tsentrāl'naya Aziya v kushanskuyu epokhu: trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Central Asia in the Kushan period: Proceedings of the International scientific conference]*, 2. B.G. Gafurov, ed. Moscow: Nauka, pp. 293–296. (In Russ.)
- Zürcher E., 1968. The Yüeh-chih and Kaniska in the Chinese Sources. *Papers on the Date of Kaniska*. Leiden: Brill, pp. 346–390.

ШАЙТАНСКОЕ ОЗЕРО II: ПАМЯТНИК РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ГОРНО-ЛЕСНОМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2021 г. В.А. Борзунов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Поступила в редакцию 28.05.2020 г.

Охарактеризованы остатки поселений VIII–III вв. до н.э., основанных на руинах святилища начала эпохи бронзы Шайтанское озеро II в окрестностях пос. Нейво-Рудянка Свердловской обл. Это первый наиболее полно исследованный (1149 м²) памятник раннего железного века горно-лесного Зауралья, расположенный на низкой приозерной террасе. Керамический и орудийный комплексы пришлой с севера гамаюнской, местной иткульской и гетерогенной исетской археологических культур характеризуют жителей поселений как оседлых рыболовов и охотников, знакомых с основами производящего хозяйства (меднолитейное производство, содержание домашнего скота). Отсутствие стационарных жилищ и мощного культурного слоя характерно для летних сезонных поселений. Находки керамики гороховской и баитовской культур подтверждают переселение в зауральскую тайгу в V–III вв. до н.э. групп из Притоболья под натиском продвигавшихся из лесостепного Ишимо-Иртышья скотоводческих племен саргатской культуры.

Ключевые слова: Зауралье, горно-лесная зона, рубеж бронзового и железного веков, сезонные приозерные поселения, археологические культуры.

DOI: 10.31857/S086960630012562-7

Предмет анализа — материалы раннего железного века памятника Шайтанское озеро II. Его объекты, керамика и артефакты эпохи бронзы, связанные с уникальным святилищем, опубликованы (Сериков и др., 2009; Корочкова, Стефанов, 2010, 2013; Корочкова и др., 2018).

В горно-лесном Зауралье известно более 200 стоянок, селищ и укрепленных поселений финала бронзового — начала железного века. Стационарно исследовались только городища и селища, расположенные на высоких скалах, вершинах гор, мысах, краях речных террас. Это относится к памятникам гамаюнской, иткульской и исетской культур. Хозяйство и быт общин, обитавших на низких берегах озер, реконструировались теоретически. Благодаря целенаправленным раскопкам культового комплекса представилась возможность изучить остатки селищ и стоянок, основанных на его руинах.

Характеристика поселения. Шайтанское озеро II — многослойный памятник на северо-западном берегу одноименного озера в окрестностях пос. Нейво-Рудянка Кировоградского городского округа Свердловской обл. Он расположен на слабоизогнутом выступе, ограниченном с юга заболоченным заливом, с севера — неглубокой ложбиной (рис. 1, А). Культурный горизонт не имеет четко выделенных слоев, но содержит материалы

практически всех эпох (мезолит, неолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье), а также остатки, связанные с производством древесного угля в XVIII–XIX вв. Памятник ориентирован вдоль озера, в меридиональном направлении. Его размеры — около 120 × 25–40 м, площадь распространения культурных остатков — более 3.5 тыс. м². Отдельные артефакты встречаются в прибрежной части болота. Западная граница культового центра и поселений проходит за лесной дорогой, проложенной вдоль водоема.

Памятник занимает открытую, оконтуренную березово-сосновым лесом площадку, полого поднимающуюся от естественного берегового вала в сторону дороги на высоту около 2 м. Высота вала — до 1.5 м, ширина — 3–6. В лесу за дорогой берег постепенно повышается до 5–6 м от уреза воды. Примерно в 50 м к западу от южной окраины памятника возвышается Южный Шихан, или Южное святилище, представляющий собой гранитный останец, сложенный из массивных плит (см. Сериков, 2013. С. 150–156).

Поверхность берега задернована, на ней видны четыре углежогные площадки и следы поздних построек. Археологические объекты в рельефе не выражены, подъемный материал отсутствует, как и на большинстве древних поселений горно-лесного Зауралья (рис. 1, Б).

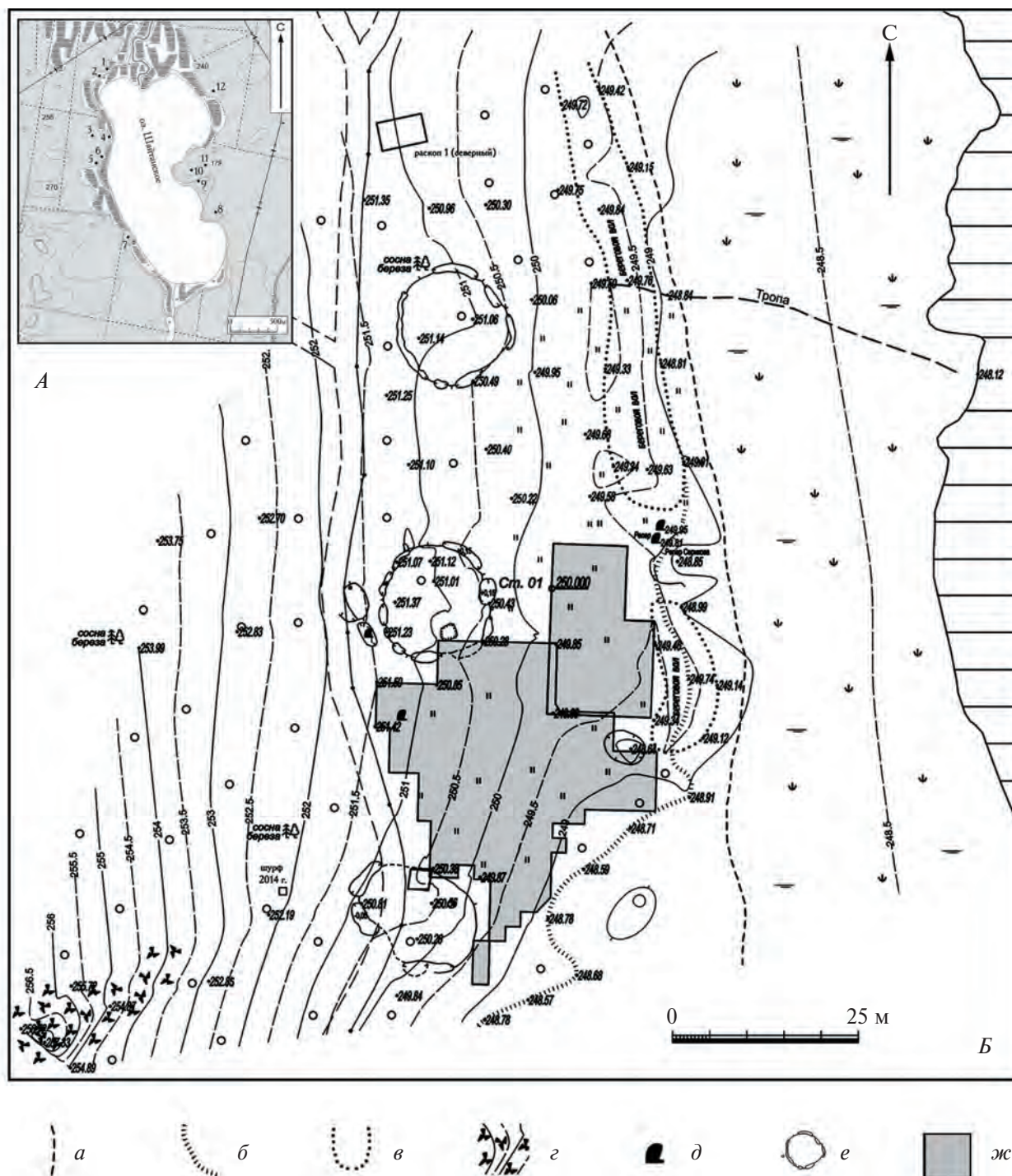

Рис. 1. Карта памятников на оз. Шайтанское (А) и план поселения Шайтанское озеро II (Б). А: 1 – Шайтанское озеро VI; 2 – Шайтанский Шихан; 3 – Средний Шихан; 4 – Шайтанское озеро I; 5 – Южный Шихан; 6 – Шайтанское озеро II; 7 – Шайтанское озеро III; 8 – Каменушки II; 9 – Менгир; 10 – Каменушки I; 11 – Шайтанское озеро IV; 12 – Шайтанское озеро V (по: Сериков, 2013); Б: инструментальная съемка С.А. Мызникова с дополнениями И.А. Спиридонова (север – магнитный; система высот условная; сечение горизонталей – 1 м). Условные обозначения: а – граница заболоченного участка; б – граница камышовых зарослей; в – береговой вал; г – Южный Шихан; д – гранитный валун; е – углежогная площадка второй половины XVIII–XIX в.; ж – граница раскопов 2004–2016 гг.

Fig. 1. A map of sites on the lake Shaitanskoye (А) and the settlement plan of Shaitanskoye Lake II (Б)

Памятник открыт в 1990 г. А.С. Литвяком, повторно обследован в 1996 г. О.П. Мищенко и Ю.Б. Сериковым, сотрудниками Нижнетагильского пединститута. В 1998 г. археолог Уральского государственного университета (УрГУ) А.В. Шаманаев обнаружил в северной

части поселения “клад” энеолитических каменных предметов. В 2004–2007 гг. в этом и других местах Ю.Б. Сериков заложил пять раскопов общей площадью 341 м², ориентированных в разных направлениях. В 2006 г. с помощью металлодетектора ему удалось найти несколько скоплений бронзовых предметов (“ритуальных кладов”) эпохи бронзы, для извлечения которых заложены шурфы общей площадью 52 м² (см. Шаманаев, 1999; Сериков, 2013). С 2008 г. раскопки велись сотрудниками УрГУ (с 2011 г. Уральский федеральный университет) под руководством О.Н. Корочковой (2008, 2009, 2011, 2014, 2016 гг.) и В.И. Стефанова (2010, 2013 гг.), при участии И.А. Спиридонова (с 2013 г.). Работы продолжены в 2014 и 2016 гг. В общую сетку вскрытых квадратов, ориентированную по сторонам света, включены раскопы тагильских археологов (рис. 1, Б). Стационарно исследованная площадь — 1149 м².

Стратиграфическая колонка памятника представлена дерном мощностью до 10 см и темно-желтым суглинком с оттенками от серовато-желтого до светло-коричневого с включением мелких углистых частиц и древних артефактов (5–45 см). В культурном горизонте встречаются окатанные валуны. В его основании залегают гранитные глыбы; в южной части памятника они выступают на поверхность. Пространство между камнями и трещины скального основания заполняет серый и светло-серый зернистый песок, местами — щебенка с дресвой. На некоторых участках материк — бурая глина с примесью мелких камней. Часть древнего культурного горизонта повреждена современными ямами и кострищами.

Объекты раннего железного века. О большой площади, занятой сезонными поселениями этого периода, свидетельствуют археологические материалы, обнаруженные в северном (180 ед.) и южных раскопах (около 10 тыс. ед.).

Объекты и остатки, выявленные в северном раскопе (45 м²), Ю.Б. Сериков включил в иткульский культовый комплекс. К нему отнесены “плавильный очаг”, яма, каменная “вымостка”, два скопления каменных отщепов, кусков со сколами, заготовок шлифованных рубящих орудий, две плитки, обломок талька и найденная поодаль подвеска из просверленной гальки. Исключение составили нуклеус и четыре микропластинки эпохи мезолита (Сериков, 2011. С. 153–157. Рис. 2; 2013. С. 60–66. Рис. 102). По мнению А.В. Шаманаева, данное скопление представляло собой клад каменных орудий “аятской культуры эпохи энеолита” (Шаманаев, 1999, 2000; 2002. С. 198).

Некоторые из этих заключений спорны. Культовое назначение упомянутых выше объектов и артефактов не подтверждено. Их объединение в один комплекс также маловероятно, равно как отнесение к иткульской культуре всех материалов раннего железного века. Скорее всего объекты и находки разновременные и разнокультурные.

Плавильный очаг и яма могли быть остатками металлургического производства, но не полного цикла, а только меднолитейного. Судя по керамике, они принадлежали населению гетерогенной исетской культуры (ср.: Сериков, 2011. Рис. 2, 1–4; 2013. Рис. 102, 1–3; Борзунов, 2019. Рис. 3).

Собрание каменных изделий и отходов камнеобработки, тем более иткульских, не является целостным и монокультурным. Что касается шлифованных каменных орудий и каменной подвески, то они датируются энеолитом — началом эпохи бронзы. Часть материалов может быть отнесена к сезонным селищам гамаюнской культуры, керамика которой обнаружена и в южном раскопе (см. Сериков, 2013. Рис. 119, 1; 120, 2, 3, 5, 7; 124, 3). В системе хозяйства иткульских металлургов камнеобрабатывающее производство играло вспомогательную и весьма специфическую роль. Иткульские мастера изготавливали из камня главным образом “макроформы”, связанные с горным делом и металлургическим производством полного цикла.

Южный раскоп (1105 м²) объединил участки разных лет. В нем исследованы прокалы и углубления, заполненные углистыми суглинками, обнаруженные среди больших камней в материковом грунте со скальным основанием (рис. 2). На поверхности эти объекты не прослеживались. К раннему железному веку они отнесены по найденной в них керамике и вещам.

Самый большой объект открыт на уч. 3–И/15. Это *канав* неправильной овальной формы (2.75–3.0 × 0.4 м) с уплощенным дном, глубиной 0.2–0.35 м, ориентированная в направлении, близком к меридиональному. В центре ее зафиксирован овальный чашевидный прокол (0.49 × 0.27 × 0.35 м). В 0.7–4.6 м к востоку и юго-востоку от канавы расчищено три небольшие *ямы* без находок (уч. 3–И/15, Л/16).

Ромбовидное углубление (0.7 × 0.6 × 0.23 м) с вертикальными стенками и ровным дном, углами ориентированное по сторонам света (уч. Е–Ж/11–12), перекрытое крупными булыжниками. Его дно упиралось в большой валун.

Прокал подтреугольной формы (0.6 × 0.4 × 0.05–0.08 м) на уч. Ж/15–16 располагался под

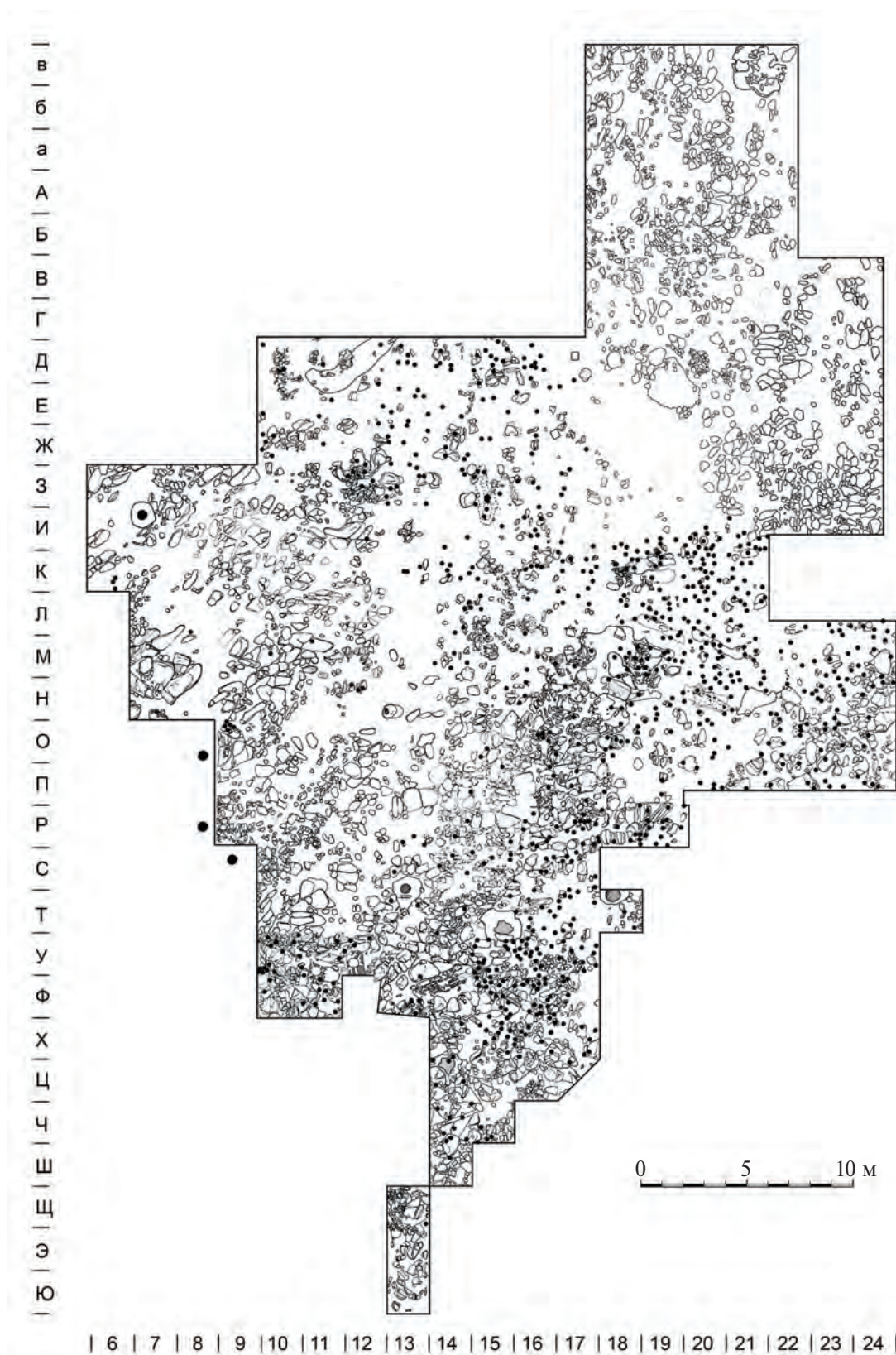

Рис. 2. Шайтанское озеро II (здесь и далее на рисунках). Планиграфия находок и объектов раннего железного века в южном раскопе. План И.А. Спиридонова (север — магнитный).

Fig. 2. Shaitanskoye Lake II. Planigraphy of finds and objects of the Early Iron Age in the southern excavation site. The plan of I.A. Spiridonov

небольшим углом к горизонту. Три овально-прямоугольных углубления были заполнены прокаленным углистым суглинком (уч. М—О/17—18). Их размеры: 0.4×0.2 , 0.75×0.6 — 0.7 и 0.75×0.2 м; ориентировка, соответственно, ЮВ—СЗ, З—В, С—Ю.

Объект на уч. У/10—11 сильно поврежден поздней углежогной ямой и вскрыт частично. В плане он вытянутый, аморфный, в поперечнике около 0.8 м, глубиной 0.18. Его треугольный профиль хорошо прослеживался на стенке раскопа. Дно и стенки углубления покрыты углистым слоем. В нем найдена керамика, изделия из глины, камня и металла.

Керамика. Автор проанализировал коллекцию из более 2.5 тыс. фрагментов, собранных екатеринбургскими коллегами. В числе находок — 325 обломков шеек сосудов с венчиками (284 орнаментированных и 41 без декора), а также 2040 черепков от плечиков, стенок, придонных частей и донышек. К последним относится 431 фрагмент с орнаментом и 1609 без такового.

Большинство черепков (1650 фр. = 70%) лишено декора. Дело в том, что у сосудов обычно украшалась только верхняя треть, реже половина внешней поверхности. Это характерно для посуды всех культур раннего железного века Зауралья. Исключение составляли единичные гамаюнские горшки с полностью орнаментированными шейками, стенками, придонными частями и донышками. Вместе с тем форм без орнамента среди зауральской керамики верховьев Исети, Пышмы, Чусовой, Тагила и Ницы — миниатюрных культовых сосудиков и массивных производственных емкостей — также крайне мало.

По 325 крупным и средней величины обломкам шеек с венчиками и 459 фрагментам других частей сосудов выделено 138 емкостей. Те же сосуды и еще несколько форм представлены 1949 мелкими черепками, главным образом без орнамента (1581 фр.). Общее количество сосудов, найденных в раскопах 2008—2011, 2013, 2014 и 2016 гг., было более 150.

Несмотря на наличие крупных обломков, ни одна емкость не собирается полностью. Общие черты большинства сосудов следующие: наличие в глине примеси талька (мелкотолченого и зернами), горшечная форма, невысокие отогнутые наружу шейки, выпуклые плечики и стенки, резко зауженные придонные части, округлые днища, а также расположение декора только на верхней части внешней поверхности. Сосуды лепные, тонкостенные, реже средней толщины.

Делятся на большие (диаметр по венчику более 26 см), средние (16—25 см), малые (6—15 см) и миниатюрные (менее 6 см). Преобладают большие и средние формы.

Керамика памятника обладает ярко выраженными особенностями, которые позволили выделить типы посуды, соответствующие основным культурным образованиям Зауралья раннего железного века. Из 138 сосудов 23 гамаюнской культуры (73 фр.), 85 иткульской (246 фр.), 18 исетской (32 фр.), 5 гороховской (38 фр.), 3 байтовской (20 фр.). Культурная принадлежность остальных сосудов ввиду их крайней фрагментированности не установлена. Из 330 орнаментированных обломков стенок и шеек без венчиков гамаюнских емкостей 16, иткульских 55, исетских 9, гороховских 7, неопределенной принадлежности 243, в том числе с гребенчатым орнаментом 201, только с ямочным 42.

Гамаюнская керамика (рис. 3, 1—15). Круглодонные горшечные и чашевидные емкости больших (9 экз.), средних (12) и малых размеров (2). Имеется обломок уплощенного донышка. В глине — примесь тальковой дресвы (36 сосудов), слюды (8) и песка (3). Венчики плоские, скошенные наружу. Шейки высотой 1.1—4.5 см, резко отогнутые, дуговидные равной толщины (13) либо с утолщением изнутри (3), как исключение — прямые вертикальные (1). Плечики и туловища выпуклые, придонные части резко зауженные. Наибольший диаметр приходился на верхнюю часть или середину сосуда. Орнамент плотный, зональный, покрывал шейку, плечики, верхнюю часть стенок, довольно часто венчик (9) и обратную сторону шейки под венчиком (8).

Обязательная часть декора — поясок глубоких одинарных (15) или сдвоенных в шахматном порядке (8) ямок разной формы в основании шейки. По технике и элементам орнамента гамаюнские сосуды подразделяются на четыре группы (I—IV): ямочно-крестовые (рис. 3, 1—3, 5, 6, 10), ямочно-волнисто-прокатанные (рис. 3, 7—9), ямочно-крестово-волнисто-прокатанные (рис. 3, 11) и с обедненным ямочно-накольчатым декором (рис. 3, 13—15). Это характерно для посуды всей гамаюнской культуры. Стоит отметить отсутствие в данном собрании и на гамаюнской керамике в целом узоров, нанесенных гребенчатым штампом. Шейки сосудов первых трех групп украшены горизонтальными поясками из оттисков креста или прокатанного штампа. Отпечатки креста (косого либо в виде знака умножения) наносились чеканом из кости, прокатанные узоры (мелкая волна, елочка, змейка, уголки, псевдогребенка

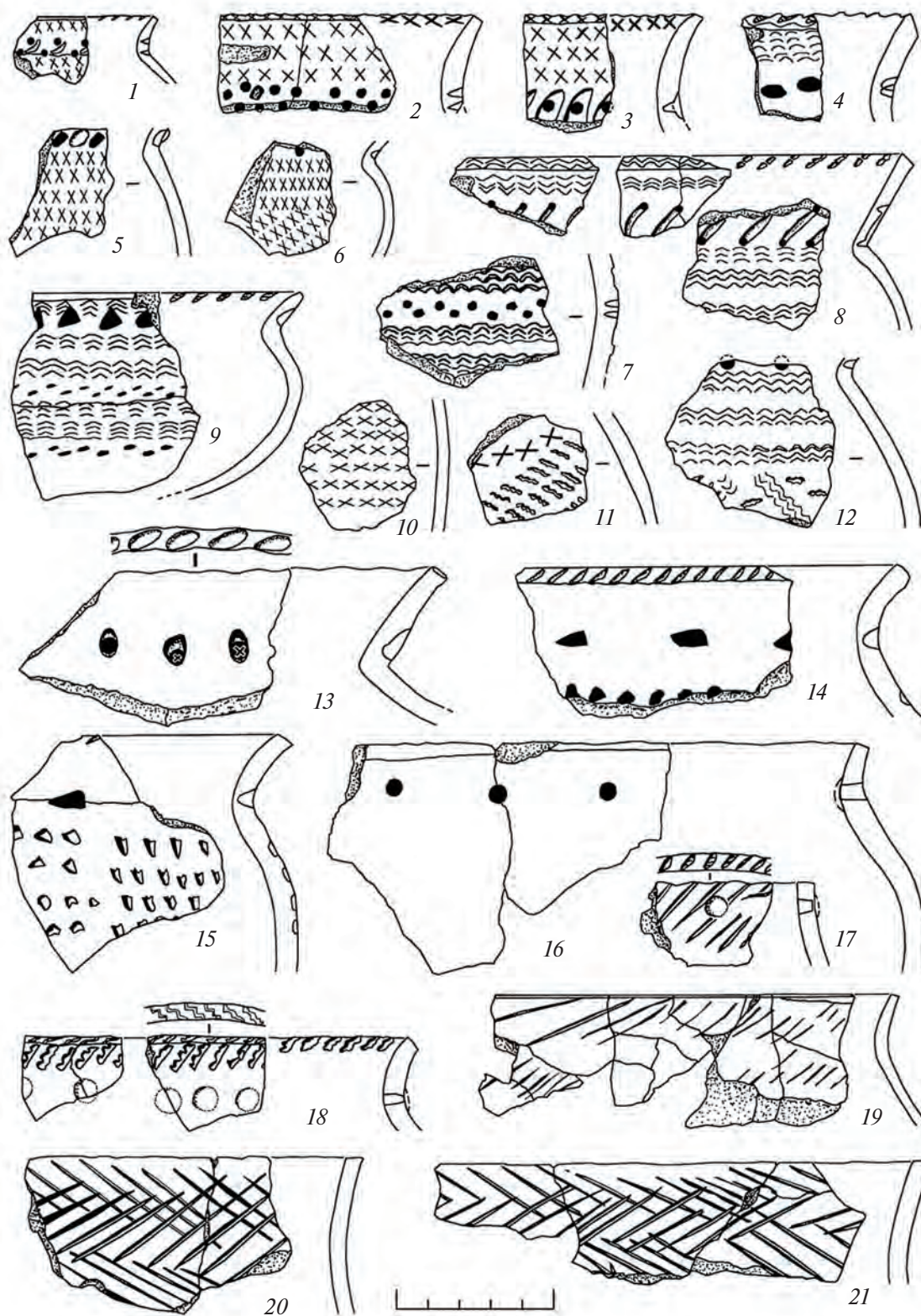

Рис. 3. Керамика гамаюнской (1–3, 6, 10 – первый тип; 4, 7–9, 12 – второй тип; 11 – третий тип; 13–15 – четвертый тип), баитовской (16–18) и гороховской (19–21) культур.

Fig. 3. Pottery of the Gamayun (1–3, 6, 10 – the first type; 4, 7–9, 12 – the second type; 11 – the third type; 13–15 – the fourth type), Baitovo (16–18) and Gorokhovo (19–21) cultures

A

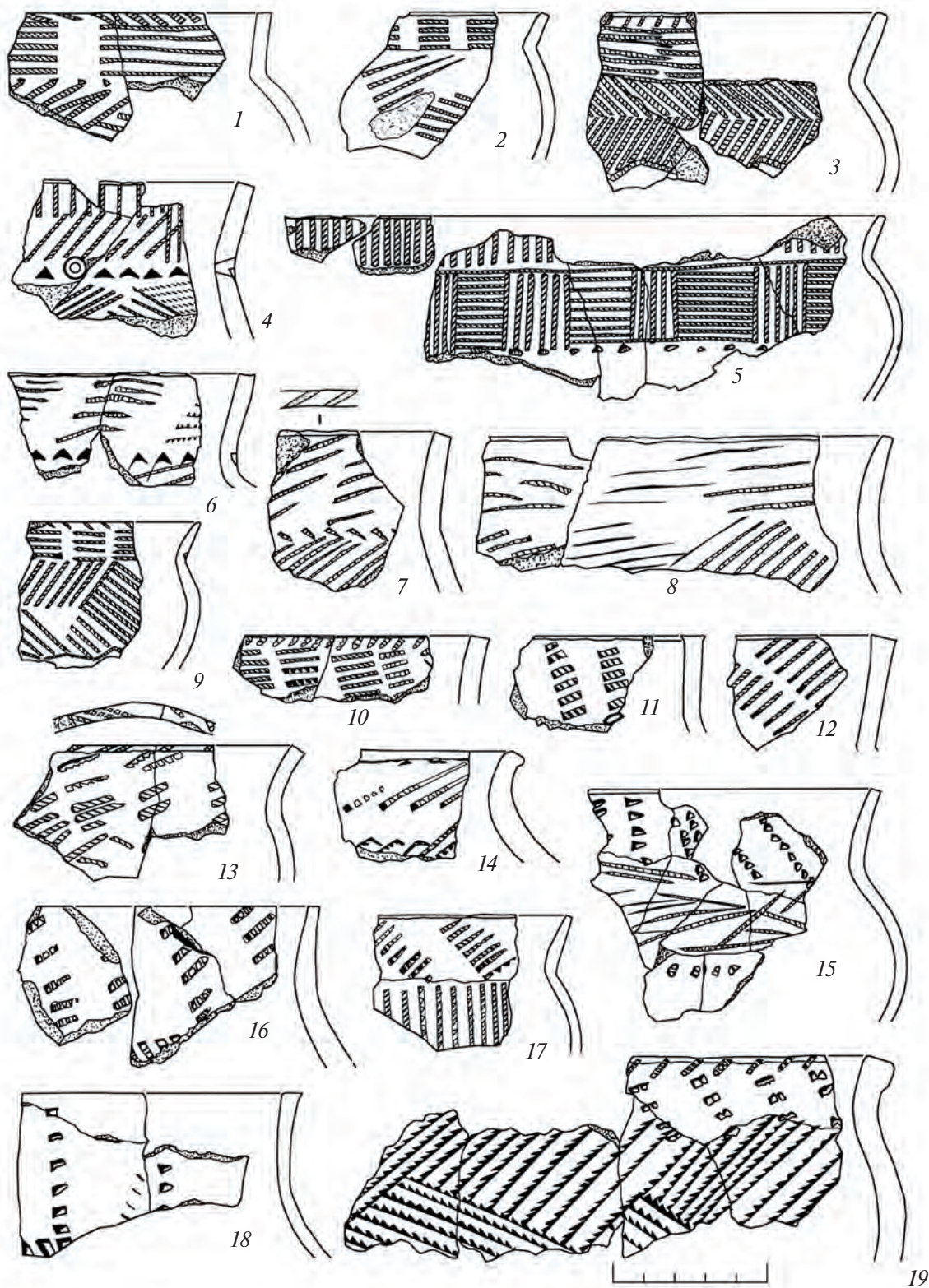

Рис. 4. Керамика иткульской культуры, первый тип. А: 1–19; Б: 1–9.
 Fig. 4. Pottery of the Itkul culture, the first type (A, B)

Б

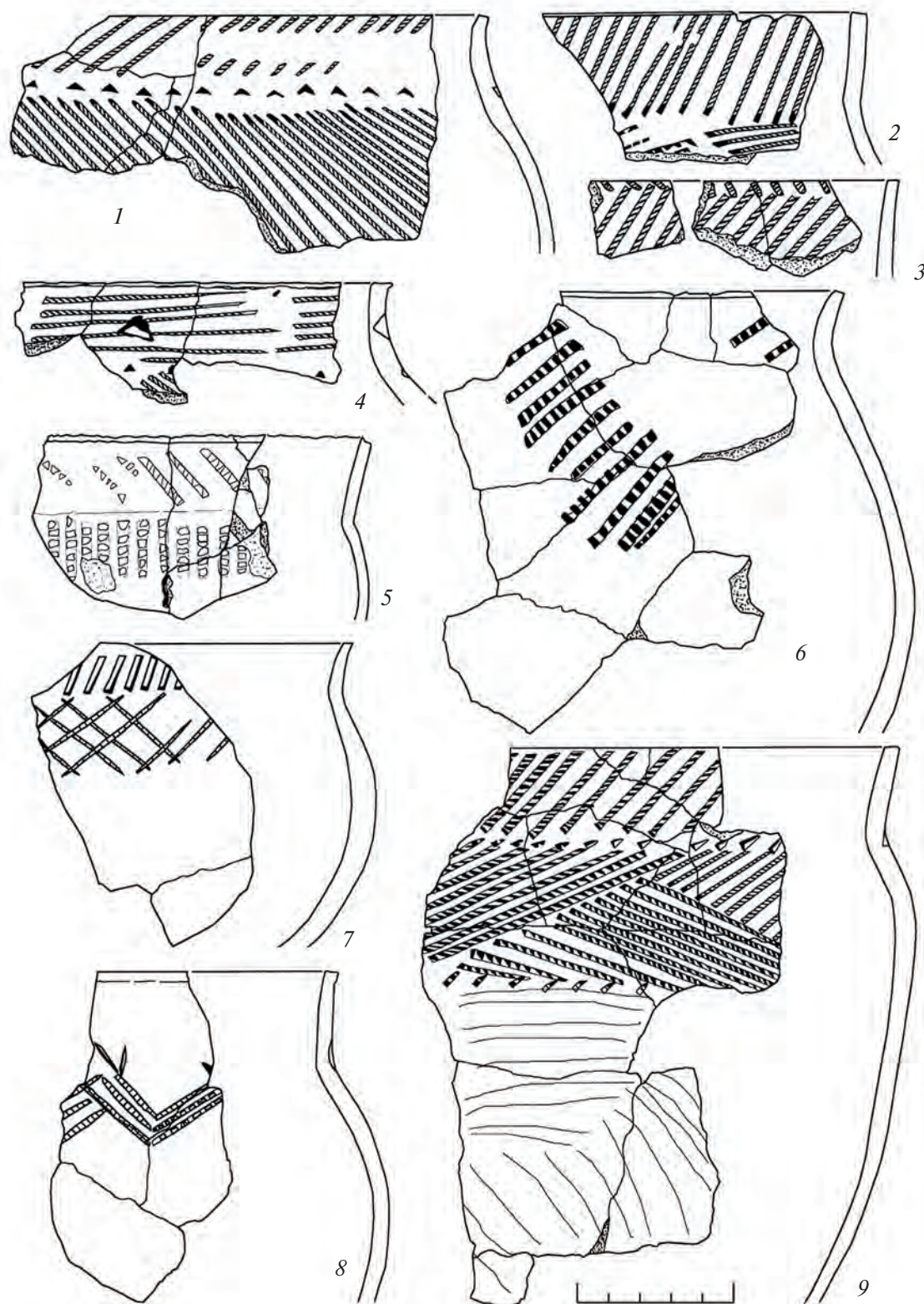

Рис. 4. Окончание

Fig. 4. The end

и др.) и фигурные вдавления-насечки — специальными керамическими штампами в форме сердечек и овалов. Венчики и внутренняя часть шейки нередко оформлялись такими же узорами. Плечики и стенки покрыты горизонтальными или наклонными бордюрами, иногда из взаимопроникающих зон крестового или прокатанного штампа, поясками мелких ямок, наколов или оттисков.

Две первые группы посуды являются наследием западносибирской орнаментики: соответственно атлымской и лозьвинской. Сосуды, сочетающие крестовый и прокатанный орнамент, единичны. Все емкости четвертой группы большого размера. По-видимому, это специальная хозяйственная посуда (см. Борзун, 1992. С. 54–65. Рис. 12–17).

Иткульская керамика (рис. 4; 5, 18–22). Круглодонные горшечные и, возможно, чашевидные емкости больших (37 экз.), средних (39), малых (8) и миниатюрных (1) размеров. В глине — примесь талька, изредка — песка (8–10 сосудов) и слюды (1). Венчики плоские горизонтальные (29), плоские скошенные наружу (28), плоские горизонтальные с одной или двумя закраинами (5), уплощенные (13), приостренные и округло-приостренные (10). Шейки разной высоты, обычно прямые, вертикальные или слегка отогнутые наружу (57), две чуть наклоненные внутрь сосуда, а также дуговидные, слегка отогнутые наружу (26), в том числе утолщенные изнутри (4). Плечики и стенки выпуклые, придонные части резко зауженные. Орнамент обычно покрывал верхнюю треть сосуда, реже половину. Венчики четырех емкостей украшены насечками по внешнему краю. По особенностям декора иткульская керамика памятника поделена на три группы: гребенчатая (рис. 4); гребенчато-ямочная (рис. 5, 23–26); неорнаментированная (рис. 5, 18–22). Последняя группа посуды, по-видимому, была хозяйственной и производственной.

Преобладают сосуды первой группы: их более 75%. Типичные мотивы гребенчатого орнамента — горизонтальные бордюры из сплошных или прерывистых линий (рис. 4, А, 1, 3, 8; Б, 1), разнонаклонных оттисков (рис. 4, А, 2, 4, 14, 17; Б, 1–3, 5, 7, 9), вертикальные и наклонные столбики-“фестоны” (рис. 4, А, 2, 6, 7, 10–19); на плечиках и стенках их дополняют бордюры из взаимопроникающих “заштрихованных” треугольников (рис. 4, А, 1, 4, 19; Б, 9). Изредка встречаются зигзаг, елочка, решетка, а также “паркетный” (шахматный) орнамент, близкий раннесредневековому карымскому (рис. 4, А, 5). Ямки и

вдавления крупные и мелкие, в плане подтреугольные, округлые и овальные, обычно выстроены в пояски в основании шейки или в самом низу орнаментальной зоны на тулове. Гребенчатые чеканы разнообразные: длинные и короткие, широкие и узкие, с мелкими, средней величины и крупными зубцами, нарезанными как прямо, так и под углом. Оттиски гребенки прямоугольные, реже линзовидные. Кроме того, выделяются фигурные двузубчатые штампы, оставляющие на посуде специфические овальные углубления с перегородкой.

Вторая группа отличается ямочным декором, не свойственным зауральской традиции, но характерным для керамики гамаюнской культуры. Эти сосуды близки четвертой группе посуды гамаюнского типа (см. Бельтикова, 1977. С. 123–124. Рис. 2, 12, 13; Борзун, 1992. С. 57. Рис. 12, 12–14).

Вероятно, к иткульскому комплексу относятся фрагменты четырех неорнаментированных миниатюрных сосудов из глины с примесью песка (Сериов, 2013. С. 78. Рис. 122, 4).

Исетская керамика (рис. 5, 1–17). По размерам, форме и технологии производства она близка гамаюнской и иткульской. Сосуды круглодонные, обычно средней величины (11 экз.), реже большие (4) и малые (3). В глине — примесь талька; у двух горшков выявлены включения очень мелкой галечки. Венчики плоские, скошенные наружу (12), округло-приостренные (5), один уплощенный. Шейки высотой от 0.6 до 3.5 см, как правило, дуговидные с характерным утолщением изнутри (11), заимствованным у гончаров бархатовской культуры поздней бронзы лесного Зауралья и Притоболья. У одной емкости шейка практически вертикальная с утолщением изнутри. Кроме сосуда с неорнаментированной шейкой, у всех остальных ее основание декорировано пояском ямок и наколов подтреугольной и округлой форм. Довольно часто пояски мелких ямочек и наколов — одинарных и сдвоенных (типично гамаюнский элемент) — встречаются на плечиках и стенках сосудов. Орнамент на тулове разреженный. Основные мотивы — пояски разнонаклонных оттисков гребенчатого (рис. 5, 5, 10) или гладкого штампа (рис. 5, 13, 17), ряды прокатанной гребенки (рис. 5, 5, 15), бордюры из взаимопроникающих треугольников (рис. 5, 6).

Гороховская керамика (рис. 3, 19–21). Больших и средних размеров горшечные сосуды с большой (4 экз.) или малой (1) примесью талька (мелкотолченого и зернами), в одном случае с добавлением слюды. Четыре емкости — с плоскими и уплощенными венчиками, дуговидными, отогнутыми

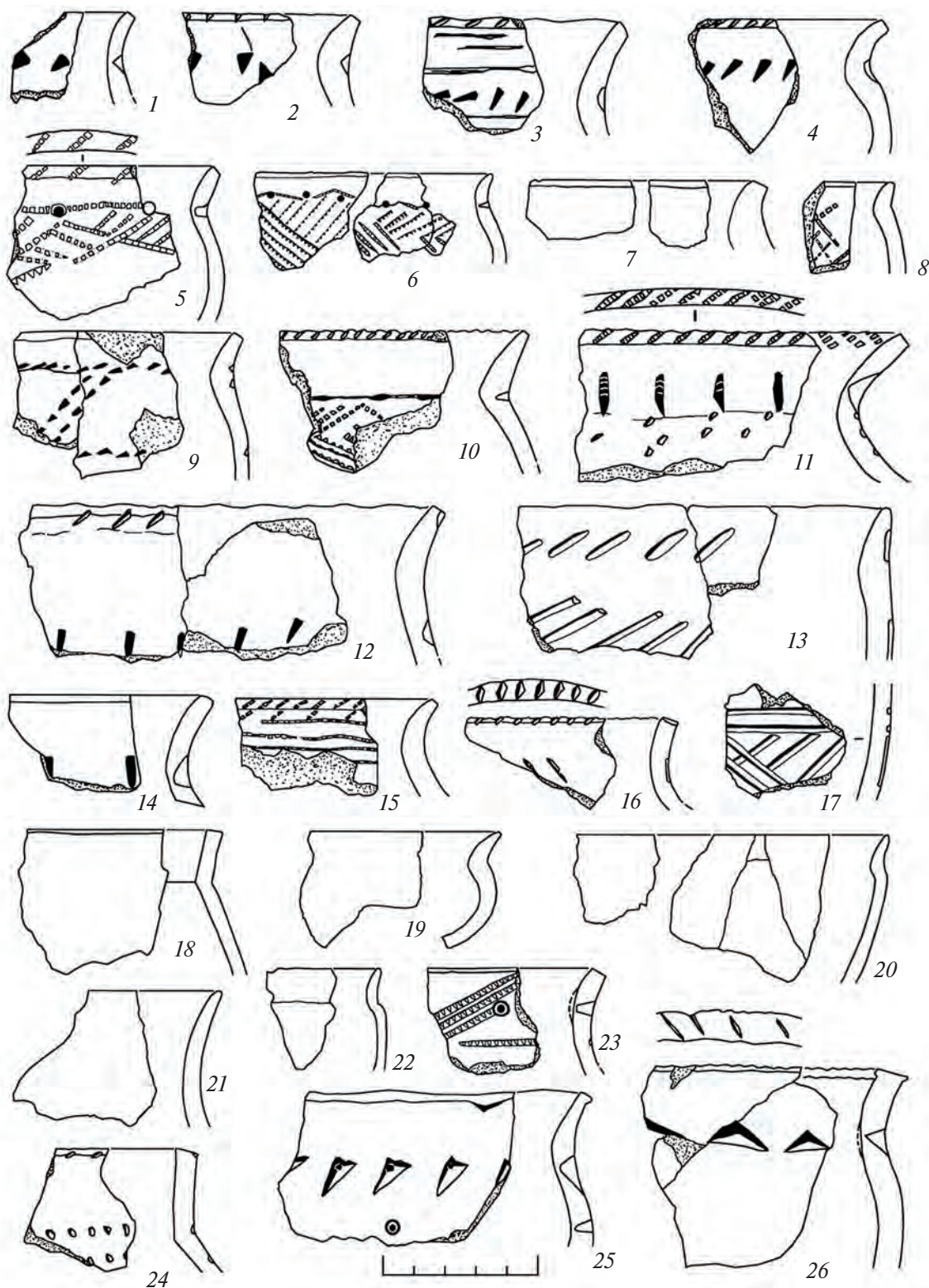

Рис. 5. Керамика исетской (1–17) и иткульской (18–22 – без орнамента; 23–26 – переходный тип) культур.

Fig. 5. Pottery of the Iset (1–17) and Itkul (18–22 – without ornamentation; 23–26 – transitional type) cultures

наружу шейками, выпуклыми плечиками и стенками — украшены на шейке и плечиках резным орнаментом (частые наклонные оттиски, елочка,

сетка). От пятого сосуда сохранился обломок наклоненной внутрь емкости прямой шейки с уплощенным венчиком, декорированной пояском

защипов. Для керамики гамаюнской и исетской культур прочерченные и резные орнаменты нехарактерны. На посуде, собранной с иткульских памятников, резные узоры и защипы фиксируются крайне редко (см. Берс, 1963. Рис. 23, 6; Бельтикова, 1986. Рис. 2, 1, 2). Возможно, это также обломки гороховских сосудов.

Баитовская керамика (рис. 3, 16, 17, 18). Три сосуда — большой и два средней величины, возможно, горшечные, с низкими дуговидными шейками, слегка отогнутыми наружу, узкими плоскими венчиками и выпуклыми стенками. Один из горшков украшен по основанию шейки пояском круглых ямок (рис. 3, 16); в глине — небольшая примесь мелкоотделенного талька, слюды и, возможно, песка. Вторая емкость — с примесью толченого талька — декорирована по шейке линией жемчужин, по плечикам — пояском наклонных резных оттисков-насечек (рис. 3, 17). В глине третьего сосуда (рис. 3, 18) зафиксирована только примесь песка. Его венчик и обратная сторона шейки под венчиком украшены оттисками фигурного гребенчатого чекана, шейка — пояском крупных жемчужин. Орнамент из жемчужин не встречается на гамаюнской, иткульской и исетской посуде. Это традиция, характерная для керамики лесостепного Тоболо-Иртышья, а с VI в. до н.э. — таежного Сургутского и Нижнего Приобья (калинкинская культура).

В Тюменском и Курганском Притоболье баитовские комплексы датируются VII/VI—IV вв. до н.э. По заключениям специалистов, в V—IV вв. до н.э. более сильные гороховские, а затем саргатские племена, начали вытеснять баитовские общины из долин Тобола и низовий Исети, прежде всего в северном направлении (Матвеева, 1989. С. 98—100; Цембалюк, 2017. С. 13—20).

Вещевой комплекс (рис. 6, 7). К орудиям и производственным отходам этого времени отнесены предметы из металла (наконечники стрел), камня (галька-отбойник, пластины, скребки, отщепы, плитки и сколы с них), кости (заготовка длинного наконечника стрелы, кончик острия, обработанный металлическим орудием), глины (диски-маховички, грузила от рыболовных сетей, подвески, скребки-шпатели, штамп для нанесения на гамаюнскую посуду волнисто-прокатанного орнамента). Особую группу составляют находки, связанные, по мнению Ю.Б. Серикова, с “металлургическим” производством населения иткульской культуры: кусочек лимонита (бурый железняк, болотная руда), слиток и капля меди, фрагменты тиглей с вкраплениями меди, ошлакованный обломок шейки “иткульского” сосуда,

оплавившаяся медная пронизка, а также медный наконечник стрелы (Сериков, 2013. С. 77—80. Рис. 110, 6; 111; 124, 5—8).

Предметы из меди (определение визуальное). Наконечники стрел — 4 экз. (рис. 7, 1—4). Все они относятся к иткульской культуре, имеют дефекты литья и признаки использования.

Наконечник 1 — трехгранный, короткий, узкий ($3.0 \times 0,8$ см), с внутренней втулкой, сводчатой головкой и гранями, переходящими в шипы (рис. 7, 4). По классификации Г.В. Бельтиковой, он относится к иткульским изделиям типа БС 26, датируемым V—IV вв. до н.э. (Бельтикова, 1982. С. 73). Кроме того, близок ананьинским предметам конечного типологического разряда (далее КТР) С—50, бытовавшим в Волго-Камье в VI—III вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С. 110), а также савроматским и сарматским (прохоровским) наконечникам XVIII типа V—II вв. до н.э. (Смирнов, 1961. Табл. 5; Мошкова, 1963. Табл. 16).

Наконечник 2 — короткий (3.3 см), со сломанным острием, узкий (соотношение его ширины и длины — 1:4), трехгранный, с внутренней втулкой, сводчатой головкой и выступающими шипами (рис. 7, 3). На одной из сторон прослеживается поперечный валик. Типологически аналогичен предыдущему.

Наконечник 3 — короткий, узкий (3.0×0.85 см), трехгранный, с внутренней втулкой, сводчатой головкой и выступающими шипами (рис. 7, 2). Относится к типу БС 16 иткульских изделий VI—IV вв. до н.э. (Бельтикова, 1982. С. 71), КТР С—50 ананьинских наконечников VI—V вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С. 110, 238) и типу XVIII уральских сарматских (прохоровских) IV в. до н.э. (Мошкова, 1963. Табл. 16).

Наконечник 4 — большой, широкий (4.3×1.5 см), трехлопастной, с внутренней втулкой, без шипов и с головкой, переходной от сводчатой к треугольной (рис. 7, 1). Сходен с иткульскими наконечниками типов БС 16 и 18, датированными V—IV/III вв. до н.э. (ср.: Бельтикова, 1982. С. 71), отчасти с крупными наконечниками КТР С—50 VI—V вв. до н.э. Ананьинского могильника (Кузьминых, 1983. С. 110. Табл. XLVI, 72, 73). Тем не менее его массивность и широкие лопасти более соответствуют западносибирским тагарским и предкулайским формам.

К иткульскому литейному комплексу относятся медный литник, обрубленный при изготовлении наконечника стрелы (рис. 7, 7), два кусочка медной проволоки, не менее десятка медных

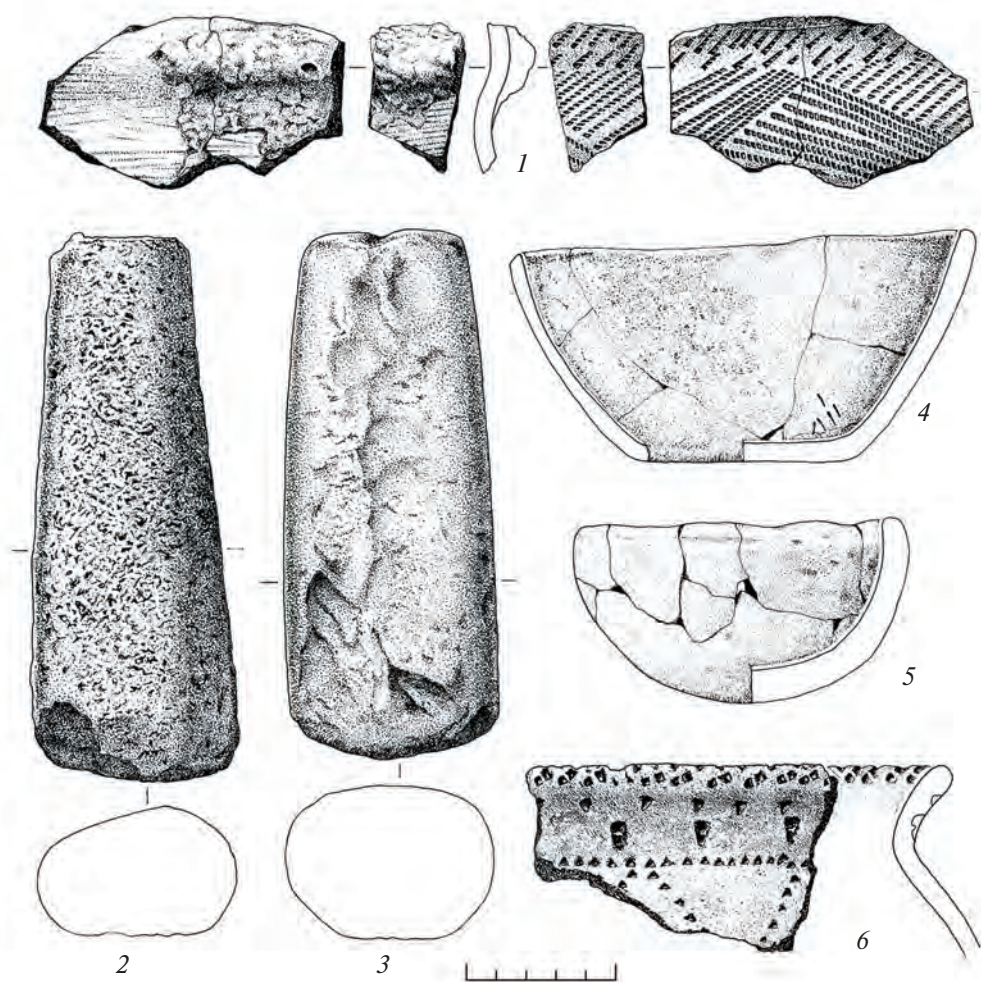

Рис. 6. Обломок тигля из сосуда гамаюно-иткульского (исетского?) типа (1); изделия из камня (2, 3); керамические иткульские (?) чаши (4, 5); фрагмент сосуда переходного гамаюно-иткульского типа (6). Рисунки В.И. Стефанова.

Fig. 6. A fragment of a crucible from a vessel of the Gamayun-Itkul (Iset?) type (1); lithic objects (2, 3); ceramic Itkul (?) bowls (4, 5); a fragment of a vessel of the transitional Gamayun-Itkul type (6). Drawings by V.I. Stefanov

“сплесков” и столько же ошлакованных обломков керамики.

Среди каменных орудий выделяются два массивных ($18.0 \times 7.0 \times 4.5$ и $18.6 \times 7.5 \times 4.8$ см) песты. Они подшлифованные цилиндрические, в сечении овальные, изготовлены из крупнозернистых пород. Первое сохранилось полностью. На его верхнем конце проточена узкая (0.7 см) поперечная канавка, у края имеется небольшой скол (рис. 6, 3). Верхняя часть второго изделия обломана, у его нижнего конца прослеживаются сколы. От длительного пребывания во влажной среде поверхность песта покрыта “кавернами” (рис. 6, 2). Торцы орудий несут следы сработанности. Сходные формы, найденные на памятниках иткульской, исетской и гамаюнской культур, использовались для дробления руд и каменного талька. В нашем

случае песты можно связать с иткульскими производственными объектами.

Предметы из каменного талька представлены обломком литейной формы, тремя дисками-“маховичками” и двумя дисковидными предметами без отверстий. Все они — типичные атрибуты иткульской культуры.

Фрагмент створки литейной матрицы (рис. 7, 6) — подтрапезиевидной в плане формы, размерами 6.7×6.5 см, толщиной 0.7–0.8 см, с выпуклой внешней поверхностью. По-видимому, в двустворчатой форме отливались кельты овального сечения с длиной лезвия около 5 см. Орнамент на обломке — отходящий от лезвия двойной треугольный фестон и парные изогнутые линии по бокам — соответствует декору ананьинских кельтов с трапециевидной и арковидной фасками

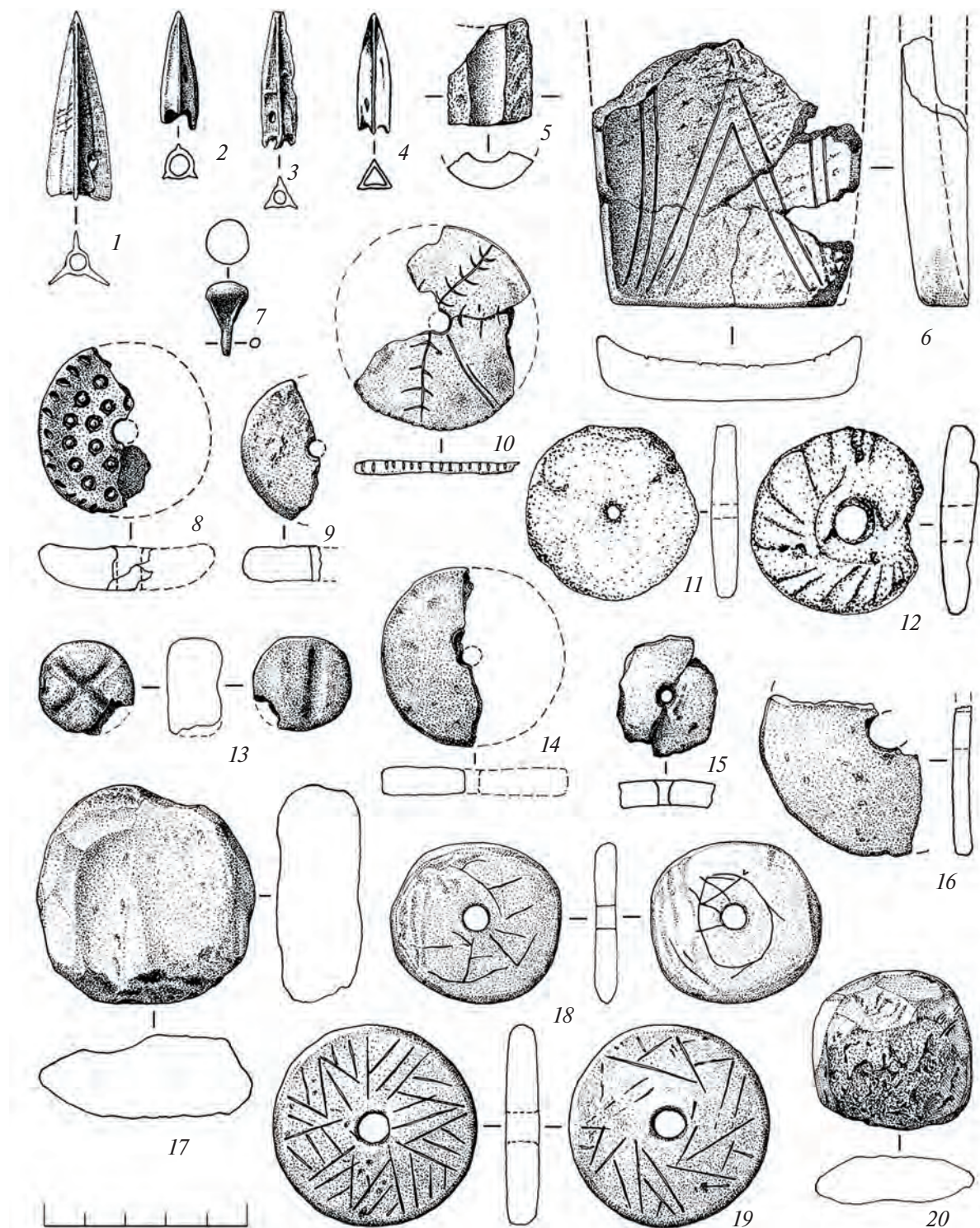

Рис. 7. Комплекс находок раннего железного века: изделия из меди (1–4, 7); каменного талька (6, 10, 13, 17–20); глины и обломков керамики (5, 8, 9, 11, 12, 14–16). 1–16 – рисунки В.И. Стефанова.

Fig. 7. A complex of finds from the Early Iron Age: copper items (1–4, 7); stone talc (6, 10, 13, 17–20); clay and fragments of pottery (5, 8, 9, 11, 12, 14–16). 1–16 – drawings by V.I. Stefanov

КТР КАН–46 и КАН–54–2. Такие орудия датируются соответственно VI–V и VIII–VII вв. до н.э. (ср.: Кузьминых, 1983. С. 64, 65. Табл. VIII, 13–15; IX, 17).

Диски–“маховички” – два целых и один обломок – круглые, плоские, диаметром 4–5 см, каждое с отверстием в центре (рис. 7, 10, 18, 19). С обеих сторон или только с одной украшены

резным солярным декором (кольца, спирали, исходящие из центра “лучи”). На “гурте” одного кружка нанесены частые нарезки-рубчики (рис. 7, 10). Подобные изделия известны на исетских, гамаюнских и иткульских поселениях (см. Берс, 1963. Рис. 18, 5; 19, 14, 15; Бельтикова, 1986. Рис. 6, 8, 9; Борзунов, 1992. Рис. 19, 11, 14). Е.М. Берс и Г.В. Бельтикова обратили внимание на присутствие таких предметов на дне иткульских горнов и высказали предположение, что эти диски использовались в магических обрядах либо как части воздухоподводящих устройств (Бельтикова, 1986. С. 75). Другие исследователи их интерпретируют как “пряслица” для веретен. Между тем эти каменные и керамические кружки чаще находят на памятниках, не связанных с выплавкой металла, тем более с массовым ткацким производством. Скорее всего такие изделия, насаженные на деревянный стержень, были в большинстве случаев составной частью приборов для добывания огня (см. Сериков, 2005).

Среди находок — большое дисковидное оружие ($5.3 \times 5.2 \times 2.0$ см) клиновидного сечения (рис. 7, 17) и малое ($4 \times 4 \times 1$ см) с линзовидным профилем (рис. 7, 20). Возможная атрибуция первого — молоток, заготовка булавы или рыболовного грузила, второго — заготовка “маховичка” или грузила.

В коллекции также имеется небольшая ($2.4 \times 2.4 \times 1.4$ см) “таблетка” из каменного талька, напоминающая игральную фишку. На одной ее стороне вырезан косой крест, на противоположной — прямая канавка (рис. 7, 13).

Предметы из глины и керамики. Обломки дисков-“маховичков” из неорнаментированных стенок сосудов (рис. 7, 9, 11, 12, 14, 16). Одно изделие подпрямоугольное (3×2 см), три круглых, диаметром 4–6 см.

Фрагмент глиняного лепного “пряслица”-маховичка линзовидного сечения диаметром 4.5 см (рис. 8, 8). На его уплощенной стороне — солярный орнамент в виде двух вписанных одна в другую окружностей, составленных из отрисков полой трубочки (перо птицы?); по краю диска нанесены мелкие частые насечки. Такие изделия не характерны для горно-лесного Зауралья, но обычны в культурах Тоболо-Иртышья (юртоборская, баитовская, богочановская, саргатская и др.).

Атрибуты литейного производства. Фрагмент (2.4×2.0 см) воздухоподводящего сопла. Диаметр изделия — 2.4 см, продольного отверстия — 1.2

(рис. 7, 5). Относится к разряду типичных артефактов иткульской культуры.

Две практически целые чаши — открытые толстостенные с примесью талька и без орнамента, относящиеся к иткульской тигельной посуде. Одна из них — плоскодонная, трапецевидного профиля, высотой 6.7–7.5 см, с диаметром по венчику 15 см (рис. 6, 4). Вторая — круглодонная, в сечении сегментовидная, высотой 6.2 см, с диаметром по венчику 10.7 см (рис. 6, 5).

В коллекции также есть обломок тигля, изготовленного из обломка стенки сосуда гамаюно-иткульского (исетского?) типа (рис. 6, 1). С внутренней стороны черепка предмет оформлен наклепными бортиками — прием, характерный для архаичной металлообработки.

Анализ и его итоги. Шайтанское озеро II — типичное приозерное неукрепленное поселение горно-лесного Зауралья, но с наибольшей площадью раскопов. Его характеризует высокая, по местным меркам, насыщенность культурного слоя материалами раннего железного века: 8–9 ед. на 1 м^2 . Размеры поселения превышали общую площадь раскопанных участков. Границы селищ и стоянок в каждом промысловом сезоне, по-видимому, менялись в зависимости от количества их обитателей и выбора места в пределах выявленной обитаемой зоны.

Прибрежная полоса Шайтанского озера в начале железного века была освоена носителями трех культур — гамаюнской (IX–IV вв. до н.э.), иткульской (VIII/VII–III/II вв. до н.э.), исетской (IX/VIII–IV вв. до н.э.). Со временем поселенцы стали использовать соседние невысокие скальные выходы для размещения своих капищ и редких погребений. Одно из таких святилищ с остатками захоронений и жертвенных комплексов, сопровождавшихся материалами исетской и иткульской культур, Ю.Б. Сериков раскопал на скалах Южного Шихана (рис. 1, Б). Поселения и культовые объекты этого времени известны и в других местах вокруг водоема (см. Сериков, 2013. С. 150–152. Рис. 100).

Генезис и экономика населения зауральских культур хорошо известны. Первые коллективы гамаюнской культуры с керамикой вагильского типа сформировались в бассейнах Сосьвы, Лозьвы и верховьях Тавды в X–IX вв. до н.э. на основе общин финала эпохи бронзы лозьвинской культуры бассейна Конды при участии мигрировавших на юг групп с керамикой атлымского типа Нижнего Приобья. Далее основная масса представителей нового “этноса” переселилась

в горно-лесное Зауралье (Борзунов, 1992. С. 26–27, 87–143), в области, занятые западными поселениями бархатовской культуры конца эпохи бронзы, а главное — формирующейся местной иткульской начала железного века. Данная миграция была частью общего сдвига носителей таежных культур рубежа бронзового и железного веков с “крестовой” керамикой из Нижнего и Среднего Приобья в южные и восточные районы Западной Сибири, а также лесное Приуралье, в условиях плювиала — похолодания и увлажнения климата в лесной полосе севера Евразии (Косарев, 1979; 1981. С. 181–205; Борзунов, 1992. С. 3, 90–91, 139–140). Хозяйственная деятельность пришельцев и аборигенов лесного Зауралья существенно различалась. Об этом свидетельствуют локализация и типы поселений, орудийные комплексы и результаты анализов костных остатков. Основой экономики гамаюньских общин X–IV вв. до н.э. были охота и рыболовство, меднолитейное производство у них оставалось в зачаточном состоянии. Гамаюньские орудия труда изготовлены из камня, кости, дерева и глины. К азам разведения и содержания домашнего скота мигранты приобщились под влиянием аборигенов лесного Зауралья (Косинцев, 1986; Борзунов, 1992. С. 66–86).

Население бархатовской культуры XI/X–VIII/VII вв. до н.э., проживавшее большей частью на равнинных территориях Тюменского и Курганского Притоболья, практиковало многоотраслевое хозяйство при ведущей роли скотоводства (разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей); дополнительные занятия — рыболовство, охота и земледелие (Аношко, 2007).

Кланы зауральских металлургов, по версии Г.В. Бельтиковой, выделились из общей массы лесного зауральского населения, прежде всего межовской культуры, и стали основой формирования Зауральского (иткульского) очага металлургии VII–IV/III вв. до н.э. Их укрепленные центры находились на горных вершинах, высоких мысах и берегах со скальной основой (Бельтикова, 1977, 1982, 1986, 2005).

Около IX–VII вв. до н.э. в лесном Зауралье на базе гамаюньских, бархатовских и ранних иткульских общин сформировалась гетерогенная исетская культура. Ее носители занимались охотой, рыболовством, разведением домашнего скота, меднолитейным делом. На основании находок исетской керамики на иткульских городищах и распространения такой же посуды на инокультурных поселениях от Камы до Барабы предполагается, что именно эти коллективы обеспечивали иткульских металлургов продуктами скотоводства и охоты, а

также осуществляли посреднические операции с иткульским цветным металлом (Борзунов, 2019).

Самыми ранними поселениями рубежа бронзового и железного веков в западной части Шайтанского озера были, по-видимому, гамаюньские, датирующиеся VIII–VI вв. до н.э. Это были небольшие сезонные стоянки рыболовов-охотников со следами камнеобрабатывающего производства. Позднее эту территорию освоили иткульские и исетские коллективы. Общие хронологические рамки их поселений: VII–III вв. до н.э. На поздних иткульских селищах V–III вв. до н.э., судя по находкам баитовской и гороховской керамики, обитали выходцы из Тюменского и Курганского Притоболья. Их посуда в малом количестве обнаружена и на других памятниках горно-лесного Зауралья.

Стационарные исетские, иткульские, тем более баитовские и гороховские, жилища в южном и северном раскопах не выявлены. Обитатели сезонных приозерных поселков сооружали, по-видимому, каркасно-столбовые постройки с неуглубленными полами. Зафиксированы остатки объектов с керамикой раннего железного века. Авторы раскопок склонны интерпретировать их как хозяйственно-производственные комплексы, в первую очередь меднолитейные. Судя по ошлакованным фрагментам с орнаментом, литейный объект, исследованный в северном раскопе, связан не с иткульской, как считалось ранее (Сериков, 2011. С. 153–157. Рис. 2; 2013. С. 60–64. Рис. 102, 1–3), а с исетской культурой. Остальные комплексы явно иткульские. Об этом свидетельствуют обломки тигельной и ошлакованной производственной посуды, в том числе с каплями меди, часть медных “сплесков”, фрагмент литейной формы кельта, осколок глиняного сопла, каменные песты, а также четыре медных наконечника стрел VI–III вв. до н.э. с дефектами литья.

По сравнению с крупными производственными иткульскими центрами (Гора Думная, Иткульское I, Иртышские, Серный Ключ, Зотинские I и III, гора Петрогром, остров Каменные палатки, Вишневый остров и др.), остатков меднолитейного производства раннего железного века на поселении Шайтанское озеро II не так много, а каменных, глинобитных и комбинированных домниц вообще нет. Следы выплавки и обработки черного металла, а также орудия из железа не обнаружены. Вкупе с топографией памятника это указывает на то, что основой хозяйства обитателей поселков была промысловая деятельность — рыболовство и охота. Вспомогательную роль играли сбор дикоросов, домашние производства (гончарное, камнеобрабатывающее, меднолитейное) и, возможно, содержание

небольшого количества домашнего скота. Эти занятия имели сезонный и циклический характер.

Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ, тема № FEUZ-2020-0056, а также при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 18-09-40011.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аношко О.М.* Общая характеристика бархатовской культуры позднего бронзового века Зауралья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь / Отв. ред. М.П. Voxменцев. Курган: Курганский гос. ун-т, 2007. С. 114–122.
- Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // Вопросы археологии Урала. Вып. 14. Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1977. С. 119–133.
- Бельтикова Г.В.* Медные наконечники стрел с иткульских памятников // Вопросы археологии Урала. Вып. 16. Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1982. С. 65–78.
- Бельтикова Г.В.* Иткульское I городище — место древнего металлургического производства // Вопросы археологии Урала. Вып. 18. Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1986. С. 63–79.
- Бельтикова Г.В.* Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири / Ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2005. С. 162–186.
- Берс Е.М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. 2-е изд. Свердловск: Кн. изд-во, 1963. 84 с.
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1992. 189 с.
- Борзунов В.А.* О культурной принадлежности иткульских и гамаюно-иткульских древностей Зауралья // Российская археология. 2019. № 3. С. 131–146.
- Корочкова О.Н., Мосунова А.В., Спиридонов И.А., Стефанов В.И.* Погребальные комплексы святилища эпохи бронзы Шайтанское озеро II на Среднем Урале // Российская археология. 2018. № 1. С. 135–149.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере (по материалам раскопок 2008 г.) // Российская археология. 2010. № 4. С. 120–129.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // Российская археология. 2013. № 1. С. 87–96.
- Косарев М.Ф.* К проблеме палеоклиматологии и палеогеографии юга Западно-Сибирской равнины в бронзовом и железном веках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири / Ред. Л.А. Чиндина. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1979. С. 37–42.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Косинцев П.А.* Особенности хозяйства восточного склона Урала в раннем железном веке // Вопросы археологии Урала. Вып. 18. Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1986. С. 79–89.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
- Матвеева Н.П.* Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков / Ред. М.Ф. Косарев и др. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 1989. С. 77–102.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры. М.: АН СССР, 1963 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д1-10). 56 с.
- Сериков Ю.Б.* К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири / Ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2005. С. 93–101.
- Сериков Ю.Б.* Клады Шайтанского озера // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 151–160.
- Сериков Ю.Б.* Шайтанское озеро — священное озеро древности: монография. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. соц.-пед. акад., 2013. 408 с.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Шайтанское озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 67–78.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М.: АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 101). 162 с.
- Цембалюк С.И.* Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 20 с.
- Шаманаев А.В.* Клад каменного сырья и заготовок с оз. Шайтанского // 120 лет археологии восточного склона Урала. Ч. 2 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1999. С. 19–24.
- Шаманаев А.В.* Клады каменного сырья и изделий: проблемы интерпретации // Документ. Архив. История. Современность. Ч. 1. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2000. С. 40–43.
- Шаманаев А.В.* Клад каменного сырья с озера Шайтанского (горно-лесная часть Среднего Зауралья) // Клады: состав, хронология, интерпретация / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. С. 197–200.

SHAITANSKOYE LAKE II: AN EARLY IRON AGE SITE IN THE MOUNTAIN-FOREST TRANS-URALS

Viktor A. Borzunov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: victor.borzunov@mail.ru

The paper characterizes remains of the settlements of the 8th–3rd centuries BC founded on the ruins of the early Bronze Age sanctuary Shaitanskoye Lake II in the vicinity of Neyvo-Rudyanka, Sverdlovsk Region. This is the first most fully investigated (1149 m²) site of the Early Iron Age in the mountain-forest Trans-Urals, located on a low lakeside terrace. The pottery and tool complexes of the Gamayun culture that came from the north, the local Itkul and the heterogeneous Iset archaeological cultures characterize the inhabitants of the settlements as sedentary fishermen and hunters familiar with the basics of the producing economy (copper foundry, livestock breeding). The absence of stationary dwellings and a strong cultural layer is characteristic of summer seasonal settlements. Finds of pottery from the Gorokhovo and Baitovo cultures confirm the resettlement of population groups from the Tobol River region to the Trans-Ural taiga in the 5th–3rd centuries BC under the onslaught of the Sargat cattle-breeding tribes advancing from the forest-steppe Ishim-Irtys region.

Keywords: Trans-Urals, mountain-forest zone, the turn of the Bronze and Iron Ages, seasonal lakeside settlements, archaeological cultures.

REFERENCES

- Anoshko O.M., 2007. General characteristics of the Barkhatovo Late Bronze Age culture in the Trans-Urals. *Problemy arkheologii: Ural i Zapadnaya Sibir' [Problems of archaeology: the Urals and Western Siberia]*. M.P. Vokhmentsev, ed. Kurgan: Kurganskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 114–122. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V., 1977. Itkul settlements. *Voprosy arkheologii Urala. Issues of the Ural archaeology*, 14. *Arkheologicheskie issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri [Archaeological research in the Urals and Western Siberia]*. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 119–133. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V., 1982. Copper arrowheads from the Itkul sites. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of the Ural archaeology]*, 16. *Arkheologicheskie issledovaniya Severa Evrazii [Archaeological research of the North of Eurasia]*. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 65–78. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V., 1986. The Itkul I fortified settlement — a location of ancient metallurgical production. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of the Ural archaeology]*, 18. *Problemy uralo-sibirskoy arkheologii [Issues of the Ural-Siberian archaeology]*. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 63–79. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V., 2005. The environment of formation and sites of the Trans-Ural (Itkul) centre of metallurgy. *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri [Archaeology of the Urals and Western Siberia]*. V.A. Borzunov, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 162–186. (In Russ.)
- Bers E.M., 1963. *Arkheologicheskie pamyatniki Sverdlovskaya i ego okrestnostey [Archaeological sites of Sverdlovsk and its vicinity]*. 2nd edition. Sverdlovsk: Knizhnoe izdatel'stvo. 84 p.
- Borzunov V.A., 1992. Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (gamayunskaya kul'tura) [Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron Ages (the Gamayun culture)]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 189 p.
- Borzunov V.A., 2019. On the cultural attribution of the Itkul and Gamayun-Itkul antiquities of the Trans-Urals. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 131–146. (In Russ.)
- Korochkova O.N., Mosunova A.V., Spiridonov I.A., Stefanov V.I., 2018. Burial assemblages from Shaitanskoe Lake II Bronze Age sanctuary in the Middle Urals region. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 135–149. (In Russ.)
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., 2010. Bronze Age cult site at Lake Shaitanskoye near Yekaterinburg (based on the materials of the 2008 excavations). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 120–129. (In Russ.)
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., 2013. Bronze Age cult site at Lake Shaitanskoye near Yekaterinburg (based on the materials from the 2009–2010 excavations). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 87–96. (In Russ.)
- Kosarev M.F., 1979. On the Western Siberian plain paleoclimatology and paleogeography in the Bronze and Iron ages. *Osobennosti estestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskie protsessy v Zapadnoy Sibiri [Features of natural geographic environment and historical processes in*

- Western Siberia*]. L.A. Chindina, ed. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 37–42. (In Russ.)
- Kosarev M.F., 1981. Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri [The Bronze Age in Western Siberia]. Moscow: Nauka. 278 p.
- Kosintsev P.A., 1986. Features of the economy on the Urals western slope in the early Iron Age. *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of the Ural archaeology], 18. *Problemy uralo-sibirskoy arkheologii* [Issues of the Ural and Siberian archaeology]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 79–89. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., 1983. Metallurgiya Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke (med' i bronza) [The Volga-Kama region metallurgy in the early Iron age (copper and bronze)]. Moscow: Nauka. 257 p.
- Matveeva N.P., 1989. The initial stage of the Early Iron Age in the Tobol-Ishim forest-steppe. *Zapadnosibirskaya lesostep' na rubezhe bronzovogo i zhelezного vekov* [Western Siberian forest-steppe at the turn of the Bronze and Iron ages]. M.F. Kosarev, ed. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 77–102. (In Russ.)
- Moshkova M.G., 1963. Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury [The Prokhorovka culture sites]. Moscow: AN SSSR. 56 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-10).
- Serikov Yu.B., 2005. On the sacral and functional use of the so-called spindle whorls. *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri* [Archaeology of the Urals and Western Siberia]. V.A. Borzunov, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 93–101. (In Russ.)
- Serikov Yu.B., 2011. The hoards of Lake Shaitanskoye. *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of the Ural archaeology], 26. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 151–160. (In Russ.)
- Serikov Yu.B., 2013. Shaytanskoe ozero – svyashchennoe ozero drevnosti: monografiya [Lake Shaitanskoye – a sacred lake of antiquity: monograph]. Nizhniy Tagil: Nizhnetagil'skaya gosudarstvennaya sotsial'no-pedagogicheskaya akademiya. 408 p.
- Serikov Yu.B., Korochkova O.N., Kuz'minykh S.V., Stefanov V.I., 2009. Lake Shaitanskoye II: new aspects in the research of the Ural Bronze Age. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2 (38), pp. 67–78. (In Russ.)
- Shamanaev A.V., 1999. A hoard of lithic raw material and workpieces from Lake Shaitanskoye. *120 let arkheologii vostochnogo sklona Urala* [120 years of archaeological research in the Urals eastern slope region], 2. V.T. Kovaleva, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 19–24. (In Russ.)
- Shamanaev A.V., 2000. Hoards of lithic raw material and objects: issues of interpretation. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Record. Archive. History. Modernity], 1. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 40–43. (In Russ.)
- Shamanaev A.V., 2002. A hoard of lithic raw material from Lake Shaitanskoye (mountain-forest area of the Middle Trans-Urals). *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya* [Hoards: composition, chronology, interpretation]. D.G. Savinov, ed. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 197–200. (In Russ.)
- Smirnov K.F., 1961. Vooruzhenie savromatov [The Savromat weaponry]. Moscow: AN SSSR. 162 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 101).
- Tsembalyuk S.I., 2017. Baitovskaya kul'tura nachala rannego zhelezного века v lesostepnom i podtaezhnom Pritobol'e: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [The Baitovo culture of the initial phase of the Early Iron Age in the forest-steppe and taiga Tobol region: an author's abstract of the Doctoral thesis in History]. Novosibirsk. 20 p.

**А.А. ЧИЖЕВСКИЙ, А.А. ХИСЯМЕТДИНОВА.
ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ МЫСОВЫХ ГОРОДИЩ ВОЛГО-
КАМЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ //
АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ. № 2. КАЗАНЬ, 2020.**

DOI: 10.31857/S086960630012313-3

Исследование оборонительных сооружений Поволжья, опубликованное сотрудниками Института археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан в журнале “Археология евразийских степей”, является фундаментальной монографией, которая не должна пройти мимо внимания археологического сообщества. Эта работа знаменует принципиально новый этап археологического изучения земляных укреплений, достигнутый благодаря соединению современных подходов полевой работы с привлечением методов естественных наук. Пожалуй, впервые в России столь сложные объекты, как валы городищ раннего железного века, публикуются совместно археологом и геоморфологом. Поэтому нельзя не согласиться с С.В. Кузьминых, написавшим в предисловии к изданию, что результатом такого содружества стало получение корпуса источников, который никогда ранее не анализировался в связи с историей мысовых городищ Волго-Камья.

Монография состоит из пяти глав. Первая глава разъясняет методику исследований как на полевом этапе, так и на камеральном, причем отдельно рассмотрены методические приемы раскопок валов (по слоям насыпи или же горизонтальными пластами) и различные способы геоморфологического изучения как валов, так и всего городища как геологического объекта. Глава невелика по объему, но дает полное представление о солидной методической базе исследователей. Вторая глава посвящена характеристике природных условий (рельеф, ландшафт, климат и др.) и общим сведениям о городищах Волго-Камья (их размеры, площадь, культурная атрибуция и хронология). Наиболее важная информация и основные выводы работы заключены в третьей главе, название которой говорит само за себя: “Оборонительные сооружения мысовых городищ раннего железного века и раннего средневековья: археологические, геологические и геоморфологические аспекты”. В четвертой главе представлены данные о материальной культуре городищ раннего железного века и раннего средневековья, рассмотренных в монографии. Эти данные были получены в ходе раскопок и обследований на ряде городищ, где кроме фортификационных сооружений исследовались также культурные слои и постройки, относившиеся ко времени функционирования фортификаций. Наконец, в заключительной пятой главе даны обзор и классификация основных элементов, подвергнутых изучению: городищенских мысов, морфологии и литологического строения валов и рвов, изложены основные итоги геоархеологического анализа мысовых городищ и оборонительных сооружений. Здесь же представлены и основания для хронологической характеристики процесса создания валов (и рвов): на одних городищах эта хронология укладывается в рамки одной культуры, на других она включает ряд этапов, соотносимых с разными культурами.

Геоархеологический анализ фортификационных сооружений позволил авторам убедительно, на конкретных примерах доказать, что все мысовые городища являются объектами, подвергшимися за время их существования сильнейшей трансформации под действием как природных, так и антропогенных факторов, причем в сложнейшем их переплетении. Исследователи

городищ в XX в. не всегда учитывали это важнейшее обстоятельство, зачастую воспринимая городищенские площадки и оборонительные системы в качестве некоего навеки законсервированного объекта, являвшегося к тому же продуктом исключительно человеческой деятельности. При этом нередко все сооружения на городищах расценивались как дошедшие до нас в первозданном виде, либо поврежденные в самой незначительной степени. Далеко не всегда даже допускалась мысль, что городищенские валы воздвигались в несколько этапов, на протяжении длительного времени. Между тем каждое искусственно созданное земляное сооружение подвержено воздействию природной среды: оно деформируется, разрушается, его грунты преобразуются самыми разными природными процессами — тектоническими, оползевыми, эрозионными, почвенными. Без учета этих трансформаций невозможно понять или даже приблизиться к пониманию того, как (и когда) создавалось то или иное защитное сооружение, что с ним происходило впоследствии, на протяжении многотысячелетней истории его существования — вначале как сознательно использовавшегося защитного сооружения, а позже — как элемента естественного рельефа местности. Именно поэтому прямое соавторство археолога и геоморфолога так важно для научного осмысления древности. Нельзя сказать, что авторы монографии — пионеры в этой области. Археологи, занимающиеся эпохами бронзы и раннего железного века и в прошлом прибегали к помощи специалистов в различных областях естественных наук, однако такое системное содружество, распространившее свое внимание на десятки разных памятников, демонстрируется впервые.

Важным наблюдением авторов стало указание на то, что в период существования ананьинской и азелинской культуры на ряде городищ фиксировался сброс бытового мусора (в том числе золы) на внешний скат вала (с. 94). Это наблюдение коррелирует с выводом, полученным на совершенно иных материалах центра Русской равнины, позволившим говорить о том, что валы раннего железного века представляли собой не только оборонительные сооружения, но одновременно и своего рода зольники, мусорные свалки, возникавшие на внешней границе поселения (Гольева, Коваль, 2011. С. 155–159; Гольева, Коваль, Сыроватко, 2014. С. 91–93; Гольева, Сыроватко, Трошина, 2014. С. 420–426). Материалы Прикамья позволяют видеть в этом не редкое исключение из правила, а некое стадийное явление, характерное для долгого периода существования небольших городищ в лесной зоне Восточной Европы на этапе родового строя.

Правда, сами авторы монографии основное свое внимание сосредоточили на том, что они называют “осадконакоплением” в валах, т.е. перемещением в них грунтов, из которых сложены коренные породы городищенских мысов. Ими тщательно фиксировались, разумеется, и порции культурного слоя в свитах прослоек валов, которые содержали археологический материал, служивший основанием для датировки возведения насыпей. К сожалению, при этом за рамками обсуждения оказался вопрос о том, каким образом доставлялись эти порции грунта,

а он имеет принципиально важное значение, поскольку от ответа на него зависит и выводимая дата. Дело в том, что если культурный слой приносится небольшими партиями, но постоянно, то дата создания вала может непосредственно вытекать из датировок тех артефактов, которые обнаружены в этих прослойках вала, поскольку создание насыпи оказывается полностью синхронно жизни на городище. Однако возможен и совершенно иной сценарий возведения вала, когда для насыпи используется культурный слой, относящийся к более раннему времени, нежели дата насыпки вала. Если, к примеру, поселение возникает на мысу, где в далеком прошлом уже отложился культурный слой и этот слой используется как строительный материал для насыпи вала, то попытка датировать вал по найденному в нем материалу приведет к существенному удрежнему этого сооружения. К сожалению, этот вариант совершенно не рассматривается авторами и в некоторых случаях создается впечатление, что они ставят знак равенства между датой материала, обнаруженного в тех или иных слоях насыпи и датой строительства. А это не всегда может быть допустимо. Для того чтобы избежать подобной ошибки, необходим скрупулезный анализ встреченного в прослойках вала археологического материала и установление происхождения каждой прослойки в составе насыпи.

Чрезвычайно важны наблюдения авторов, проливающие свет на причины хорошей сохранности валов с высокими гребнями и крутыми склонами. В общем виде авторская концепция состоит в том, что причин тут было три: сознательное переслаивание разнородных грунтов в насыпи, их естественное уплотнение и возведение деревянных подпорных стенок столбовой конструкции. Если первые две причины обоснованы весьма убедительно, с привлечением методов естественных наук, то третья выглядит пока недостаточно фундированной из-за отсутствия в публикации чертежей выявленных остатков таких подпорных стен (в том числе следов столбовых ям, входивших в их конструкцию). Опирается идея о подпорных стенах в сущности только на один логический пассаж: «Крутой наклон слоев раннего вала, превышающий наклон склона седловины, свидетельствует о наличии какого-то ограничителя, препятствующего растеканию тела вала» (с. 108). Мысль интересная, но требующая проверки и демонстрации конкретных примеров. Прежде всего, хотелось бы увидеть в разрезах валов те деформации грунтов, которые должны были происходить при неизбежном разрушении таких подпорок благодаря гниению опорных столбов, закопанных в землю.

В ряде случаев сама интерпретация «подпорных стенок» выглядит спорной. Например, на городище Гремячий ключ в тыльной части вала параллельно его оси в материке проходила канавка шириной 30–35 см и глубиной 20 см, названная следом «подпорной стенки вала» (с. 27, 29), хотя аргументы в пользу такого прочтения не обозначены. Между тем хорошо известно, что многие валы городищ РЖВ сменили собой линии частоколов, оставляющих именно такие следы в виде канавки, врезанной в материк. Никаких специфических признаков, которые указывали бы на то, что здесь обнаружены не следы более раннего частокола, а именно остатки «подпорной стенки», на профилях раскопок не видно.

Предположение о двух «подпорных стенках» (внешней и внутренней) на Зуевключевском городище зиждется на зафиксированном у внутреннего ската вала, на погребенной почве, скоплении бревен, о которых не приведено никаких сведений: ни об их длине, ни о диаметре, ни о размещении в пространстве. Ясно лишь, что их было довольно много и они залежали вдоль оси вала. Единственным ясным аргументом в пользу существования таких стенок является тезис о том, что «без подпорных стенок песчаный материал на вершине вала не смог бы удержаться» не беспорочен: на валу города Болгара, который также

был насыпан из песчаного материала, никаких подпорных стенок не было» (Коваль, Русаков, 2018). Разумеется, подпорные стенки теоретически могли где-то применяться при создании валов, но пока они остаются версией авторов, которая обоснована явно недостаточно. При этом среди факторов стабилизации поверхности вала ими совершенно не рассматривается искусственная или естественная задерновка насыпи — наиболее простой и нетрудозатратный метод достижения значительной крутизны склонов. Таким образом крутые склоны насыпей могли выстраиваться древними фортификаторами без всяких подпорных стенок.

Необходимо также обозначить те проблемы, которые остались нерешенными или недостаточно раскрытыми в рассматриваемой монографии. Одной из них является чисто методический вопрос фиксации планов раскопок, которыми исследовались валы и рвы. Хотя авторы и написали, что их исследования проводились по слоям или горизонтальным пластам, ни один из планов этих пластов и слоев ими не приведен ни в графическом виде, ни на фото. Возможно, это случилось потому, что такие планы показались им неинформативными из-за однородности выявленных грунтов. Однако это те самые факты, которые важны читателям для понимания методики исследований и логической цепочки предлагаемых выводов. Без них создается впечатление, что все свои выводы авторы строили исключительно на анализе вертикальных разрезов валов и рвов, а этого явно недостаточно для понимания последовательности и способов создания вскрытых насыпей. Для того чтобы убедиться в том, что зафиксированный разрез пришелся не на какой-то исключительный участок вала, а демонстрирует типичную ситуацию, повторяющуюся на всей изученной площади вскрытия, как раз и необходимы пластовые планы, подтверждающие (или, наоборот, исключаяющие) единообразие залегания прослоек внутри вала. Именно этим, кстати, и объясняется требование современной методики изучения валов, диктующее необходимость их прорезки траншеей шириной не менее 6 м (Моргунов, 2019. С. 29). Лишь при такой ее ширине появляется уверенность в том, что разрез попал на тот участок, который не является уникальным по характеру залегания прослоек. И не стоит думать, что методические рекомендации, разработанные для валов древнерусского времени, неприемлемы для более ранних оборонительных сооружений. Как раз наоборот: для ранних фортификаций они особенно важны, поскольку эти древнейшие насыпи в прошлом редко вскрывались раскопками (с попластовой фиксацией), а изучались только по разрезам, которые нельзя правильно понять в отрыве от планиграфии.

К сожалению, в лесистой местности Волго-Камья закладывать траншеи шириной 6 м не всегда возможно, поэтому в ряде случаев авторам приходилось ограничиваться траншеей шириной всего 1 м (рис. 77), которая, конечно, лишала их возможности получать проверяемую планиграфическую информацию. На большинстве же городищ проводились только зачистки обнажений на валах или шурфовка, которые не дают возможности понять процесс создания насыпи, предоставляя лишь сведения о последовательности возникновения отдельных прослоек, генезис которых остается неизвестным. При отсутствии разреза, выполненного раскопом, подобные профили не могут рассматриваться в качестве полноценного источника для изучения структуры валов.

Вторая проблема связана с фиксацией следов почвообразования в валах, поскольку именно они позволяют надежно определять периоды стабилизации поверхности насыпи в тех случаях, когда вал создавался в несколько этапов, разделенных продолжительными перерывами. Хотя авторы привлекли к изучению стратиграфии валов почвовед Е.В. Пономаренко, ее заключения представлены в публикации лишь в виде кратких цитат,

никак не связанных с иллюстративным материалом. Например, в валу уже упоминавшегося городища Гремячий ключ на границе между насыпями двух разных этапов были отмечены некие “следы почвообразования”, но ни на одном из чертежей они не были помечены. Не дано и каких-то разъяснений, что собой представляли эти “следы”. При этом говорится еще и о “перекопанности”, и об обжиге поверхности древнейшего ядра насыпи. Но вся поверхность древнейшей насыпи в профиле имела длину всего 4 м и такое разнообразие воздействий на нее на этом коротком отрезке очень сложно представить. На малоформатной фотографии разреза (рис. 7) различить все эти разнообразные детали невозможно, на чертеже разреза (рис. 8) также не показаны ни участки со “следами почвообразования”, ни прокаленные огнем зоны, ни перекопанные поверхности.

Третью проблему составляют интерпретации, для которых вообще не приведено никаких доказательств. Так, на Маклашевском II городище при упоминании вала-“шишки” именьковского времени, который до наших дней не сохранился вовсе (он известен лишь по старым фотографиям) и в прошлом никогда не исследовался археологически, авторы все же позволяют себе делать предположение о том, что “разрушение макушки шишки, видимо, было связано либо с быстрым гниением, либо прогоранием внутренней деревянной конструкции” (с. 53). Но если объект не исследовался, то откуда вообще могли взяться мысли о наличии в нем какой-либо деревянной конструкции? Если бы подобные сооружения были изучены ранее и такие конструкции были в них найдены, то авторы указали бы на эти аналогии с соответствующими ссылками на литературу. Однако полное отсутствие таких ссылок говорит о том, что никаких таких данных в руках авторов не было. Следовательно, предложенная гипотеза полностью умозрительна и опирается не на зафиксированные раскопками следы, а на цепочку допущений.

В некоторых валах городищ железного века Среднего Поволжья деревянные конструкции были обнаружены при раскопках 1950–1960-х годов: они представляли собой остатки деревянных “заборов” и плетневых стенок, водруженных на вершины насыпей. Такие конструкции были зафиксированы, в частности, на Именьковском городище (Калинин, Халиков, 1960. С. 237–240; Старостин, 1967. С. 12. Табл. 10). Самой загадочной конструкцией, встреченной в валах поволжских городищ, являлись срубы с двойными стенками, обнаруженные на городище Шелом (Жиромский, 1958. С. 429–434), которые размещались под насыпью вала (в ее верхнем горизонте также были замечены древесные остатки, но относившиеся уже не к срубам, а к решетчатой конструкции). Срубы хорошо зафиксированы в плане, но их стратиграфическая позиция неясна, поскольку получить разрез вала с этими конструкциями при раскопках

1954 г. не удалось, а при зачистке осыпи вала в 2014 г. остатки древесины были отмечены только в средней части вала. Между тем в 1954 г. наиболее сохранные деревянные конструкции были обнаружены под насыпью вала, на поверхности погребенной почвы, причем один “сруб” сохранился на высоту 1.7 м (Жиромский, 1958. С. 429–432). Если они действительно связаны с оборонительными сооружениями, то, возможно, демонстрируют одну из первых в Восточной Европе попыток создания древо-земляных стен. Однако фрагментарность имеющихся данных не позволяет признать такую интерпретацию однозначной или хотя бы наиболее вероятной.

Разумеется, сделанные замечания не могут поколебать самой высокой оценки проделанной работы, составившей заметный вклад в изучение древностей Волго-Камья. Подводя итог анализу монографии, хотелось бы пожелать ее авторам продолжения их совместных исследований, расширения масштабов раскопочных работ и получения новых данных о древнейшей фортификации в лесной зоне Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гольева А.А., Коваль В.Ю. Палеоэкологические аспекты функционирования городища дьяковской культуры Ростиславль // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень, 2011. С. 155–159.
- Гольева А.А., Коваль В.Ю., Сыроватко А.С. Городища и валы дьяковской культуры как объекты палеоэкологических исследований: результаты, проблемы, перспективы // Тр. IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. II. С. 91–93.
- Гольева А.А., Сыроватко А.С., Трошина А.А. Некоторые особенности сооружения валов дьяковских городищ: первые результаты естественнонаучных исследований // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Казань: Институт Археологии АН РТ, 2014. С. 420–426.
- Жиромский Б.Б. Древнеродовое святилище Шолом // МИА. № 61. 1958. С. 424–450.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // МИА. № 80. 1960. С. 226–250.
- Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 гг. // Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. 2. Казань, 2018. 160 с.
- Моргунов Ю.Ю. К методике изучения валов древнерусских городищ / Методика полевых археологических исследований. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2019. 31 с.
- Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1-32. 1967. 97 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОВЕЩАНИЕ “ГЕОЛОГИЯ ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ АЗИИ: К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.М. ЦЕЙТЛИНА”

10–13 ноября 2020 г. в Красноярске прошло Международное геолого-археологическое совещание (симпозиум) “Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С.М. Цейтлина”. Совещание проводилось в рамках реализации проекта “Афонтовские древности и геология палеолита Северной Азии”, при поддержке Фонда президентских грантов. Организаторами совещания выступили: АНО “Археологическое исследование Сибири”, Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, Институт археологии и этнографии СО РАН, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Сибирский федеральный университет, Забайкальский государственный университет, ООО “Красноярская геоархеология”.

В работе симпозиума принимали участие специалисты, изучающие различные аспекты четвертичной геологии и первобытной археологии, которые представили научные организации и высшие учебные заведения Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Брянск, Тюмень, Омск, Новосибирск, Барнаул, Красноярск, Кызыл, Иркутск, Улан-Удэ, Чита, Магадан, Владивосток) и зарубежья — Польши (Лодзь, Познань), Чехии (Брно), Кыргызстана (Бишкек). За два дня секционных заседаний было заслушано 28 докладов, посвященных актуальным проблемам изучения древнейших отделов каменного века, палеогеографии, стратиграфии и геохронологии четвертичного периода регионов Восточной Европы, Средней и Северо-Восточной Азии, Сибири, Дальнего Востока, проведены дискуссии по соответствующей тематике.

На вступительном пленарном заседании звучали приветственные слова от лица представителей Государственной службы по охране памятников истории и культуры Красноярского края, ректора Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, научного руководителя ИИМК РАН. С особой теплотой было воспринято неформальное видеобращение дочери Цейтлина — Л.С. Камшилиной к участникам совещания.

В рамках конференции было выделено четыре тематических секции.

На заседании первой, мемориальной секции, была представлена серия докладов, посвященных памяти Семена Марковича Цейтлина. Вспоминались имена коллег, которые внесли ощутимый вклад в изучение археологии и геологии Северной Азии, — З.А. Абрамовой, М.П. Аксенова, С.Н. Астахова, Э.А. Вангенгейм, В.И. Громова, Н.В. Кинд, А.Ф. Ямских и многих других. Обсуждались основные методологические аспекты и принципы изучения геологии палеолита и “геоархеологии” как обособленной научной дисциплины. Наибольший интерес в работе секции вызвали выступления С.А. Васильева (Санкт-Петербург) с докладом “С.М. Цейтлин и А.Ф. Ямских: вопросы геологии Енисейского палеолита”, Г.Ю. Ямских (Красноярск) “К вопросу о палеоэкологических реконструкциях среды жизни древнего человека в Красноярской котловине (на базе палинологического анализа)”, Н.П. Макарова (Красноярск) “Караулинский археологический микрорайон”. Уникальные документы “гиновского” периода биографии С.М. Цейтлина были представлены в стендовом докладе И.П. Второва и А.С. Тесакова (Москва) “Семен Маркович Цейтлин в Геологическом институте АН СССР”.

Вторая секция была посвящена глобальным климатическим перестройкам в позднем неоплейстоцене — голоцене и связанной с ними культурной динамике. Наибольший интерес по указанной тематике вызвали презентации И. Хлахулы (Познань) “Природная среда центральной части бассейна р. Яны в течение каргинского (MIS3) интерстадиала”, Алишер кызы С. (Новосибирск) “Этапы заселения памятника Сай Джанурпа (Восточный Прикаспий)”.

В третьей секции “Экзогенное рельефообразование, техногеосистемы и седиментогенез как факторы формирования культурного слоя” были отмечены доклады И.И. Разгильдеевой (Чита) “Стоянка Крутая: планиграфический анализ основного палеолитического слоя (раскопки 2017)”, М.Н. Мецерица (Красноярск) “Группа стоянок Афонтовой Горы (материалы к археологической карте)”, М.Ю. Опекуновой и В.А. Голубцова (Иркутск) “Палеомеандры реки Белой (Верхнее Приангарье)” и “Развитие эоловых процессов в лесостепных ландшафтах Верхнего Приангарья в голоцене”, Г.Д. Павленок (Новосибирск) “Результаты комплексных геоархеологических рекогносцировочных работ на верхнепалеолитической стоянке Ушбулак в Восточном Казахстане”, Г. Бранкалеони (Варшава) “Палеолитические стоянки на склонах — влияние топографии и геологических процессов на структуру стоянок типа Обишир”.

Вопросам хронологии и периодизации археологических памятников была посвящена работа четвертой секции. Здесь особо были выделены доклады Е.П. Рыбина (Новосибирск) “К вопросу о ранних этапах заселения Северной Монголии: нижние горизонты стоянки Толбор-21”, А.К. Очередного (совместно с Л.Б. Вишняцким, Санкт-Петербург) “Возможная роль равнин севера Центральной Азии в распространении микок”, Д.В. Ожерельева (Москва) “К вопросу о начале поздней поры верхнего палеолита Юго-Восточного Казахстана”, А.М. Клементьева (Иркутск) “Отложения палеопочв каргинского термохрона левобережья р. Енисей в г. Красноярске в контексте палеолитических индустрий”, И.Ю. Понкратовой (Магадан) “Стратиграфия многослойной стоянки Ушки V (полуостров Камчатка)”, С.В. Наугольных (Москва) “Верхнеплейстоценовая палеопочва палеолитической стоянки Ростиславль-2 (Озерский район Московской области)”, Н.О. Видуловой (Москва) “Перспективы применения метода оптически стимулированной люминесценции (ОСЛ) в археологии”.

В рамках программы симпозиума были проведены полевые экскурсии с посещением двух стоянок из афонтовской группы археологических памятников Афонтовой горы IV и Афонтовой Горы V. Разрезы подготавливались и презентовались авторами раскопок В.М. Новосельцевой (Новосибирск) и А.В. Барковым (Красноярск). На вышеупомянутых объектах проведены дискуссии с детальным обсуждением представленных материалов. В завершение совещания специалисты смогли ознакомиться с коллекциями археологических материалов из раскопок палеолитических стоянок Ясная I, Солнечный I, Афонтова гора IV и Афонтова гора V, исследованных в полевые сезоны 2019–2020 гг.

В ходе подготовки совещания были опубликованы два печатных издания: “Материалы докладов участников симпозиума” и “Путеводитель полевой экскурсии”. Был создан электронный организационно-информационный портал www.tseitlin100.ru,

на котором также была оформлена мемориальная страничка, посвященная С.М. Цейтлину.

В итоговом документе конференции были выражены благодарности организаторам и поддерживающим учреждениям, рекомендовано дальнейшее проведение просветительских и научно-практических мероприятий, круглых столов, поиск возможностей укрепления научно-исследовательской базы в лабораториях

региональных вузов. Была высоко оценена новаторская деятельность ООО “Красноярской геоархеологии”, направленная на изучение и сохранение историко-культурного наследия Красноярского края. Предложено дальнейшее продвижение идей по созданию музейно-просветительского Центра древней истории Енисейской Сибири, который должен стать специализированным хранилищем археологических материалов региона.

АНО “Археологическое исследование Сибири”, Красноярск

Т.А. Ключников, Е.С. Рейс

К 70-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА КУЗЬМИНЫХ

В этом году исполняется 70 лет Сергею Владимировичу Кузьминых, известному российскому археологу, доброжелательному и в то же время принципиальному человеку, обладающему неутомимой творческой энергией. Юбилар родился 11 сентября 1951 г. в семье учителей в д. Отары Республики Марий Эл. Фамилия и место рождения (юго-западные пределы бывшей Вятской губ.) выдают в нем уроженца вятской земли. В 1968 г. С.В. Кузьминых поступил на историко-филологический факультет Казанского государственного университета, археологическое направление научной деятельности в котором возглавлял А.Х. Халиков. С первого курса Сергей Кузьминых принимал активное участие в полевых работах Чебоксарской, Нижнекамской, Марийской и Татарской экспедиций и в деятельности студенческого археологического кружка. Под влиянием А.Х. Халикова он увлекся археологией первобытности — первые курсовые работы были посвящены изучению абашевской культуры, металлургии волосовской и гаринско-борской культур. В 1971 г. на Всесоюзной студенческой археологической конференции С.В. Кузьминых по рекомендации А.Х. Халикова познакомился с Е.Н. Черных. Эта встреча в итоге определила его дальнейшую судьбу: Евгений Николаевич предложил ему заняться исследованием цветного металла ананьинской культуры.

Окончив в 1973 г. университет, С.В. Кузьминых поступил в аспирантуру ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, а через год продолжил обучение в ИА АН СССР, и в 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию “Бронзовые оружия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.)”.

В 1976–1984 гг. С.В. Кузьминых работал в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. В эти годы вышла книга “Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза)” (1983) (обширную сводку аналитических данных к которой удалось издать только в 2017 г.), для коллективных трудов подготовлены разделы “Инструментарий биллярских ювелиров и меднолитейщиков” (1985), “Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии” (соавт. Е.Н. Черных, 1987). Активно шла работа над выпусками “Археологической карты Татарской АССР” (1981–1990), проспектами томов многотомной “Археологии Среднего Поволжья и Приуралья”.

С конца 1970-х годов на первый план в исследованиях С.В. Кузьминых выходит изучение сейминско-турбинских бронз, стимулированное предложением Е.Н. Черных подготовить совместно труд “Бронзы типа Сейма-Турбино в Евразии” для серии “Prähistorische Bronzefunde” под редакцией Г. Мюллера-Карпе. К сожалению, книга так и не была опубликована. В лаконичном виде результаты этой работы нашли отражение в разделе тома “Эпоха бронзы лесной полосы СССР” (1987).

С конца 1984 г. С.В. Кузьминых работает в ИА АН СССР (ныне ИА РАН) в лаборатории естественнонаучных методов. За эти годы им опубликовано более 20 монографий и коллективных трудов и свыше 600 научных статей.

С приходом в лабораторию (в работах которой он зримо и незримо участвовал с аспирантских лет) С.В. Кузьминых включился в исследования группы археометаллургии по разработке концепции Евразийской (ЕАМП) и Центральноазиатской металлургических провинций. В рамках этого направления он вместе с Е.Н. Черных, С.А. Агаповым и Л.Б. Орловской публикует серию статей об ЕАМП как системе, ее зонах, радиоуглеродной хронологии входящих в нее культур.

Итогом изучения СТ-бронз стала монография “Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен)” (1989, соавт. Е.Н. Черных), которая на десятилетия задала вектор исследовательских поисков в отечественной и мировой археологии бронзового века. Особый интерес она вызвала в Китае, где в 2010 г. вышла в переводе на китайский язык. Дальнейшая разработка СТ-проблематики в связи с появлением новых уникальных памятников и пересмотром старых коллекций нашла отражение в цикле его персональных и коллективных публикаций.

Историко-металлургическая проблематика была и остается основной в научных размышлениях С.В. Кузьминых. Итогом изучения металла культур эпохи бронзы Южной Сибири стала книга “Древняя металлургия Среднего Енисея” (1997,

соавт. В.В. Бобров, Т.О. Тенейшвили). Совместно с коллегами (С.А. Агаповым, А.Д. Дегтяревой, А.С. Ермолаевой и др.) в коллективных трудах опубликованы очерки о металле различных памятников и культур Азиатской зоны ЕАМП (2003, 2009, 2013, 2017, 2020). Большая серия работ С.В. Кузьминых посвящена проблемам металлургии и металлообработки культур и выдающихся памятников эпох энеолита, бронзового и раннего железного веков Северной Евразии.

Начиная с 1989 г. особую роль в научной деятельности не только С.В. Кузьминых, но и всего коллектива Лаборатории сыграли работы Восточноевропейской (Каргалинской) археологической комплексной экспедиции. В сложных условиях распада страны и коллапса отечественной науки (не исключая и археологии) Е.Н. Черных ориентировал коллектив на полевые исследования крупнейшего в Восточной Европе горно-металлургического центра Каргалы в Южном Приуралье. Проект предполагал раскопки поселения Горный 1, разведочное обследование Каргалинского рудного поля, эксперименты по выплавке меди из местной руды, в том числе с участием испанских коллег (М.И. Мартинес-Наваретте, Х. Висент, С. Ровира и др.). Издание книг серии “Каргалы” (2002–2007) под редакцией Е.Н. Черных стало событием в отечественной и мировой археологии эпохи раннего металла. Отметим, что в организации и проведении работ экспедиции, а затем в публикации ее трудов юбиляру принадлежит немалая роль.

В настоящее время в лаборатории сложилось генеральное научное направление “История производящей экономики в Евразии в V тыс. до н.э. — II тыс. н.э.”, в рамках которого стало необходимым формирование электронных баз данных металлических изделий и литейных форм — основы комплексных исследований группы археометаллургии (Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Л.Б. Орловская, С.А. Агапов и В.Ю. Луньков) в последние десятилетия.

Кроме того, в 1990-е годы решение проблемы не только относительной, но и абсолютной хронологии археологических комплексов, содержащих металлические изделия и литейные формы, потребовало создания баз данных радиоуглеродных дат археологических культур, входивших в системы металлургических провинций Северной Евразии. Эти исследования в группе археометаллургии и ныне наиболее приоритетны. В те же годы после длительного перерыва группа возобновила аналитические работы на базе рентгенофлуоресцентного анализа, выполняя заявки сотрудников ИА РАН и других организаций.

В начале XXI в. С.В. Кузьминых вновь обращается к изучению ананьинского мира. В статье “Археологическое изучение ананьинского мира в XX в.: основные достижения и проблемы” (2000), обозначая свое понимание сложившейся в раннем железном веке Волго-Камья ситуации, он предложил термин “ананьинская культурно-историческая область” (АКИО). В этом контексте подчеркивалось разное генетическое происхождение и родство входящих в нее культурных групп и в то же время

фиксировалось наличие черт, которые отличают АКИО от соседних культур и общностей. В своих работах по уралистике Сергей Владимирович рассматривает АКИО как своеобразный котел, в котором проходило формирование культурной и языковой основы будущих прибалтийско-финских, поволжско-финских и пермских народов.

С.В. Кузьминых вместе с А.А. Чижевским стали организаторами конференции “Ананьинский мир”, которая регулярно (раз в 3–4 года) проходит в Казани, Елабуге и Болгаре (см. альманах “Археология евразийских степей” за 2009, 2014, 2017, 2019 гг.). И конференция, и ее труды придали заметный импульс разработке ананьинской проблематики.

Уже более трех десятилетий неотъемлемой частью научной биографии С.В. Кузьминых стали работы по историографии и истории отечественной археологии, поначалу по дискуссионным проблемам археологии бронзового и раннего железного веков. Затем последовали работы об археологах, особенно близких ему по научным интересам (М.Г. Худяков, В.Ф. Смолин, А.М. Тальгрэн, В.А. Городцов, А.Х. Халиков и др.). Недавние его статьи (часто в соавторстве с А.С. Вдовиним, Д.В. Серых, Е.В. Детловой, И.В. Белозеровой, П.Г. Гайдуковым) обращены к организации в 1920–1940-е годы археологических съездов и др. темам.

Перу С.В. Кузьминых принадлежит немало биографических очерков, посвященных памяти друзей и коллег, юбилейным датам видных российских ученых. Отметим особый его интерес к публикации эпистолярного наследия (А.М. Тальгрэн, В.А. Городцов и др.), дневников и воспоминаний (В.А. Городцов, Г. Мергарт и др.). Большая часть этих трудов издана им в содружестве с коллегами из разных научных центров.

В последнее десятилетие в ИА РАН прошли конференции по истории русской и советской археологии, в числе организаторов которых (вместе с А.С. Смирновым и И.А. Сорокиной) отмечен и С.В. Кузьминых. А совместно с А. Наглером и Е.В. Детловой он приложил немало усилий, чтобы под эгидой Евразийского отдела Германского археологического института и ИА РАН стали традиционными дискуссии о судьбах археологии в Европе в XX в.

В этом очерке трудно охватить все научные интересы и занятия юбиляра. Деятельность в качестве редактора и составителя различных изданий стала частью его повседневной работы. Его широкий научный кругозор востребован в БРЭ, редколлегиях журналов “Поволжская археология”, “Археология евразийских степей” и др.

Свое 70-летие Сергей Владимирович встречает в расцвете сил и энергии. И от имени коллег по лаборатории естественных методов, сотрудников ИА РАН, ИА им. А.Х. Халикова, Отдела письменных источников ГИМ, а также учеников и друзей из разных уголков России и зарубежья хочется пожелать юбиляру крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Институт археологии РАН, Москва

Государственный исторический музей, Москва

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

П.Г. Гайдуков, Л.Б. Орловская

И.В. Белозерова

А.А. Чижевский

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ПЕРЕВОДЧИКОВА 23.07.1954–06.10.2020

6 октября 2020 г. внезапно ушла из жизни замечательный археолог, верный друг и прекрасная женщина Елена Владимировна Переводчикова. Она была молода, мы не ждали ранней разлуки. Великолепный полевой исследователь, до самозабвения любивший экспедиционную жизнь, она достигла истинной виртуозности на памятниках Средней Азии, Северного Кавказа, Причерноморья. Ее работа в области звериного стиля у скифов и сармат заметно трансформировала все направление. Елену Переводчикову знали и ждали во многих экспедициях, она энергично работала до конца жизни. Приютом для коллег был и гостеприимный дом Переводчиковых у метро «Профсоюзная», недалеко от здания Института археологии РАН.

В формировании Елены Владимировны как ученого важную роль сыграла семья, которая сама предстает важным культурным феноменом и заслуживает отдельного рассказа. В доме был культ науки и работы, спорта и путешествий. Их соединение создавало среду, близкую по атмосфере, прекрасно переданной в фильме «Девять дней одного года» Ромма и «Понедельник, начинается в субботу» братьев Стругацких.

Отец, Владимир Иннокентьевич, обладая недюжинным умом (в 40 лет защитил докторскую по электротехнике), был человеком разносторонним: завсегдатей консерватории, он собирал записи классической музыки и ценил живопись (особенно венецианскую школу). Душа большой компании, динамичный и сильный, он не мыслил жизни без путешествий на Кольский полуостров и Памир, в Красноярск и в Италию; мастер спорта по горному туризму и горнолыжник, он совершил последний спуск в Альпах в 86 лет!

Род Переводчиковых — из Сибири, из Благовещенска (прадед — почетный гражданин города). Дед, Иннокентий Николаевич,

учился медицине на другом конце империи, в Дерпте. Начальник полевого госпиталя в Первую мировую войну, он получил орден Святого Владимира за его защиту. В Гражданскую работал в госпитале у красных, затем организовал первый в России Институт лепры (Астрахань) и преподавал в местном медицинском вузе. Вместе с ним работала его жена, бабушка Елены Владимировны (ее тетка, Наталья Иннокентьевна, тоже рано защитила докторскую и работала до 93 лет в Онкологическом центре — до конца ездила туда на машине).

Дед по материнской линии, Иван Митрофанович Бондаренко, не менее замечателен. Сын простых работников печатной фабрики, родом из Белоруссии, он был последователем В.Г. Шухова и главным инженером строительства ТЭЦ на Калужской заставе в Москве. У его дочери, матери Елены Владимировны (тоже инженера), были с мужем общие интересы — спортивные, научные, эстетические.

Дом Переводчиковых был открытым, уютным, с дружескими застольями, «фирменными» домашними блюдами и походными песнями бардов. И творческим: с большой, открытой для друзей библиотекой, классическими записями, спорами до утра. Царила гармония: обаятельный остроумный отец, красивая, умная и авторитетная мама; сошедшая прямо с портрета начала века бабушка и две горячо любимые, очень яркие дочери — Лена и Таня¹.

В школе — «простой советской», без специализации, но с очень достойным коллективом — Лена училась легко, особенно по географии и истории (конспекты уроков истории Светланы Леонидовны Модало считались лучшими учебников). Девочку влекла профессия геолога, но Светлана Леонидовна дружила с заведующей школьным отделом ГМИИ им. А.С. Пушкина Аллой Сергеевной Стельмах, и рассказы об археологическом кружке для старшеклассников решили дело. Кружком руководил Игорь Рубенович Пичилян, увлеченный знаток античности; группа ездила на дальние экскурсии (Ленинград, Новгород, Псков); в конце учебного года проводились костюмированные выступления всех кружков музея; из кружка вышли многие историки искусства и археологи. В 1970 г. пятерых членов кружка И.В. Яценко взяла в экспедицию кафедры археологии МГУ в Евпаторию (на городище «Чайка»). В следующем году Лена поступила в МГУ, где прошла, как ученица И.В. Яценко, прекрасную научную школу. С 1980 по 2015 г. Е.В. Переводчикова была научным сотрудником ГИМа, проявляя присущее ей творческое начало в активной работе над постоянной экспозицией и выставками. В 2016 г. она пришла в Институт археологии РАН, в отдел сохранения археологического наследия.

Все эти десятилетия она неустанно работала как ученый — то есть, прежде всего, мыслила. Ее интересы были обширны. Елена Владимировна стала одним из крупнейших исследователей скифского звериного стиля, обозначив новый этап в изучении этого уникального художественного направления в древнем искусстве.

Впервые Е.В. Переводчикова обратилась к этой теме еще в конце 1970-х годов в кандидатской диссертации, посвященной прикубанскому варианту скифского звериного стиля. Проанализировав комплекс зооморфных образов на знаменитой Келермесской секире, она пришла к выводу об их смешанной,

¹ Младшая сестра Елены Владимировны Татьяна (по мужу — Раевская) — врач, живет в США.

передневносточно-скифской манере. Защищенная в 1980 г. под руководством И.В. Яценко работа стала вехой в изучении феномена скифского звериного стиля: Е.В. Переводчикова впервые рассмотрела его как структурно организованный текст. Выделив признаки, определяющие его как изобразительную систему, она дифференцировала их по трем уровням на основании корреляции с конкретными видами и группами видов изображаемых животных, а именно: 1) уровень признаков, нейтральных к виду (или инвариантных, отличающих звериный стиль как таковой); 2) уровень признаков, значимых для идентификации трех ключевых мегаобразов (птицы, хищники, копытные); 3) уровень признаков, значимых для более дробной в зоологическом понимании идентификации изображений. Опираясь на материал прикубанского варианта скифского звериного стиля, Переводчикова установила корреляцию изобразительных приемов с образно-видовой принадлежностью “персонажей”, что в итоге позволило выявить характерные черты данного локального варианта.

Впоследствии Е.В. Переводчикова успешно применила такой подход к скифо-сибирскому звериному стилю как к тексту с едиными параметрами. Этот метод лег в основу ее главной работы (Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.; перевод опубликован в Южной Корее). Эта удивительно емкая и глубокая монография стала настольной книгой исследователей скифо-сибирского звериного стиля.

Продолжив изучение прикубанского варианта скифского звериного стиля, Е.В. Переводчикова дифференцировала три его хронологические модификации и разделила (в развитие предположения М.И. Ростовцева) его “классический” период (V–IV вв. до н.э.) на два этапа: V — начало IV в. до н.э. (скифо-меотский звериный стиль типа изображений на предметах из ранней группы Семибратних курганов) и IV в. до н.э. (звериный стиль типа изображений на предметах из Елизаветинских курганов). В соавторстве с А.П. Мошинским она исследовала влияние скифского звериного стиля на кобанское искусство.

В трудах Е.В. Переводчиковой нашла отражение и сложнейшая проблема истоков скифо-сибирского звериного стиля, попытки решения которой предпринимались начиная с 1910–1920-х годов. Между двумя принципиально различными теориями его формирования, полицентрической и моноцентрической, Елена Владимировна сделала выбор в пользу первой.

В конце 1990-х — 2010 гг. Е.В. Переводчикова обратилась к проблеме взаимовлияния звериного стиля двух археологических культур скифо-сибирского мира — скифской и “савроматской”, а также к собственно “савроматскому” и к более восточным локальным вариантам скифо-сибирского звериного стиля (К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 231–237). Елена Владимировна уделила значительное внимание технологии производства изделий, оформленных в зверином стиле, в частности предметов из знаменитых Филипповских курганов в Южном Приуралье, выдвинув гипотезу о производстве ряда золотых зооморфных оковок из I-го Филипповского кургана в мастерских Северо-Западного Китая, а также о пазырыкских стилизованных истоках части изображений (Золотые оковки деревянных сосудов из I-го Филипповского кургана // РА. 2016. № 2. С. 19–35).

Институт археологии РАН, Москва
МГУ им. Ломоносова, Москва
Музей Востока, Москва
Высшая школа экономики, Москва
Университет Корнелл, США

Опираясь на технологические выводы Р.С. Минасяна, Е.В. Переводчикова обосновала критерии идентификации инокультурных заимствований, отражающихся в скифском зверином стиле, и акцентировала внимание на вероятности греческого и китайского производства ряда вещей, изображения на которых вполне соответствуют канонам скифо-сибирского звериного стиля (О различных формах диалога искусства степи и цивилизаций: к постановке вопроса // Stratum plus. 2009 (2005–2009). № 3. С. 155–161).

Продолжая свои исследования звериного стиля Приуралья скифской эпохи, Е.В. Переводчикова совместно с А.Д. Таировым анализировала зооморфные изображения из могильника Кичигино, выявив две хронологические группы южноуральского звериного стиля раннескифского времени и реконструировав эволюцию местного зооморфизма.

Интересы Елены Владимировны не ограничивались темой скифо-сибирского звериного стиля. Еще в 1980 г. она разработала базовую классификацию, типологию и хронологию металлических наконечников (преимущественно зооморфных) одного из характерных элементов скифского погребального ритуала (Типология и эволюция скифских наконечников // СА. 1980. № 2. С. 23–44). Проанализировав все известные к концу 1970-х годов погребальные комплексы, содержавшие скифские наконечники, она вместе с Д.С. Раевским предложила гипотезу о связи этих изделий с архетипом мирового древа: шести с наконечниками помещали на столбы — материальные воплощения мирового древа/космического столпа, освящающие погребально-жертвенное или чисто жертвенное пространство. Елена Владимировна участвовала в большой работе по изучению и публикации материалов скифского царского кургана Козел, раскопанного И.Е. Забелиным в 1865 г. (вместе с И.В. Яценко, Н.И. Беловинцевой, К.Б. Фирсовым; см., напр.: Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б. К реконструкции убора коней из кургана Козел // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005. С. 394–406). Логично входили в сферу интересов Е.В. Переводчиковой и сюжеты сарматской эпохи (см., напр.: Мордвинцева В.И., Переводчикова Е.В. Фалар из Янчокрака и “змееногая богиня” скифов // На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. Apotheosis. Миф. 7. София, 2001. С. 157–171).

Экспедиционная жизнь тем временем сместилась в Причерноморье: с 2016 г. Елена Владимировна работала в Крымской экспедиции ИА РАН (античное поселение Тасуново-7, некрополь римского времени “Александровские скалы 1”, поселение-крепость “Кермен-Бурун”).

В поле она была просто незаменима. Верный товарищ, отважный, веселый, любящий приключения. Исключительно опытный и увлеченный мастер, на любом раскопе (курганы, сырцовые стены Азии, камни античного города) она вносила бесценный вклад во все, к чему прикасалась: ее острый ум — холодноватый, резкий, системно устроенный (наследие предков) — и ее воображение позволяли раскрыть, зафиксировать и понять изучаемые контексты исключительно полно и глубоко.

Мы помним ее привычно длинные волосы (она любила подставлять их ветру), неиссякаемую энергию в танце до упаду, готовность к веселой авантюре и остроумную, упрямую, строго логичную речь, выражающую яркие мысли. Странно, что нет больше нашей Ленки, Елены Владимировны. Но мы не забудем ее — и как друга, и как ученого.

Л.А. Беляев
Н.И. Беловинцева, А.Р. Канторович
Т.А. Габуев
В.И. Мордвинцева
Т.В. Раевская (Переводчикова)

РАУФ МАГОМЕДОВИЧ МУНЧАЕВ (23 сентября 1928 г. — 4 июля 2021 г.)

4 июля 2021 г. от нас ушел доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук Рауф Магомедович Мунчаев — один из наиболее известных российских археологов как внутри страны, так и за ее пределами. Всю свою жизнь он посвятил исследованию материальной культуры эпохи поздней первобытности обширного региона, ограниченного на севере горами Кавказа и на юге — степями Верхней Месопотамии. Археологическому сообществу профессиональная стезя Рауфа Магомедовича хорошо известна. Однако теперь, когда путь завершен, даже простое перечисление событий и достижений обретает особый смысл, проявляя главное — верность ученого служению однажды и на всю жизнь выбранному делу.

Рауф Магомедович Мунчаев родился 23 сентября 1928 г. в маленьком городке Закаталы (современная Республика Азербайджан), расположенном на Южном склоне Большого Кавказского хребта. В 1945 г. он поступил на исторический факультет Дагестанского педагогического института, по окончании которого в 1949 г. был принят в аспирантуру Дагестанского филиала АН СССР, но для прохождения аспирантской подготовки был командирован в Москву, Институт истории материальной культуры АН СССР (ИИМК, впоследствии — Институт археологии). В годы учебы в аспирантуре определился круг научных

интересов будущего ученого, охватывающий археологию бронзового века Дагестана и Кавказа в целом.

Свои первые полевые исследования Рауф Магомедович провел в составе Дагестанской археологической экспедиции ИИМК под руководством К.Ф. Смирнова в 1950 г., когда при его участии были изучены Агачкалинский раннесредневековый могильник в Буйнакском р-не и памятники эпохи бронзы и раннего железа в районе Карабудахкента; в 1951 г. — участвовал в спасательных раскопках курганов срубной культуры у с. Хрящевка в зоне строительства Куйбышевской ГЭС на Средней Волге (начальник экспедиции А.П. Смирнов); с 1952 г. — начал работать в Северо-кавказской экспедиции (начальник экспедиции Е.И. Крупнов) в Ингушетии и Ставропольском крае.

После защиты кандидатской диссертации “Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III—II тыс. до н.э.)”, с 1953 по 1955 г. Рауф Магомедович работал в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в Махачкале. Тогда молодой ученый вел полевые работы в Дагестане, открыв, в частности, Чохское поселение эпох мезолита и неолита и проводя первые раскопки на группе Великентских поселений времени халколита и ранней бронзы. В 1955 г. он вернулся в Москву и стал сотрудником ИИМК (Института археологии), где проработал всю жизнь, вплоть до дня смерти.

В 1955–1968 гг. Рауф Магомедович трудился в качестве заместителя руководителя Северокавказской экспедиции и начальника одного из ее отрядов. Его раскопки Лугового поселения в Ингушетии, Бамутского могильника и Сержень-Юртовского I и II поселений имели важнейшее значение для изучения как раннего (майкопская и куро-араксская культуры), так и позднего (кобанская культура) этапов бронзового века Северо-Восточного Кавказа. Наряду с открытием в 60-е годы прошлого века большого числа памятников эпохи палеометалла и на Северном Кавказе, и в Закавказье, полученные Р.М. Мунчаевым материалы дали импульс к созданию первой обобщающей работы, синтезировавшей весь кавказский материал. В 1971 г. Рауф Магомедович защитил в Тбилиси диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме “Кавказ эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы (VI—III тыс. до н.э.)”. Расширенный вариант этой работы — широко известная монография “Кавказ на заре бронзового века” (М.: Наука, 1975).

В 1969 г. начался новый этап научной деятельности Рауфа Магомедовича: он был назначен руководителем первой отечественной археологической экспедиции в Месопотамии, с которой останется связан долгие 40 лет.

Для археологов всего мира исследования в Месопотамии имеют особое значение, поскольку здесь, в Юго-Западной Азии, тысячелетия назад были совершены культурные прорывы, определившие ход развития мировой истории. Отметим, что к моменту появления советской экспедиции в Месопотамии зарубежные археологи, работавшие там уже около 100 лет, накопили необходимый методический и организационный опыт ведения полевых исследований как на аллювиях, так и в степном поясе. Наша первая археологическая миссия не должна была уступать, с точки зрения методики и результативности, лучшим зарубежным экспедициям, поэтому на начальнике экспедиции лежала

особая ответственность за организацию работ. И выбор руководства Института археологии АН СССР был крайне удачен. Во главе был поставлен археолог, с одной стороны обладавший значительным опытом и авторитетом, а с другой — достаточно молодой и профессионально успешный, глубоко понимавший суть стоявших перед экспедицией научных задач. Рауф Магомедович возглавлял работы экспедиции в Месопотамии 38 полевых сезонов, в том числе 16 — в Ираке и 22 — в Сирии, с 1969 по 2010 г. При его руководстве российские археологи совершили значительные открытия, обогатив мировую науку знаниями, связанными с ключевыми проблемами древней истории, такими как становление производящего хозяйства и формирование древнейшей цивилизации человечества. Достаточно сказать, что по совокупности работы Месопотамской экспедиции под руководством Р.М. Мунчаева на разных памятниках Ирака и Сирии охватили почти непрерывный временной интервал от начала VII тыс. до н.э. (поздний период докерамического неолита) до середины III тыс. до н.э. (эпоха, непосредственно предшествующая сложению цивилизации на севере Месопотамии). Благодаря этим работам российская археологическая школа получила заслуженное признание и уважение международного сообщества коллег, работающих на Ближнем Востоке.

Территорией первоначальных исследований экспедиции Института археологии была выбрана Северная Месопотамия, а именно сегмент “Плодородного Полумесяца” — Синджарская степь. К моменту начала работ это был один из наименее изученных районов в Ираке. Здесь в 1969–1985 гг. экспедицией ИА АН СССР были исследованы семь разновременных памятников (Ярым-Тепе I, II и III; Телль Сотто; Кюль Тепе; Телль Магзалия; Шейх Хомси), отражающих разные этапы становления производящей экономики в эпоху неолита и раннего металла. Благодаря методически усовершенствованным раскопкам, соединившим исследование широкими площадями, тщательность поквартальной фиксации планиграфии и стратиграфии многометровых культурных слоев и тотальную паспортизацию индивидуальных и массовых находок, был создан беспрецедентный археологический источник. Полученные экспедицией результаты настолько значительны, что и до настоящего времени остаются наиболее объемным собранием данных по соответствующей научной проблематике.

Если в Ираке экспедицией Института археологии были изучены основные этапы становления производящей экономики, то многолетние исследования экспедиции Р.М. Мунчаева в Сирии (1988–2010 гг.) на поселении Телль Хазна I, расположенном в Хабурской степи в относительной близости от группы теллей Ярым-Тепе, позволили исследовать формационный процесс, предшествующий времени становления древнейшей государственности. Исследованный до материка семнадцатиметровый культурный слой Телля Хазна I содержал отложения от начала IV тыс. до н.э. до XXVII в. до н.э. Памятник был вскрыт на широкой площади (более 5000 м²), что дало возможность изучить организационную структуру поселения и ее эволюцию во времени. Характер планировки и монументальность комплекса Телля Хазна I позволили предложить интерпретацию назначения данного поселения как регионального храмово-административного центра. Особый резонанс в профессиональном сообществе имела исключительная сохранность монументальной сырцово-архитектуры храмового комплекса Телля Хазна I — отдельные общественные сооружения культового и хозяйственного назначения достигали здесь практически полной высоты (ок. 8 м).

Научные труды Рауфа Магомедовича широко известны международной научной общественности. Его работы опубликованы в Англии, Германии, Ираке, Италии, Сирии, США, Франции, Японии и других странах. Всего им лично и в соавторстве

опубликовано около 400 исследований, в том числе 10 монографий. Особенно значительно влияние на развитие отечественной археологии таких работ, как “Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа” (1961); “Кавказ на заре бронзового века” (1975); “Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии” (в соавторстве с Н.Я. Мерпертом; 1981); “Энеолит Кавказа” (в: Археология СССР. Энеолит СССР; 1982); “Куро-аракская культура” и “Майкопская культура” (в: Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа; 1994); “Ранние стадии эволюции цивилизации Месопотамии” (в соавторстве с Н.Я. Мерпертом и Н.О. Бадером; в: *An Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization*; 1993); двухтомный труд о Телль Хазна I (в соавторстве с Н.Я. Мерпертом и Ш.Н. Амировым; 2004 и 2016)

Особо следует сказать о деятельности Р.М. Мунчаева как организатора науки. С 1968 по 1991 г. он работал заместителем директора по научной работе, а с 1991 по 2003 г. возглавлял Институт археологии РАН (1991–1994 гг. как и.о. директора, в 1994–2003 гг. как директор). Возглавив ведущее учреждение российской археологии в сложный период новейшей отечественной истории, он взял на себя полноту ответственности и сделал все от него зависящее для сохранения научного потенциала Института и организации научной работы в новых, принципиально иных, чем в предшествующие советские годы, условиях.

В первой половине 1960-х годов значительную известность в научной среде принесла Р.М. Мунчаеву работа ответственным секретарем журнала “Советская археология”. Долгие годы входя в его редколлегию, Рауф Магомедович в 1995 г. возглавил редакционный совет. “Российская археология” во многом именно его опыту обязана своими успехами. Мудрое, спокойное и взвешенное слово Председателя редсовета, всегда внимательного к материалам коллег, вносило в заседания атмосферу благожелательного, почти семейного совета, и чрезвычайно ценилось членами редколлегии.

Долгие годы Рауф Магомедович представлял нашу страну в организациях международного профессионального сообщества: в 1987–1997 гг. был членом Постоянного совета и Исполкома Международного союза до- и протоисторических наук, в 2007 г. был утвержден экспертом ЮНЕСКО по культурному наследию Ирака. В десятилетие 2004–2013 гг., как председатель экспертного совета по историческим наукам, отдавал много сил и времени Российскому гуманитарному научному фонду; с 2008 г. и до конца жизни — возглавлял группу археологии Кавказа в ИА РАН.

На протяжении десятилетий Рауф Магомедович уделял большое внимание воспитанию научных кадров. Им подготовлено значительное количество отечественных специалистов. То, что значительная часть сирийских археологов принадлежала к российской археологической школе, во многом его личная заслуга.

В знак признания места ученого в археологической науке Р.М. Мунчаев был в 1985 г. избран членом-корреспондентом Германского института всеобщей и сравнительной археологии, в 1993 — членом-корреспондентом Итальянского института Африки и Востока, а в 2000 — членом-корреспондентом Российской академии наук по специальности всеобщая история. За вклад в изучение Древней Месопотамии Р.М. Мунчаеву (вместе с Н.Я. Мерпертом и Н.О. Бадером) была присуждена Государственная премия РФ в области науки и техники за 1999 г. За многолетнюю научную и организационную работу Рауф Магомедович был награжден государственными наградами, среди которых Орден Дружбы (1998 г.) и Орден Почета (2009 г.).

За формальным перечислением событий жизни любого человека стоят особенности его личности. Рауф Магомедович обладал всеми качествами лидера. Внешне немногословный, казавшийся даже суровым, он обладал исключительным обаянием и

чувством юмора, был открыт в общении. К нему тянулись люди разного уровня образования и социального положения. Можно со всей решительностью утверждать, что в годы работы в Сирии ни у одной иностранной экспедиции, работавшей в этой стране, не было такого числа искренних и бескорыстных друзей, как у российской миссии. И это была, прежде всего, заслуга ее руководителя. В числе друзей экспедиции были высшие государственные чиновники и племенные шейхи. Но и самые простые земледельцы, феллахи, многократно демонстрировали дружеское расположение, считая за честь пригласить членов экспедиции посетить их дома с дружеским визитом.

Проработав большую часть жизни на Ближнем Востоке, сам Рауф Магомедович воспринимал собственные археологические исследования как важное государственное дело. Подобно Е.М. Примакову, директору Института востоковедения РАН и, позднее, специальному политическому посланнику РФ на Ближнем Востоке, Р.М. Мунчаев также был посланником РФ в том же регионе. На нем незримо лежала ответственность реализации особых задач нашей страны в области научного и культурного взаимодействия и строительства. И эту миссию он выполнял блестяще. При этом, что важно отметить, представительские функции не были для него главным делом, он был прежде всего полевым археологом, ученым, преданным своему

профессиональному предназначению. Вплоть до последнего полевого сезона, проведенного в Сирии (осень 2010 г.), он не изменял правилам и традициям, сложившимся еще в Иракской экспедиции. В условиях невероятно жаркого и пыльного климата Северной Месопотамии, которые сложно назвать комфортными, он вел текущую полевую документацию, лично занимался утомительной ежедневной организацией хозяйственной жизни. В течение двадцати с лишним лет работ перед Сирийской экспедицией неоднократно вставали всевозможные проблемы и возникали драматические ситуации, угрожавшие прекратить ее полевую деятельность. Главным ресурсом их преодоления оставались неизменная стойкость и мужество руководителя экспедиции, благодаря которым возникавшие препятствия оставались позади.

С уходом Рауфа Магомедовича завершился важнейший этап российских археологических исследований в Месопотамии. Значение последних настолько важно для страны — великой научной державы, что обязательно будут и другие археологические проекты. Но навсегда звание “Первой российской археологической миссии в Месопотамии” останется за экспедицией, которую возглавлял Рауф Магомедович Мунчаев.

Институт археологии РАН, Москва

Ш.Н. Амиров, Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, Н.А. Макаров